

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ⅶ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. VII

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1906 ГОДОВ.

Часть I

105 — 116 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
ИМЕНИ ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

В В Е Д Е Н И Е.

В VII том собрания сочинений тов. Ленина включены его работы, охватывающие период с ноября 1905 года по ноябрь 1906 года. Немедленно после октябрьской стачки и опубликования манифеста 17 октября тов. Ленин выехал из Женевы в Петербург. Выходивший до этого момента в Женеве центральный орган большевиков «Пролетарий» был прекращен, и политическая деятельность тов. Ленина целиком перенеслась в Россию. К моменту приезда тов. Ленина в Петербург там уже выходила легальная большевистская газета «Новая Жизнь», в которой тов. Ленин немедленно принял руководящее участие. Первая серия статей, печатаемых в этом томе, и охватывает те несколько недель, которые прошли с момента опубликования манифеста 17-го октября до разгрома декабрьского восстания.

Вторая серия статей охватывает период от разгрома декабрьского восстания до открытия I Гос. Думы. В этот период в распоряжении большевиков не было легальной прессы, и статьи тов. Ленина появлялись или в подпольных изданиях («Партийные Известия» — издание Объединенного Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. и отдельными листками), или в виде полулегальных брошюр. В самый момент декабрьского восстания в Таммерфорсе (Финляндия) происходила конференция большевистских организаций, созванная одновременно с конференцией меньшевиков, для решения вопроса об объединении партии и выработки тактической линии поведения партии в новых условиях. Обе конференции решили созвать объединительный съезд, и ряд статей тов. Ленина этой эпохи посвящен подготовке к собиравшемуся съезду. С другой стороны, эти несколько месяцев были посвящены спорам о дальнейшем ходе русской революции, в связи с собиравшейся Думой, и об отношении к последней социал-демократии. Объединительный съезд собрался в Стокгольме в апреле месяце и закончил свои работы как раз к моменту открытия I Гос. Думы.

Статьи, печатаемые в этом томе, вероятно, не представляют всего того, что было написано тов. Лениным за период с декабря по апрель в связи с созывом съезда и с спорами о бойкоте; весьма вероятно, что существуют еще писанные тов. Лениным прокламации и резолюции, которых нам не удалось разыскать, но во всяком случае все основное, написанное за этот период, нами здесь перепечатывается и оно дает совершенно полную картину развития взглядов большевиков в этот важный период между «таммерфорской» конференцией и декабрьским восстанием и Стокгольмским съездом и открытием I Гос. Думы.

С открытием Гос. Думы начинается новый период в ходе русской революции 1905 года. Открытие Думы дало возможность большевикам возобновить свое легальное издательство, и, вернувшись из Стокгольма, тов. Ленин застал уже в Петербурге первые номера большевистской газеты «Волна» (выходила с 26 апреля по 24 мая). Закрытая правительством «Волна» была заменена газетой «Вперед» (с 26 мая по 14 июня), а затем газетой «Эхо» (с 22 июня по 7 июля). В этих трех газетах и сосредоточивалась, главным образом, литературная деятельность тов. Ленина за период I Думы. За этот период тов. Ленин неоднократно выступал на народных собраниях и митингах. К сожалению, никаких записей его речей не сохранилось, и мы можем поместить только предложенную им на собрании в доме графини Паниной 9 мая резолюцию.

Особо важным внутрипартийным событием за этот период явилась общегородская конференция петербургской с.-д. организации, которая должна была решить вопрос об отношении к лозунгу ответственного (т.-е. кадетского) министерства, выставленному в эти дни кадетами и поддержанному меньшевиками. На этой конференции нашла особо яркое отражение борьба между меньшевистским Центральным Комитетом и Петербургским Комитетом Партии, фактически руководимым тов. Лениным.

Роспуск Думы положил конец большевистским газетам. Тов. Ленин реагировал на роспуск Думы нелегальной брошюрой «Роспуск Думы и задачи пролетариата», и немедленно приступил к восстановлению издания нелегального органа большевистских организаций под старым именем «Пролетарий». После роспуска Думы и крушения свеаборгского и кронштадтского восстаний большевики сосредоточили главное свое внимание на изучении опыта революционной борьбы предшествующих месяцев и на борьбе с теми явлениями распада и разложения, которые широко разлились в революционной среде. Ряд статей тов. Ленина в «Пролетарии» посвящен именно этим темам,

Уже к концу октября на первый план политической жизни стали выступать вопросы предстоявшей избирательной кампании во II Гос. Думу. Жестокая идейная борьба, завязавшаяся между большевиками и меньшевиками по этому вопросу и бывшая лишь продолжением борьбы предшествовавших месяцев, сделала необходимым созыв общерусской конференции партии для решения вопроса о характере участия пролетарской партии в избирательной кампании. Но избирательная кампания во II Думу, как и сама II Дума относятся уже к следующему периоду русской революции. VII том доведен до указанной конференции и до фактического начала избирательной кампании во II Гос. Думу. Таким образом, VII том охватывает годовой период, в течение которого *первая русская революция достигла высшей своей точки (октябрь—декабрь 1905 г.)* и начала клониться к упадку.

Для того, чтобы дать возможность читателю ориентироваться в той политической обстановке, в которой писались те или иные статьи или происходили те или иные выступления тов. Ленина, мы сочли необходимым снабдить этот том троякого рода приложениями.

В первом приложении дан краткий хронологический перечень основных политических событий данного периода. *Во втором приложении* собраны основные партийные документы (резолюции конференций, съездов и т. д.), о которых идет речь в статьях тов. Ленина и которые читателю было бы трудно разыскать в старых нелегальных и полулегальных изданиях. И, наконец, мы снабдили статьи тов. Ленина пояснительными примечаниями тов. В. Панова.

При составлении этих примечаний мы имели в виду того читателя, на которого, главным образом, рассчитано все издание, т.-е. основную массу партийных работников, пришедших в партию за последнее десятилетие и часто не имевших возможности ни познакомиться более или менее детально с партийной историей, ни изучить историю революционного движения и историю рабочего класса эпохи первой революции.

Всеми этими приложениями мы хотели помочь основной массе партийных работников изучить не только сочинения тов. Ленина, но и ориентироваться в общем ходе борьбы коммунистической партии и ее роли в русской революции и рабочем движении.

По общему плану издания, работы тов. Ленина, касающиеся аграрного вопроса, должны составить особый том, поэтому мы не включили в VII том написанную в феврале 1906 г. брошюру: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Эта брошюра войдет

в IX том, который даст возможность проследить всю эволюцию взглядов коммунистической партии на аграрную программу рабочего класса.

По техническим причинам пришлось разбить VII том на две части. Первая часть включает статьи и брошюры тов. Ленина, написанные с момента его возвращения в Россию в ноябре 1905 года до роспуска I Гос. Думы 8 июля 1906 г. Во вторую часть войдут статьи и брошюры, написанные после роспуска Гос. Думы и до ноября 1906 г. и все приложения и примечания.

Л. Каменев.

15/IX 1921.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА
ДО РОСПУСКА ПЕРВОЙ ГОС. ДУМЫ

О реорганизации партии ¹⁾.

I.

Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор. Безусловно не обходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полукрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немисливо...

Чтобы поставить организацию на новое основание, необходим новый съезд партии. По уставу он назначен раз в год, назначен в мае 1906 года; но ускорить съезд теперь необходимо. Если мы не воспользуемся моментом, мы упустим его—в том смысле, что потребность в организации, ощущаемая рабочими крайне остро, выльется в уродливые, опасные формы, усилит каких-нибудь «независимцев» и т. д. Надо спешить организоватья по-новому, надо поставить на общее обсуждение новые приемы, надо смело и решительно определить «новый курс».

Обращение к партии, печатаемое в настоящем номере и подписанное Ц. К-том нашей партии ²⁾, определяет этот новый курс, по моему глубокому убеждению, вполне правильно. Мы, представители революционной социал-демократии, сторонники «большинства», неоднократно говорили, что демократизация партии, проведенная до конца, была невозможна при условиях конспиративной работы, что «выборное начало» при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила

наши слова. Неоднократно в литературе [смотри брошюру Рабочего, с предисловием Аксельрода ³⁾, и письмо «Рабочего, одного из многих» в «Искре» ⁴⁾ и в брошюре «Рабочие о партийном расколе» ⁵⁾] отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьезной демократизации, никакой действительной выборности провести не удавалось. Но необходимость перехода к выборному началу при новых условиях, при переходе к политической свободе, мы, большевики, признавали всегда: протоколы III съезда Р. С.-Д. Р. П. ⁶⁾ доказывают это особенно убедительно, если требуются еще тому доказательства.

Итак, задача стоит ясно: сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый. В применении к съезду эта задача (конкретное выполнение которой требует, конечно, практического умения и знаний всех условий места и времени) гласит так: созвать IV съезд на основе устава и в то же время пачать сейчас же, немедленно, применение выборного начала. Ц. К. решил эту задачу: комитетчики, как представители полноправных организаций формально, как представители партийной преемственности реально, едут на съезд с решающими голосами по праву. Выборных делегатов от *всех* членов партии, следовательно, и от массы рабочих, входящих в партию, Ц. К. *пригласил*, на основании своего права, с совещательным голосом. Ц. К. заявил далее, что он тотчас же предложит съезду превратить этот совещательный голос в решающий. Согласятся ли на это полноправные делегаты комитетов?

Ц. К. заявляет, что, по его мнению, безусловно согласятся. Я, лично, глубоко убежден в этом. Нельзя не согласиться на такую вещь. Нельзя представить себе, что большинство руководителей социал-демократического пролетариата не согласится на это. Мы уверены, что голоса партийных работников, регистрируемые со всей тщательностью газетою «Новая Жизнь», докажут очень быстро правильность нашего взгляда: если даже борьба за такой шаг (за превращение совещательного голоса в решающий) и предстоит, то исход несомненен.

Взгляните на этот вопрос с другой стороны, не с формальной точки зрения, а по существу. Грозит ли опасность социал-демократии от осуществления предложенного нами плана?

Опасность могли бы усмотреть в том, что в партию войдут сразу массы не социал-демократов. Тогда партия растворится в массе, партия перестанет быть сознательным передовым отрядом класса, партия принизится до роли хвоста. Это был бы безусловно плачевный период. И эта опасность, несомненно, *могла бы* приобрести *серьезнейшее* значение, *если бы* у нас была на-лицо наклонность к демагогии, если бы

основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт) отсутствовали совсем или были слабы и шатки. Но дело все в том, что этого «если бы» как раз и нет на-лицо. Среди нас, большевиков, не только не было наклонности к демагогии, а, напротив, мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание *всех* членов партии в одной из партийных организаций. У нас есть и твердо стоит наша программа, официально всеми с.-д. признанная и никакой критики по существу в коренных своих положениях не вызывавшая (критика отдельных пунктов и формулировок — вполне законная и необходимая вещь во всякой живой партии). У нас есть тактические резолюции, последовательно и систематически вырабатывавшиеся и на II и на III съезде ⁷⁾ и многолетней работой социал-демократической печати. У нас есть и некоторый организационный опыт и фактическая организация, сыгравшая воспитательную роль и давшая несомненно плоды, которые не видны сразу, но отрицать которые могли бы только слепые или ослепленные люди.

Нет, товарищи, не будем преувеличивать этой опасности. Социал-демократия создала себе имя, создала направление, создала кадры рабочих-социал-демократов. И в настоящий момент, когда геройский пролетариат доказал на деле свою готовность к борьбе и свое умение бороться солидарно, выдержанно, за ясно-сознанные цели, бороться в чисто-социал-демократическом духе, — в такой момент прямо смешно было бы сомневаться в том, что рабочие, которые входят в нашу партию и которые завтра, по приглашению Ц. К., войдут в нее, будут в 99 случаях из 100 социал-демократы. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж не мало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи! Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов.

Наша партия застоялась в подполье. Она задышалась в нем в последние годы, как верно выразился один делегат III съезда ⁸⁾. Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих-социал-демократов, включайте их в ряды партийных органи-

заций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России. До сих пор революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии. И революция оправдала также *нашу*, с.-д., работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата. Отбросим же всякую мелочность в необходимой реформе партии: встанем сразу на новый путь. Это не отнимет у нас старого конспиративного аппарата (признание и утверждение его рабочими-социал-демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления). Это даст нам и новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного и до конца революционного класса, который завоевал России половину свободы, который завоеует ей полную свободу, который поведет ее через свободу к социализму!

II.

Постановление Ц. К. нашей партии о созыве IV съезда Р. С.-Д. Р. П., напечатанное в № 9 «Новой Жизни», делает решительный шаг к полному осуществлению демократического начала в партийной организации. Выборы делегатов на съезд (являющихся первоначально с совещательным голосом, но затем получающих, несомненно, решающий голос) должны быть произведены в один месяц. Всем организациям партии следует, таким образом, приступать как можно скорее к обсуждению вопроса о личностях кандидатов и о задачах съезда. С возможностью новых попыток умирающего самодержавия отнять обещанные свободы, напасть на революционных рабочих, и особенно их вождей, следует непременно считаться. Поэтому вряд ли уместно (за исключением разве особых случаев) опубликование настоящих фамилий делегатов. От псевдонимов, к которым нас приучила эпоха политического рабства, не приходится еще отказываться, пока черносотенцы остаются у власти. И кандидатов к делегатам не мешало бы выбирать, — опять-таки, по-старому, «на случай провала». Но на всех этих конспиративных предосторожностях мы не будем останавливаться, ибо товарищи, знакомые с местными условиями работы, легко сладят со всеми затруднениями, которые могут возникнуть в этом отношении. Товарищи, богатые опытом революционной работы при условиях самодержавия, должны притти на помощь своими советами всем тем, кто начинает социал-демократическую работу при новых

«свободных» (свободных пока еще в кавычках) условиях. Само собою разумеется, что при этом со стороны членов наших комитетов требуется много такта: прежние формальные прерогативы теперь неизбежно теряют значение, и необходимо заново начинать с^лошь да рядом «с начала», *доказать* широким слоям новых товарищей по партии всю важность выдержанной социал-демократической программы, тактики, организации. Нельзя забывать, что до сих пор слишком часто имели дело только с выделившимися из данного социального слоя революционерами, теперь же мы будем иметь дело с типичными представителями массы: эта перемена требует перемены приемов не только пропаганды и агитации (необходимость большей популярности, умение подойти к вопросу, умение разъяснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организации.

В настоящей заметке мне хотелось бы остановиться на одной стороне новых организационных задач. Постановление Ц. К. приглашает делегатов на съезд от *всех* партийных организаций и призывает *всех* рабочих-социал-демократов вступать в такие организации. Для того, чтобы это благое пожелание осуществилось на деле, недостаточно простого «приглашения» рабочих, недостаточно простого увеличения числа организаций прежнего типа. Нет, для этого необходима самостоятельная, творческая выработка всеми товарищами *новых* форм организации. Тут нельзя указать никаких заранее определенных норм, ибо все это дело новое; тут должно найти себе приложение знание местных условий и, главное, инициатива *всех* членов партии. Новая форма организации или, вернее, новая форма основной организационной ячейки рабочей партии должна быть безусловно более широкая, по сравнению с старыми кружками. Вероятно, кроме того, что новая ячейка должна быть менее строго оформленной, более «свободной», «lose», организацией. При полной свободе союзов и при полной обеспеченности гражданских прав населения мы бы должны были, конечно, основывать повсюду социал-демократические (не профессиональные только, а политические, партийные) союзы. При теперешних условиях надо стремиться к тому, чтобы приблизиться к этой цели всеми путями и средствами, какие только окажутся в нашем распоряжении.

Надо немедленно разбудить инициативу всех партийных работников и всех рабочих, сочувствующих социал-демократии. Надо тотчас же организовать везде и повсюду рефераты, беседы, митинги, массовки с сообщением о IV съезде Р. С.-Д. Р. П., с изложением задач этого съезда в самой популярной и доступной форме, с указанием

новой формы организации съезда, с призывом всех социал-демократов принять участие в выработке на новых началах действительно пролетарской социал-демократической партии. Такая работа даст массу указаний опыта, выдвинет в две—три недели (если энергично повести дело) новые социал-демократические силы из среды рабочих, оживит в гораздо более широких слоях интерес к социал-демократической партии, которую мы решили теперь перестроить заново вместе со всеми товарищами-рабочими. Немедленно будет поставлен на всех собраниях вопрос о создании союзов, организаций, групп партии. Каждый союз, организация, группа тотчас выберет себе бюро или правление, или распорядительную комиссию, одним словом, центральное и постоянное учреждение для ведения дел организации, для сношения с местными учреждениями партии, для получения и распространения партийной литературы, для сбора взносов на партийную работу, для устройства собраний, лекций, рефератов, наконец, для подготовки выборов делегата на партийный съезд. Комитеты партии позаботятся, конечно, о помощи каждой такой организации, о снабжении ее материалом для ознакомления с тем, что такое Р. С.-Д. Р. П., какова ее история и ее теперешние великие задачи.

Далее, пора позаботиться также о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих соц.-дем. организаций в виде «содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров» *) и проч., и проч. Нельзя забывать, что, кроме «самодержавной» полиции, рабочих-социал-демократов будут преследовать «самодержавные» хозяева, рассчитывая агитаторов, и потому устройство базы, возможно более независимой от произвола фабрикантов,—вещь крайне важная.

Вообще говоря, теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы выдвигать лозунг: «в народ»! Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких

*) Я не знаю соответственного русского слова и называю «тиром» помещение для стрельбы в цель, где есть запас всякого оружия и всякий желающий за маленькую плату приходит и стреляет в цель из револьверов и ружей. В России объявлена свобода собраний и союзов. Граждане в праве собраться и для ученья стрельбе, опасности от этого никому быть не может. В любом европейском большом городе вы встретите открытые для всех тир — в подвальных квартирах, иногда за городом и т. п. А рабочим учиться стрелять, учиться обращаться с оружием весьма — весьма не лишне. Разумеется, серьезно и широко взяться за это дело мы сможем лишь тогда, когда будет обеспечена свобода союзов и можно будет тягать к суду полицейских негодяев, которые посмели бы закрывать такие учреждения.

размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики» не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идет и будет идти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить. Соответственно таким условиям, надо будет заботиться о более правильном распределении социал-демократической интеллигенции *), чтобы она не толкалась зря там, где движение уже встало на ноги и обходится, если можно так выразиться, своими силами, чтобы она шла «в низы», где работа тяжелее, условия труднее, нужда в опытных и знающих людях сильнее, источников света меньше, политическая жизнь бьет слабее. «В народ» мы должны теперь идти и на случай выборов, в которых примет участие все население даже самых глухих углов,—и (это еще более важно) на случай открытой борьбы, чтобы парализовать реакционность провинциальной Вандеи, чтобы обеспечить распространение по всей стране, во всех массах пролетариата тех лозунгов, которые будут исходить из крупных центров.

Конечно, всякая крайность вредна; для вполне прочной и «образцовой», по возможности, постановки дела часто придется нам еще и теперь концентрировать лучшие силы в том или ином важном центре. Опыт покажет, какую пропорцию следует соблюдать в этом отношении. Наша задача теперь не столько выдумывать нормы для организации на новых началах, сколько развернуть самую широкую и смелую работу, чтобы подытожить и оформить на IV съезде данные партийного опыта.

III.

В первых двух очерках мы останавливались на общем значении выборного начала в партии и на необходимости новых организационных ячеек и организационных форм. Теперь рассмотрим еще один крайне насущный вопрос, именно: вопрос о партийном объединении.

Ни для кого не тайна, что громадное большинство рабочих-социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует

*) На III съезде партии я выражал пожелание, чтобы в комитетах партии приходилось, примерно, 8 рабочих на 2 интеллигентов. Как устарело это пожелание.

Теперь надо желать, чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько рабочих-социал-демократов.

объединения. Ни для кого не тайна, что раскол вызвал некоторое охлаждение рабочих-социал-демократов (или готовых стать социал-демократами) к социал-демократической партии.

На то, что «верхи» партии объединятся сами, рабочие почти потереяли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом Р. С.-Д. Р. П., и конференцией меньшевиков в мае текущего года ⁹⁾. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что «Рабочий, один из многих», писавший об объединении в «Искре» и в брошюре, изданной «большинством» («Рабочие о партийном расколе», издание Ц. К., Женева 1905 г.), погрозил, наконец, социал-демократической интеллигенции «кулаком снизу». Одним социал-демократам (меньшевикам) эта угроза тогда не понравилась, другие (большевики) нашли ее законной и в основе вполне справедливой.

Мне сдается, что теперь настала пора, когда *сознательные* рабочие-социал-демократы могут и должны осуществить свое намерение (не говорю «угрозу», ибо это слово отдает обвинениями, демагогией, а мы из всех сил должны избегать и того и другого). В самом деле, теперь настала, или настает, во всяком случае, пора, когда выборное начало можно применять в партийной организации не на словах, а на деле, не как красивую, но пустую фразу, а как действительно новое начало, действительно обновляющее, расширяющее и укрепляющее партийные связи. «Большинство» в лице Ц. К. прямо призвало к немедленному применению и введению выборного начала. Меньшинство идет тем же путем. А рабочие-социал-демократы составляют гигантское, подавляющее большинство во всех с.-д. организациях, учреждениях, собраниях, митингах и т. д.

Значит, теперь есть уже па-лицо возможность не только *убеждать* объединиться, не только добиваться *обещаний* объединиться, а *объединить* на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции. Тут не будет никакого «навязывания», ибо в принципе необходимость единства признана всеми и рабочим предстоит лишь практически вырешить принципиально вырешенный вопрос.

Ведь отношения интеллигентской и пролетарской (рабочей) функции в социал-демократическом рабочем движении, пожалуй, довольно точно можно выразить такой общей формулой: интеллигенция хорошо решает вопросы «принципиально», хорошо рисует схему, хорошо рассуждает о необходимости сделать... а рабочие делают, претворяют серую теорию в живую жизнь.

И я ни капли не впаду в демагогию, несколько не унижу великой роли сознательности в рабочем движении, ни в чем не ослаблю гигантского значения марксистской теории, марксистских принципов, если скажу теперь: мы создали и на съезде и на конференции «серую теорию» объединения партии. Товарищи-рабочие! помогите нам превратить эту серую теорию в живую жизнь! Идите в громадном числе в партийные организации. Сделайте из нашего IV съезда и или меньшевистской второй конференции внушительный и грандиозный съезд рабочих-социал-демократов. Займитесь вместе с нами практически вопросом о слиянии,—пусть в этом вопросе, в виде исключения (это такое исключение, которое подтверждает обычно правило!), будет на одну десятую теории и на девять десятых практики. Право же, такое пожелание законно и исторически необходимо и психологически попятно. Мы столько времени «теоретизировали» (иногда,—нечего греха таить,—впустую) в атмосфере эмигрантщины, что, ей-богу, не мешает теперь несколько, немножечко, чуть-чуть «перегнуть лук в другую сторону» и двинуть вперед немножечко больше практику. В вопросе об объединении, о котором, в связи с причинами раскола, мы извели уйму чернил и бездну бумаги, в этом вопросе подобный прием безусловно уместен. В частности, мы, эмигранты, соскучились по практике. И притом же мы написали уже весьма хорошую и полную программу всей демократической революции. Давайте же объединимся и для дела этой революции!

*«Новая Жизнь» №№ 9, 13 и 14
от 10, 15 и 16 ноября 1905 г.*

Пролетариат и крестьянство.

Съезд крестьянского союза ¹⁰⁾ в Москве, происходящий в настоящее время, снова выдвигает на очередь дня насущный вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. Для русских марксистов вопрос этот всегда был насущным при определении их программы и тактики. Еще в первом проекте программы русских социал-демократов, напечатанном в 1883 году за границей группой «Освобождение Труда» ¹¹⁾, было уделено серьезнейшее внимание крестьянскому вопросу.

С тех пор нельзя назвать ни одного крупного произведения марксистов, посвященного общим вопросам, ни одного соц.-дем. органа печати, который бы не повторял, не развивал, не применял к отдельным случаям марксистских взглядов и лозунгов.

Теперь вопрос о крестьянском движении стал насущным не в теоретическом только, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? — вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленном буржуазным политиканством, смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. «Всю землю» — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III съезде, состоявшемся в мае настоящего года, Р. С.-Д. Р. П. приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований *вплоть до конфискации всех частновладельческих земель*. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли. И в *этом* отношении с резолюцией III съезда Р. С.-Д. Р. П. совершенно совпадает по содержанию резолюция, принятая на конференции другой половины нашей партии.

«Всю волю» — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. «Всю волю» — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. «Всю волю» — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований

стоит вне сомнения. Поэтому поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев.

Остатки крепостного права во всех и всяческих формах и видах до сих пор дают беспощадным гнетом всю крестьянскую массу, и пролетарии под красным знаменем объявили войну этому гнету.

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и волю, но и борьбу против всякой эксплуатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала! И вот тут перед нами встает второй вопрос: что может дать революция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. Мысль о «социализации» земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение. Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от нее вполне освободились теперь пролетарии-социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идем дальше. Мы ведем, кроме борьбы

за волю и за землю, борьбу за социализм. Борьба за социализм есть борьба против господства капитала. Ведут эту борьбу прежде всего наемные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплуатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба.

Пошлем же горячий привет крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне — настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны разъяснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны идти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща, и городским рабочим и всей крестьянской бедноте, — к этому плану и решению мы относимся с величайшим, полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными и решительными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации. Вперед, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю! Вперед, пролетарии, объединенные международной социал-демократией, на борьбу за социализм!

*«Новая Жизнь» № 11
от 12 ноября 1905 г*

Партийная организация и партийная литература.

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции, выдвинули на очередь вопрос

о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что «Известия Совета Рабочих Депутатов» ¹²⁾ печатаются «нелегально», но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток «запретить» то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна,—потому что партийность была под запретом,—но «тяготела» к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков ¹³⁾ насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты ¹⁴⁾, а факт все же остается фактом, центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии, «Пролетарий» ¹⁵⁾, все же остается за дверью *самодержавно-полицейской* России.

Как ни как, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже «легально», быть на $\frac{9}{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам. в противовес буржуаз-

пой предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой—социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком живого движения, с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того, чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии, положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью соц.-дем. партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами,—все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический проле-

тариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полублоковского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный соц.-дем. пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим итти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы пауки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит

паконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердо-каменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе—одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу

ее будущее. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищеско-рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача—организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

*«Новая Жизнь» № 12
от 13 ноября 1905 г.*

Неудавшаяся провокация.

Постановление Совета Рабочих Депутатов ¹⁶⁾, которое мы печатаем в настоящем номере, знаменует чрезвычайно важный этап в развитии революции.

Союз правительства и буржуазии делает попытку разбить пролетариат, пользуясь истощением его сил. На объявление о введении на фабриках и заводах Петербурга восьмичасового рабочего дня революционным путем буржуазия отвечает «локаутом».

Заговор составлен. Против стачки решено бороться массовым расчетом рабочих. Казенные заводы закрываются вместе с целым рядом заводов частных. Десятки тысяч рабочих выброшены на мостовую. Петербургский пролетариат, истощенный предыдущей борьбой, хотят спровоцировать на новую битву при условиях, самых невыгодных для него.

Совет Рабочих Депутатов, следуя указаниям представителей социал-демократии, решил раскрыть перед рабочими заговор контр-революции и предостеречь петербургский пролетариат, чтобы он не

дал заманить себя в ловушку. На вызов к борьбе в одиночку он ответил призывом к объединению борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплению союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России.

В такой момент больше чем когда-либо важно направить все усилия на объединение армии революции по всей России, важно сберечь силы, использовать захваченные свободы для увеличенной во сто раз агитации и организации, подготовиться к новым решительным битвам. Пусть самодержавие соединяется с реакционной буржуазией! Пусть буржуазия либеральная (представленная съездом земских и городских деятелей в Москве) ¹⁷⁾ вотирует доверие правительству, которое лицемерно говорит о свободе и давит военной силой Польшу за требование самых основных гарантий свободы!

Союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии. Социалистический пролетариат протягивает руку борющемуся за свободу крестьянству и зовет его к общему, согласованному, натиску во всей стране.

Вот в чем состоит громадное значение постановления Совета Рабочих Депутатов. Мы, социал-демократы, должны позаботиться о том, чтобы вся партия пришла на помощь Совету Рабочих Депутатов. Мы стремимся не к одному только демократическому перевороту. Мы боремся за социализм, т.-е. за полное освобождение трудящихся от всякого, не только политического, но и экономического угнетения. Мы объединяем в своей партии только тех, кто признает эту великую цель и ни на минуту не забывает о подготовке сил к ее достижению.

Но мы, социалисты, именно ради достижения нашей социалистической цели, стремимся к самому решительному проведению демократической революции, к завоеванию полной свободы ради успешной борьбы за социализм. И потому, с революционными демократами, которые не торговаться хотят с правительством, а бороться, которые не урезать хотят революцию, а довести до конца,— с такими людьми мы должны идти рука об руку, хотя и не сливаясь с ними. Да здравствует же союз социалистического пролетариата и всего революционного народа! Все силы реакции, все покушения контр-революции сломятся перед их общим натиском.

Войско и революция.

Восстание в Севастополе все разрастается ¹⁸⁾. Дело близится к развязке. Борющиеся за свободу матросы и солдаты устраняют начальство. Порядок поддерживается полный. Правительству не удастся повторить кронштадтской гнусной проделки, не удастся вызвать никаких погромов ¹⁹⁾. Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование «Очаковым» принял лейтенант в отставке Шмидт ²⁰⁾, отставленный за «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября ²¹⁾. Сегодня, 15-го должен был окончиться, по сообщению «Руси» ²²⁾, срок, назначенный для сдачи матросам.

Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента. Ближайшие дни — может быть, часы — покажут, победят ли вполне восставшие, будут ли они разбиты, или будет заключена какая-нибудь сделка. Во всяком случае, севастопольские события знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делал их орудиями подавления малейших стремлений к свободе.

Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России ²³⁾. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось *свое* движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком. И эта казарма становится очагом революции.

Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и в армии. Сопоставим с севастопольским пожаром петербургские искры. Вспомним те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга (они напечатаны во вчерашнем номере нашей газеты) ²⁴⁾. Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную. И какая сила удержит теперь распространение подобных требований во всем флоте и во всей армии?

Петербургские солдаты хотят добиваться улучшения пищи, одежды, помещения, увеличения жалованья, сокращения срока службы

и времени ежедневных занятий. Но среди их требований еще больше места занимают другие, которые мог предъявить только солдат-гражданин. Право посещать в форме все собрания, «наравне со всеми гражданами», право читать и держать в казарме *все* газеты, свобода совести, уравнивание в правах всех национальностей, полная отмена всякого чиновничества вне казармы, уничтожение денщиков, уничтожение военных судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду, право подавать коллективные жалобы, право защищаться при малейшем посягательстве со стороны начальника ударить. Таковы главные требования петербургских солдат.

Эти требования показывают, что армия уже солидарна в громадной своей части с восставшими за свободу севастопольцами.

Эти требования показывают, что лицемерные речи прислужников самодержавия о нейтралитете армии, о необходимости держать армию в стороне от политики и пр., что эти речи не могут рассчитывать ни на малейшее сочувствие солдат.

Армия не может и не должна быть пейтральной. Не втягивать армию в политику—это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прислужников черной сотни, в пособников полиции. Нельзя стоять в стороне от общенародной борьбы за свободу. Кто относится к этой борьбе равнодушно, тот поддерживает бесчинства полицейского правительства, обещавшего свободу, чтобы издеваться над свободой.

Требования солдат-граждан суть требования социал-демократии, требования всех революционных партий, требования сознательных рабочих. Вступление солдат в ряды сторонников свободы, переход на сторону народа обеспечит победу дела свободы и осуществления солдатских требований.

Но для того, чтобы эти требования были осуществлены действительно полно и прочно, надо сделать еще маленький шаг вперед. Надо свести вместе, в одно целое, все отдельные пожелания солдат, замученных проклятой казармой-каторгой. А сведенные вместе эти требования будут означать: уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа.

Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы. Не будем же останавливаться в нашей великой освободительной революции на одних частных требованиях. Вырвем зло с корнем. Уничтожим совершенно постоян-

ное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой. Никакая сила в мире не посмеет посягнуть на свободную Россию, если оплотом этой свободы будет вооруженный народ, уничтоживший военную касту, сделавший всех солдат гражданами и всех граждан, способных носить оружие, солдатами.

Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной и в наступательной войне. Пусть лицемерная или сентиментальная буржуазия мечтает о разоружении. Пока есть на свете угнетенные и эксплуатируемые,— мы должны добиваться не разоружения, а всеобщего народного вооружения. Только оно вполне обеспечит свободу. Только оно вполне свалит реакцию. Только при условии этого преобразования свободой воспользуются на деле миллионы трудящихся, а не одни лишь горстки эксплуататоров.

*«Новая Жизнь» № 14
от 16 ноября 1905 г.*

Чашки весов колеблются.

Состояние, переживаемое Россией, часто выражают словом анархия. Это неверное и лживое обозначение выражает на самом деле то, что в стране нет никакого установившегося порядка. Война новой, свободной России против старой, крепостнически-самодержавной идет по всей линии. Самодержавие уже не в силах победить революцию, революция еще не в силах победить царизма. Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя.

Такое положение вещей может протянуться еще не мало времени; оно неизбежно будет сопровождаться проявлениями неустойчивости и шатания во всех областях социальной и политической жизни; в этой мутной воде неизбежно будут пытаться ловить рыбу люди, враждебные свободе и прикидывающиеся теперь друзьями свободы в интересах военной хитрости. Но это переходное положение тем вернее приведет к полной и решительной победе революционного пролетариата и крестьянства, чем дольше оно продолжится. Ибо ничто не просвещает до такой степени самых темных масс города и деревни, ничто не возбуждает до такой степени самых равнодушных и самых сонных, как

это затяжное разложение самодержавия, осужденного всеми и признавшего свое осуждение.

О чем говорят последние политические события — эта новая и великая стачка почтово-телеграфных служащих ²⁵⁾, этот рост брожения и революционной организации в армии и даже полиции, эта победа бессознательного и скованного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе, это невиданное еще падение курса государственных бумаг? Они говорят о том, что самодержавие выпускает свои последние выстрелы, расходует свои последние резервы. Даже биржа, верноподданная, буржуазно-трусливая и буржуазно-жаждущая окончания революции, биржа не верит «победителям» под Севастополем. Эти события говорят о том, что революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы, улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неудержимо, как лавина.

Оружие политической забастовки совершенствуется; этим оружием учатся теперь владеть новые ряды работников, без которых единого дня не может существовать современное культурное общество. Сознание необходимости свободы в армии и полиции продолжает расти, подготавливая новые очаги восстания, новые Кронштадты и новые Севастополи.

Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо.

Пусть же готовятся рабочие-социал-демократы к еще более великим событиям, которые возложат на них гигантскую ответственность!

Пусть не забудут, что только крепко сплоченная социал-демократическая партия может вести к победе пролетариат России рука об руку с социал-демократическим пролетариатом всего мира!

*«Новая Жизнь» № 16
от 18 ноября 1905 г.*

Учитесь у врагов.

Буржуазные демократы «Нашей Жизни» ²⁶⁾ открыли поход против «смеси марксизма и барбаризма». Мы очень советуем всем сознательным рабочим присмотреться внимательно к рассуждению радикальных демократов.

Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противниками (конечно, если эти противники не безнадежно глухие люди).

«Нашей Жизни» не нравится «борьба одной части Р. С.-Д. Р. П. с Петербургским Советом Рабочих Депутатов», или, точнее, борьба соц.-дем. против «беспартийных» классовых организаций, как выражается сама газета. Пролетарии должны объединяться,— говорят наши радикалы. Значит... значит, правы деятели Совета, который «стремится объединить *весь* пролетариат, без различия политического вероисповедания». И радикалы с торжеством изобличают нас в противоречии с нашим же собственным принципом «*классовой борьбы*».

Учитесь у врагов, товарищи-рабочие, сочувствующие образованию беспартийной рабочей организации или хотя бы безразлично относящиеся к этому желанию! Вспомните Коммунистический манифест Маркса и Энгельса, который говорит о *превращении* пролетариата в *класс* по мере роста не только его объединения, но и его *сознательности*. Вспомните пример таких стран, как Англия, где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет везде и шла всегда, при чем пролетариат все же оставался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила распылялась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы. Вспомните все это, товарищи-рабочие, и вы придете к убеждению, что только социал-демократический пролетариат есть пролетариат, сознавший свои *классовые* задачи. Долой беспартийность! Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии. Мы можем и должны идти, при известных условиях, вместе с пролетариями бес-сознательными, вместе с пролетариями, принимающими непролетарские учения (программа «социалистов-революционеров»),— но ни в каком случае и никогда не должны мы ослаблять нашей строгой партийности, ни в каком случае и никогда не должны забывать и позволять забывать, что вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата.

«Новая Жизнь» № 10
от 18 ноября 1905 г.

Революционная канцелярщина и революционное дело.

Вопрос об Учредительном Собрании естественно и неизбежно должен был выдвинуться в нашем революционном движении. Чтобы окончательно смести остатки старых, крепостнических учреждений самодержавной России, чтобы определить порядки новой, свободной России, нельзя себе представить иного цельного и последовательного пути, кроме созыва Всенародного Учредительного Собрания. Правда,

жизнь редко осуществляет полностью цельные и последовательные лозунги, она вносит всегда много непредвиденного, усложняющего, запутывающего развязку, смешивающего старое с новым. Но тот, кто искренно хочет покончить со старым и умеет добиваться этой цели, должен ясно определить значение Учредительного Собрания и бороться всеми силами за его осуществление в полном и чистом виде.

Партия сознательного пролетариата, социал-демократия, уже в своей программе, принятой на втором съезде в 1903 году ²⁷⁾, выдвинула требование Учредительного Собрания. «Российская социал-демократическая рабочая партия, — гласит последний отдел нашей программы, — твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и экономических преобразований» (создание демократического государственного строя, охрана труда и т. д.) «достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом».

Из этих слов ясно видно, что наша партия обращает внимание не на одни только формальные, но и на материальные условия созыва Учредительного Собрания, т.-е. такие условия, которые, действительно, делали бы собрание всенародным и учредительным. Мало ведь назвать собрание «учредительным», мало созвать народных представителей, хотя бы избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя бы при обеспеченной на деле свободе выборов. Кроме всех этих условий, надо еще, чтобы Учредительное Собрание имело власть и силу учредить новые порядки. История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти. Так было во время германской революции 1848 г. ²⁸⁾, и потому «Учредительное» Собрание той эпохи, пресловутый франкфуртский парламент ²⁹⁾, и приобрело позорную репутацию презренной «говорильни»: это собрание болтало о свободе, декретировало свободу, а реальных мер к устранению учреждений власти, уничтожающих свободу, не принимало. Вполне естественно, что это жалкое собрание жалких болтунов либеральной буржуазии бесславно сошло со сцены.

Теперь в России вопрос о созыве Учредительного Собрания стоит на первом месте в ряду политических вопросов дня. И теперь, именно, насущнейшее значение приобретает реальная сторона этого вопроса. Не столь важно то, будет ли Учредительное Собрание созвано (на это даже министр-маклер, гр. Витте ³⁰⁾, согласится, пожа-

луй, завтра), а то, будет ли оно действительно всенародным и действительно учредительным.

В самом деле, уже опыт нашей революции, несмотря на то, что она только еще начинается, показал наглядно, какие проделки возможны со словами и с обещаниями вообще, с лозунгом Учредительного Собрания в частности. Припомните недавний съезд земцев и горожан, «кадетов», в Москве. Припомните их знаменитую формулу: Государственная Дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя... Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. «Учреждать» новый государственный порядок «с утверждения» главы старого правительства, — ведь это значит узаконять две власти, две равные (на бумаге) верховные власти: власть восставшего народа и власть старого самодержавия. Понятно, что равенство между ними чисто кажущееся, что «соглашение» между ними определяется на деле перевесом *силы* на той или иной стороне. Либеральные буржуа узаконяли, след., в своем «идеальном» плане перехода от новой России к старой сосуществование двух равных враждебных борющихся друг против друга сил, т. е. узаконяли вечную, безысходную борьбу.

Это противоречие необъяснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат, — понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием, и вооружение полной свободой. Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения». Лозунг Учредительного Собрания оказывается превращенным в фразу; великое требование восставшего за свободу пролетариата низведено до комедианства; так оскверняет буржуазия все и вся на свете. подменяя борьбу торгашеством.

Радикальные буржуа «Пашей Жизни» не понимают этой неизбежно-лживой и мишурной постановки вопроса либералами, когда они расписывают с серьезным видом выработку «проекта» созыва Учр. Собрания г.г. Фальборком ³¹⁾ и Чарнолусским ³²⁾, а затем и центральным бюро союза союзов ³³⁾. Смешно писать такие «проекты», господа! Вы идете по дороге «кадетов», предавших революцию. Вы забываете, что бумажные проекты, подобно всяким конституционным иллюзиям, развращают революционное сознание народа и ослабляют его боевую энергию, ибо центр тяжести вопроса затухает, вся постановка его извращается. Ведь вы не пропаганду политической азбуки ведете,—вы ставите вопрос *практически*, на это указывает самый характер затеянного вами обсуждения проекта «представителями крайних и умеренных партий». Это маниловщина, почтенные демократы из буржуазии, когда вы, с одной стороны, признаете желательность того, чтобы Учредительное Собрание имело всю «полноту» власти, а с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии с «умеренными», т.-е. желающих такой полноты с нежелательными.

Долой мишурные облачения! Довольно с нас лживых либеральных фраз! Пора размежеваться. Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи Учр. Собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для Учр. Собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной войны за свободу.

«Новая Жизнь» № 18
от 20 ноября 1905 г.

Умирающее самодержавие и новые органы народной власти.

Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства. Растет вширь и вглубь организация самых различных групп, слоев и классов народа, организация революционных и контр-революционных сил.

Таково современное положение. Его можно выразить словами: организация и мобилизация революции. За морским сражением

в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством. Об этом свидетельствует, по крайней мере, сообщение «Руси» о митинге в 16.000 человек в Киевском политехническом институте под охраной саперного батальона восставших солдат.

Вполне естественно, что при таких условиях даже либеральная буржуазия, всеми силами души жаждущая сделки с самодержавием, начинает терять терпение, терять веру в «великого» акробата Витте, оглядываться налево в поисках силы, способной осуществить переворот, который стал безусловной необходимостью.

Крайне поучительна в этом отношении позиция «Руси». Газета ясно видит, что «события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября. И вот она, с одной стороны, обращается к тем же земцам, показавшим растерянность, бессилие и беспомощность не меньшие, чем самодержавное правительство. «Русь» звет земцев «не медлить» и принять «участие в надвигающихся событиях», чтобы «дать исходу этих событий мягкие, наименее убыточные, наиболее благоприятные для страны формы». С другой стороны, та же «Русь» спорит со «Словом» ³⁴⁾, заявляет, что «никто не верит, чтобы нынешнее правительство при нынешних обстоятельствах могло созвать Государственную Думу». «Теперь,— говорит «Русь»,— надо думать о создании правительства, которое могло бы созвать Думу».

Итак, либеральная буржуазия, под давлением революционного пролетариата, делает еще шаг влево. Вчера она выражала намерение торговаться с Витте и вотировала (на земском съезде) условное доверие ему. Сегодня доверие к Витте иссякает, и капитал требует нового правительства. «Русь» предлагает всем освободительным партиям создать особый всенародный совет депутатов, который бы стал «мощным средством давления на правительство, если оно покажет себя еще (!!!) способным к работе и уже готовым органом власти народа, чтобы временно перенять обязанности правительства в случае полной неспособности и краха последнего».

Орган власти народа, временно перенимающий обязанности правительства, которое потерпело крах, называется на простом и ясном русском языке Временным Революционным Правительством. Такое правительство должно быть временным, ибо его полномочия истекают с созывом Всенародного Учредительного Собрания. Такое правительство должно быть революционным, ибо оно заменяет правительство, потерпевшее крах, заменяет его, опираясь на революцию.

Самая замена не может произойти иначе, как революционным путем. Это правительство должно стать «органом власти народа», осуществляя везде народом выставленные требования и заменяя сейчас же, немедленно, все и повсюду старые «органы власти» самодержавия и черносотенцев органами власти народной, т.-е. либо уполномоченными Временного Революционного Правительства, либо выборными, во всех тех случаях, когда возможны выборы, разумеется, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мы очень рады тому, что либеральная монархическая буржуазия пришла к идее временного революционного правительства. Мы рады этому не потому, чтобы мы считали либералов перешедшими на сторону революции, чтобы мы поверили вдруг в их искренность, стойкость и последовательность. Нет, мы рады этому потому, что это — очевидный и несомненный признак силы революции. Значит, революция стала силой, если даже либеральная монархическая буржуазия признала теперь необходимость появления Временного Революционного Правительства.

Мы не забываем, конечно, что либералы не столько желают учреждения такого правительства, сколько грозят им самодержавию, как грозит покупатель продавцу обещанием уйти в другую лавку. Уступите нам, г. Витте, или мы уйдем во временное революционное правительство, «мягко» именуемое: «общим советом депутатов» или «всенародным советом депутатов»! Только этим желанием еще и еще торговаться объяснима та кажущаяся нелепость и бессмыслица, что «Русь» объявляет правительство Витте неспособным созвать народных представителей и в то же время, единым духом, допускает возможность того, что это правительство «покажет себя еще способным к работе».

Нет, господа либералы, не такие теперь времена, чтобы могли удаться хитрости, чтобы могло остаться неразоблаченным двуличие! Народ борется с самодержавием, которое обещало (17 октября) свободу, чтобы издеваться над свободой, чтобы надругаться над свободой. Временное Революционное Правительство есть орган борющегося за свободу народа. Борьба за свободу против попирающего свободу правительства есть (на известной ступени развития этой борьбы) вооруженное восстание, которое и идет теперь в России по всей линии. Временное Революционное Правительство есть орган восстания, объединяющий всех восставших и политически руководящий восстанием. Поэтому говорить о возможности и необходимости Временного Революционного Правительства и в то же время допускать сделку со старым, подлежащим смене, правительством—

значит либо путать, либо предательствовать. Подумайте, в самом деле, господа публицисты «Руси»: неужели найдутся такие дурачки среди сторонников революции, которые добровольно приняли бы в состав Временного Революционного Правительства людей или представителей партии, допускающих «работоспособность» старого правительства и продолжающих забегать к нему с заднего крыльца, торговаться с ним? Подумайте: выиграла ли бы или проиграла русская армия, если бы она включила в свои ряды патриотическую молодежь Манчжурии? Вероятно, проиграла бы, ибо манчжурские патриоты ³⁵⁾ предали бы россиян японцам. И революционный народ России проиграет, если «патриоты», монархически настроенные патриоты денежного мешка (т.-е. либеральные буржуа), предадут его самодержавию Витте.

Пусть для либеральной буржуазии временное революционное правительство есть простая угроза самодержавию. Для социалистического пролетариата, для революционного крестьянства и для всех тех, кто решительно и бесповоротно становится на их сторону в борьбе за свободу, это — великая и серьезнейшая задача, которая с каждым днем становится все более насущной. Октябрьская революция, в связи с последующими военными восстаниями, до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхленной политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу. Эти органы — революционные партии и боевые организации рабочих, крестьян и других, ведущих действительно революционную борьбу, народных элементов. Эти органы осуществляют на деле союз социалистического пролетариата с революционной мелкой буржуазией. Этот боевой союз должны мы теперь расширить и укрепить, оформить и сплотить, чтобы органы новой власти были готовы к грядущему повторению 17 октября, чтобы все борцы за свободу по всей России выступали тогда с общей программой немедленных политических преобразований, организованные, выдержанные, ясно сознающие цель, отгородившие себя от всех предателей, от всех колеблющихся, от всех праздноболтающих. Для нас, представителей социалистического пролетариата, предстоящий демократический переворот есть лишь один из шагов к великой цели социалистического переворота. Памятуя это, мы не сольемся никогда с мелко-буржуазными партиями или группами, как бы искренни, революционны и сильны они ни были; мы твердо знаем, что на пути к социализму рабочий и хозяйчик неизбежно будут неоднократно расходиться. Но, именно, в интересах социализма, мы приложим теперь все силы, чтобы демократический переворот осуществился

быстрее, полнее и решительнее. Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей ближайшей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особность и самостоятельность, и в советы рабочих депутатов, и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа! Да здравствует единый, верховный и победоносный орган народной власти!

А радикальным буржуа мы скажем на прощанье: Вы болтаете, господа, об органах власти народа. Властью может быть только сила. Силой в современном обществе может быть только вооруженный народ и вооруженный пролетариат во главе его. Если бы сочувствие свободе доказывалось словами, тогда пришлось бы, пожалуй, считать сторонниками свободы даже авторов манифеста 17 октября. Если оно доказывается делами,—тогда единственным таким делом является теперь содействие вооружению рабочих, содействие образованию и укреплению действительно революционной армии. Выбирайте же, господа: в переднюю ли г. Витте, чтобы кланчить кусочки свободы, чтобы торговаться из-за урезывания свободы,—или «органы власти народа», или во временное революционное правительство, чтобы беззаветно бороться за полную свободу. Выбирайте!

*«Новая Жизнь» № 19
от 23 ноября 1905 г.*

Социализм и анархизм.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов ³⁶⁾ постановил вчера, 23 ноября, отклонить просьбу анархистов о допущении их представителей в Исполнительный Комитет и Совет Рабочих Депутатов. Причину этого постановления сам Исполнительный Комитет изложил следующим образом: «1) Во всей международной практике съезды и социалистические конференции не имеют в своем составе представителей анархистов, как не признающих политической борьбы в качестве средства для достижения своих идеалов; 2) представительство может быть от партии, а анархисты не партия».

Мы считаем решение Исполнительного Комитета в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически-политическое значение. Конечно, если бы рассматривать Совет Рабочих Депутатов, как парламент рабочих или как орган самоуправления пролетариата, тогда отказ допустить анархистов был бы неправилен. Как ни ничтожно (к счастью) влияние анархистов в нашей рабочей среде, все же некоторое число рабочих на их

стороне, несомненно, имеется. Составляют ли анархисты партию, или организацию, или группу, или вольный союз единомышленников, это вопрос формальный, не имеющий серьезного принципиального значения. Наконец, если анархисты, отрицая политическую борьбу, сами просятся в учреждение, ведущее эту борьбу, то такая вопиющая непоследовательность показывает, конечно, лишний раз всю шаткость миросозерцания и тактики анархистов. Но исключить за шаткость из «парламента» или «органа самоуправления», разумеется, нельзя.

Решение Исполнительного Комитета кажется нам вполне правильным и несколько не противоречащим задачам этого учреждения, его характеру и составу. Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей.

В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской социал-демократической рабочей партии (партия пролетарского социализма), партия «социалистов-революционеров» (представители мелко-буржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением. Поэтому вполне естественно будет включение в Исполнительный Комитет и представителей революционного крестьянства.

По существу дела Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других, более активных, форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения, демократические требования. Анархисты в таком союзе будут не плюсом, а минусом; они внесут лишь дезорганизацию; они ослабят этим силу общего натиска; они еще «могут спорить» о насущности и важности политических преобразований. Исключение анархистов из боевого союза, проводящего, так сказать, нашу демократическую революцию, вполне необходимо с точки зрения и в интересах этой революции. В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза.

И если бы, например, «кадеты» ³⁷⁾ или «партия правового порядка» ³⁸⁾ набрали даже по несколько сот рабочих в свои петербургские организации,—Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов едва ли бы открыл свои двери представителям подобных организаций.

В объяснение своего решения Исполнительный Комитет ссылается на практику международных социалистических съездов. Мы горячо приветствуем это заявление, это признание идейного руководства международной социал-демократии со стороны органа Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Российская революция уже приобрела международное значение. Противники революции в России уже входят в заговоры с Вильгельмом II, со всякими мракобесами, насильниками, солдафонами и эксплуататорами в Европе против свободной России. Не будем и мы забывать о том, что полная победа нашей революции требует союза революционного пролетариата России с социалистическими рабочими всех стран.

Международные социалистические съезды недаром приняли решение о недопущении анархистов. Между социализмом и анархизмом лежит целая пропасть, которую тщетно пытаются представить несуществующей провокаторствующие агенты сыскной полиции или газетные прислужники реакционных правительств. Миросозерцание анархистов есть вывороченное на изнанку буржуазное миросозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находится в прямой противоположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем. Их тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и неосуществимо.

В теперешней российской революции задача сплочения сил пролетариата, организации его, политического обучения и воспитания рабочего класса выдвигается вперед особенно настоятельно. Чем больше бесчинствует черносотенное правительство, чем усерднее работают его агенты-провокаторы над разжиганием дурных страстей темной массы, чем отчаяннее хватаются защитники заживо разлагающегося самодержавия за попытки дискредитировать революцию посредством организуемых ими грабежей, погромов, убийств из-за угла, посредством спаиванья голытьбы,—тем важнее эта задача организации, падающая прежде всего на партию социалистического

пролетариата. И мы употребим поэтому все средства идейной борьбы, чтобы влияние анархистов на русских рабочих осталось столь же ничтожным, каким оно было и до сих пор.

*«Новая Жизнь» № 21
от 25 ноября 1905 г.*

Социалистическая партия и беспартийная революционность.

I.

Революционное движение в России, охватывая быстро новые и новые слои населения, создает целый ряд беспартийных организаций. Потребность в объединении прорывается с тем большей силой, чем дольше ее давили и преследовали. Организации, в том или ином, часто неоформленном, виде, возникают постоянно, при чем характер их чрезвычайно оригинален. Тут нет резких рамок, подобных рамкам европейских организаций. Профессиональные союзы принимают политический характер. Политическая борьба сливается с экономической, — напр., в виде стачки, — создавая слитные формы временных или более или менее постоянных организаций.

Каково значение этого явления? Каково должно быть отношение к нему социал-демократии?

Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности. Поэтому партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью и неуклонно работает над созданием принципиально выдержанной, крепко сплоченной социалистической рабочей партии. Работа эта имеет успех в массах по мере того, как развитие капитализма раскалывает весь народ все глубже и глубже на классы, обостряя противоречия между ними.

Вполне понятно, что настоящая революция в России породила и порождает так много беспартийных организаций. Революция эта — демократическая, т.-е. буржуазная по своему общественно-экономическому содержанию. Революция эта ниспровергает самодержавно-крепостнический строй, освобождая из-под него строй буржуазный, осуществляя таким образом требования всех классов буржуазного общества, будучи в этом смысле революцией общенародной. Это не значит, конечно, чтобы наша революция не была классовой; конечно,

нет. Но она направляется против классов и каст, отживших и отживающих с точки зрения буржуазного общества, чуждых этому обществу, мешающих его развитию. А так как вся хозяйственная жизнь страны стала уже во всех ее основных чертах буржуазной, так как гигантское большинство населения живет уже на деле в буржуазных условиях существования, то противореволюционные элементы естественно малочисленны до мизерности, являются поистине «горсткой» по сравнению с «народом». Классовый характер буржуазной революции проявляется поэтому неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества.

Эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества. Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года ³⁹⁾, не говоря уже о Франции 1789 года ⁴⁰⁾, но не подлежит сомнению, что чисто-капиталистические противоречия еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т.-е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьет капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии.

В самом деле, если всмотреться в те требования, указы, *do-léances* ⁴¹⁾, которые в бесчисленном множестве составляют теперь в России на каждом заводе, в каждой канцелярии, в каждом полку, в каждой команде городских, в каждой епархии, в каждом учебном заведении и проч., и проч., то мы легко увидим, что громадное большинство их чисто «культурные», если можно так выразиться, требования. Я хочу сказать, что это собственно не специфически классовые требования, а требования элементарно-правовые, требования, не разрушающие капитализм, а, напротив, вводящие его в рамки европеизма, избавляющие капитализм от варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права. В сущности, и пролетарские требования ограничиваются в большинстве случаев такими преобразованиями, которые вполне осуществимы в рамках капитализма. Пролетариат российский требует сейчас и немедленно не того, что подрывает капитализм, а того, что очищает его и ускоряет, усиливает его развитие.

Разумеется, особое положение пролетариата в капиталистическом обществе ведет к тому, что стремление рабочих к социализму,

союз их с социалистической партией прорывается со стихийной силой на самых ранних ступенях движения. Но собственно социалистические требования стоят еще впереди, а на очереди дня—демократические требования рабочих в политике, экономические требования в пределах капитализма в экономике. Даже пролетариат делает революцию, так сказать, в пределах программы-минимум, а не программы-максимум. О крестьянстве, этой гигантской, всеподавляющей своей численностью, массе населения, нечего и говорить. Его «программа-максимум», его конечные цели не выходят за пределы капитализма, который еще шире и пышнее развернулся бы при переходе всей земли ко всему крестьянству и ко всему народу. Крестьянская революция есть в настоящее время буржуазная революция,—как бы ни «оскорбляли» эти слова сентиментальное ухо сентиментальных рыцарей нашего мещанского социализма.

Очерченный характер происходящей революции порождает беспартийные организации вполне естественно. Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретает при этом всем движением в целом—но только видимость, конечно. Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина, охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности. Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чем-либо дальнейшем. Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облакает даже их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма. Все и вся как будто «беспартийно»; все и вся как будто свивается в одном «освободительном» (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет «социализма», особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе.

Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом,—ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация; беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность.

Спрашивается теперь, как *должны* относиться к этому факту беспартийности и к этой идее беспартийности сторонники, представители разных классов? — должны не в субъективном смысле, в объективном, т.-е. не в том смысле, как следует к этому относиться, а в том смысле, какое отношение к этому факту неизбежно складывается в зависимости от интересов и точек зрения различных классов.

И.

Как мы уже показали, беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции. Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие попой борьбы против этого самого буржуазного общества. Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ. И наоборот, кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности.

В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «воздержаться» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за пей и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является поэтому на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. Кто был равнодушен в России к самодержавию до его падения во время октябрьской революции, тот молчаливо поддерживал самодержавие. Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии, тот молчаливо поддерживает буржуазию. Кто равнодушно относится к идее о буржуазном характере борьбы за свободу, тот молчаливо поддерживает господство буржуазии в этой борьбе, господство буржуазии в рождающейся свободной России. Политическое безразличие есть полити-

ческая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение, в общем и целом, применимо ко всякому буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям. Но забывать эту истину в такое время, когда все буржуазное общество в целом восстает против крепостничества и самодержавия, значит совершенно отказываться на деле от социалистической критики буржуазного общества.

Русская революция, несмотря на то, что она находится еще в начале своего развития, дает уже немало материала для подтверждения изложенных общих соображений. Строгую партийность всегда отстаивала и отстаивает только социал-демократия, партия сознательного пролетариата. Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и слышать не хотят о классовой борьбе: вспомнить хотя бы недавние речи г. Родичева ⁴²⁾, в сотый раз повторившего то, что говорило и пережевывало как заграничное «Освобождение» ⁴³⁾, так и бесчисленные вассальные органы русского либерализма. Наконец, идеология промежуточного класса, мелкой буржуазии, нашла себе яркое выражение во взглядах русских «радикалов» разных оттенков, начиная от «Нашей Жизни», р.-д. («радикалы-демократы») ⁴⁴⁾ и кончая «социалистами-революционерами». Эти последние запечатлели свое смешение социализма и демократизма всего яснее в аграрном вопросе и именно в лозунге «социализация» (земли без социализации капитала). Известно также, что, терпимые к буржуазному радикализму, они нетерпимы к идее социал-демократической партийности.

В нашу тему не входит разбор того, как именно отражаются интересы различных классов в программе и тактике русских либералов и радикалов всех видов. Мы только мимоходом затронули здесь этот интересный вопрос и должны перейти теперь к практически-политическим выводам об отношении нашей партии к беспартийным организациям.

Допустимо ли участие социалистов в общепартийных организациях? Если да, то на каких условиях оно допустимо? Какую тактику следует вести в таких организациях?

На первый вопрос нельзя ответить безусловным, принципиальным: нет. Неправильно было бы сказать, что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных (т.е. более или менее сознательно или бессознательно буржуазных) организациях недопустимо. В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции. Но несомненно, что социалисты должны ограничить узкими рамками эти «известные случаи», что они могут допускать подобное участие силой при строго определенных, ограничительных условиях. Ибо, если беспартийные организации порождаются, как мы уже говорили, сравнительной неразвитостью классовой борьбы, то, с другой стороны, строгая партийность есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определенной, принципиальной.

Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов. Кто не исполняет этой обязанности, тот *на деле* перестает быть социалистом, как бы искренни ни были его «социалистические» (на словах социалистические) убеждения. Участие в беспартийных организациях для социалиста допустимо лишь как исключение. И самые цели этого участия и его характер, условия и т. д. должны быть целиком подчинены основной задаче: подготовке и организации социалистического пролетариата для сознательного руководства социалистической революцией.

Обстоятельства могут заставить нас участвовать в беспартийных организациях,—особенно в эпоху демократической революции и, в частности, такой демократической революции, в которой пролетариат играет выдающуюся роль. Такое участие может оказаться необходимым, напр., в интересах проповеди социализма перед неопределенно-демократической аудиторией или в интересах совместной борьбы социалистов и революционных демократов против контрреволюции. В первом случае такое участие будет средством проведения своих взглядов; во-втором — боевым соглашением ради достижения определенных революционных целей. В обоих случаях участие может быть лишь временное. В обоих случаях оно допустимо лишь при полном ограждении самостоятельности рабочей партии и при обязательном контроле и руководстве всей партии в целом над «делегирруемыми» в беспартийные союзы или советы членами и группами партии.

Когда деятельность нашей партии была тайной, осуществление такого контроля и руководства представляло из себя гигантские, иногда почти непреодолимые, трудности. Теперь, когда деятельность партии становится все более открытой, осуществлять этот контроль и это руководство можно и должно самым широким образом и непременно не перед одними «верхами», но и перед «низами» партии, перед всеми организованными рабочими, входящими в партию. Отчеты о выступлениях социал-демократов в беспартийных союзах или советах, рефераты об условиях и задачах такого выступления, резолюции партийных организаций всяческого типа по поводу таких выступлений должны непременно войти в практику рабочей партии. Только подобное *реальное* участие партии в целом, участие *в направлении* всех подобных выступлений может противопоставить на деле работу истинно социалистическую работе обще-демократической.

Какую тактику должны мы вести в беспартийных союзах? Во-первых, пользоваться всякой возможностью для заведения самостоятельных связей и пропаганды всей нашей социалистической программы. Во-вторых, определять ближайшие политические задачи момента с точки зрения самого полного и решительного осуществления демократического переворота, давать политические лозунги в демократической революции, выставлять «программу» тех преобразований, которые должна осуществлять борющаяся революционная демократия в отличие от торгующейся, либеральной демократии.

Лишь при такой постановке дела может быть допустимым и плодотворным участие членов нашей партии в беспартийных революционных организациях, создаваемых сегодня рабочими, завтра крестьянами, послезавтра солдатами и т. д. Лишь при такой постановке дела мы в состоянии будем выполнить двоякую задачу рабочей партии в буржуазной революции: довести до конца демократический переворот, расширить и укрепить кадры социалистического пролетариата, которому нужна свобода для беспощадной борьбы за низвержение господства капитала.

*«Новая Жизнь» №№ 22 и 27
от 20 ноября и 2 декабря 1905 г.*

Социализм и религия.

Современное общество все построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это обще-

ство — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывает себе лучшую жизнь здесь на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть объявлена частным делом, — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной

партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.-е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от их религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы, — и тогда, значит,

вы все еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы все еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти, — тогда сознательные рабочие всей России объявляют вас беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, Р. С.-Д. Р. П., между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен разъяснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века.

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», внеклассовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том,

что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительной революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедывать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного миросозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени политическом, строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества ⁴⁵⁾.

*«Новая Жизнь» № 28
от 3 декабря 1905 г.*

Из резолюции Конференции „большинства“ в Таммерфорсе ⁴⁶⁾.

I. Аграрная резолюция.

1) Конференция признает, что развитие крестьянского движения вполне подтверждает основные принципиальные воззрения революционного марксизма как на революционный характер, так и на истинную общественно-экономическую сущность этого движения, разрушающего остатки крепостного права и создающие свободные буржуазные отношения в деревне; конференция полагает, что аграрную программу нашей партии желательно изменить таким образом: пункт об отрезках устранить; вместо него поставить, что партия поддерживает революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли, ставя своей главной и постоянной задачей самостоятельную организацию сельского пролетариата, разъяснение ему непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии, указание конечной цели социализма, единственно способного уничтожить деление общества на части и всякую эксплуатацию человека человеком. 2) Конференция выражает пожелание, чтобы из аграрной программы было выкинуто требование возвращения выкупных платежей и образования из полученных таким образом сумм особого фонда. Требование же конфискации государственных, монастырских и т. п. земель перенести в другой пункт.

II. О Государственной Думе.

Самодержавное правительство все время после 17 октября попирало все основные гражданские свободы, завоеванные пролетариатом. Правительство залило всю страну кровью, расстреливая из пушек и пулеметов борющихся за свободу рабочих, крестьян, солдат и матросов. Правительство издевается над общенародным требованием созыва Учредительного Собрания и законом 11 декабря ⁴⁷⁾ пытается снова обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель. Закон 11 декабря фактически исключает из участия в Государственной Думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов и эксплуататорских классов.

Конференция выражает свою уверенность в том, что ответом всего сознательного пролетариата в России на новый царский закон будет решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства. Конференция полагает, что социал-демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней. Конференция советует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Государственную Думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание. Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возможность созвать действительное народное представительство, т.-е. свободно избранное Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Средина декабря 1905 г.

Рабочая партия и ее задачи при современном положении.

Общие задачи студенчества в русском освободительном движении не раз уже выяснялись в социал-демократической печати, и останавливаться на них в настоящей статье мы не станем. Студентам-социал-демократам нет надобности доказывать ни главной роли рабочего движения, ни громадного значения движения крестьянства, ни важности содействия тому и другому со стороны интеллигентов, которые продумали марксистское мирозозерцание, стали на сторону пролетариата и готовы выработать из себя настоящих членов рабочей партии.

Мы намерены остановиться, хотя бы вкратце, на другом вопросе, который представляет теперь наибольшее практическое значение.

В чем особенность современного положения великой российской революции?

В том, что события вполне разоблачили всю призрачность манифеста 17 октября. Конституционные иллюзии рассеяны. Реакция по всей линии. Самодержавие восстановлено вполне и даже «усугублено» диктаторскими правами местных сатрапов ⁴⁸⁾, начиная от Дубасова ⁴⁹⁾ и кончая низшей полицией.

Гражданская война кипит. Политическая забастовка, как таковая, начинает исчерпывать себя, отходить в прошлое, как изжитая

форма движения. В Питере, напр., истощенные и обессиленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки ⁵⁰). С другой стороны, движение в целом, будучи сдвинуто в данный момент реакцией, несомненно поднялось на гораздо более высокую ступень.

Геройский пролетариат Москвы показал возможность активной борьбы и втянул в нее массу таких слоев городского населения, которые до сих пор считались политически равнодушными, если не реакционными. А московские события были лишь одним из самых рельефных выражений «течения», прорвавшегося во всех концах России. Новая форма выступления стояла перед такими гигантскими задачами, которые, разумеется, не могли быть решены сразу. Но эти задачи поставлены теперь перед всем народом ясно и отчетливо, движение поднято выше, уплотнено, закалено. Этого приобретения ничто не в силах отнять у революции.

Дубасовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа. Подновленная карикатурная Дума ⁵¹) уже заранее встречена с гораздо большей враждебностью в рядах передовых борцов, с несравненно большим скептицизмом в рядах буржуазии, чем старая Булыгинская Дума ⁵²).

Что же теперь?

Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа усвоения и переработки опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в главнейших центрах движения.

Правительству крайне выгодно было бы подавлять по-прежнему разрозненные выступления пролетариев. Правительству хотелось бы немедленно вызвать рабочих на бой и в Питере, при самых невыгодных для них условиях. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию и сумеют удержаться на своем пути самостоятельной подготовки следующего всероссийского выступления.

Силы для такого выступления есть: они растут быстрее, чем когда бы то ни было. Лишь небольшая часть их была втянута в поток декабрьских событий. Движение далеко не развернулось во всю свою ширину и во всю свою глубину.

Посмотрите хотя бы на буржуазно-умеренную и черносотенную печать. Никто, даже «Новое Время» ⁵³), не верит правительственной похвальбе о немедленном подавлении в зародыше всякого нового активного выступления. Никто не сомневается в том, что гигантский горячий материал, крестьянство, вспыхнет настоящим образом лишь к весне. Никто не верит тому, чтобы правительство искренно хотело созвать Думу и могло созвать ее при старой системе репрессий, волжкиты, канцелярщины, бесправия и темноты.

Не увлечение революционеров, стократ опасное в таком вопросе, как вопрос о решительном выступлении, а очевидные, признаваемые даже противниками революции, факты свидетельствуют о том, что правительство одержало в Москве «победу», сделавшую его положение еще более отчаянным, чем оно было до октября.

Крестьянское восстание растет. Финансовый крах близится. Золотая валюта гибнет. Нехватка в полмиллиарда рублей не может быть пополнена даже при всей готовности реакционной буржуазии Европы помочь самодержавию. Войска, годные для борьбы с революцией, пущены в ход все, а «усмирение» Кавказа и Сибири ⁵⁴⁾ все затягивается. Ярво выразившееся после 17 октября брожение в армии и флоте не уляжется, конечно, от применения насилия против борцов за свободу по всей России. Возвращение пленных и возвращение маньчжурской армии означают обострение этого брожения. Мобилизация новых частей войска против внутреннего врага порождает новые опасности для самодержавия. Кризис не только не разрешен, напротив, он расширен и обострен московской «победой».

Пусть же ясно встанут перед рабочей партией ее задачи. Долой конституционные иллюзии! Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату силы. Надо «собрать опыт» двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье. Надо определеннее, практически поставить колоссальные задачи нового активного выступления, готовясь к нему более выдержанно, более систематически, более упорно, сберегая, елико возможно, силы пролетариата, истощенного стачечной борьбой.

Волна идет за волной. За столицей провинция. За окраинами самое сердце России. За пролетариатом городская мелкая буржуазия. За городом деревня. Провал реакционного правительства на выполнении им его обширнейших задач неизбежен. От нашей подготовки к весне 1906 года зависит многое в исходе первой фазы великой российской революции ⁵⁵⁾.

*«Молодая Россия» ⁵⁶⁾ № 1
от 4 января 1906 г*

Платформа „большинства“.

Партия рабочего класса, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, объединяется. Две половины ее сливаются и готовят объявленный уже объединительный съезд партии.

Но между обеими половинами партии осталось еще одно разногласие относительно Госуд. Думы. Все члены партии должны дать себе ясный отчет в этом вопросе, чтобы сознательно выбрать делегатов на общий съезд, чтобы решить спор так, как хотят этого все члены партии, а не только теперешние центральные и местные учреждения ее.

Большевики и меньшевики согласны в том, что теперешняя Дума есть жалкая подделка народного представительства, что надо бороться против этого обмана, готовиться к вооруженному восстанию для созыва свободно избранного всем народом Учредительного Собрания.

Спор идет только о тактике по отношению к Думе. Меньшевики говорят: партия наша должна участвовать в выборе уполномоченных и выборщиков. Большевики говорят: активный бойкот Думы. Мы изложим в этом листке взгляд большевиков, принявших резолюцию против участия в выборах на недавней конференции представителей 26-ти организаций Р. С.-Д. Р. II.

Что означает активный бойкот Думы? Бойкот означает отказ от участия в выборах. Ни депутатов в Думу, ни выборщиков, ни уполномоченных мы выбирать не хотим. Активный бойкот означает не простое отстранение от выборов, а широкое использование избирательных собраний для социал-демократической агитации и организации. Использовать собрания — значит проникать в них и легально (записываясь в списки избирателей) и нелегально, излагать на них всю программу и все взгляды социалистов, показывать всю лживость, поддельность Думы, призывать к борьбе за Учредительное Собрание.

Почему отказываемся мы от участия в выборах?

Потому, что участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в Думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума не парламент, а уловка самодержавия. Мы должны сорвать эту уловку, отвергая всякое участие в выборах.

Потому, что, если бы мы признали допустимым участие в выборах, тогда следовало бы идти до конца, до выбора депутатов в Думу. Буржуазные демократы, например, Ходский ⁵⁷⁾ в «Нар. Хозяйстве» ⁵⁸⁾, советуют нам в этих целях избирательные сделки с кадетами. Но социал-демократы теперь все, и большевики и меньшевики, отвергают эти сделки, понимая, что Дума не парламент, а новый полицейский обман.

Потому, что мы не можем теперь извлечь партийной пользы из выборов. Нет свободы агитации. Партия рабочего класса находится под опалой. Ее представителей арестуют без суда, ее газеты закрыты,

се собрания запрещены. Партия не может развернуть своего знамени легально при выборах, не может всенародно выставить своих выборных, не предавая их полиции. При таком положении дел целям нашей агитации и организации гораздо лучше служит революционное использование собраний без выборов, чем участие в собраниях для легальных выборов.

Меньшевики отвергают выборы депутатов в Думу, но хотят выбирать уполномоченных и выборщиков. Для чего? Для того, чтобы из них создать народную думу или свободное, нелегальное представительство, нечто вроде всероссийского совета рабочих (и крестьянских вдобавок) депутатов?

Мы возражаем на это: если нужны свободные представители, то к чему считаться с какой-то Думой при их выборе? К чему давать полиции списки наших уполномоченных! Да и к чему создавать новые советы рабочих депутатов по-новому, когда есть еще (напр., в Питере) старые советы рабочих депутатов? Это бесполезно, и даже вредно, ибо вызовет неправильное, мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой и расширением восстания. Для целей же восстания назначать законные выборы в законные сроки прямо смешно.

Меньшевики ссылаются на участие социал-демократов всех стран в парламентах, даже в худых парламентах. Эта ссылка не верна. В парламенте и мы будем участвовать до конца. Но меньшевики и сами видят, что Дума не парламент, сами отказываются идти в нее. Говорят, что рабочая масса устала и хочет отдохнуть на легальных выборах. Но партия не может и не должна строить своей тактики на временной усталости некоторых центров. Это значило бы губить партию, ибо усталые рабочие дали бы не партийных выборных, способных лишь компрометировать партию. Надо упорно и терпеливо вести свою работу, сберегая силы пролетариата, но не теряя веры, что упадок настроения временный, что рабочие поднимутся еще сильнее, еще смелее, чем в Москве, что они сметут царскую Думу. Пусть неразвитые темные люди идут в Думу, — партия не свяжет своей судьбы с ними. Партия скажет им: ваш собственный житейский опыт подтвердит наши политические предсказания. Вы увидите на себе, какой обман эта Дума, и вы вернетесь тогда к партии, увидав правильность ее советов.

Тактика меньшевиков противоречива и непоследовательна (участвовать в выборах, но не выбирать в Думу). Она непригодна для массовой партии, ибо вместо простого и ясного решения даст запутанное и двусмысленное. Она непрактична, ибо если списки упол-

помоченных попадут в руки полиции, то партия понесет тяжелый урон. Наконец, эта тактика неосуществима на деле, ибо выступление меньшевиков с нашей программой на собраниях неизбежно поведет к тому, что вместо легальных выборов получится нелегальное использование собраний без выборов. Полицейские условия сведут участие меньшинства в собраниях с меньшевистского участия в выборах на большевистское революционное использование собраний.

Долой Думу! Долой новый полицейский обман! Граждане! Чтите память павших московских героев новой подготовкой к вооруженному восстанию! Да здравствует свободно избранное Всенародное Учредительное Собрание!

Таков наш боевой лозунг. И с этим лозунгом мирится только тактика активного бойкота ⁵⁹⁾.

Январь 1906 г.

Государственная Дума и социал-демократическая тактика *).

Закон 11 декабря снова поставил на очередь вопрос о нашей тактике по отношению к Думе. Выбирать или не выбирать в Думу?— об этом оживленно судит и рядит паша буржуазно-демократическая печать. Об этом высказалась недавно конференция организаций «большинства» Р. С.-Д. Р. II. Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4.000 организованных членов партии, заменила собой назначенный и объявленный II. К-том IV съезд партии. Съезд не мог состояться вследствие железнодорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но съехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства», которая обсудила, между прочим, и вопрос о выборах в Думу, решив его отрицательно, в смысле неучастия в выборах. Вот соответствующая часть резолюции, принятой конференцией:

«Самодержавное правительство все время после 17 октября попирало все основные гражданские свободы, завоеванные пролетариатом. Правительство залило всю страну кровью, расстреливая из пушек и пулеметов борющихся за свободу рабочих, крестьян, солдат и матросов! Правительство издевается над общенародным требованием созыва Учредительного Собрания и законом 11 декабря пытается

*) Государственная Дума и социал-демократия. Сборник по вопросам с.-д. тактики 1906 г.

снова обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель.

«Закон 11 декабря фактически исключает из участия в Государственной Думе пролетариат и массу крестьянства и заранее стремится обеспечить при помощи всяких уловок и полицейских ограничений преобладание в Думе черносотенных элементов эксплуататорских классов.

«Конференция выражает свою уверенность в том, что ответом всего сознательного пролетариата России на новый царский закон будет решительная борьба против этой, как и всякой другой, подделки народного представительства.

«Конференция полагает, что социал-демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней».

Далее резолюция рекомендует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания, но не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы, но чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию решительной борьбы с самодержавием, так как только после полной победы над ним возможен созыв действительно свободно избранных представителей народа.

Правильно ли такое решение вопроса? Чтобы ответить на это, рассмотрим сначала возможные возражения. За участие в Думе могло говорить теперь то обстоятельство, что рабочие получили некоторые права по выбору в Думу, а также и то, что свобода агитации несколько шире, чем в эпоху «первой» Булыгинской Думы, обещанной законом 6 августа. Эти соображения, в связи с подавлением московского и других восстаний, вызвавшим необходимость в некотором периоде затишья, скопления и подготовки новых сил,—естественно склоняли и склоняют «меньшинство» Р. С.-Д. Р. П. к тому, чтобы высказаться за участие в выборах, по крайней мере, уполномоченных и выборщиков. Такие социал-демократы думают, что стремиться пройти в Государственную Думу мы не должны, что идти дальше выбора выборщиков не следует, но что воспользоваться для агитации, организации пролетариата и политического воспитания его представленной возможностью выборов в рабочей курии необходимо.

По поводу этих аргументов мы отметим прежде всего, что они вполне естественно вытекают из общих основ социал-демократического миросозерцания и социал-демократической тактики. Мы, представители «большинства», должны признать это, чтобы не впасть в фрак-

ционную крайность, способную повредить безусловно необходимому делу единства партии. Мы должны непременно заново, деловым образом, обсудить вопрос о тактике. Если события подтвердили правильность нашей тактики относительно Думы 6 августа, которая была, действительно, сорвана, была сбойкотирована, сметена пролетариатом, то отсюда вовсе еще не вытекает само собою, что и новую Думу удастся сорвать таким же образом. Ситуация теперь не та, и надо тщательно взвесить доводы за и против участия.

Мы изложили вкратце главные, на наш взгляд, доводы за. Перейдем к доводам против.

Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы.

Свободы агитации нет. Собрания разгоняются. Делегаты арестовываются.

Поддавшись на приманку Дубасовского «конституционализма», мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо «легальное» выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых.

В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11 декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо. Не выйдет у нас выборов «по закону», даже если бы мы захотели, ибо условия борьбы не допустят этого. Отдельные исключения, конечно, возможны, но ради них вносить путаницу, дезорганизацию и отсутствие единства в общероссийскую пролетарскую тактику нерационально.

Выборы в Думу по закону 11 декабря при господстве Дубасовых и Дурново ⁶⁰⁾ есть чистейшая игра в парламентаризм. Пролетариату недостойно участвовать в игре.

Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выбора депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса. С одной стороны, признается легальная форма выборов по закону. С другой стороны, «срывается» закон, ибо выборы производятся не в целях осуществления закона, не в целях посылки депутатов в Думу. С одной стороны, начинается избирательная кампания; с другой стороны, она обрывается в самом важном (с точки зрения всех выборов) пункте, при определении непосредственного состава Думы. С одной

стороны, рабочие ограничивают свои выборы (уполномоченных и выборщиков) нелепыми и реакционными рамками закона 11 декабря. С другой стороны, на этих рабочих выборах, заведомо неполно и неверно отражающих передовые стремления пролетариата, возлагается задача осуществлять эти стремления помимо Думы (в форме какого-либо нелегального представительства или нелегальной Думы или Народной Думы и т. п.). Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент. Советы Рабочих Депутатов в Питере и Москве были выбраны самими рабочими не по полицейским «законным формам». И аресты этих Советов дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, как опасно доверять лже-конституционализму, как непрочно «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменит прочной и длительной боевой партийной организации. Столичные Советы Рабочих Депутатов пали потому, что у них не хватило прочной опоры в боевой организации пролетариата. Если мы заменим эти Советы собраниями выборщиков или уполномоченных, это будет подставкой опоры словесной вместо опоры боевой, опоры квази-парламентской вместо опоры революционной. Это будет то же самое, как если бы мы заменили недостающую пушку нарисованной на картоне пушкой.

Далее, участвуя в выборах, мы ставим пролетариат в ложное отношение к буржуазной демократии. Эта последняя опять раскалывается. Умеренные либералы (кадеты) горой стоят за участие. Радикалы тяготеют к бойкоту. Классовая подкладка этого раскола ясна: правое крыло буржуазии тяготеет к сделке с реакцией посредством Думы. Левое крыло буржуазии тяготеет к союзу с революцией или, по крайней мере, к поддержке ее (вспомните присоединение Союза Союзов к манифесту Исполнительного Комитета петербургского Совета Рабочих Депутатов о финансовом крахе правительства) ⁶¹). Тактика бойкота создаст ясное и правильное отношение пролетариата к революционной и оппортунистической буржуазии. Тактика участия внесла бы страшный хаос, помешав пролетариату разбирать его ближайших союзников и его врагов.

Наконец, практические цели участия не менее, если не более, осуществимы и бойкотом. Подсчет сил пролетариата, агитация и организация, обеспечение господства с.-д. в рабочей курии, все это вполне возможно и при революционном использовании избирательных собраний вместо участия в них, все это вовсе не требует выбора именно «уполномоченных» и именно «выборщиков». Все это хуже достигается

при отвлечении сил на эти смехотворные легальные выборы, ибо цели этих выборов мы же сами не признаем, а оповещать о них полицию вовсе нам не выгодно. На практике почти всегда и выйдет, наверное, именно революционное использование избирательных собраний, а не участие в них, ибо рабочие полицейским ограничениям не подчинятся, «посторонних лиц» (читай с.-д.) не устроят, правил выборов не соблюдают. Сила вещей, сила революционной ситуации приведет к тому, что из «выборных» собраний выборов не выйдет, а выйдет партийная агитация помимо выборов и вопреки выборам, т.-е. выйдет так называемый «активный бойкот». Как бы мы ни смотрели па вещи, как бы мы ни толковали своих взглядов, какие бы мы ни выставляли оговорки, во всяком случае, участие в выборах неизбежно имеет тенденцию порождать мысль о подмене Учредительного Собрания Думой, о созыве Учредительного Собрания через Думу и т. п. Показывать лживость и фиктивность представительства в Думе, требовать созыва революционным путем Учредительного Собрания и в то же время участвовать в Думе—это тактика, способная в революционный момент лишь сбить с толку пролетариат, лишь поддержать наименее сознательные элементы рабочей массы и наименее совестливые, наименее принципиальные элементы из числа вождей этой массы. Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, но политическая обстановка сильнее всех заявлений. На деле не выйдет, не сможет выйти, сообразно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воле, песоциал-демократическая и непартийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе.

Тактика, рекомендованная конференцией «большинства», есть единственно правильная тактика.

Интересным подтверждением (косвенным) этого вывода является позиция «кадетов». В своем «предсмертном» номере (от 20 декабря) «Народная Свобода» ⁶²⁾ рассуждает следующим образом по поводу всплывшего вновь вопроса, идти ли в Думу. Влияющая задача—созыв Всенародного Учредительного Собрания. Газета принимает это положение за доказанное. Кто и как созовет это Учредительное Собрание? На это возможен, по мнению «Народной Свободы», тройкий ответ: 1) правительство законное (или de facto самодержавное); 2) временное революционное правительство; 3) Государственная Дума, как «власть, конкурирующая с властью». Само собой разумеется, что «кадеты» принимают третий «исход» и именно ради такого исхода настаивают на необходимости участия в Думе. Первый исход они

отвергают, отбрасывая всякие надежды на правительство. О втором исходе они дают нам следующий, в высшей степени характерный, образчик рассуждения:

«Можно ли рассчитывать на *практическую* осуществимость того временного правительства, о котором еще и теперь—в кровавом угаре подавленного восстания—продолжают мечтать революционные партии? Скажем прямо: нет, нельзя, и не потому нельзя, что вооруженное восстание невозможно: Москва доказала обратное; и даже не потому, что такое восстание роковым образом будет подавлено вооруженной силой: кто может предсказывать будущее?

«Нельзя рассчитывать на временное правительство потому, что *ни при каких условиях*—и даже в случае успешного восстания—оно не будет достаточно прочным и авторитетным для того, чтобы «собрать рассыпанную храмину» русской земли. Его смост контр-революционная волна, надвигающаяся из общественных глубин.

«Русская революция длится не месяцы, а годы, за это время она успела определенно и резко наметить свой путь, и надо сказать прямо, что этот путь ни к вооруженному восстанию, ни к временному правительству не ведет. Не станем закрывать глаза перед действительностью. И либеральная интеллигенция, и крестьянство, и пролетариат—революционны, но революционная кооперация трех элементов под флагом вооруженного восстания *невозможна*. Не будем разбирать, кто прав и кто виноват; факт остается фактом. Но в таком случае, из каких элементов могло бы возникнуть пресловутое временное правительство революционных партий? Чем могло бы оно быть? Диктатурой пролетариата? Но о диктатуре пролетариата в современной России говорить не приходится»...

Мы нарочно выписали полностью это рассуждение, ибо оно превосходно, и с редкой для «кадетов» отчетливостью передает сущность либерально-буржуазной точки зрения. Ошибки этого рассуждения так наглядны, что на них достаточо кратко указать. Если теперь доказана возможность вооруженного восстания, и недоказуема наперед его безнадежность в смысле успеха, то что же это за возражение: «смост контр-революция»? Это смешная, по своей слабости, отговорка. Революция без контр-революции не бывает и быть не может. Теперь вот и 17 октября сметено контр-революционной волной, но разве это доказывает нежизненность конституционных требований? Вопрос не в том, будет ли контр-революция, а в том, кто, в конечном счете, после неизбежно долгих и полных всяких превратностей судьбы битв, окажется победителем?

«Нар. Свобода» понимает, что этот вопрос решается учетом социальных сил. И она делает учет, признает революционность и пролетариата, и крестьянства, и либеральной интеллигенции. Но газета «декретирует»: их «кооперация под флагом вооруженного восстания невозможна». Почему? В этом весь гвоздь вопроса и отделаться голословным заявлением тут нельзя. Это факт, который остается фактом, что восстает пролетариат, восстает и крестьянство, при участии некоторой, по крайней мере, доли буржуазной интеллигенции. Признав (не требующий теперь ничего признания) факт возможности вооруженного восстания, признав, что предсказать безусловный неуспех всем дальнейшим взрывам нельзя, газета отняла у своих рассуждений всякую почву. Газета спасает себя только передержкой, отрицая возможность диктатуры пролетариата, т.-е. социалистической диктатуры, тогда как речь должна идти о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Сочувствие этим классам и содействие им известной доли мелкой буржуазии вообще и буржуазной интеллигенции в частности обеспечено; остается вопрос о степени организованности и боевой способности. Это очень большой и серьезный вопрос, конечно, но решать его с плеча отрицательно могут только люди, желающие явно увильнуть от решения. Позиция либеральных помещиков ясна. Они хотят участия в Думе именно потому, что не хотят участия в революционной борьбе. Они хотят созыва Думы именно потому, что не хотят революционного созыва Учредительного Собрания. Они хотят Думы именно потому, что они хотят сделки. Различное отношение к Думе либералов и социал-демократов совершенно отчетливо отражает таким образом различие классовой позиции буржуазии и пролетариата. А до какой степени безнадежны воздыхания о сделке и о Думе в эпоху обостренной гражданской войны, это видно, между прочим, из закрытия «кадетских» газет и жалкого существования всей легальной либеральной печати вообще. Вся эта печать ежедневно приводит груды фактов, показывающих полную поддельность представительства в Думе, полную невозможность сколько-нибудь свободной агитации, сколько-нибудь правильных выборов. Действительность революционной и контр-революционной ситуации лучше всяких доводов опровергает мечтания об участии в Думе в целях борьбы, лучше всяких аргументов подтверждает правильность тактики активного бойкота.

В заключение еще пару слов о том, как должны поставить мы теперь нашу внутрипартийную агитацию за активный бойкот Думы в связи с происходящим слиянием фракций и полным объединением Р. С.-Д. Р. II.

Слияние необходимо. Слияние надо поддерживать. В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества, стараясь переубедить всех членов партии, сводя полемику к деловому изложению доводов за и против, к выяснению позиции пролетариата и его классовых задач. Но слияние несколько не обязывает нас затушевывать тактические разногласия или излагать свою тактику непоследовательно и не в чистом виде. Ничего подобного. Идейную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца, т.-е. до объединительного съезда партии. В единой партии тактика, определяющая непосредственные действия партии, должна быть одна. Такой единой тактикой должна стать тактика большинства членов партии: когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде.

При настоящем положении нашей партии обе фракции согласились о созыве объединительного съезда, обе согласились подчиниться его решениям. Объединительный съезд и установит единую тактику партии. Паша задача—ускорить всеми средствами созыв этого съезда и добиваться самым энергичным образом того, чтобы все члены партии составили себе ясное понятие и представление о различии тактик насчет участия в Думе, чтобы все члены партии с полным знанием дела, вполне взвесив доводы той и другой стороны, сделали сознательно, а не случайно свой выбор делегатов на общий съезд, который объединит всю партию и объединит нашу тактику.

Инварь 1906 г.

Современное положение России и тактика рабочей партии.

Российская социал-демократическая партия переживает очень трудный момент. Военное положение, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы, измученный голодом пролетариат, организационный хаос, усиленный разрушением многих нелегальных опорных пунктов и отсутствием легальных, наконец, споры о тактике, совпавшие с трудным делом восстановления единства партии,—все это неминуемо вызывает известный разброд партийных сил.

Формальным средством выхода из этого разброда является созыв объединительного партийного съезда, и с этим созывом все работ-

пики партии должны, по нашему глубокому убеждению, спешить всеми силами. Но, пока идет работа созыва съезда, необходимо поставить перед всеми и чрезвычайно серьезно обсудить крайне важный вопрос о более глубоких причинах разброда. Вопрос о бойкоте Государственной Думы есть, в сущности, лишь маленькая частичка большого вопроса о пересмотре всей тактики партии. А этот последний вопрос, в свою очередь, есть лишь маленькая частичка большого вопроса о современном положении России и о значении настоящего момента в истории русской революции.

Намечаются две тактические линии в связи с двумя оценками этого момента. Одни (см., наир., статью Ленина в «Молодой России» *) считают подавление московского и др. восстаний лишь подготовкой почвы и условий для новой, более решительной вооруженной борьбы. Значение момента усматривается в разрушении конституционных иллюзий. Два великие месяца революции (ноябрь и декабрь) рассматриваются как период перерастания мирной всеобщей стачки во всенародное вооруженное восстание. Возможность его доказана, движение поднято на высшую ступень, практический опыт, необходимый для успеха будущего восстания, накоплен широкими массами, мирные забастовки исчерпали себя. Надо собрать тщательнее этот опыт, дать пролетариату собраться с силами, отбросить решительно всякие конституционные иллюзии и всякую мысль об участии в Думе, готовить упорнее и терпеливее новое восстание, укреплять связи с организациями крестьянства, которое, вероятно, поднимется еще сильнее к весне.

Другие иначе оценивают момент. Тов. Плеханов в № 3 и особенно в № 4 своего «Дневника» ⁶³⁾ всего последовательнее наметил иную оценку, хотя, к сожалению, не везде договорил до конца свои мысли.

«Несвоевременно начатая политическая забастовка,—говорит тов. Плеханов,—привела к вооруженному восстанию в Москве, Ростове и т. д. Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Практическая задача сознательных элементов рабочего движения «заключается в том, чтобы указать пролетариату на его ошибку, чтобы выяснить ему всю рискованность той игры, которая называется вооруженным восстанием». Плеханов не оспаривает того, что он хочет тормозить движение. Он напоминает о том, как Маркс за полгода до Коммуны предостерегал

*) См. стр. 55 этого тома. *Ред.*

парижский пролетариат от несвоевременных вспышек. «Жизнь показала, — говорит Плеханов, — что тактика, которой держалась в последние месяцы наша партия, несостоятельна. Под страхом новых поражений мы обязаны усвоить новые тактические приемы»... «Главное — нам нужно немедленно обратить усиленное внимание на профессиональное движение рабочих»... «Очень значительная часть наших товарищей слишком увлекалась мыслью о вооруженном восстании, чтобы она могла заняться сколько-нибудь серьезно поддержкой профессионального движения»... «Нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий, а не отталкивать их от нас бестактными выходками». Совершенно естественно, что Плеханов высказывается также против бойкота Думы (не договаривая, стоит ли он за участие в Думе или за создание выборщиками излюбленных «меньшевиками» «органов революционного самоуправления»). «Выборная агитация в деревне поставила бы ребром вопрос о земле». Отобрание земли одобрено обеими частями нашей партии, и их резолюции «теперь пора провести в жизнь».

Таковы взгляды Плеханова, изложенные нами почти целиком в формулировках самого автора «Дневника».

Читатель убедился, мы надеемся, из этого изложения, что вопрос о думской тактике есть лишь часть вопроса об общей тактике, подчиненного, в свою очередь, вопросу об оценке всего современного революционного момента. Корни разногласия о тактике сводятся к следующему. Не нужно было браться за оружие, говорят одни, призывая к выяснению рискованности восстания и к перенесению центра тяжести на профессиональное движение. И забастовки 2-я и 3-я и восстание были ошибками. Другие же полагают, что нужно было браться за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средства борьбы. Для одних, следовательно, вопрос о восстании практически снимается с очереди, — по крайней мере, впредь до новой ситуации, которая заставила бы нас еще раз пересмотреть тактику. Приспособление к «конституции» (участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении) вытекает отсюда неизбежно. Для других, наоборот, именно теперь вопрос о восстании ставится на очередь на основании практически приобретенного опыта, доказавшего возможность борьбы с войсками и наметившего непосредственные задачи более упорной и более терпеливой подготовки следующего выступления. Отсюда лозунг: долой конституционные иллюзии!

и отведение легальному профессиональному движению скромного, во всяком случае не «главного» места.

Само собою разумеется, что мы должны рассмотреть этот спорный вопрос не с точки зрения желательности того или иного пути деяния, а с точки зрения объективных условий момента и учета общественных сил. Взгляд Плеханова мы считаем ошибочным. Оценка московского восстания, сводящаяся к тому, что «не нужно было и браться за оружие», крайне односторонняя. Сиять с очереди вопрос о восстании — значит, в сущности, признать законченным революционный период и начавшимся «конституционный» период демократического переворота, т.-е. приравнять, примерно скажем подавление декабрьских восстаний в России к подавлению восстаний 1849 года в Германии. Конечно, невозможного нет в таком исходе нашей революции, и с точки зрения данной минуты, когда реакция разворачивается во-всю, подобный исход легко признать уже наступившим. Не подлежит также сомнению, что целесообразнее решительно отказаться от идеи восстания, если объективные условия сделали его невозможным, чем тратить силы на новые, бесплодные, попытки.

Но это значит слишком поспешно обобщить и возвести в закон для целого периода такое положение вещей, которое сложилось в данную минуту. Разве мы не видели реакции во всем ее бешенстве после каждого почти крупного шага вперед, делаемого революцией? И разве, несмотря на эту реакцию, движение не поднималось вновь еще более могучим через некоторый промежуток времени? Самодержавие не уступило перед неотвратимыми требованиями всего общественного развития; напротив, самодержавие идет назад, вызывая уже протесты среди самой буржуазии, которая приветствовала подавление восстания. Силы революционных классов, пролетариата и крестьянства, далеко не исчерпаны. Экономический кризис, финансовое расстройство скорее ширятся и углубляются, чем сглаживаются. Вероятность нового взрыва уже теперь, когда не кончилось еще подавление первого восстания, признают даже органы «правопорядочной» буржуазии, безусловно враждебной восстанию *). Комедиантский характер Думы вырисовывается все яснее, и безнадежность попытки партийного участия в выборах становится все несомненное.

*) Вот, напр., что пишет консервативно-буржуазное «Слово» (№ 364, от 25 января): «Среди самых убежденных сторонников центра все чаще слышатся голоса, правда, еще робкие и неуверенные, что без нового взрыва, подготовленного революционными партиями, реформа в необходимой полноте и целостности осуществлена не будет... Надежды на проведение реформы сверху мирным путем теперь уже почти не остается».

Это будет близорукостью, это будет раболепством перед ситуацией данного момента, если мы при таких условиях снимем с очереди вопрос о восстании. Посмотрите, в какое противоречие впадает Плеханов, когда горячо советует провести в жизнь резолюцию об агитации в крестьянстве за отобрание земли и в то же время задается целью не отталкивать от нее оппозиционных партий бестактными выходками, мечтает о постановке «ребром» вопроса о земле при выборной агитации в деревне. Можно с уверенностью сказать, что либералы-помещики простят вам миллионы «бестактностей», но не простят призывов к отобранию земли. Не даром даже кадеты говорят, что и они стоят за подавление крестьянских восстаний силой войска, только бы распоряжались войсками они, а не бюрократия (см. статью кн. Долгорукова ⁶⁴) в «Праве» ⁶⁵). Можно с уверенностью сказать, что именно в выборной-то агитации и не встанет никогда вопрос о земле «ребром», как встал он, как встает он и будет вставать помимо Думы и помимо производимых при участии полиции выборов.

Мы всецело стали за лозунг отобрания земли. Но отобрание земли лишь пустой звук, если оно не означает победы вооруженного восстания, ибо против крестьян стоит теперь не только войско, но и отряды добровольцев, нанимаемые помещиками. Проповедуя отобрание земли, мы зовем крестьян на восстание. А разве мы в праве были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян? Было бы горькой пасмешкой, если бы крестьянам, которые поднимутся волной и начнут отбирать земли, рабочие предложили содействие профессиональных, опекаемых полицией, обществ, за отсутствием боевых организаций.

Нет, мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании. Мы не должны перестраивать заново партийную тактику с точки зрения условий данного момента реакции. Мы не можем и не должны отчаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний—рабочие, крестьянские и военные—в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации, но отнюдь не обольщая себя насчет прочности этих средств и их значения. Мы должны собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений. Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он по всей вероятности не слишком

далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям.

Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом— а также симптомом и спутником—неверия в восстание, отсутствия условий для восстания.

Партизанские выступления не мсть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набеги охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. Партизанские действия боевых дружин, образованных давно уже социал-демократами обеих фракций во всех крупнейших центрах движения и включающих в себя главным образом рабочих, несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всем и всегда возможны ошибки, возможны неуместные выступления не во-время; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны и способны повредить самой верной тактике. Но факт тот, что мы до сих пор страдаем в большинстве чисто-русских центров от другой крайности, от недостаточной инициативности наших боевых дружин, от недостатка у них боевого опыта, от малой решительности их выступлений. Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т.-е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен.

Нам надо догонять эти центры. Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию.

Русская революция началась с того, что царя просили даровать свободу. Расстрелы, реакция, треповщина не задавили, а разожгли движение. Революция сделала второй шаг. Она вырвала силой у царя

признание свободы. Она, с оружием в руках, отстаивала эту свободу. Сразу не отстояла. Расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение. Перед нами вырисовывается третий шаг, который определит исход революции: борьба революционного народа за власть, способную на деле осуществить свободу. В этой борьбе нам надо рассчитывать на поддержку не оппозиционных, а революционных демократических партий. Рядом с социалистическим пролетариатом тут пойдет демократически-революционное крестьянство. Это — великая борьба, трудная борьба, борьба за доведение до конца демократической революции, за полную победу ее. Но все признаки говорят в настоящее время за то, что такая борьба надвигается ходом вещей. Позаботимся же, чтобы новый вал застал российский пролетариат в повой боевой готовности.

*«Партийные Известия» № 1
от 7 февраля 1906 г.
за подписью: «Большевик».*

Русская революция и задачи пролетариата.

I.

Какое положение демократической революции в России: разбита ли она или мы переживаем лишь временное затишье? Было ли декабрьское восстание кульминационным пунктом революции, и мы катимся теперь неудержимо к «шиповско-конституционному» режиму? Или революционное движение в общем и целом идет не на убыль, а продолжает подниматься, подготавливая новый взрыв, копя в затишьи новые силы, обещая за первым неудачным восстанием второе, имеющее несравненно больше шансов на успех?

Таковы коренные вопросы, которые стоят теперь перед социал-демократами России. Оставаясь верными марксизму, мы не можем и не должны уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти вопросы. А от решения их зависит вся тактика социал-демократии, и наши споры, например, о бойкоте Думы (подходящие, впрочем, уже к концу, ибо большинство организаций Р. С.-Д. Р. П. высказалось за бойкот), являются лишь маленькой-маленькой частичкой этих больших вопросов.

Мы сказали сейчас, что марксисту неприлично общими фразами отделяться от этих вопросов. Такими общими фразами являются хотя бы ссылки на то, что мы никогда не понимали революции в смысле

одних «рогатин и вил», что мы были революционерами и тогда, когда не выдвигали непосредственного призыва к восстанию, что мы остаемся революционерами и в парламентский период, когда он наступит, и т. и. Такие речи были бы жалкими увертками, подменом конкретного исторического вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего не выясняют и служат лишь прикрытием бедности или политической растерянности. Чтобы подтвердить нашу мысль примером, сошлемся на отношение Маркса к немецкой революции 1848 года. Такая ссылка тем более может быть полезна, что у нас наблюдается ряд признаков такого же и даже еще более резкого разделения буржуазии на реакционную и революционную,—разделения, отсутствовавшего, напр., в Великой Французской Революции. В сущности говоря, и поставленные нами выше коренные вопросы о положении русской революции можно формулировать, применительно к аналогии с Германией (разумеется, в том условном и ограниченном смысле, в каком только и допустима вообще историческая аналогия), такими словами: 1847 или 1849 год? Переживаем ли (как Германия в 1847 году, когда созывалась и была созвана немецкая госуд. дума, так пазыв. соединенный ландтаг) концы высшего подъема революции, или мы переживаем (как Германия в 1849 году) концы окончательного истощения революции и начало серых будней куцой конституции?

Маркс именно в течение 1850 года ставил этот вопрос, разрешал его и разрешил, наконец, не уверткой, а прямым ответом, выведенным из анализа объективных условий. В 1849 году революция была подавлена, ряд восстаний окончился неудачей, фактически завоеванная народом свобода была отобрана, реакция свирепствовала против «революционеров». Открытое политическое выступление «Союза коммунистов» (тогдашней социал-демократической организации, фактически руководимой Марксом) стало невозможным. «Повсюду выступала потребность,—говорит обращение Ц. К. союза к членам его в июне 1850 г., в сильной *тайной* (курсив везде наш) организации революционной партии по всей Германии». Ц. К. посылает из-за границы эмиссара в Германию, который сосредоточивает «все пригодные силы в руках союза». Маркс пишет («Обращение» от марта 1850 г.) о вероятности нового подъема, новой революции, советует рабочим самостоятельно организоваться, настаивает в особенности на необходимости вооружения всего пролетариата, на образовании пролетарской гвардии, на необходимости «расстраивать силой всякую попытку разоружения». Маркс требует образования «революционных рабочих правительств» и обсуждает поведение про-

летариата «во время и после предстоящего восстания». Маркс ставит в образец германской демократии якобинскую Францию 1793 года (см. «Кельнский процесс коммунистов», рус. пер., стр. 115 и др.).

Проходит полгода. Ожидаемый подъем не наступает. Усилия союза не увенчиваются успехом. «Подъем революции,—писал Энгельс в 1885 г.,—в течение 1850 года становился все менее вероятным, даже невозможным». Промышленный кризис 1847 года миновал. Наступало процветание промышленности. И, вот, учтя объективные условия, Маркс резко и определенно ставит вопрос. Осенью 1850 года он заявляет категорически, что теперь, при таком пышном развитии производительных сил буржуазного общества, *«о действительной революции не может быть и речи»*.

Как видит читатель, Маркс не увиливает от трудного вопроса. Он не играет со словом революция, не подменяет насущного политического вопроса пустыми абстракциями. Он не забывает, что революция вообще идет во всяком случае вперед, ибо идет развитие буржуазного общества, а говорит прямо о невозможности демократической революции в непосредственном и узком значении слова. Маркс решает трудный вопрос, не ссылаясь на «настроение» упадка и усталости в тех или иных слоях пролетариата (как делают нередко впадающие в хвостизм социал-демократы). Нет, пока у него не было других данных, кроме факта пониженного настроения (в марте 1850 г.), он продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции»,—лишь тогда он переменял взгляд. И, переменяв взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди. Прямо и определенно признано было, что «форма движения изменилась».

Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции», в ближайшем будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьезностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определенно, без уверток, без отговорок, без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партии.

II.

Итак, какие же объективные данные имеются у нас для решения этого вопроса? В пользу мнения о полном истощении непосредственно революционной «формы движения», о невозможности нового восстания, о вступлении России в эру убогого буржуазного квази-конституционализма говорит целый ряд лежащих, так сказать, на поверхности и бросающихся всем в глаза фактов. Поворот в буржуазии несомненен. Помещик отошел от кадетов и ушел в союз 17 октября ⁶⁶). Правительство даровало уже двухпалатную «конституцию». При помощи военных положений, экзекуций и арестов создается возможность созыва поддельной Думы. Городское восстание подавлено, и весеннее движение крестьян может оказаться одиноким, бессильным. Распродажа помещичьих земель идет, а, следовательно, усиливается слой буржуазного, «спокойного» крестьянства. Понижение настроения после подавленного восстания есть на-лицо. Наконец, нельзя забывать и того, что предсказывать поражение революции вообще легче и дешевле, так сказать, чем предсказывать ее подъем, ибо сейчас власть на стороне реакции, и «большей частью» до сих пор революции кончались... неоконченными.

Каковы данные в пользу обратного мнения? Предоставим по этому вопросу слово К. Каутскому ⁶⁷), трезвость взглядов которого и умение самым спокойным, деловым и тщательным образом обсуждать злободневные и острые политические вопросы известны всем марксистам. Каутский высказал свой взгляд вскоре после подавления московского восстания в статье: «Шансы русской революции». Статья эта появилась в русском переводе, — конечно, не без цензурных искажений (вроде тех, от которых пострадал и русский перевод другой превосходной работы Каутского: «Аграрный вопрос в России»).

Каутский не увиливает от трудного вопроса. Он не пытается отделаться пустыми фразами о непобедимости революции вообще, о всегдашней и постоянной революционности класса пролетариев и т. п. Нет, он в упор ставит конкретный исторический вопрос о шансах современной, теперешней демократической революции в России. Он начинает свою статью без обиняков с того, что из России с начала 1906 г. приходят почти только одни печальные вести, которые *«могли бы вызвать мнение, что революция эта окончательно подавлена и находится при последнем издыхании»*. Не только реакционеры ликуют по этому поводу, но и русские либералы, говорит Каутский, осыпая этих последних героев «купона» вполне заслуженными ими презрительными выражениями (Каутский не уверовал еще, как видно, в Пле-

хановскую теорию, будто русские социал-демократы должны «дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий»).

И вот Каутский подробно разбирает это естественно напрашивающееся мнение. Внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих и Париже ⁶⁸⁾ несомненно. И там и здесь вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на героическое сопротивление рабочих, реакция победила. Что же выводит отсюда Каутский? Не заключает ли он, по образцу педантских назиданий Плеханова, что не нужно было и браться за оружие? Нет, Каутский не спешит перейти к близорукому и дешевенькому морализированию задним числом. Он *исследует* объективные данные, способные решить вопрос, является ли русская революция окончательно подавленной.

Четыре коренных различия усматривает Каутский между парижским (1848 г.) и московским (1905 г.) поражением пролетариата. Во-первых, поражение Парижа было поражением всей Франции. Ничего подобного нельзя сказать про Москву. Рабочие Петербурга, Кисва, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты. Они истощены страшно тяжелой, целый год уже тянувшейся, борьбой, но их мужество не сломлено. Они собираются с силами, чтобы снова начать борьбу за свободу.

Во-вторых, еще более существенное различие состоит в том, что крестьяне в 1848 г. во Франции были на стороне реакции, а в 1905 г. в России стоят на стороне революции. Идут крестьянские восстания. Целые армии заняты их подавлением. Эти армии опустошают страну, как только Германия была опустошена в 30-летнюю войну ⁶⁹⁾. Военные экзекуции на время запугивают крестьян, но они только усиливают их нищету, усиливают безвыходность их положения. Они неизбежно будут порождать, подобно опустошениям 30-летней войны, новые и новые массы людей, которые вынуждены будут объявить войну существующему порядку, которые не дадут водворить спокойствие в стране и будут примыкать ко всякому восстанию.

Третье, чрезвычайно важное, различие есть следующее. Революция 1848 г. была подготовлена кризисом и голодовкой 1847 г. Реакция опиралась на окончание кризиса и процветание промышленности. «Теперешний режим террора в России неизбежно должен вести, наоборот, к обострению того экономического кризиса, который годами тяготеет на всей стране». Голод 1905 года скажется еще в ближайшие месяцы во всех своих последствиях. Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против целого народа.

Эта война стоит не меньше внешней войны, при чем разоряет она не чужую, а собственную страну. Надвигается финансовый крах. А кроме того новые торговые договоры грозят особенным потрясением для России и могут вызвать даже всемирный экономический кризис. Таким образом, чем дольше продержится реакционный террор, тем отчаяннее будет экономическое положение страны, тем более сильным будет возмущение против ненавистного режима. «Такая ситуация,— говорит Каутский,—делает непреодолимым всякое сильное движение против царизма. И в таком движении не будет недостатка. Об этом позаботится российский пролетариат, который дал уже столько великих доказательств своего геройства и своей самоотверженности».

Четвертое различие, указываемое Каутским, представляет для русских марксистов особый интерес. У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто-кадетское в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого нехватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчет военных действий революционеров мы очень любим. Мы называем себя марксистами, но от анализа *восстаний* стороны восстания (которой всегда придавали серьезное значение Маркс и Энгельс) мы предпочитаем увертываться, заявляя с неподражаемой величественным доктринерством: «не нужно было браться за оружие»... Каутский поступает иначе. Как ни мало еще у него было данных о восстании, все же он старается вдуматься и в военную сторону вопроса. Он старается оценить движение, как новую, выработанную массами, форму борьбы, а не так, как оценивают сражения наши революционные Куропаткины ⁷⁰⁾; дескать, коли дают, так бери; коли бьют, так беги; коли побили, значит нечего было и браться за оружие!

«И парижская июньская битва,— говорит Каутский,— и московская декабрьская были баррикадными сражениями. Но первая была катастрофой, была концом старой баррикадной тактики. Вторая была началом новой баррикадной тактики. И постольку мы должны пересмотреть тот взгляд, который изложил Энгельс в своем предисловии к «Классовой борьбе» Маркса, именно взгляд, будто эпоха баррикадных сражений окончательно миновала. Миновала на самом деле только эпоха *старой* баррикадной тактики. Вот что доказало московское сражение, когда кучке повстанцев удалось, в течение 2-х недель, держаться против превосходных боевых сил, снабженных всеми орудиями современной артиллерии».

Так говорит Каутский. Он не поет отходной восстанию на основании неудачи первой попытки. Он не брюзжит по поводу неудачи

а *исследует* зарождение и рост новой, высшей формы борьбы, разбирает значение дезорганизации и недовольства в войске, помощи рабочим со стороны городского населения, сочетания массовой стачки с восстанием. Он исследует, как пролетариат *учится* восстанию. Он пересматривает устаревшие военные теории, приглашая тем самым к переработке и восприимчивости всей партией опыта Москвы. Он смотрит на все движение, как на переход от стачки к восстанию, стараясь понять, каким образом надо рабочим сочетать то и другое для достижения успеха.

Каутский кончает свою статью словами: «Таковы уроки Москвы. Поскольку окажут они влияние на формы будущей борьбы, этого в настоящее время отсюда (т.-е. из Германии) предвидеть невозможно. В самом деле, до сих пор мы видели во всех прежних проявлениях русской революции стихийные взрывы неорганизованных масс, ни одно из этих проявлений не было наперед намечено по плану и подготовлено. Вероятно, в течение известного времени, так будет и впредь.

«Но если в настоящее время нельзя еще определенно предсказать грядущих форм борьбы, то все признаки свидетельствуют о том, что мы необходимо должны ждать дальнейших битв, что теперешнее мрачное (unheimliche) спокойствие есть лишь затишье перед бурей. Октябрьское движение показало массам в городах и деревнях, какую силу в состоянии они развернуть. Январская реакция столкнула их затем в пропасть, полную мучений. В этой пропасти все возбуждает их, толкает к возмущению, и нет такой цены, которую бы они сочли слишком дорогой для избавления из этой пропасти. Скоро поднимутся массы опять, скоро выступят они еще более могучими! Пусть контрреволюция празднует свое торжество над трупами героев борьбы за свободу: близится уже конец этого торжества, поднимается красная заря, *грядет пролетарская революция*».

III.

Очерченный нами вопрос есть коренной вопрос всей социал-демократической тактики. Предстоящий партийный съезд должен в первую голову вырешить этот вопрос самым ясным и недвусмысленным образом, и все члены партии, все сознательные рабочие должны немедленно напрячь все свои силы для того, чтобы собрать всесторонний материал для решения вопроса, обсудить его и послать на съезд делегатов, вполне подготовленных к их серьезной и ответственной задаче.

Выборы на съезд должны происходить на основании полного выяснения тактических платформ. И, в сущности, тот или иной последовательный и цельный ответ на поставленный вопрос предreshает все частности социал-демократической тактической платформы.

Или --- или.

Или мы признаем, что в настоящее время «о действительной революции не может быть и речи». Тогда мы должны прямо и самым решительным образом во всеуслышание заявить это, чтобы не вводить в заблуждение ни самих себя, ни пролетариат, ни народ. Тогда мы должны безусловно отвергнуть, как *непосредственную* задачу пролетариата, доведение до конца демократической революции. Тогда мы обязаны совершенно снять с очереди вопрос о восстании, прекратить всякие работы по вооружению и организации боевых дружин, ибо играть в восстание недостойно рабочей партии. Тогда мы должны признать исчерпанными силы революционной демократии и поставить своей непосредственной задачей поддержку тех или иных слоев либеральной демократии, как реальной оппозиционной силы при конституционном режиме. Тогда мы должны рассматривать Госуд. Думу, как парламент, хотя бы и худой, участвовать не только в выборах, но и в самой Думе. Тогда мы должны на первый план выдвинуть легализацию партии, соответственное изменение партийной программы, приспособление к «законным» рамкам всей работы или, по крайней мере, отведение нелегальной работе минимального и подчиненного места. Тогда задачу организации профессиональных союзов мы можем признать такой же первостепенной партийной задачей, какой было в предыдущий исторический период вооруженное восстание. Тогда мы должны также снять с очереди и революционные лозунги крестьянского движения (вроде конфискации помещичьих земель), ибо такие лозунги суть практически лозунги восстания, а звать к восстанию, не готовясь к нему серьезно военным образом, не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание. Тогда мы должны выбросить за борт всякие разговоры не только о временном революционном правительстве, но и о так наз. «революционном самоуправлении», ибо опыт показал, что учреждения, правильно или неправильно обозначаемые этим термином, фактически превращаются силою вещей в органы восстания, в зародыши революционного правительства.

Или мы признаем, что в настоящее время о действительной революции может и должна быть речь. Мы признаем новые и высшие формы непосредственно-революционной борьбы неизбежными или, по крайней мере, наиболее вероятными. Тогда главной политической задачей пролетариата, нервом всей его работы, душой всей его организацион-

пой классовой деятельности должно быть *доведение до конца демократической революции*. Всякие отговорки от этой задачи были бы тогда лишь принижением понятия классовой борьбы до брентановского толкования ее, были бы превращением пролетариата в прихвостня либеральной монархической буржуазии. Тогда самой насущной и центральной политической задачей партии является подготовка сил и организации пролетариата к вооруженному восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы борьбы. Тогда обязательно критически изучить в самых непосредственных практических целях весь опыт декабрьского восстания. Тогда надо удесятерить усилия по организации боевых дружин и вооружению их. Тогда надо готовиться к восстанию и посредством партизанских боевых выступлений, ибо смешно было бы «готовить» посредством одних только записей и регистраций. Тогда надо считать гражданскую войну объявленной и продолжающейся, при чем *вся* деятельность партии должна быть подчинена принципу: «коль война, так по-военному». Тогда воспитание кадров пролетариата для *наступательных* военных действий безусловно необходимо. Тогда бросание революционных лозунгов в крестьянскую массу логично и последовательно. Задача боевых соглашений с революционной и только революционной демократией выдвигается на первый план: основой деления буржуазной демократии берется именно вопрос о восстании. Кто за восстание, с теми пролетариат «вместе бьет», хотя и «врозь идет»; кто против восстания, с теми мы боремся беспощадно, или отталкиваем от себя, как презренных лицемеров и иезуитов (кадеты). Во всей агитации мы выдвигаем тогда в первую голову критику и разоблачение конституционных иллюзий с точки зрения открытой гражданской войны, выдвигаем обстоятельства и условия, неуклонно подготовляющие стихийные революционные взрывы. Думу мы признаем тогда не парламентом, а полицейской канцелярией и отвергаем какое бы то ни было участие в комедиантских выборах, как развращающее и дезорганизуемое пролетариат. В основу организации партии рабочего класса мы ставим тогда (как Маркс ставил в 1849 году) «сильную тайную организацию», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений», просовывать особые шупальцы во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных рабочих союзов и кончая подзаконной печатью.

Коротко говоря: либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании и стать на «конституционный» путь. Либо мы признаем демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения ее, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провоз-

глашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии.

Нам вряд ли есть надобность заявлять читателям, что мы высказываемся решительно за *последнее* решение вопроса, стоящего перед нашей партией. Прилагаемая тактическая платформа должна резюмировать и систематически изложить наши взгляды, которые мы будем проводить на съезде и в течение всей работы по подготовке съезда. Платформа эта должна быть рассматриваема не как законченное нечто, а как конспект выяснения тактических вопросов и первый набросок тех резолюций и постановлений, которые мы будем отстаивать на партийном съезде. Платформа эта обсуждалась на частных собраниях единомышленников из бывших «большевиков» (в том числе редакторы и сотрудники «Пролетария») и является плодом коллективной работы ⁷¹⁾.

*«Партийные Известия» № 2
от 20 марта 1906 г.
за подписью: «Большевик».*

ПОБЕДА КАДЕТОВ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

*Написано
24—28 марта
1906 г.*

Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I.

*Напечатано
отдельной брошюрой
в апреле 1906 г.
Изд. «Вперед». Спб. 1906 г.*

Победа кадетов и задачи рабочей партии.

I.

Какое объективное значение имело наше участие в выборах в Думу?

Победы кадетов вскружили голову нашей либеральной печати. Кадеты объединили в выборной кампании всех или почти всех либералов вокруг себя. Газеты, не принадлежавшие дотоле к кадетской партии, фактически сделались органами этой партии. Либеральная печать ликует. Со всех сторон несутся победные клики и угрозы по адресу правительства. К этим кликам — обстоятельство, в высокой степени характерное — постоянно примешиваются то злорадные, то снисходительные выходки по адресу социал-демократов.

— Смотрите, какую ошибку вы сделали, отказавшись от участия в выборах! Вы видите теперь? Вы признаете ошибку? Вы оцениваете теперь советы мудрого и дальновидного Плеханова?—Такие и подобные им речи слышатся со страниц захлебывающейся от восторга либеральной печати. Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов (Сборник: «Текущий момент», статья «Издалека»), что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну ⁷²⁾. И как Бернштейна в свое время па руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи (вплоть до «Слова», да, да, вплоть до октябристского «Слова»!), которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота.

Посмотрим же, что доказали кадетские победы. Чью ошибку вскрыли они? Какую тактику изобличили в ее бесплодности?

Плеханов, Струве и К-о твердят нам, что бойкот был ошибкой. Почему кадеты так думают, это совершенно ясно. Их предложение провести в Думу одного рабочего от Москвы (см. «Нашу Жизнь»,

от 22 марта) показывает, что кадеты умеют ценить помощь рабочих, что они ищут сделки с соц.-дем. в интересах довершения и закрепления своей победы, что они заключают такую сделку с рабочими беспартийными все равно, как заключили бы они ее и с с.-д. партией. Что кадеты ненавидят бойкот, как отказ от поддержки их, кадетов, отказ от сделки «левых» с ними, кадетов, — это вполне естественно.

Но чего хочет Плеханов и тяготеющие к нему (частью сознательно, частью бессознательно) меньшевики или русские наши с.-д. антибойкотисты? Увы, увы! Плеханов всех смелее из них, всех последовательнее, всех свободнее и яснее излагает свои взгляды, — и своим пятым «Дневником» *) он показывает паки и паки, что *он сам не знает, чего он хочет*. Надо участвовать в выборах, — вопиет он. Для чего? Для устройства революционного самоуправления, которое проповедуется меньшевиками? или для того, чтобы идти в Думу?

Плеханов вертится, лавирует, виляет, отделяется софизмами от этих простых, прямых и очевидных вопросов. Молчавший в течение месяцев и месяцев, когда меньшевики еще на страницах «Искры» проповедывали революционное самоуправление (*и когда он, не обвиняясь, заявлял о своем сочувствии меньшевистской тактике*), Плеханов вдруг теперь бросает самую презрительную фразу против этого «знаменитого революционного самоуправления» меньшевиков. Знаменитого почему и чем, товарищ Плеханов? Не способствовали ли его «знаменитости» те самые большевики, с которыми Плеханов хочет теперь вести войну и которые давно показывали недостаточность, неопределенность и половинчатость этого лозунга?

Ответа нет! Плеханов ничего не поясняет. Он бросает лишь изречение оракула и проходит мимо. Разница между оракулом и Плехановым при этом та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина. Когда меньшевики до октябрьской революции, до декабрьского восстания говорили о «революционном самоуправлении», говорили до наступления революционного подъема, тогда Плеханов молчал, одобряя однако меньшевистскую тактику вообще, молчал, как будто выжидая, как будто недоумевая, не решаясь составить себе сколько-нибудь определенное мнение. Когда спала революционная волна, когда миновали «дни свободы» и дни восстания, когда сошли со сцены разные советы рабочих, солдатских, железнодорожных и др. депутатов (советы, казавшиеся меньшевикам органами револю-

*) «Дневник Социал-Демократа», № 5.

ционного самоуправления и относимые большевиками к зачаточным, разрозненным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти), — одним словом, когда вопрос потерял остроту, когда ужин был съеден, тогда Плеханов является с горчицей, тогда он проявляет свою, любезную г.г. Струве и К-о, мудрость и дальновидность... насчет вчерашнего дня.

Почему не доволен тов. Плеханов революционным самоуправлением, это так и остается неизвестным. Плеханов сходится теперь с большевиками насчет того, что революционное самоуправление многих «сбивает с толку» («Дневник», № 5), но по всему видно, что Плеханову подобный лозунг кажется слишком большим, а большевикам он кажется слишком малым. Плеханову кажется, что этот лозунг идет слишком далеко, а нам кажется, что он идет недостаточно далеко. Плеханов клонит к тому, чтобы отозвать меньшевиков от «революционного самоуправления» назад, к трезвой и деловой работе в Думе. Мы клоним к тому, — и не только клоним, а сознательно и отчетливо зовем к тому, — чтобы от революционного самоуправления сделать шаг вперед, к признанию необходимости цельных, планомерных, наступательно действующих органов восстания, органов революционной власти. Плеханов снимает практически с очереди лозунг восстания (хотя и не решается сказать это прямо и определенно); — вполне естественно, что он отвергает и лозунг революционного самоуправления, которое без восстания и вне обстановки восстания было бы смешной и вредной игрой. Плеханов немножко последовательнее своих единомышленников — меньшевиков.

Итак, для чего же участвовать в выборах и как участвовать в выборах, товарищ Плеханов? Не для революционного самоуправления, которое только «сбивает с толку». Значит, для участия в Думе? — Но тут на Плеханова нападает сугубая робость. Он не хочет отвечать, а так как п+1 товарищей из России, желающих не только «почитывать» дневники «пописывающего» писателя, но и действовать как-нибудь определенно среди рабочей массы, так как эти п+1 назойливых корреспондентов требуют от него точного ответа, то Плеханов начинает сердиться. Трудно себе представить что-либо более беспомощное и более курьезное, как его сердитое заявление, что было бы педантизмом, схематизмом и т. п. требовать от выбирающих знания того, куда и зачем они выбирают. Помилосердствуйте, тов. Плеханов! Да ведь вас просто осмеют и ваши друзья кадеты, и наши рабочие, если вы всерьез перед массой станете защищать эту великолепную программу; участвуйте в выборах, выбирайте, но не спрашивайте, куда вы выбираете, зачем вы выбираете. Выбирайте на основании

закона о выборах в Думу, но не смейте думать (это было бы педантство и схематизм), что вы выбираете в Думу.

Почему запутался так очевидно тов. Плеханов, который некогда умел писать ясно и давать точные ответы? Потому, что, неверно оценив декабрьское восстание, он составил себе в корне ошибочное представление о настоящем политическом моменте. Он попал в такое положение, которое заставляет его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо в лицо действительности.

Теперь же неподкрашенная действительность «думской кампании» обрисовалась уже вполне ясно. Теперь уже факты ответили на вопрос, какое объективное значение имеют выборы и участие в них, независимо от воли, сознания, речей и обещаний самих участвующих. Самый решительный из меньшевиков, тов. Плеханов, потому и боится высказаться прямо за участие в Думе, что это участие определило уже свой характер. *Участвовать в выборах, значит либо поддерживать кадетов и войти в сделку с ними, либо играть в выборы.* Справедливость этого положения доказала теперь сама жизнь. Плеханов вынужден был в № 5 «Дневника» признать правильность второй половины этого рассуждения, признать бестолковость лозунга: «революционное самоуправление». В № 6 «Дневника» Плеханов, если не уклонится от разбора дела по существу, вынужден будет признать и первую половину.

Политическая действительность окончательно провалила тактику меньшевиков, ту тактику, которую они защищали в своей «платформе» (гектографированный листок, упоминающий имена Мартова и Дана, изданный в С.-Петербурге в конце 1905 или начале 1906 г.) и в своих печатных заявлениях (листок О. Ц. К. с изложением обеих тактик *), статья Дана в известной брошюре). Это была тактика участия в выборах не для выборов в Думу. Об участии в Думе, повторяем, ни один меньшевик из сколько-нибудь видных не решился и заикнуться в печати. И вот эта-то «чистая» меньшевистская тактика провалена жизнью окончательно. Об участии в выборах для «революционного самоуправления», для ухода с губернских избирательных собраний и т. п. вряд ли даже можно теперь и говорить серьезно. События показали самым наглядным образом, что такая игра в выборы, игра в парламентаризм ничего, кроме компрометирования социал-демократии, кроме позора и скандала, для нее дать не может.

Если нужны еще подтверждения сказанному, то одно из самых ярких дал Московский окружный комитет нашей партии. Это — слитная

*) Листок О. Ц. К. редакцией пока не разыскан.

организация, объединившая фракции большинства и меньшинства. Тактика была принята тоже «слитная», т.-е. наполовину, по крайней мере, меньшевистская: участвовать в выборах уполномоченных, чтобы закрепить влияние с.-д. в рабочей курии, и сорвать затем выборы, отказавшись от выбора выборщиков. Это был опыт повторения тактики, принятой относительно комиссии Шидловского ⁷³⁾. Это был «первый шаг» как раз в духе рекомендуемых тов. Плехановым мер: участвовать будем, а там дальше разберем в свое время поподробнее.

Меньшевистски-плехановская тактика Московского окружного комитета провалилась, как и следовало ожидать, с треском. Уполномоченные были выбраны. Прошли социал-демократы и частью даже члены организации. Подоспел закон против бойкота. Уполномоченные попали в тиски: либо пойти в тюрьму за агитацию в пользу бойкота, либо выбрать выборщиков. Агитация окружного комитета, подпольная, как и агитация всех организаций нашей партии, оказалась бессильной сладить с двинутыми ею силами *Уполномоченные нарушили данное обещание*, порвали свои императивные мандаты и... *выбрали выборщиков*. Среди выборщиков тоже оказались частью с.-д. и даже члены организации.

Пишущий эти строки присутствовал при крайне тяжелой сцене в заседании Московского окружного комитета, когда руководящая с.-д. организация обсуждала вопрос: что делать и как быть теперь с этой провалившейся (плехановской) тактикой. Провал тактики был до того очевиден, что из меньшевиков, членов комитета, не нашлось *ни одного*, который бы высказался за участие выборщиков в губернском избирательном собрании или за революционное самоуправление или за что-нибудь подобное. С другой стороны, трудно было решиться и на меры взыскания против нарушивших свои императивные мандаты уполномоченных-рабочих. Комитету пришлось умыть руки, молча признать свою ошибку.

Таков был результат плехановской тактики: выбирать, не обдумав хорошенечко (не желая даже обдумать хорошенечко, не желая вовсе обдумывать: см. № 5 «Дневника»), к чему и зачем выбирать. При первом соприкосновении с действительностью меньшевистская «тактика» разлетелась в пух и прах, — это и не удивительно, ибо состояла эта «тактика» (участия в выборах не для выборов) в одних хороших словах и хороших намерениях. Намерения остались намерениями, слова остались словами, а на деле вышло то, что диктовалось неумолимой логикой объективной политической ситуации: либо выбирать для поддержки кадетов, либо играть в выборы. События буквально подтвердили, следовательно, то, что я писал в своей статейке: «Госу-

дарственная Дума и с.-д. тактика»: «Мы можем заявить о полной и полнейшей самостоятельности наших с.-д. кандидатур, о чистой и чистейшей партийности нашего участия, *но политическая обстановка сильнее всех заявлений*. На деле не выйдет, не может выйти сообразно этим заявлениям. На деле получится неизбежно, вопреки нашей воли, несоциал-демократическая и непартийная рабочая политика при теперешнем участии в теперешней Думе» *).

Пусть попробуют меньшевики или плехановцы опровергнуть этот вывод, — только не словами, а делами, фактами. У нас ведь теперь в партии каждая местная организация автономна в своей тактике. Отчего же не вышло нигде в России путной и толковой меньшевистской тактики? Отчего московская группа Р.С.-Д.Р.П., меньшевистская и неслитая с большевистским комитетом, не подготовила «плехановской» или своей собственной выборной кампании к тем выборам, которые произойдут в Москве послезавтра, в воскресенье, 26 марта? Конечно, не от нежелания. Я уверен, что и не от неумения. От того, что объективная политическая ситуация предписывала либо бойкот, либо поддержку кадетов. Теперь среди выборщиков Московской губернии есть с.-д. Выборы обрисовались вполне. Губернское избирательное собрание еще не скоро. Время есть, товарищ Плеханов. Время есть, товарищи-меньшевики! Посоветуйте же этим выборщикам, что делать **). Покажите им хоть раз не задним числом, что у вас есть тактика. Должны ли эти выборщики просто уйти с губ. избирательного собрания? Или уйти и образовать революционное самоуправление? Или подать белые листики? Или, наконец, выбирать в Думу, и если так, то кого? своего с.-д. для пустой и безнадежной, закулисной демонстрации? Наконец, главный вопрос, на который должны отве-

*) См. стр. 62 этого тома. *Ред.*

**) Эти строки были уже написаны, когда я прочел № 20 «Речи», от 24 марта, где говорится в корреспонденции из Москвы: «Насколько можно сейчас определить, шансы в предстоящей борьбе на губернских выборах между кадетами и правыми партиями приблизительно одинаковы: как у октябристов (11) с торгово-промышленниками (26) и представителями крайних партий (13) насчитывается всего 50 достаточно определившихся голосов, так точно и у кадетов (22), если причислить к ним беспартийных прогрессистов (11) и рабочих (17), получится тоже 50 голосов. Успех будет находиться таким образом в зависимости от того, к какой партии примкнут 9 выборщиков, направление которых остается неизвестным».

Допустим, что эти 9 либералы, а 17 рабочих—уполномоченные с.-д. партии (как то желали видеть Плеханов и меньшевики). Итоги тогда: кадеты 42, правые 50, с.-д. 17. Что остается делать социал-демократам кроме избирательного соглашения с кадетами о дележе мест в Думу?

тить вы, товарищи меньшевики и товарищ Плеханов: как быть этим выборщикам, если их голоса будут решать выбор кадетов или октябристов? если, например, кадетов будет А—1, октябристов А, а выборщиков — социал-демократов двое? воздержаться *) значило бы помочь октябристам побить кадетов! остается подать за кадетов и *попросить у них за услугу местечка в Думе?*

Это вовсе не выдуманный нами вывод. Это вовсе не полемическая выходка против меньшевиков. Этот вывод — сама действительность. Участие рабочих в выборах, участие социал-демократии в выборах *на деле* приводит к этому и только к этому. Кадеты правильно учли петербургский опыт, когда непартийные рабочие-квартиронаниматели голосовали за них, чтобы не дать победить октябристам. Сделав учет этого опыта, кадеты выступили с прямым предложением к московским рабочим: поддержите нас, и мы проведем одного из ваших выборных в Думу. Кадеты правильно поняли действительное значение плехановской тактики, чем сам Плеханов. Своим предложением они предвосхитили неминуемый политический результат выборов. Будь вместо непартийных рабочих-выборщиков партийные рабочие социал-демократы, они стояли бы перед той же дилеммой: либо отстраниться, пособив этим черносотенцам, либо войти в прямую или косвенную, молчаливую или оформленную договором, сделку с кадетами.

Да, да, недаром, совсем *не даром* лобзают теперь кадеты Плеханова! Цена этим лобзаниям очевидная. *Do ut des*, как говорит латинская пословица: я даю тебе, чтобы ты дал мне. Я даю тебе лобзание за то, что ты своими советами даешь *мне* лишние голоса. Правда, ты, может быть, вовсе не хотел этого; ты стыдился даже признаться публично в получении наших лобзаний. Ты увертывался всеми правдами и неправдами (особенно неправдами!) от ответа на вопросы, которые слишком бесцеремонно, слишком вплотную подходили к самой сути нашей любовной сделки. Но ведь дело вовсе не в твоих желаниях, не в твоих умыслах, не в твоих благих (с социал-демократической

*) Вряд ли нужно добавлять, что, выбирая своего с.-д., эти двое *на деле* помогли бы черносотенцам. Социал-демократический выбор равнялся бы воздержанию, то-есть равнялся бы пассивному отстранению от боя, в котором черносотенцы бьют кадетов.

Р. с. В тексте ошибочно было сказано, что губернское избирательное собрание еще не скоро. Оно уже теперь состоялось. Черносотенцы победили, ибо крестьяне не столковались с кадетами. Кстати, в том же номере «Наш. Жизни», откуда мы почерпаем это известие (№ 405 от 28 марта), сообщается: «Газета «Путь» из достоверного источника передает, что многие социал-демократы-меньшевики приняли вчера (в Москве) деятельное участие в выборах, подавая свои голоса по спискам народной свободы». Правда ли это?

точки зрения благих) намерениях. Дело в *результатах*, а таковые нам выгодны.

Кадетское понимание плехановской тактики соответствует действительности. Поэтому для них получается и желаемый ими результат: приобретение рабочих голосов, заключение сделки с рабочими, *вовлечение рабочих в круговую* (вместе с кадетами) *ответственность за кадетскую Думу*, за кадетскую политику.

Плехановское понимание предлагаемой им тактики не соответствует действительности. Поэтому благие намерения Плеханова служат лишь к мощению ада. Социал-демократическая агитация по поводу выборов перед *массами*, организация *масс*, мобилизация *масс* вокруг социал-демократии и т. п. и пр. (смотри декламацию Плехановского единомышленника Дана в его брошюре), все это остается на бумаге. Как бы кто из нас ни желал этого, — объективные условия препятствуют осуществлению желаний. Социал-демократического знамени развернуть перед массой не удастся (вспомните пример Московского окружного комитета), нелегальной организации нет возможности превратиться в легальную, парус вырывается у бессильного кормчего, бросившегося в quasi-парламентский поток без всякого серьезного снаряжения. *На деле получается не социал-демократическая и не партийная рабочая политика*, а кадетская рабочая политика.

Но ведь наш бойкот оказался совсем бесполезной и бессильной вещью! кричат нам со всех сторон кадеты. Рабочие, которые хотели посрамить Думу и нас, кадетов, своим примером бойкота, — рабочие, которые выбрали чучело в Думу, ошиблись самым явным образом! Дума будет не чучельная, а кадетская!

Полноте, господа! Вы наивны или прикидываетесь наивными. Если Дума будет кадетская, ситуация получится иная, но все же Дума будет чучелом. Рабочими руководил замечательно чуткий классовый инстинкт, когда они своей бесподобной демонстрацией с выборами чучела символизировали будущую Думу, предостерегали доверчивый парод, снимали с себя ответственность за игру в чучела.

Вы не понимаете этого? Позвольте, мы поясним вам.

II.

Социально-политическое значение первых выборов.

Первые политические выборы в России имеют очень крупное политическое и социальное значение. Но кадеты, упоенные своей победой и погрязшие целиком в конституционных иллюзиях, совершенно не способны понять действительное значение этих выборов.

Прежде всего, рассмотрим, какие классовые элементы группируются вокруг кадетов. Выборы дают по этому вопросу чрезвычайно поучительный и ценный материал, который еще далеко, далеко не полон. Кое-что однако уже намечается и заслуживает особенного внимания. Вот итоги данных о выборщиках по 18 марта (т.-е. до петербургских выборов), заимствуемые нами из «Русских Ведомостей»:

Политические направления *).	Число выборщиков, избранных съездами		
	городск. избирателей.	землевла- дельцев.	И т о г о.
Левые	268	128	396
Правые	118	172	290
Беспартийные	101	178	279
т о г о	487	478	965

Как ни скудны еще эти данные, из них видно однако (и петербургские выборы лишь усиливают такой вывод), что русское освободительное движение вообще, партия кадетов в частности, переживает некоторый социальный сдвиг. Центр тяжести этого движения более перемещается к городам. Движение демократизируется. Выдвигается городской обыватель из «мелкоты».

Среди землевладельцев преобладают правые (если допустить, что беспартийные делятся пополам между левыми и правыми, — предположение, которое грешит скорее, вероятно, излишним пессимизмом, чем оптимизмом). Среди городских избирателей — несравненно более сильное преобладание левых.

Помещик ушел от кадетов в союз 17 октября и т. п. партии. Зато мелкая буржуазия, по крайней мере городская (о сельской данных еще нет, да и труднее будет до Думы добыть такие данные), выступает явно на политическую арену, поворачивает явно к демократизму. Если в буржуазно-освободительном (и «освобожденском») движении земских съездов преобладали помещики, то теперь крестьянские восстания и октябрьская революция отбросили большую часть их решительно на сторону контр-революции. Партия кадетов остается двойственной — в ней мы видим и городскую мелкую буржуазию, и либеральных помещиков, — но последние, повидимому, составляют уже меньшинство в партии. Мелко-буржуазная демократическая преобладает.

*) К левым мы отнесли с.-д. (2), к.-д. (304), п. д. р. (4), прогресс. напр. (59), умер. либ. (17), союза равн. евр. (3) и поляк. нац. (7). К правым—октябристов (124), торг.-пром. п. (51), конст.-монарх. (7), правых (49), монархистов ⁷⁴) (54).

С большой вероятностью, почти с достоверностью, мы можем, следовательно, сделать два следующие вывода: во-первых, мелкая буржуазия формируется политически и выступает определенно против правительства; во-вторых, партия к.-д. становится «парламентской» партией мелко-буржуазной демократии.

Эти выводы не совпадают один с другим, как могло бы показаться на первый взгляд. Второй вывод гораздо уже первого, ибо к.-д. охватывают не все мелко-буржуазные демократические элементы, будучи кроме того только «парламентской» (т.-е. *разумеется, квази-парламентской, игрушечно-парламентской*) партией. Насчет значения, напр., петербургских выборов поразительно сходятся все свидетельства, — начиная от бойкой и радикальничающей «Руси», продолжая г. Набоковым ⁷⁵), членом ц. к. кадетов и кандидатом в Думу, и кончая «Новым Временем», — сходятся в том, что это были, собственно, не столько голосования за кадетов, сколько голосования *против правительства*. Кадетам победа досталась, в значительной степени лишь потому, что они оказались (благодаря Дурново и К-о) *самой левой партией*. Действительно, левые партии были устранены насилием, арестами, бойнями, избирательным законом и т. д. Все недовольные, раздраженные, озлобленные, неопределенно-революционные элементы силой вещей, логикой выборной борьбы, вынуждены были сплотиться вокруг кадетов *). То соединение всех прогрессивных выборщиков заодно с кадетами, которое мы произвели в вышеприведенной табличке, произошло и на самом деле. Боролись, в сущности, две крупные силы: за правительство (контр-революционный помещик, капиталист и озверелый чиновник) и против правительства (либеральный помещик, мелкая буржуазия и всякие неопределенные элементы революционной демократии). Что элементы, стоящие левее кадетов, отдавали им свои голоса, это несомненно из общей картины петербургских **) выборов, это подтверждают и прямые показания многочисленных свидетелей (подача голоса «простонародьем» за «свободу» и проч. и т. п.), это видно косвенным образом и из повального перехода в кадетский лагерь демократической печати, немножечко более левой, чем печать кадетская. Следовательно, если ядро теперешней кадетской партии соста-

*) «Молва» 22 марта: «Ни для кого не секрет, что от этой Думы творческой работы не ждут, и кадетов туда посылают во множестве люди, несогласные с их программой, лишь возлагая на них святое дело и огромный труд расчистки многолетней грязи в авгиевых конюшнях наших, сиречь в правительстве».

**) Петербургские выборы, давшие все 160 мест кадетам, только с особенной отчетливостью вскрыли то, что намечалось и намечается в выборах по целому ряду других мест. В этом все значение питерских выборов.

влияют, несомненно, люди, наверное негодные ни на что путное, кроме игрушечно-парламентского красноречия, то этого никак нельзя сказать про всю массу мелко-буржуазных избирателей, голосовавших за кадетов. «С нами, в сущности, произошло то же, что происходит в Германии на выборах с социал-демократами, — сказал один кадет репортеру кадетской (или полукадетской) «Нашей Жизни» (№ 401, 23 марта), — за них многие голосуют за то, что они самая оппозиционная партия по отношению к правительству».

Это очень верно сказано. Нехватает только маленького, маленького добавления: немецкие с.-д., как боевая и в полном смысле слова передовая социалистическая партия, группируют вокруг себя многие сравнительно отсталые элементы. Русские кадеты, как в полном смысле слова отсталая и не боевая демократическая партия, увлекли за собой многие передовые и способные на борьбу демократические элементы благодаря насильственному удалению с поля битвы действительно демократических партий. Другими словами: немецкие с.-д. увлекают за собой тех, кто идет позади них; русские к.-д. сами идут позади демократической революции и увлекают за собой многих передовых лишь тогда, когда идущие впереди их населяют по преимуществу места тюремного заключения и вечного успокоения *)... Это мимоходом, чтобы наши кадеты не слишком возмечтали о себе по поводу сравнения их с немецкими с.-д.

Благодаря удалению со сцены игрушечно-парламентской борьбы передовых демократических элементов и на время такого удаления кадеты естественно имеют шансы овладеть тем игрушечным парламентом, который зовется российской Государственной Думой. Если взять вышеприведенные цифры, принять во внимание петербургскую и другие позднейшие победы кадетов, прикинуть примерно громадное преобладание деревенских выборщиков над городскими, присоединить к землевладельческим выборным крестьянских выборных, то в общем и целом надо признать вполне возможным и даже вероятным предположение, что Дума будет кадетской.

*) Интересно отметить признание «Руси», что одной из причин успеха кадетов было допущение ими на свои собрания «левых». Г. С. А—ч пишет в № 18 «Молвы» (22 марта): «Не мало выиграла эта партия (к.-д.) в глазах избирателей и оттого, что, допуская на свои митинги представителей крайних левых партий, победоносно вступала с ними в диспуты». Победоносность кадетов в споре с нами пусть останется при г. А—че. Мы вполне довольны результатами состязаний с.-д. и к.-д. на петербургских собраниях в марте 1906 г. Когда-нибудь беспристрастные участники этих собраний расскажут о том, за кем оставалась победа.

III.

Что такое представляет из себя партия народной свободы?

Какую же роль может сыграть и должна будет сыграть кадетская Дума? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала остановиться на более подробной характеристике самой кадетской партии.

Мы уже отметили основную черту классовой структуры этой партии. Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контр-революционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель, — тот самый городской обыватель, который усердно строил баррикады в Москве в знаменитые декабрьские дни, — а с другой стороны, либеральный помещик, тяготеющий чрез посредство либеральничающего чиновника к сделке с самодержавием, к «безобидному» дележу власти между народом и всякими угнетателями народа божиею милостью. Это чрезвычайно широкая, неопределенная и внутренне противоречивая классовая опора партии (заметно проявляющая себя, как отмечено уже выше, в статистике кадетских выборщиков) отражается с замечательной рельефностью в программе и тактике к.-д. Их программа целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их. В области политики, их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контр-революцию, свободу угнетения народа самодержавием, соединяет с чисто мелко-буржуазной и профессорски-педантской скрупулезностью. Власть в государстве делится приблизительно на три части, — таков идеал кадета. Одна часть — самодержавию. Монархия остается. Монарх сохраняет равные права с народным представительством, которое «соглашается» с ним насчет издаваемых законов, которое предлагает ему на *утверждение* свои *законопроекты*. Другая часть власти — помещику и крупному капиталисту. Они получают верхнюю палату, от которой двухстепенные выборы и ценз по оседлости должны отгонять «простонародные» элементы. Наконец, третья часть власти народу, получающему нижнюю палату на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет, вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контр-революционное правительство.

Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы, и монархия с верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обеспечена.

Лицемерие этой кадетской принципиальной позиции бьет в глаза, фальшь «научных» (профессорски-научных) доводов, которыми она защищается, поразительна. Но было бы в корне ошибочно, разумеется, объяснить это лицемерие и эту фальшь личными качествами кадетских вождей или отдельных кадетов. Марксизму совершенно чуждо подобное вульгарное объяснение, нередко приписываемое нам нашими противниками. Нет, среди кадетов несомненно есть преисскренние люди, верящие в то, что их партия есть партия «народной свободы». Но двойственная и колеблющаяся классовая основа их партии неминуемо порождает их двуличную политику, их фальшь и их лицемерие.

Эти милые черты еще яснее, пожалуй, чем на кадетской программе, сказываются и на кадетской тактике. «Полярная Звезда» ⁷⁶⁾, в которой г. Струве так усердно и так успешно приближал кадетство к повременству, дала превосходную, великолепную неподражаемую обрисовку кадетской тактики. В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России,— в «Полярной Звезде» раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счет Дубасовых кадетские профессора доходили до того (г. Кизеветтер ⁷⁷⁾, член Ц.К. кадетов и кандидат в Думу), что переводили слово диктатура словом усиленная охрана! «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает — примите это раз на всегда к сведению, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы ⁷⁸⁾ и К-о—неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия диктатура, своими воплями против насилия слева в эпоху разгула самого незаконного, самого подлого насилия справа господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во-всю и кричит до исступления: то была

«славная» политическая забастовка. Когда побеждает контр-революция, — соглашатель начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Победенные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Победенное восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу.

Крестьяне борются против помещичьего землевладения. Борьба доходит теперь до своего кульминационного пункта. Она обострилась настолько, что вопрос встал уже ребром: помещики хотят пулеметов в ответ на малейшее поползновение крестьян захватить награбленную дворянами в течение веков землю. Крестьяне хотят взять всю землю. Тогда «Полярная Звезда» с кпелосладкой оговорочкой пошлет в бой господ Кауфманов⁷⁹⁾, которые будут доказывать, что у помещиков земли немного и что дело собственно не в земле и что можно все окончить полюбовно.

Тактическая резолюция последнего кадетского съезда хорошо суммирует политиканство кадетов. После декабрьского восстания, когда мирная стачка самым очевидным для всех образом изжила себя, исчерпала все свои силы, оказалась уже негодной, как самостоятельное средство борьбы, — выплыла на поверхность резолюция кадетского съезда⁸⁰⁾ (предложенная, кажется, г. Винавером⁸¹⁾), признающая *мирную* политическую забастовку, как средство борьбы!

Великолепно, бесподобно, господа кадеты! Вы усвоили себе с неподражаемой ловкостью дух и смысл буржуазного политиканства. Надо стараться опереться на народ. Без этого буржуазия не достигнет власти и никогда не достигала власти. Но надо в то же время сдерживать революционный натиск народа, чтобы рабочие и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и решительной демократии, настоящей, а не монархической, не «двухпалатной» народной свободы. Для этого надо бросать палки под колеса революции всякий раз, когда она побеждает, и делать это следует всеми средствами, всеми мерами, начиная от «научного» искажения латыни «профессорами» для посрамления самой идеи решительной победы народа и кончая хотя бы признанием только таких средств революционной борьбы, которые *уже* отжили свое время в тот момент, когда вы их признаете! Это и без-

вредно, и выгодно. Безвредно, ибо притупившееся оружие заведомо не даст народу победы, не поставит к власти пролетариат и крестьянство, в лучшем случае только расшатает немного самодержавие и поможет кадетам выторговать для буржуазии лишний кусочек «прав». Это выгодно, ибо дает внешний вид «революционности», вид сочувствия народной борьбе, привлекает на сторону кадетов симпатии массы таких элементов, которые искренно и серьезно хотят победы революции.

Самая сущность экономического положения мелкой буржуазии, колеблющейся между капиталом и трудом, неизбежно порождает политическую шаткость и двуличность партии кадетов, ведет к их пресловутой теории соглашения («народ имеет права, но утверждать эти права есть право монарха»), делает из их партии партию конституционных иллюзий. Идеолог мелкой буржуазии не может понять «сущности конституции». Мелкий буржуа всегда склонен принимать бумажку за сущность дела. Он мало способен к самостоятельной, не примыкающей к боевому классу, организации для борьбы непосредственно-революционной. Наиболее отстраненный от самой резкой экономической борьбы нашей эпохи, он и в политике предпочитает уступать первое место другим классам, когда речь идет о настоящем завоевании конституции, об обеспечении на деле настоящей конституции. Пусть за конституционную почву борется пролетариат, а на конституционной почве, поскольку она держится хотя бы на трупах перебитых в восстании рабочих, пусть играют в парламентаризм игрушечного дела людишки, — такова имманентная тенденция буржуазии, и партия кадетов, эта очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащенная персонификация общеклассовых стремлений, действует в указанном направлении с замечательной неуклонностью.

Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы. Вы — партия свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей, палате. Вы — партия народа, ибо вы боитесь победы народа, т. е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кислосладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию.

Когда наступает затишье после отчаянной борьбы, когда наверху «отдыхает уставший от победы», обожравшийся зверь *), а внизу «точат мечи», собирая новые силы, когда начинает снова понемногу бродить и кипеть в народной глубине, когда только еще готовится новый политический кризис и новый великий бой, — тогда партия мещанских иллюзий о народной свободе переживает кульминационный пункт своего развития, упивается своими победами. Обожравшемуся зверю лень подниматься снова, чтобы нападать на либеральных говорунов вплотную (успеется еще! над нами не каплет!). А для борцов рабочего класса и крестьянства не настала еще пора нового подъема. Тут-то и ловить момент, тут-то и собирать голоса всех недовольных (а кто нынче доволен?), тут-то и заливаться соловьем нашим кадетам.

Кадеты — могильные черви революции. Революцию похоронили. Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похорон революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву...

Крестьянин в Думе будет кадетом! воскликнул как-то г. Струве в «Полярной Звезде». Это очень правдоподобно. Крестьянин в массе своей стоит, конечно, за народную свободу. Он услышит эти хорошие, великие слова, он увидит перед собой переряженных в разные «октябристские» костюмы урядников, скулодробительных становых, крепостников-помещиков. Он встанет, наверное, на сторону народной свободы, он потянется за красиво-намалеванной вывеской, он не разгадает сразу мещанского обмана, он станет кадетом... он будет кадетом до тех пор, пока ход событий не укажет ему, что народная свобода *еще* должна быть завоевана, что настоящая борьба за народную свободу предстоит *вне* Думы. А тогда... тогда и крестьянин, и масса городской мелкой буржуазии расколется: небольшое, но экономически-сильное, кулацкое меньшинство может встать уже решительно на сторону контр-революции, часть встанет на сторону «соглашения», «примирения», полюбовной сделки с монархией и с помещиками, часть уйдет на сторону революции.

*) *Скиталец*: «Проклятая страна»: «Струны порваны! песня, умолкни теперь! Все слова мы до битвы сказали. Снова ожил дракон-издыхающий зверь, и мечи вместо струн зазвучали... Тихо стало кругом; в этой жуткой ночи нет ни звука из жизни бывалой. Там—внизу—побежденные точат мечи, наверху — победитель усталый. Одряхлел и иссох обожравшийся зверь. Там, внизу что-то видит он снова, там дрожит и шатается старая дверь, богатырь разбивает окопы».

Обыватель строил баррикады в декабре, во время великой борьбы. Обыватель протестовал против правительства, выбирая кадета, после подавления восстания, в марте. Обыватель отойдет еще от кадета к революции, когда потерпят крах теперешние конституционные иллюзии. Какая часть обывателей отойдет от кадетской болтовни к революционной борьбе, какая часть крестьянства присоединится к ним, насколько энергично, организованно и успешно выступит в новом натиске пролетариат, — это решит исход революции.

Партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия. Это утверждение может показаться парадоксом в такой момент, когда кадеты одерживают блестящие победы на выборах, когда им предстоят, вероятно, еще более блестящие «парламентские» победы в Думе. Но марксизм учит нас рассматривать всякое явление в его развитии и не довольствоваться одним поверхностным очертанием, не верить в красивые вывески, исследовать экономические, классовые основы партий, изучать ту объективную политическую обстановку, которая пред решит значение и исход их политической деятельности. Примените этот метод рассмотрения к кадетам, — и вы увидите правильность нашего утверждения. Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контр-революционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате. Они не могут властвовать, ибо настоящие хозяева буржуазного общества, разные Шиповы ⁸²⁾ и Гучковы, представители крупного капитала и крупной собственности, стоят в стороне от этой партии. Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, «идеальном» буржуазном обществе. Гучковы и Шиповы — партия черненького, настоящего, реального капитала в современном буржуазном обществе. Кадеты не могут вести революцию вперед, ибо нет за ними сплоченного и действительного революционного класса. Они боятся революции. Они сплачивают вокруг себя всех, весь «народ» лишь на почве конституционных иллюзий, объединяют лишь отрицательной связью: ненавистью к обожравшемуся зверю, — к самодержавному прави-

тельствѣ, противъ котораго *всехъ левее* на данной «легальной» почве стоятъ сейчасъ кадеты.

Историческая роль кадетов — переходная, минутная роль. Они падутъ вместе съ неизбежнымъ и быстрымъ падениемъ конституционныхъ иллюзий, какъ пали очень похожие на нашихъ кадетовъ и такіе же мелко-буржуазные французскіе социал-демократы конца 40-хъ годовъ. Кадеты падутъ, удобривъ почву... либо для продолжительнаго торжества Шиповыхъ и Гучковыхъ, для длительныхъ похоронъ революціи, для «серьезнаго» буржуазнаго конституціонализма, либо для революціонно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

IV.

Роль и значеніе кадетской Думы.

Итакъ, Государственная Дума, говорятъ намъ либеральныя газеты, будетъ кадетской. Мы указали уже, что это предположеніе вполне вероятное. Добавимъ только, что если кадеты окажутся, несмотря на свои теперешнія победы, въ меньшинствѣ въ Думѣ, то это обстоятельство врядъ ли особенно существенно измѣнитъ ходъ того политическаго кризиса, который вновь назрѣваетъ теперь въ Россіи. Элементы этого революціоннаго кризиса коренятся слишкомъ глубоко, чтобы тотъ или иной составъ Думы могъ оказать серьезное вліяніе. Отношеніе широкихъ массъ населенія къ правительству вполне ясное. Отношеніе правительства къ назревшимъ нуждамъ всего общественнаго развитія болѣе чѣмъ ясное. Революція, естественно, будетъ идти впередъ при такомъ положеніи дѣлъ. Одно только вероятное замедленіе въ известныхъ сторонахъ политическаго развитія Россіи будетъ связано съ преобладаніемъ черносотенцевъ въ первой Думѣ. Именпо: замедлится крахъ кадетской партіи и кадетскаго обаянія въ народѣ, если кадеты будутъ теперь въ меньшинствѣ. Быть въ меньшинствѣ, оставаться въ оппозиціи для нихъ теперь очень удобно. Перевѣсъ черносотенцевъ сваливался бы въ глазахъ публики на правительственныя репрессіи при выборахъ. Оппозиціонныя речи кадетовъ, сознающихъ «безвредность» своей оппозиціи, были бы особенно горячи. Передъ широкими массами политически неразвитаго населенія престижъ кадетовъ могъ бы подниматься при такихъ условіяхъ, когда кадетскіе «слова» звучали бы еще громче, чѣмъ теперь, а кадетскіе «дѣла» оставались бы еще неясными вследствие майоризированія кадетовъ октябристами. Ростъ недовольства противъ правительства, подготовленіе новаго революціоннаго подъема шли бы и тогда своимъ чередомъ, но разоблаченіе кадетской пустоты могло бы несколько замедлиться.

Возьмем теперь другое предположение, более вероятное, если верить теперешним уверениям кадетских газет. Допустим, что кадеты будут в Думе в большинстве, — разумеется, при таком же соединении с кадетами разных непартийных, «мелко-партийных» и прочих либералов, которое наблюдается и теперь при выборах. Каковы будут значение и роль кадетской Думы?

Сами кадеты дают очень определенные ответы на этот вопрос. Их заявления, их обещания, их громкие фразы дышат твердостью и решимостью. И нам, членам рабочей партии, в высшей степени важно тщательно собрать все эти заявления, хорошенько запомнить их, шире распространить их в народе, добиться непременно того, чтобы уроки политического воспитания (преподаваемые кадетами народу) не пропали даром, чтобы рабочие и крестьяне доподлинно знали, *что обещают кадеты и как они выполняют свои обещания.*

В настоящей брошюре,—которая представляет из себя не более, как беглые заметки странствующего с.-д. публициста, отставленного, волею Дурново и К-о, от газетной работы, — в этой брошюре мы не можем и думать о том, чтобы собрать все или хотя бы даже наиболее существенные заявления и обещания кадетов, шедших в Думу. Мы можем отметить лишь кое-что на основании литературы, которая случайно находится у нас под руками.

Вот газета «Народная Свобода», выходявшая в декабре и быстро закрытая правительством. Это — прямой, официальный орган кадетской партии. Такие столпы этой партии, как г.г. Милюков⁸³⁾ и Гессен⁸⁴⁾, редактировали эту газету. Что вся партия к.-д. отвечает за ее содержание, в этом не может быть ни малейшего сомнения.

В номере от 20 декабря «Народная Свобода» принимается уверять читателя, что необходимо идти в Думу. Как же аргументирует при этом орган кадетов? «Н. Свобода» и не думает спорить против того, что очередная политическая задача для России состоит в созыве Учредительного Собрания. Орган кадетов принимает это положение за доказанное. Вопрос только в том, видите ли, кто созовет это Учредительное Собрание. Возможен троякий ответ: 1) теперешнее, т.-е. на деле самодержавное, правительство; 2) временное революционное правительство и 3) Государственная Дума, как *«власть, конкурирующая с властью»*. И вот, кадеты отвергают оба первые исхода, — на самодержавное правительство они не надеются, а в успех восстания не верят. Зато третий исход кадеты принимают. Они именно по тому и зовут в Думу, что это лучший, вернейший и проч., и пр. способ созыва Всенародного Учредительного Собрания.

Запомните хорошенько этот вывод, господа! Кадетская партия, партия «народной свободы», *обещала народу* воспользоваться «властью, конкурирующей с властью», воспользоваться преобладанием своим в Государственной Думе (если народ поможет ей добиться такого преобладания) *для созыва Всенародного Учредительного Собрания*.

Это — исторический факт. Это — важное обещание. Это первая проверка того, как будет служить народной свободе без кавычек партия «народной свободы» в кавычках.

В теперешних газетах кадетской партии (а к этой партии, повторяем, *фактически* примкнули почти все либеральные органы, в том числе «Гусь», «Наша Жизнь» и т. п.) вы уже не встретите такого обещания. Говорят разве об «учредительных функциях» Думы, но уже не о созыве Думой Всенародного Учредительного Собрания. По мере приближения того времени, когда обещания должны подкрепляться выполнением их, *делается уже шаг назад*, готовится уже *лазейка*.

Или, может быть, все дело в том, что свирепые законы мешают теперь говорить прямо об Учредительном Собрании? Не так ли, господа? Ведь в Думе, где ваши депутаты будут пользоваться, *по закону*, свободой слова, вы заговорите снова полным голосом, вы потребуете созыва... что я говорю?... *вы созовете* Всенародное Учредительное Собрание?

Поживем — увидим. И не забудем обещания кадетов созвать чрез посредство Думы Всенародное Учредительное Собрание. Кадетские газеты так и пестрят теперь заявлением о том, что они, кадеты, будут «правительством», что у них будет «власть» и проч. и т. п. В час добрый, господа! Чем скорее у вас будет большинство в Думе, тем скорее наступит время, когда ваши векселя будут предъявлены к уплате. Вот кадетская газета «Русь», приветствуя питерскую победу партии «народной свободы», помещает в номере от 22 марта горячую статью: «С народом или против него?». О созыве Всенародного Учредительного Собрания Думой здесь прямо не говорится. Но, несмотря на этот шаг назад от данных кадетами обещаний, остается все же не мало хороших кадетских перспектив:

«Главное назначение собирающейся теперь Думы и партии народной свободы в ней — быть бичом народного гнева.

«Изгнав и отдав под суд преступных членов правительства, ей придется заняться лишь неотложными мерами, а затем созвать настоящую Думу — на более широких основаниях, представительницу всего народа» (т.-е. созвать Учредительное Собрание?).

«В этом несомненная задача Думы, т.-е. та задача, которую возлагает на нее теперь сам народ».

Так. Так. Изгнать правительство. Отдать под суд правительство. Созвать настоящую Думу.

Хорошо пишет газета «Русь». Хорошо говорят кадеты. Удивительно красиво говорят кадеты. Нехорошо только, что закрывают их газеты за эти хорошие слова...

Запомним же, господа, это новое обещание, данное на другой день после питерских выборов, запомним его хорошенько. Кадеты идут в Думу, чтобы прогнать правительство, чтобы отдать под суд правительство, чтобы созвать настоящую Думу.

От кадетских обещаний на счет Думы перейдем теперь к правительственным «видам» насчет кадетской Думы. Конечно, знать в точности этих «видов» никому не дано, но некоторый материал для суждения об этом имеется, даже у тех же самых оптимистских кадетских газет. Вот, напр., относительно займа во Франции получаются все более уверенные сообщения, что этот заем дело решенное, что состоится он до Думы. Правительство будет, конечно, еще менее независимо от Думы.

Далее, относительно перспектив министерства Витте-Дурново та же газета «Русь» (или «Молва») в цитированной выше статье предлагает правительству «итти вместе с народом, т.-е. Думой». Как видите, «изгнание преступных членов правительства» понимается собственно лишь в смысле известной перемены лиц. Какой перемены, видно из следующих слов газеты:

«Теперь даже для самой реакции было бы самым выгодным министерство такого деятеля, как Д. Н. Шипов. Оно одно могло бы предотвратить конечное столкновение правительства и общества в Думе». Но мы идем «худшим шансом», замечает газета, ожидая образования чисто чиновничьего министерства. «Тут доказывать нечего — говорит «Молва», — ясно до очевидности всем, что если правительство не собирается лишить значения Думы, то оно должно, оно обязано немедленно дать отставку Дурново, Витте и Акимову⁸⁵). И так же ясно, что если это не делается, если это не будет сделано, то это лишь означает, что жандармская политика «обуздания и пресечения» собирается быть примененной и по отношению народных представителей, и против Государственной Думы. А для этого, конечно, годнее всего уже и без того по локоть запачканные в народной крови руки. Совершенно ясно: если г. Дурново остается при оппозиционной Думе, то только для того, чтобы разгонять ее. Другого смысла нет и быть не может. Это понимают все. Понимает и биржа, и заграница». «Противодействовать» Думе значит «пустить государственный корабль в такую бурную пучину» и т. д., и т. д.

Наконец, для полноты картины приведем еще следующее сообщение кадетской «Нашей Жизни» от 21 марта насчет «бюрократических сфер», относительно которых эта газета старается в особенности тщательно осведомлять читателя:

«Все возрастающий успех к.-д. партии обратил на себя внимание сфер. Вначале этот успех произвел было некоторое смущение, но в настоящее время к этому относятся вполне спокойно. В воскресенье по этому вопросу состоялось частное совещание высших представителей правительства, на котором выяснялось это отношение и, кроме того, намечена была, так сказать, тактика. Между прочим, были высказаны весьма характерные соображения. По мнению некоторых, успех к.-д. правительству прямо выгоден: ибо, если в Думу пройдут правые элементы, то это только сыграло бы в руку крайним группам, которые получили бы возможность, ссылаясь на состав, пропагандировать против Думы и указывать, что она искусственно подобрана в реакционном составе; общество в массах отнесется с тем большим уважением к Думе, чем больше там будет представителей к.-д. партии. Что же касается тактики по отношению к Думе, то большинство придерживается того мнения, что опасаться каких-нибудь «сюрпризов» нет оснований, «при тех рамках, в которые поставлена Дума», как откровенно заметил один из присутствовавших. Ввиду этого большинство полагает отнюдь не препятствовать будущим членам Думы, «даже если б они стали критиковать отдельных правительственных лиц». Этого ожидают очень многие, и общее мнение бюрократов в данном отношении сводится к тому, что «пусть поговорят»; «потребуется привлечения к суду; быть может, дадут делу ход и т. д.; а потом им самим надоеет; что из этих дел выйдет, — еще видно будет, а пока что члены должны же будут заниматься вопросами страны — и все войдет в норму. Если же члены вздумают выражать недоверие правительству, то это тоже не имеет значения; в конце концов, ведь министры назначаются не Думой». Эти аргументы, как говорят, успокоительно подействовали даже на Дурново и Витте, которые в первое время смутились успехами к.-д. партии.

Итак, вот перед вами мнения, взгляды и намерения заинтересованных непосредственных участников «дела». С одной стороны, перспективы борьбы. Кадеты обещают прогнать правительство и создать новую Думу. Правительство собирается разогнать Думу, — и тогда «Сурная пучина». Вопрос, значит, в том, кто кого прогонит или кто кого разгонит. С другой стороны, перспективы сделки. Кадеты полагают, что министерство Шипова могло бы предотвратить столкновения правительства и общества. Правительство полагает: пусть поговорят,

даже и к суду кое-кого можно потянуть, а министров ведь назначает не Дума. Мы нарочно приводили исключительно мнения самих участников гешефта и притом исключительно в их собственных выражениях. Мы ничего не добавляли от себя. Прибавлять — значило бы ослаблять впечатление свидетельских показаний. Из этих показаний сущность кадетской Думы обрисовывается с великолепной наглядностью.

Либо борьба, и тогда бороться будет не Дума, а революционный народ. Дума надеется пожать плоды победы. Либо сделка, и тогда обманутым окажется, во всяком случае, народ, т.-е. пролетариат и крестьянство. Об условиях сделки люди, в настоящем смысле слова деловые, не говорят раньше времени, и только горячие «радикалы» иногда пробалтываются: ну, вот, например, замена чиновничьего министерства министерством «честного буржуа» Шипова, тогда можно бы сторговаться безобидно для обеих сторон... Тогда очень, очень близко было бы к осуществлению кадетского идеала: первое место монархии; второе — помещичьей и фабрикантской верхней палате с соответствующим ее направлению министерством Шипова; третье место «народной» Думе.

Само собою разумеется, что эта альтернатива, как всякие предположения относительно социального и политического будущего, намечает только главные и основные линии развития. В действительной жизни часто наблюдаются решения смешанные, линии переплетающиеся, — борьба перемежается с сделкой, сделка дополняется борьбой. Вот г. Милюков в «Речи» ⁸⁶⁾ (от пятницы, 24 марта) так, именно так, и рассуждает насчет перспектив определившейся уже кадетской победы: напрасно, дескать, нас считают и объявляют революционерами. Все зависит от обстоятельств, господа, — поучает власть имущих наш «диалектик обаятельный», — ведь и Шипов был до 17 октября «революционером». Захотите вы идти с нами на сделку ио-божески, по-хорошему, ну тогда реформа, а не революция. Не захотите, ну тогда придется, вероятно, оказать на вас некоторое давление снизу, немножечко подпустить революции, припугнуть вас, ослабить вас каким-нибудь ударом революционного народа, вы станете тогда податливее, — ан, глядишь, сделка будет для нас выгоднее.

Элементы задачи, следовательно, таковы. У власти стоит правительство, которому заведомо не доверяет широкая масса буржуазии, которое ненавидят рабочие и состоятельные крестьяне. У правительства громадные орудия силы в руках. Слабый пункт один — деньги. Да и то неизвестно: может быть, еще удастся раздобыть заем до Думы. Против правительства стоит, согласно нашему предположению, кадетская Дума. Чего она хочет? Ее цена «с запросом» известна:

это кадетская программа, монархия и верхняя палата с демократической нижней палатой. Ее цена без запроса? — неизвестна. Ну, что-нибудь вроде министерства Шипова, что ли... Он, правда, против прямого избирательного права, ну как-нибудь, все же честный человек... сошлись бы, вероятно. Ее средства борьбы: отказ давать деньги. Средство ненадежное, ибо, во-первых, деньги, пожалуй, будут и без Думы, а, во-вторых, по закону права Думы насчет финансового контроля самые убогие. Другое средство: «чтобы они стреляли» — помните, как Катков ⁸⁷⁾ изображал отношение либералов к правительству: уступи, а не то «они» будут стрелять. Но во времена Каткова «они» были кучкой героев, которые не могли ничего сделать, кроме убийства отдельных лиц. Теперь «они» — это вся масса пролетариата, показавшего в октябре способность к поразительно единодушному все-российскому выступлению, показавшего в декабре способность к вооруженной упорной борьбе. «Они» теперь уже и крестьянская масса, которая показала способность к революционной борьбе в разрозненной, несознательной, неединодушной форме, но в этой массе растет число сознательных, которые способны, при подходящих условиях, при малейшем дуновении свободного ветерка (нынче от сквозняков так трудно уберечься!) повести за собой миллионы. «Они» могут уже не то, что министров убить. «Они» могут смести дочиста и монархию, и всякие намеки на верхнюю палату, и все помещичье землевладение, и даже постоянную армию. «Они» не только могут сделать это, «они» неминуемо сделают это, если ослабнет гнет военной диктатуры — последнее прибежище старого порядка, последнее не на основании теоретического расчета, а на основании приобретенного уже практического опыта.

Таковы элементы задачи. Как она будет решена, этого невозможно предсказать с абсолютной точностью. Как *хотим* ее решать мы, социал-демократы, как *будут* ее решать все сознательные рабочие и сознательные крестьяне, это не подлежит сомнению: стремиться к полной победе крестьянского восстания и к завоеванию действительно демократической республики. Какова *будет* тактика кадетов при таком положении задачи, какова *должна быть* эта тактика, независимо от воли и сознания отдельных лиц, в силу объективных условий существования мелкой буржуазии в капиталистическом, борющемся за свое освобождение, обществе?

Тактика кадетов неминуемо и неизбежно сведется к тому, чтобы лавировать между самодержавием и победой революционного народа, не давая ни одному противнику решительно и окончательно раздавить другого. Если самодержавие решительно и окончательно раздавит

революцию, то кадеты станут бессильными, ибо их сила есть сила производная от революции. Если революционный народ, т.-е. пролетариат и восстающее против всего помещичьего землевладения крестьянство, раздавит решительно и окончательно самодержавие, следовательно, сметет и монархию и все ее привески, то кадеты тоже будут бессильны, ибо все жизнеспособное тотчас же уйдет от них на сторону революции или контр-революции, в партии же останется парочка Кизеветтеров, вздыхающих о «диктатуре» и подыскивающих в латинских словарях значения подходящих латинских слов. Коротко говоря, тактику кадетов можно выразить так: *обеспечить поддержку кадетской партии революционным народом*. Слово: «поддержка» должно выражать именно такие действия революционного народа, которые, во-первых, всецело подчинялись бы интересам кадетской партии, ее указаниям и т. д., и которые, во-вторых, не были бы слишком решительными, наступательными, главное, не были слишком сильными действиями. Революционный народ должен быть несамостоятелен, это раз, и не должен побеждать окончательно, разгромять своего врага, это два. Эту тактику неизбежно будет проводить, в общем и целом, вся кадетская партия и всякая кадетская Дума, при чем, разумеется, эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом «научных» исследований *), «философских» туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, «литературно-критических» взвизгиваний (à la Бердяев ⁸⁸) и т. д., и т. д.

Наоборот, революционная социал-демократия не может в настоящее время определять свою тактику положением: поддержка кадетской партии и кадетской Думы. Такая тактика была бы не верна и никуда не годна.

Нам возразят, разумеется: как? вы отрицаете то, что признано и вашей программой, и всей международной социал-демократией? Поддержку социал-демократическим пролетариатом революционной и оппозиционной буржуазной демократии? Да ведь это анархизм, утопизм, бунтарство, бессмысленный революционизм.

Позвольте, господа. Позвольте прежде всего напомнить вам, что перед нами не общий, не абстрактный вопрос о поддержке буржуазной демократии вообще, а конкретный вопрос о поддержке именно кадетской партии и именно кадетской Думы. Мы не отрицаем общего положения, но требуем особого анализа условий конкретного приложения

*) Вроде исследования г. Кизеветтера, открывшего, что диктатура значит по-латыни усиленная охрана.

этих общих принципов. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это забывает, например, Плеханов, когда выдвигает уже не в первый раз и особенно подчеркивает тактику: «Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реакцию». Это верное положение, но оно до смешного общее: оно относится одинаково и к России 1870 г., и к России 1906 года, и к России вообще, и к Африке, Америке, Китаю и Индии. Оно ничего не говорит и ничего не дает, ибо вся задача в определении того, что такое реакция, и с кем именно как именно надо объединиться (или если не объединиться, то согласовать свои действия), чтобы изолировать реакцию. Плеханов боится дать конкретное указание, а на деле, на практике его тактика сводится, как мы уже показали, к избирательным картелям между с.-д. и к.-д., к поддержке кадетов социал-демократией.

Кадеты против реакции? Я беру цитированный уже мной № 18 «Молвы» от 22 марта. Кадеты хотят прогнать правительство. Это великолепно, это против реакции. Кадеты хотят помириться с самодержавным правительством на министерстве Шипова *). Это скверно. Это один из худших видов реакции. Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о реакции вы еще не делаете ни шага вперед.

Кадеты — буржуазная демократия? Справедливо. Но, ведь, крестьянская масса, которая добивается конфискации всех помещичьих земель, т.-е. того, чего не хотят кадеты, есть тоже буржуазная демократия. И формы, и содержание политической деятельности той и другой части буржуазной демократии различны. Которую же из них нам важнее именно сейчас поддерживать? Можем ли мы, вообще говоря, в эпоху демократической революции поддерживать первую? Не будет ли это означать измену второй? Или, может быть, вы станете отрицать, что кадеты, готовые помириться в политике на Шипове, способны помириться в аграрном вопросе на Кауфмане? Вы видите, господа: с абстрактным положением, с голой фразой о буржуазной демократии вы не делаете еще ни шага вперед.

— Но кадеты единая, сильная, жизнеспособная, парламентская партия!

*) Мне скажут, пожалуй: это ложь. Это просто взболтнула вздор болтливая «Молва». Прошу прощения: по-моему, это правда. Болтливая «Молва» выболтала правду,—конечно, приблизительную, не буквально точную правду. Кто решит каш спор? Ссылка на кадетские заявления? Но я не верю в политике на слово. Кадетские дела? Да, этому критерию я верю. И кто рассмотрит все политическое поведение кадетов в общем и целом, тот должен будет признать, что сказанное «Молвой» в основе своей есть правда.

Исправда. Кадеты не единая, не сильная, не жизнеспособная и не парламентская партия. Они не едины, ибо за них голосовало много людей, способных на борьбу до конца, а не только на сделку. Они не едины, ибо их социальная опора внутренне-противоречива: от демократической мелкой буржуазии до контр-революционного помещика. Они не сильны, ибо в качестве партии они не хотят и не могут участвовать в той обостренной, открытой гражданской войне, которая разгорелась в России в конце 1905 года и которая имеет все шансы вспыхнуть с новой энергией в недалеком будущем. Они не жизнеспособны, ибо в случае даже осуществления их идеала главенствующей силой в созданном по этому идеалу обществе будут не они, а «сурьезио» буржуазные Шиповы, Гучковы. Они не парламентская партия, ибо у нас нет парламента. У нас нет конституции, а есть только конституционное самодержавие, есть только конституционные иллюзии, особенно вредные в эпоху обостренной гражданской войны и особенно усердно распространяемые кадетами.

И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Особенности современного момента русской революции именно таковы, что объективные условия выдвигают на авансцену решительную, внепарламентскую борьбу за парламентаризм, а потому нет ничего вреднее и опаснее и такой момент, как конституционные иллюзии и игра в парламентаризм. Партии «парламентской» оппозиции в такой момент, может быть, опаснее и вреднее, чем партии откровенно и вполне реакционные: это положение может показаться парадоксом только тому, кто совершенно неспособен к диалектическому мышлению. В самом деле: если в самых широких массах народа вполне созрело требование парламентаризма, если это требование опирается также на всю общественно-экономическую вековую эволюцию страны, если политическое развитие подвело вплотную к осуществлению этого требования, то что может быть опаснее и вреднее притворного осуществления его? Откровенный антипарламентаризм безопасен. Он осужден на смерть. Он умер. Попытки воскресить его оказывают лишь самое лучшее воздействие в смысле революционизирования наиболее отсталых слоев населения. Единственным возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие», становится создание и распространение конституционных иллюзий. Это — единственно правильная, единственно разумная политика самодержавия.

И я утверждаю, что кадеты в настоящее время больше содействуют этой разумной самодержавной политике, чем «Московские Вед.». Возьмите, напр., спор между этими последними и либеральной печатью по вопросу о том, есть ли Россия конституционная монархия.

Нет, говорят «Московские Ведомости»⁸⁹). Да, говорят хором кадетские газеты. В этом споре «Московские Ведомости» прогрессивны, а кадетские газеты реакционны, ибо «Московские Ведомости» говорят правду, разоблачают иллюзию, aussprechen was ist, а кадеты говорят ложь,—благонамеренную, благожелательную, искренне-добросовестную, красивую, стройную, научно-прилизанную, кизеветтерски-подкрашенную, салонно-приличную, а все же-таки ложь. И нет ничего опаснее, нет ничего вреднее в данный момент борьбы,—по объективным условиям этого момента,—как подобная ложь.

Маленькое отступление. Мне пришлось недавно выступить с политическим рефератом в квартире одного очень просвещенного и чрезвычайно любезного кадета. Пospорили. Представьте себе, говорил хозяин, что перед нами дикий зверь, лев, а мы двое, отданных на растерзание рабов. Уместны ли споры между нами? Не обязаны ли мы объединиться для борьбы с этим общим врагом, «изолировать реакцию», как превосходно выражается самый мудрый и самый дальновидный социал-демократ, Г. В. Плеханов?—Пример хороший, и я его принимаю, — ответил я. Но как быть, если одни из рабов советует запастись оружием и напасть на льва, а другой как раз во время борьбы рассматривает повешенный у льва нагрудничек с надписью «конституция» и кричит: «Я против насилия и справа, и слева», «я—член парламентской партии, я стою на конституционной почве». Не могло ли бы оказаться так, что львенок, выбалтывающий истинные цели льва, оказался при таких условиях более полезным просветителем масс и развивателем политического и классового сознания, чем терзаемый львом раб, распространяющий веру в нагрудничек?

В том-то вся и суть, что при ходячих рассуждениях о поддержке социал-демократией буржуазной демократии слишком часто забывают из-за общих, абстрактных положений особенности конкретного момента, когда назревает решительная борьба за парламентаризм и когда одним из орудий борьбы против парламентаризма является со стороны самодержавного правительства игра в парламентаризм. При таких условиях, когда еще предстоит окончательная вне-парламентская битва, ставить задачей рабочей партии поддержку партии парламентских соглашателей, партии конституционных иллюзий было бы прямо роковой ошибкой, если не преступлением перед пролетариатом.

Представим себе, что мы имеем в России установившийся парламентский строй. Это значило бы, что парламент стал уже главной формой господства правящих классов и сил, стал уже главной ареной борьбы социально-политических интересов. Революционного движе-

ния в непосредственном значении этого слова нет на-лицо, условия экономические и прочие не порождают революционных взрывов в данный, т.-е. предполагаемый нами, момент. Никакие революционные декламации при таких условиях, конечно, не в силах были бы «вызвать» революции. Отказ от парламентской борьбы был бы при таких условиях совершенно непозволителен для социал-демократии. Рабочая партия должна бы была самым серьезным образом взяться за парламентаризм, участвовать в выборах в «Думу» и в самой «Думе», подчинить всю свою тактику условиям образования и успешного функционирования парламентской социал-демократической партии. Тогда поддержка партии кадетов в парламенте против всех правее стоящих партий была бы безусловной нашей обязанностью. Тогда бы и против избирательных соглашений с этой партией при совместных выборах, скажем в губернских избирательных собраниях (при не прямых выборах), нельзя было бы возражать безусловно. Мало того. Тогда даже поддержка шиповцев социал-демократами в парламенте против настоящих и беспардонных реакционеров была бы нашей обязанностью; реакция стремится изолировать нас,—сказали бы тогда,—мы должны стремиться изолировать реакцию.

Теперь же в России и речи быть не может о наличии установившегося, общепризнанного, действительного парламентского режима. Теперь в России главною формою господства правящих классов и социальных сил заведомо является непарламентская форма, главной ареной борьбы социально-политических интересов заведомо является не парламент. При таких условиях поддержка партии парламентских соглашателей была бы самоубийством рабочей партии,—и, наоборот, поддержка буржуазной демократии, действующей непарламентски, хотя бы стихийно, разрозненно, несознательно (вроде крестьянских вспышек), выдвигается на первый план, становится серьезным настоящим делом, которому должно быть подчинено все остальное... Восстание при таких социально-политических условиях есть реальность; парламентаризм есть игрушка, несущественное поприще борьбы,—приманка гораздо более, чем действительная уступка. Дело, значит, совсем не в том, чтобы мы отрицали или недооценивали парламентаризм, и общими фразами насчет парламентаризма наша позиция ничуть не затрагивается. Дело в конкретной обстановке именно данного момента демократической революции, когда соглашатели буржуазии, когда либеральные монархисты, не отрицая сами возможности того, что Дурново просто разгонит Думу или что закон окончательно сведет эту Думу к нулю, объявляют тем не менее парламентаризм серьезным делом, а восстание—утопией, анархизмом, бунтар-

ством, бессильным революционаризмом и как там говорят все эти Кизеветтеры, Милоковы, Струве, Изгоевы и прочие герои мещанства.

Представьте себе, что социал-демократическая партия приняла участие в выборах в Думу. Проведено известное число соц.-дем. выборщиков. Чтобы не дать победить черносотенцам, приходится (раз уже влез в эту нелепую комедию выборов) поддерживать кадетов. Партия с.-д. заключает избирательное соглашение с к.-д. Известное число с.-д. проходит при помощи к.-д. в Думу. Спрашивается, стоила ли бы овчинка выделки? Выиграли бы ли мы или проиграли при этом? Во-первых, широко осведомить массы об условиях и характере наших избирательных соглашений с к.-д. с социал-демократической точки зрения мы не могли бы. Кадетские газеты в сотнях, тысячах и миллионах экземпляров разнесли бы буржуазную ложь и буржуазное извращение классовых задач пролетариата. Наши листочки, наши оговорочки в отдельных заявлениях были бы каплей в море. Мы оказались бы *на деле* именно безгласным придатком кадетов. Во-вторых, вступая в соглашение, мы, несомненно, молчаливо или открыто и формально, — это все равно, — взяли бы на себя перед пролетариатом известную ответственность за кадетов, за то, что они лучше всех остальных, за то, что их кадетская Дума поможет народу, за всю их кадетскую политику. Сумели ли бы мы последующими «заявлениями» снять с себя ответственность за те или иные кадетские шаги, это еще вопрос, да и заявления остались бы заявлениями, а *факт* избирательного соглашения был бы уже на-лицо. А разве мы имеем основание хоть сколько-нибудь, хоть косвенно поручиться пред пролетариатом и перед крестьянской массой за кадетов? Разве не дали нам кадеты тысячи доказательств своего сходства именно с теми немепкими кадетскими профессорами, именно с теми «франкфуртскими фразерами», которые не то, что Думу, а даже Национальное Учредительное Собрание сумели превратить из орудия развития революции в орудие притупления революции, придушения (морального) революции? Поддержка кадетской партии была бы ошибкой со стороны социал-демократии, и наша партия хорошо сделала, что бойкотировала выборы в Думу.

Поддержка кадетской партии и теперь не может быть задачей социал-демократии. Поддерживать кадетскую Думу мы не можем. Соглашатели и перебежчики во время войны могут быть даже опаснее неприятеля. Шипов, по крайней мере, не называет себя «демократом» и за ним не пойдет «мужичок», желающий «народной свободы». А если партия «народной свободы», заключив тот или иной договор о взаимной поддержке к.-д. и с.-д., заключила бы затем сделку с самодержавием

о замене Учредительного Собрания министерством того же Шипова,—или свела бы свою «деятельность» к звонким речам и велеречивым резолюциям, то мы оказались бы в самом фальшивом положении.

Ставить задачей рабочей партии в настоящий момент поддержку кадетов—это было бы все равно, как если бы задачей пара объявили не двигать паровозную машину, а поддерживать возможность давать паровозные свистки. Будет пар в котлах,—будут свистеть и свистки. Будет сила у революции,—будут свистеть и кадеты. Свистки подделывать можно, и в истории борьбы за парламентаризм много раз буржуазные предатели народной свободы подделывали свистки и водили за нос простодушных людей, доверявшихся всяким «первым представительным собраниям».

Наша задача—не поддержка кадетской Думы, а использование конфликтов внутри этой Думы и связанных с этой Думой для выбора наилучшего момента нападения на врага, восстания против самодержавия. Сообразоваться с тем, как растет политический кризис в Думе и около Думы, мы должны. Для учета общественного настроения, для более правильного и точного определения «момента кипения» вся эта думская кампания должна иметь для нас огромное значение, но значение симптома, а не реального поля борьбы. Не кадетскую Думу будем мы поддерживать, не с кадетской партией должны мы считаться, а с теми элементами городской мелкой буржуазии и особенно крестьянства, которые, подав голоса за кадетов, неизбежно начнут разочаровываться в них и настраиваться на боевой лад,—и это тем скорее, чем решительнее победят кадеты в Думе. Наша задача—использовать в интересах организации рабочих, в интересах разоблачения конституционных иллюзий, в интересах подготовки военного наступления всю ту отсрочку, которую дает нам оппозиционная Дума (нам очень выгодна отсрочка ввиду того, что пролетариат должен хорошенько собраться с силами). Наша задача—быть на своем посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своею целью мы поставим тогда не поддержку кадетов (в лучшем случае они будут только слабым рупором революционного народа), а свержение самодержавного правительства и переход власти в руки революционного народа. Если пролетариат и крестьянство победят в восстании, тогда кадетская Дума в несколько минут подмахнет бумажку о присоединении ее к манифесту революционного правительства, созывающего Всенародное Учредительное Собрание. Если восстание будет подавлено,—истощенный борьбой победитель, может быть, окажется вынужденным поделиться доброй половиной власти с кадетской Думой, которая усядется за пирог и примет резо-

люцию сожаления по поводу «безумства» вооруженного восстания в такой момент, когда действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко... Были бы трупы, а черви всегда найдутся.

V.

Образчик кадетского самодовольства.

Для оценки побед кадетов и задач рабочей партии в настоящий момент громадную важность представляет анализ предыдущего периода русской революции в его взаимоотношении к периоду настоящему. Опубликованные проекты тактических резолюций большинства и меньшинства *) определяют две линии, два направления мысли, связанные с различными способами этой оценки. Отсылая читателя к этим резолюциям, мы намерены остановиться здесь на одной статье в кадетской газете: «Наша Жизнь». Эта статья, написанная по поводу первой меньшевистской резолюции, дает чрезвычайно много материала для проверки, дополнения и разъяснения сказанного нами выше о кадетской Думе. Мы приведем поэтому целиком эту статью (Р. Бланк ⁹⁰): «К злочам дня русской социал-демократии», «Наша Жизнь», 1906 г., № 401, от 23 марта):

«Резолюция «меньшевистской» фракции рос. социал-демократической рабочей партии о партийной тактике, опубликованная на-днях, представляет весьма ценный документ. Она свидетельствует, что тяжелые уроки первого периода русской революции не прошли бесследно для *наиболее чуткой* к требованиям действительности и наиболее проникнутой принципами научного социализма части русской социал-демократии. *Новая тактика*, формулированная в этой резолюции, *стремится направить* русское социал-демократическое движение *на тот путь, по которому движется вся интернациональная социал-демократия* во главе с великой социал-демократической партией Германии. Я говорю «*новая тактика*»; это не совсем точно, потому что эта тактика во многих отношениях представляет собою возврат к старым принципам, положенным при самом основании русской социал-демократии ее учредителями и много раз развивавшимися после того ее теоретиками и публицистами, признававшимися почти всеми русскими социал-демократами до самого начала русской революции. Но они были забыты. Революционный вихрь поднял всю нашу социал-демократию, как легкое перышко и понес ее с собою с головокружи-

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

тельной быстротой; моментально исчезли из виду все социал-демократические и марксистские принципы и идеи, с таким усердием и преданностью разрабатывавшиеся в течение четверти века, как будто бы это была лишь легкая пыль, лежавшая тонким слоем на поверхности; самые устои социал-демократического миросозерцания были потрясены до самого основания и, казалось, даже были вырваны с корнем.

«Но вихрь покружился и успокоился на том же месте, и социал-демократия вернулась к своему исходному пункту. О силе вихря можно судить по тому, что он даже Парвуса ⁹¹⁾, как он сам признает, увлек за собою; кто знает Парвуса и как трудно его поднять, поймет, что это значит... «Революционный поток нас неудержимо рвал вперед»,—говорит Парвус в своей известной брошюре. «Мы были только те струны арфы, на которых играл ураган революции»,—замечает он в другом месте той же брошюры; это также совершенно верно и вполне объясняет, почему социал-демократическая музыка в это время так мало напоминала симфонии Бетховена, Баха, или—Маркса. Все теории и принципы и даже сама мысль и простой разум отступают на задний план, почти исчезают за кулисами, когда на сцену выходит сама стихия во всемогуществе элементарных сил.

«Но теперь снова наступила очередь мысли и разума и можно *вернуться* к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первым делом при этом, очевидно, должно быть принятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в ее «Sturm-und Drangzeit», т.-е. против разрушительных действий революционных потоков и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации; вполне естественно поэтому, что фракция «меньшевиков» выдвигает эту задачу на первый план и дает ей широкую формулировку, включив в свою программу также и экономические организации и признав необходимость использовать все легальные возможности. Резолюция свободна от романтического презрения к «легальности» и аристократического пренебрежения к «экономике».

«Столь же трезво резолюция относится к вопросу о взаимных отношениях между рабочей и буржуазной демократией, вполне признавая необходимость взаимной поддержки и опасность изолированного выступления пролетариата на решительную борьбу с вооруженной реакцией. Особенного внимания заслуживает отношение резолюции к вопросу о вооруженном восстании; она признает необходимым «избегать такого рода действий, которые втягивают пролетариат в воору-

женные столкновения с правительством, при таких условиях, когда он обречен остаться в этой борьбе изолированным».

«Только таким образом можно избежать у нас повторения парижских июльских дней 1848 года и сделать возможной координированную, если не коалиционную, борьбу рабочей и буржуазной демократии, без которой успех движения невозможен. Буржуазная демократия, имеющая, по свидетельству Карла Маркса, «самое высокое значение во всякой передовой революции», имеет не меньшее значение и в российской революции. Если российская социал-демократическая партия не может, или не хочет, сделать из нее своего открытого союзника, то она во всяком случае не должна толкать ее в противоположный лагерь, в реакцию, в контр-революцию. Этого революционная социал-демократия не должна, не вправе делать, *обязана* избегать всеми средствами, ради дела освобождения и ради самой социал-демократии. И если буржуазная демократия в настоящий момент против вооруженного восстания, то о нем не может и не должно быть речи. С этим необходимо считаться, даже если бы буржуазия подчинялась при этом единственно только свойственной ей дряблости, слабости и трусости,—с такими фактами также необходимо считаться; но не говорил ли сам вождь германской революционной социал-демократии:

«In der Gewalt sind sie uns stets über». «В отношении грубой силы они, т.-е. реакционеры, всегда нас превосходят!»

«Может быть, утверждение «всегда» и неверно, но относительно «теперь» во всяком случае можно быть мнения Либкнехта и единодушной с ним германской социал-демократии, не будучи трусом или даже только «дряблым»... Резолюция «меньшевиков» стоит, невидимому, на этой же точке зрения, по меньшей мере — близко к ней подходит; точно так же она и в других отношениях проникнута тем духом политического реализма, который составляет отличительную черту германской социал-демократии и которой последняя обязана своими беспримерными успехами.

«Присоединится ли вся российская социал-демократическая партия к резолюции «меньшевиков»? От этого много зависит в нашем революционном движении, и еще больше в нашем социал-демократическом движении,—может быть, вся судьба этого движения на много лет. Социал-демократия и в России, точно так же как это было в других странах, только тогда может укорениться и укрепиться, когда она проникнет в глубь демократической массы. Если же она ограничится культурой одного верхнего, хотя бы и самого плодородного, слоя демократии, то новый ураган легко может вырвать ее с корнями из русской почвы, как это случилось с французской социал-демократией

1848 года, или с английским социал-демократическим движением сороковых годов, известным под именем «чартистского движения».

Такова статья господина Бланка. Типичнейшие суждения «кадета», знакомые во всех исходных своих пунктах каждому, кто внимательно читал «Освобождение» г-на Струве и позднейшую легатскую кадетскую печать, скомбинированы здесь так, что оценка теперешней политической тактики основывается на оценке пережитого периода русской революции. На этой *оценке прошлого*, на ее правильности или неправильности, мы прежде всего и остановимся.

Господни Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь—декабрь 1905 года. Это период революционного вихря. Второй—теперешний период, который мы, конечно, вправе назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу, или, пожалуй, если рискнуть забежать вперед, периодом кадетской Думы.

Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует, наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедывавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического мирозерцания.

Это основное утверждение г-на Бланка—чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой» периода революционного вихря.

Так ли это? Каков первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества и потому передовым во всякой революции является пролетариат. Спрашивается, не вырвал ли с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. мирозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным вначале *борцом* этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошел на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа Струве и господа Бланки звали идти в Вульгинскую Думу, когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал России всю ту, с позволения сказать, «кон-

ституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 года тот тактический прием борьбы, о котором *за полгода* говорила резолюция *большевистского* III съезда Р. С.-Д. Р. П., обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической стачки с восстанием *); — именно этим сочетанием и характеризуется *весь* период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 года. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого *факта*, свидетельствующего о расхождении марксистской теории и практического опыта «революционного вихря»; он попытался заглушить основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического мирозерцания».

Отступление.

Общедоступная беседа с кадетскими публицистами и учеными профессорами.

Какова, однако, действительная причина, побудившая г. Бланка притти к этому чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы и идеи? Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно: оно разоблачает перед нами еще и еще раз истинную природу мещанства в политике.

В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского», периода с точки зрения различных приемов политической деятельности? с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) *захват народом политической свободы*, — осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов *революционной власти*, — Советы Рабочих, Солдатских, Железнодорожных, Крестьянских Депутатов, новые сельские и городские власти и проч. и т. п. Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм

*) См. 7-е прим. к этому тому. *Ред.*

всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного, правительства,—да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру, это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, — вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер? вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначней для буржуа с диктатурой? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем *третий* «метод» действия эпохи «революционного вихря»: *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть,—это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила—можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер?—ничего не имела общего с старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот *основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих

и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры *над* народом от диктатуры революционного *народа*, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно, выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов и проч. и т. п. Это—власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственной орган народной массы и ее воли.—Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Бы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина диктатуры в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает на-ряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокру-

жительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов ⁹²⁾ увечит и истязует Спиридонову ⁹³⁾. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, при чем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и иитье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым,— власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу *) насилием?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура»,— запомните хорошенько, г.г. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного* народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забытые физически, запуганные, люди, забытые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насилием, или просто забытые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди

*) Г. Бердяев! г. г. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры» ⁹⁴⁾! Вот вам еще тема для долгих воплей, ...то-бишь долгих статей против «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!!— кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях.

равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, несколько не боящийся однако всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе *все элементы* научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военно-полицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу в *действиях*, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера,—эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, то-есть такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы;—создание народом новой, революционной, власти, власти над Аврамовыми, власти над иасильниками старого полицейского уклада;—применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов ⁹⁵⁾ и прочее и тому подобное

Хорошо ли это, что парод применяет такие незаконные, не упорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это—высшее проявление народной борь-

бы за свободу. Это—та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрасудками буржуазно-филистерской науки права.

Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательства, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентанизм, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова писателей либерального и радикального лагеря вплоть до бернштейнианцев из «Без заглавия» ⁹⁶⁾, г. Прокоповича ⁹⁷⁾, Кусковой ⁹⁸⁾ и *tutti quanti*.

Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть.

Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западно-европейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу, в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм *за исключением* его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию г.г. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают

даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает *все* методы борьбы социал-демократии, *кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря»* и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю,—они нужны ей *против пролетариата*, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют и монархии и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти,—они мне нужны. Борись «парламентски», т.-е. в тех пределах, которые предпишу тебе я по соглашению с монархией, борись посредством организаций,—только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу закон, изданный мной по соглашению с монархией.

Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью *),—а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализмом с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской влюбленностью... в реакцию. Это—все то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самостоятельности.

*) Сравни, напр., отзыв «Русск. Ведом.» **), № 1 за 1906 г., о деятельности крестьянского союза,—этот донос Дубасову на революционную демократию за ее пугачевские стремления, за одобрение захвата земель, создание новой власти и проч. Даже левые кадеты из «Без заглавия» (№ 10) пристыдили «Русск. Ведом.», справедливо сопоставив их за их отзыв с «Моск. Ведом.». К сожалению, левые кадеты стыдят «Русск. Ведом.» так, как будто бы они оправдывались. «Без заглавия» защищает крестьянский союз, а не обвиняет контрреволюционную буржуазию. Не знаю, объяснить ли этот не совсем приличный способ полемики с «Русск. Ведом.»—«страхом иудейским», или тем, что в этом органе пишет г. Бланк. Левые кадеты все же таки кадеты.

Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения вихря, почему она игнорирует и затушевывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны,— признает социал-демократические приемы борьбы *за вычетом* самых революционных и непосредственно-революционных приемов.

Отношение г-на Бланка к периоду «вихря» до последней степени характерно, как иллюстрация буржуазного непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Господин Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слышал и читал, что социал-демократы в период вихря делали «ошибки»,—он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было делаемо тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные отклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы,—того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не преjdeши!—не полна таких ошибок? Если бы господин Бланк не был круглым невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера ¹⁰⁰), и Дюринга ¹⁰¹), и вопрос о Dampfersubvention, и «молодых», и бернштейниаду, и многое, многое другое. Но господину Бланку важно не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения отклонений социал-демократии с ее обычного, «нормального», пути, то мы увидим, что и в этом отношении период «революционного вихря» показывает *большую*, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплоченность и идейную цельность социал-демократии. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизилa оба крыла социал-демократии. Вместо былых

разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим советам, издавали революционные манифесты, совместно с мелко-буржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе»¹⁰²⁾ меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей в оценке событий: «Начало»¹⁰³⁾, например, рассматривало советы рабочих депутатов, как органы революционных самоуправлений, «Новая Жизнь», как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию.

«Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

Нет, извращение дела господином Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью господина Бланка. Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это—«вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевого перевоза, это—сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории»,—тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отстывает на задний план» (не

наоборот ли, о герои мещанства! не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовой разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской пауки и начинают вершить дела за народ, *от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных,—тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума». Буржуа всегда и везде верен себе: возьмете ли вы «Полярную Звезду» или «Нашу Жизнь», прочтете ли вы Струве или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педаггическая, чиновнически-мертвеиная оценка революционных и реформистских-периодов. Первые—периоды безумия, *tolle Jahre*, исчезновение мысли и разума. Вторые — периоды «сознательной, систематической» деятельности.

Не перетолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении,—от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что в *анализе свойств* того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) господа Бланки бессовестно *извращают правду*. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А господа Бланки изображают дело наыворот! Они убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников-буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо крошечных законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными *pen-pu-a-lipen'*ами (писакami, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества.

Посмотрите, как величественно рассуждает этот кадетский рыцарь: «Вихрь покружился и успокоился *на том же месте*». Да если живы еще либеральные мещане, если не слопали их Дубасовы, то *именно благодаря этому вихрю*. «На том же месте», говорите вы? Россия весной 1906 года на том же месте, что и в сентябре 1905 года?

Да в течение всего «кадетского» периода Дубасовы и Дурново тащат и *будут тащить Россию* «сознательно, планомерно и систематически» назад, чтобы вернуть ее к сентябрю 1905 г., но *силы нехватает у них*, потому что во время вихря с быстротой локомотива двинул всю Россию вперед пролетарий, железнодорожник, крестьянин, бунтующий солдат.

Если этот неразумный вихрь действительно успокоился, тогда кадетская дума была бы осуждена на то, чтобы заниматься вопросами о лужении умывальников.

Но господин Бланк и не подозревает того, что вопрос о том, успокоился ли вихрь, есть самостоятельный и чисто-паучный вопрос, ответ на который предreshает целый ряд вопросов тактики и без ответа на который, наоборот, нельзя сколько-нибудь осмысленно разобраться в вопросах современной тактики. Господин Бланк не на основании того или иного разбора данных и соображений пришел к выводу об отсутствии теперь условий для движения в форме вихря (такой вывод, будь он обоснован, имел бы действительно коренное значение при определении тактики, ибо, повторяем, это определение непозволительно основывать на простом «предпочтении» того или иного пути),—нет, он прямо и просто выражает свое глубокое (и глубоко-близорукое) убеждение, что иначе и быть не может. Господин Бланк смотрит на «вихрь» совершенно так же, собственно говоря, как смотрят на него господа Витте, Дурново, Бюловы ¹⁰⁴⁾ и прочие чиновники-пемцы, объявившие давно уже 1848 год «безумным годом». Не научное убеждение выражает господин Бланк словами об успокоении вихря, а филистерское недомыслие, для которого всякий вихрь и вихрь вообще есть «исчезновение мысли и разума».

«Социал-демократия вернулась к своему исходному пункту»,—уверяет нас господин Бланк. Новая тактика меньшевиков направляет русское социал-демократическое движение на тот путь, но которому движется вся международная социал-демократия.

Вы видите: парламентский путь господин Бланк объявляет почему-то «исходным пунктом» (хотя для России он не мог быть исходным пунктом социал-демократии). Парламентский путь господин Бланк считает, так сказать, нормальным, главным и даже исчерпывающим, единственным, исключительным путем международной со-

циал-демократии. Господин Бланк и не подозревает, что в этом отношении он целиком повторяет буржуазное извращение социал-демократизма, преобладающее в немецкой либеральной печати и переиначенное одно время берпштейниадой. Один из приемов борьбы кажется либеральному буржуа единственным приемом. Брентановское¹⁰⁵) понимание рабочего движения и классовой борьбы сказывается здесь вполне. О том, что на парламентский путь европейская социал-демократия вступила и могла вступить лишь тогда, когда объективные условия сняли с исторического порядка дня вопрос о доведении до конца буржуазной революции, лишь тогда, когда парламентский строй стал действительно главной формой господства буржуазии и главной аренной социальной борьбы, господин Бланк и не подозревает. Он даже не задумывается над тем, есть ли в России парламент и парламентский строй, а уже решает безапелляционно: социал-демократия *вернулась* к своему исходному пункту. Буржуазный рассудок представляет себе *исключительно* неоконченные демократические революции (ибо в основе буржуазных *интересов* лежит недоведение революции до конца). Буржуазный рассудок чуждается всяких непарламентских приемов борьбы, всяких открытых выступлений масс, всякой революции в непосредственном значении слова. Буржуа инстинктивно спешит всякий поддельный парламентаризм объявить, провозгласить и принять за настоящий, чтобы положить конец «головокружительному вихрю» (опасному не только для головы многих слабоголовых буржуа, но и для их кармана). Вот почему научный и действительно важный вопрос о том, можно ли признать в России парламентский способ борьбы имеющим существенное значение и движение в форме «вихря» *иссякшим*,—этого вопроса господа кадеты даже и понять не в состоянии. И материальная, классовая подкладка этого непонимания вполне ясна: пусть поддержат кадетскую думу мирной стачкой или иным выступлением, но только бы не думали о серьезной, решительной, истребительной борьбе, о восстании против самодержавия и монархии.

«Теперь снова наступила очередь мысли и разума»,—с восторгом говорит господин Бланк о периоде дубасовских побед. Знаете ли что, г. Бланк? Ведь в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! Право же так. Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создавая основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, револю-

ционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (повидимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и букдой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям.

Но в том-то и беда нашего буржуазного филистера, что он не сознает этого, так сказать, тюремного или дубасовского, характера своего замечания. Он не замечает коренного вопроса: подавлена ли русская революция или идет к новому подъему? изменилась ли форма общественного движения с революционной на приспособительную к дубасовщине? иссякли ли силы для «вихря» или нет? Буржуазный разум не ставит этих вопросов, потому что для него вообще революция есть неразумный вихрь, а реформа—очередь мысли и разума.

Посмотрите на его поучительнейшее рассуждение об организации. «Первым делом» мысли и разума, вещает он нам, «должно быть приятие предупредительных мер против повторения того, что произошло в первый период русской революции, в ее Sturm-und Drang-Zeit, т.-е. против разрушительных действий революционных потоков и ураганов. Единственным действительным средством для этого может быть только расширение и укрепление организации».

Вы видите: кадет мыслит дело так, что период урагана разрушал организации и организованность (смотри «Новое Время», то бишь «Полярную Звезду» со статьями Струве против анархии, стихии, безвластности в революции и проч. и проч.), а период охраняемых Дубасовым мысли и разума есть период созидания организаций. Революция—худо, она разрушает, это—ураган, головокружительный вихрь. Реакция—добро, она созидает, это—попутный ветер и пора сознательной, планомерной, систематической деятельности.

И опять философ кадетской партии клеветает на революцию и выдает всю свою влюбленность в буржуазно-ограниченные формы и условия движения. Ураган разрушал организации! Какая вопио-

щая неправда! Назовите такой период в русской или всемирной истории, найдите такие шесть месяцев или шесть лет, когда бы для свободных самопроизвольных организаций народных масс было сделано столько, сколько в шесть недель русского революционного вихря, когда были забыты, по словам клеветников революции, все принципы и идеи, когда исчезли разум и мысль. Что такое была всеобщая все-русская стачка? Это не организация, по-вашему? Она не зарегистрирована в полицейских книгах, она не постоянная организация, вы не хотите ее считать. Возьмите политические организации. Знаете ли вы, что рабочий народ, серая масса, никогда не шли так охотно в политические организации, не увеличивали так гигантски состав политических союзов, не создавали самобытных полуполитических организаций вроде советов рабочих депутатов? Но вы побаиваетесь политических организаций пролетариата. Вам, как истому брентанисту, кажутся более безопасными для буржуазии (и потому более солидными, более серьезными) профессиональные организации. Возьмем профессиональные организации, и мы увидим, вопреки всем филистерским сплетням об игнорировании их в революционный момент, что в России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни. Страницы социалистических, и именно социалистических газет, и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены сведениями о новых и новых профессиональных организациях. Такие отсталые слои пролетариата, которых в течение десятилетий едва удастся раскатать в периоде «планомерного и систематического мещанского прогресса», вроде домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность к организации. Возьмите крестьянский союз. Теперь очень легко встретить кадета, который с величественным пренебрежением отзывается об этом союзе: что же, дескать, ведь это полуфиктивная организация! От нее теперь и следов не осталось! Да, господа, посмотрел бы я, много ли осталось бы от ваших кадетских организаций, если бы им пришлось бороться против карательных экспедиций, против бесчисленных деревенских Луженовских ¹⁰⁶⁾, Римаевых ¹⁰⁷⁾, Филипповых, Абрамовых и Ждановых ¹⁰⁸⁾. Крестьянский союз рос с сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьян-

ства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полунинтеллигентов, которые так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками. Нет, в ходячем пренебрежении к крестьянскому союзу сказывается больше всего филлистерски-буржуазная ограниченность кадета, не верящего в революционную самостоятельность народа и боящегося такой самостоятельности. Крестьянский союз в дни свободы был одной из самых могучих реальностей, и можно с уверенностью предсказать, что если Лужениовские и Риманы не перебьют еще десятков тысяч передовой крестьянской молодежи, если повеет еще сколько-нибудь свободным ветерком, этот союз будет расти не по дням, а по часам, он будет организацией, по сравнению с которой пылинкой покажутся пынешние кадетские комитеты *).

Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так называемого спокойного (гузевского) исторического прогресса. Обратное мнение господ Бланков есть буржуазно-чиновничье искажение истории. Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организациями только такие, которые хорошо зарегистрированы в полицейских книгах и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Без временных правил он не может себе мыслить планомерности и систематичности. Не надо поэтому обманываться насчет истинного значения звонких слов кадета, когда он говорит о романтическом презрении к легальности

*) Конечно, крестьянский союз таит тоже в себе элементы распада, как организация не классовая. Чем ближе победа крестьянского восстания и чем полнее будет эта победа, тем ближе будет и распадение этого союза. Но до победы крестьянского восстания и для такой победы крестьянский союз есть могучая и жизненная организация. Ее роль будет исчерпана полной победой буржуазно-демократической революции, тогда как роль пролетарских организаций именно тогда будет особенно важна и особенно жизненна в борьбе за социализм, а роль кадетских организаций состоит в том, чтобы тормозить полную победу буржуазной революции, чтобы блистать в подготовительные периоды этой революции, периоды упадка, застоя, дубасовского господства. Другими словами: крестьянство победит в буржуазно-демократической революции и этим исчерпает свою революционность, как крестьянство, окончательно. Пролетариат победит в буржуазно-демократической революции и этим только и развернет настоящим образом свою истинную, социалистическую революционность. А кадетская мелкая буржуазия исчерпает свою оппозиционность вместе с тем, как исчерпают себя завтра же конституционные иллюзии.

и аристократическом пренебрежении к экономике. Действительное значение этих слов одно: буржуазно-оппортунистическая боязнь перед революционной самодеятельностью народа.

Наконец, рассмотрим последний пункт в кадетской «теории» г. Бланка: отношение рабочей и буржуазной демократии. Рассуждения господина Бланка на эту тему заслуживает громадного внимания социал-демократии, ибо это—образчик того, как при помощи ссылок на Маркса извращают Маркса. Точь в точь так, как Brentano, Zombарты ¹⁰⁹), Бернштейны и К-о подменяли марксизм брентаиизмом, употребляя терминологию Маркса, ссылаясь на отдельные утверждения Маркса, поддельваясь под марксизм,—точь в точь так и наши кадеты записываются «тонкой работой» подделки Маркса в вопросе об отношении рабочей и буржуазной демократии.

Без координирования действий рабочей и буржуазной демократии невозможен успех буржуазной демократической революции. Святая истина. Безусловная истина. Вам кажется, господа Бланки, Изгоевы и К-о, что революционеры социал-демократы забывали это особенно в дни «вихря»? Вы ошибаетесь или сознательно подменяете понятие *революционной буржуазной* демократии понятием буржуазной демократии вообще,—в том числе и монархически-либеральной,—в том числе и оппортунистической, даже главным образом монархически-либеральной. Возьмите «Новую Жизнь» и вы увидите, что о совместном действии, о боевом соглашении рабочей демократии с революционно-буржуазной демократией там говорится *чуть не в каждом номере*. О значении крестьянского союза и крестьянского движения там говорится в самых сильных выражениях. Вопреки кадетским сказкам о нетерпимости и узком доктринерстве марксистов, там вполне признается значение *беспартийных* союзов и организаций *), но только именно *беспартийно-революционных* организаций. Вот в чем гвоздь вопроса, искусно затушевываемый нашими брентаиистами в политике: *какие именно* элементы буржуазной демократии способны доводить буржуазно-демократическую революцию до конца, когда эта революция находится, так сказать, на половине своего пути. Те ли элементы, которые принимают монархически-либеральную программу, погрязают целиком в конституционных иллюзиях и обливают революционные периоды, революционные приемы исторического творчества слюной своего филистерского негодования, осуждения, сожаления? Или те, которые принимают программу полной победы

*) См. мою статью в «Новой Жизни». «Социалистическая партия и беспартийная революционность», стр. 41—47 этого тома. *Ред.*

крестьянского восстания (вместо сделки крестьян с помещиками), полной победы демократии (вместо сделки демократической нижней палаты с верхней палатой и монархией)? Думали ли вы когда-нибудь об этом вопросе, господа Бланки и Изгоевы? С буржуазно-демократическими *соглашателями* надо нам «бить вместе» в настоящее время, или с буржуазно-демократическими *революционерами*?

Не слышали ли вы о том, почтенные любители цитировать и извращать Маркса, как беспощадно бичевал он буржуазно-демократических соглашателей в Германии в 1848 году? А ведь эти соглашатели сидели не в мизерной Государственной Думе, а в Национальном Собрании, — они были демократами, гораздо более «решительными» (на словах), чем наши кадеты.

И те же самые Маркс и Энгельс лет пятнадцать спустя, в эпоху прусского «конституционного конфликта»¹¹⁰), советовали рабочей партии поддерживать буржуазных демократов-прогрессистов, которые были ничуть не лучше, чем франкфуртские демократы. По вашему, это противоречие и непоследовательность Маркса и Энгельса? По вашему, доказательство того, как у них во время «революционного вихря» тоже почти исчезли «мысль и разум» (такого взгляда держится большинство бернштейнианцев и кадетов)? На самом деле, тут нет никакого противоречия: в период революционной борьбы Маркс бичевал всего сильнее конституционные иллюзии и конституционных соглашателей. Когда все силы революционного «вихря» были исчерпаны, когда не могло быть уже никаких сомнений в том, что немецкие кадеты окончательно предали революцию, когда восстания были безусловно и решительно подавлены и экономическое процветание делало повторение их безнадежным, — тогда и *только тогда* (Маркс и Энгельс не отличались малодушием и упадком веры в восстание после первого же поражения!), только тогда они признали главной формой борьбы парламентскую. В парламенте, раз вы туда вошли, не только можно, но и должно, при известных условиях, поддерживать перебежчика Изгоева против Шипова, Шипова против Дурново. В борьбе за действительный парламентаризм нет иногда ничего опаснее кадетских «соглашателей».

Если вы хотите ссылаться на Маркса, господа, попробуйте доказать, что наша Дума есть уже орган господства буржуазии в свободной России, а не фиговый листок самодержавия. Вы скажете, что второе может перерастать в первое рядом маленьких изменений, и что кадетские выборы есть именно такое, даже не маленькое, а большое «перерастание».

Хорошо. Но ведь этим вы только отодвигаете вопрос, а не решаете его. Ну, а сейчас, теперешняя Дума переросла уже настолько свои рамки, что может быть органом власти? Те из вас, кто думает так и старается заставить народ думать так, те из вас прямо распространяют вреднейшие конституционные иллюзии, те из вас прямо контр-революционеры. Те же, кто допускает вероятность того, что «Дурново остается, чтобы разогнать Думу» *), или кто понимает, что без вне-«парламентского», революционного натиска ничто еще не обеспечено**), те сами обнаруживают шаткость своей позиции. Своими признаниями они показывают ясно, что политика кадетов есть *политика минуты*, а не политика серьезной защиты *прочных* и основных интересов революции. Эти признания показывают, что от кадетов во время развязки назревающего теперь *нового революционного кризиса* отпадет целая масса революционных буржуазно-демократических элементов, которых издевательство господ Дурново над Думой толкнет на баррикады. Значит, вся разница только в том, что вы хотите этот неизбежный новый бой *ограничить*, связать, *сузить* задачей поддержки кадетской Думы, а мы хотим направить все помыслы, все усилия, всю нашу агитационную, пропагандистскую и организационную работу к тому, чтобы расширить размах этого боя за пределы кадетских программ, расширить его до полного свержения самодержавия, до полной победы крестьянского восстания, до созыва революционным путем Всенародного Учредительного Собрания.

Вам кажется, что у нас нет никакой революционной буржуазной демократии в России, что кадеты единственная или, по крайней мере, главная сила буржуазной демократии в России. Но это вам кажется только потому, что вы близоруки, что вы удовлетворяетесь поверхностным наблюдением политических явлений, что вы не видите и не понимаете «сущности конституции». Политики сегодняшнего дня, вы являетесь типичнейшими оппортунистами, ибо за минутными интересами демократии не видите более глубоких и коренных интересов ее, за минутными задачами забываете завтрашние, и более серьезные задачи, за вывеской не видите содержания. Революционная буржуазная демократия в России есть, ее не может не быть, пока есть революционное крестьянство, миллиардами нитей связанное и с городской беднотой. Эта демократия притаилась *исключительно* благодаря работе Риманов и Луженовских. И завтрашний день неминуемо разоблачит

*) «Русь» и «Молва».

**) П. Миллюков: «Элементы конфликта» в «Речи», № 30 (24/III)—преинтересное «credo» соглашателя.

кадетские иллюзии. Либо режим репрессий останется по-старому, Риманы и Луженовские будут дело делать, кадетская Дума будет болтать, — тогда мизерность этой Думы и мизерность господствующей в ней партии станут ясны сразу громадным массам населения. Наступит острый взрыв, в котором будут участвовать, конечно, не кадеты, как партия, а именно такие элементы населения, которые составляют революционную демократию. Либо режим репрессий ослабнет, правительство сделает некоторые уступки, кадетская Дума, разумеется, начнет таять от первых же уступок и примиряться не то что на Шипове, а, может быть, и на чем-нибудь еще похуже. Контр-революционная натура кадетов (выступившая в дни «вихря» особенно ярко и сказывающаяся постоянно в их литературе) проявится во-всю. Но *первое* же дуновение свободного ветерка, первое ослабление репрессий начнет снова *неминуемо* вызывать к жизни сотни и тысячи организаций, союзов, групп, кружков, предприятий революционно-демократического характера. А это явление столь же *неминуемо* поведет опять к «вихрю», к повторению октябрьско-декабрьской борьбы, только в неизмеримо более широком масштабе. Кадеты, блистающие ныне, опять стушуются тогда. Почему? Потому, что черви водятся около трупов, а не около живых людей.

Иными словами, кадеты могут, как сказал бы Дурново, «разлакомить» окончательно народ насчет «народной свободы», но они ни в каком случае, безусловно не могут провести действительной борьбы за действительную народную свободу, без кавычек, без соглашения свободы с самодержавием. Эту борьбу *неминуемо* придется еще вести, а поведут ее другие партии, другие социальные элементы, а не кадеты. Понятно отсюда, что революционная социал-демократия нисколько не завидует успехам кадетов и продолжает все внимание направлять на эту предстоящую действительную, а не бутафорскую борьбу.

Господин Бланк цитирует слова Маркса о высоком значении буржуазной демократии. Чтобы выразить действительное мнение Маркса, следовало бы добавить: и *высокопредательское значение*. Маркс тысячи раз говорил об этом в разных местах разных своих произведений. Тов. Плеханов, склоняющийся к брентанизму в теперешней политике, забыл об этих указаниях Маркса. Тов. Плеханов не догадывается даже, *чему* может изменять либеральная демократия. Ответ очень прост, товарищ Плеханов: партия «народной свободы» изменяла и будет изменять народной свободе.

Господин Бланк поучает нас, что не нужно толкать буржуазную демократию «в реакцию, в контр-революцию». Мы спросим этого муд-

рого кадета: хотите вы взять мир идей, теории, программы, тактических линий? или мир материальных классовых интересов? Возьмем и то и другое. Кто толкнул в контр-революцию вашего друга, г-на Струве, и когда? Господин Струве был контр-революционером в 1894 году, когда делал брептановские оговорки к марксизму в своих «Критических заметках»¹¹¹⁾. И, несмотря на усилия некоторых из нас «толкнуть» его от брептанизма к марксизму, господин Струве ушел окончательно к брептанизму. И *контр-революционные* нотки *никогда* не исчезали со страниц «Освобождения», *нелегального* «Освобождения». Что же это, случайность? Случайность то, что как раз эпоха «вихря», эпоха революционной самостоятельности парода побудила господина Струве создать образцовый орган революционного брюзжания: «Полярную Звезду»?

Кто толкает вообще мелкого производителя в товарном хозяйстве на сторону реакции и контр-революции? Его положение между буржуазией и пролетариатом в капиталистическом обществе. Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно, во всех странах и при всяких политических комбинациях, колеблется между революцией и контр-революцией. Он хочет освободить себя от гнета капитала и укрепить свое положение, как мелкого собственника. Такая задача по существу неразрешима, и колебания мелкого буржуа по существу самого устройства современного общества неизбежны и неустранимы. Поэтому только идеологи мелкой буржуазии и могут воображать, что *мыслимы* такие проявления революционной самостоятельности рабочих или восстающих против помещичьего землевладения крестьян, которые бы *не толкали* известной части буржуазной демократии в реакцию. Только рыцари мещанства могут жалеть об этом.

Неужели господа Блапки и Изгоевы (или товарищ Плеханов) воображают, например, что возможна *полная* победа крестьянского восстания, полное «*отобрание земли*» (плехановский лозунг) у помещиков без вознаграждения, которые бы не толкнули в контр-революцию трех пятых кадетской «буржуазной демократии»? Не начать ли нам поэтому торговаться с кадетами о «разумной» крестьянской программе, — как вы думаете, товарищ Плеханов? как вы полагаете господа Блапки и Изгоевы?

И теперь финал политических рассуждений нашего кадета, *если буржуазная демократия в настоящий момент против вооруженного восстания, то о нем не может и не должно быть и речи.*

В этих словах выражены вся суть и весь смысл кадетской политики: подчинить пролетариат кадетам, взять его на буксир в основном вопросе его политического поведения и его политической борьбы.

На это нечего закрывать себе глаз. Господин Бланк отводит глаза довольно умело: он говорит не о кадетях, а о буржуазной демократии вообще. Он говорит о «настоящем моменте», а не о восстании вообще. Но только ребенок мог бы заблуждаться насчет того, что это именно отвод глаз и что истинный смысл бланковского вывода есть именно указанный нами: мы показали уже на ряде примеров, что господин Бланк (как и все кадеты) систематически игнорирует более левую буржуазную демократию, чем кадетскую, что он сообразно всей своей позиции защитника конституционных иллюзий отождествляет кадетов с буржуазной демократией, игнорирует революционную буржуазную демократию. Нам остается только показать, что кадеты вообще против вооруженного восстания, а не только против неудачного выбора «момента» (то и другое удивительно часто смешивают, и кадетам особенно выгодно это смешивать, прикрывать свое отрицание восстания рассуждениями о моменте его). Показать это нет ничего легче: достаточно сослаться на *нелегальное* «Освобождение», где господин Струве весной и летом 1905 года, после 9 января ¹¹²⁾ и до 9 октября, ратовал против вооруженного восстания, доказывая, что проповедь его *«безумна и преступна»*. События достаточно опровергли этого контр-революционера. События показали, что только предвиденное марксистами и выставленное ими, как лозунг, *сочетание всеобщей стачки с вооруженным восстанием* и завоевали России признание свободы и начатки конституционализма. Только совершенно единичные, не имеющие сторонников в России, социал-демократы (вроде Плеханова) малодушно говорили о декабрьском восстании «не нужно было браться за оружие». Напротив, громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую степень и доказало возможность борьбы с войском. Последнее обстоятельство признал и такой беспристрастный, не увлекающийся и осторожный свидетель, как Каутский ¹¹³⁾.

Посмотрите же теперь, к чему сводится мораль господ Бланков: пролетариат не должен думать о восстании, если кадетская партия (которая никогда не была революционной) не сочувствует восстанию (хотя она и в данный и во все иные моменты против восстания). Нет, господин Бланк! Пролетариат непременно будет считаться с буржуазной демократией и в вопросе о восстании вообще и в вопросе о моменте восстания в особенности, — но только именно *не* с кадетской, а с революционной буржуазной демократией; — не с либерально-монархическими, а с революционно-республиканскими течениями и партиями; — не с удовлетворяющимися игрушечным парламентом

говорунами, а с крестьянской массой (тоже буржуазная демократия), которая иным образом определяет свое отношение к восстанию, чем кадеты.

«Кадеты — против восстания». Да они никогда не были и никогда не могут быть за него. Они боятся его. Они наивно воображают, что от их желания — от желания промежуточных, стоящих в стороне от самой острой и непосредственной борьбы элементов — *зависит* решение вопроса о восстании. Какое заблуждение! Самодержавие готовится к гражданской войне и готовит ее именно теперь особенно систематически. В связи с Думой зреет новый, гораздо более широкий и глубокий, политический кризис. И крестьянская масса и пролетариат сохраняют еще в своих недрах массу боевых элементов, которые бесповоротно требуют народной свободы, а не сделок, урезающих народную свободу. Разве от воли той или иной партии зависит при таких условиях, будет или не будет восстание?

Подобно тому, как западно-европейский мещанин накануне социалистической революции мечтает о притуплении классовых противоречий буржуазии и пролетариата, призывает последний не толкать в реакцию представителей первой, высказывается за социальный мир и с чувством глубокого нравственного негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и пр. идею катастрофы,—подобно этому русский мещанин на полдороге нашей буржуазно-демократической революции мечтает о притуплении противоречия между самодержавием и народной свободой, призывает революционеров, т.-е. всех решительных и последовательных сторонников этой последней, не толкать в реакцию либеральной буржуазии, высказывается за конституционный путь и с чувством истинного, философским идеализмом подкрепленного негодования отвергает ненаучную, узкую, заговорщическую, анархическую и проч. идею восстания. Западно-европейскому мещанину сознательный рабочий говорит: катастрофа будет зависеть не от промежуточных элементов, а от обострения крайностей. Русскому мещанину (а кадет есть идеальный мещанин в политике) сознательный рабочий говорит: восстание зависит не от воли либералов, а от действий самодержавия и от роста сознания и негодования в революционном крестьянстве и пролетариате. Западно-европейские мещане говорят пролетариату: не отталкивай от себя мелкого крестьянина и вообще мелкой буржуазии, просвещенной, социал-либеральной, реформаторской, не изолируй себя, это только реакция хочет изолировать тебя. Пролетарий отвечает: от соглашателей буржуазии с пролетариатом я должен изолировать себя в интересах всего трудящегося человечества, ибо эти соглашатели советуют

мне разоружиться, ибо они оказывают самое вредное, немедленно и практически вредное влияние на сознание угнетенного класса своей проповедью соглашения, притупления и т. д. Но от всей той громадной массы мелких буржуа, трудящейся массы, которая способна встать на точку зрения пролетариата, не мечтать о соглашении, не увлекаться укреплением мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, не отказываться от борьбы против самого капиталистического строя, от этой массы я себя не изолирую.

В другой обстановке, в иной исторический период, в канун (и даже не в канун, а посередине) буржуазно-демократической, а не социалистической революции, аналогичное происходит и в России. Мещанин говорит пролетарию: реакция хочет изолировать тебя, ты должен изолировать реакцию, не отталкивай же от себя кадета, просвещенного, политически-либерального, желающего реформ кадета. Пролетарий отвечает: от соглашателей самодержавия с народным представительством я должен изолировать себя в интересах действительной борьбы за действительную свободу, ибо эти соглашатели советуют нам разоружиться, они затемняют гражданское сознание народа своей проповедью «политического мира» и конституционных иллюзий. Но эти соглашатели, все эти кадеты вовсе не народ, вовсе не масса, вовсе не сила, как кажется поддающимся настроению минуты и впечатлениям минуты людям, кричащим ныне об опасности изолированности пролетариата. Действительная масса, это—революционное крестьянство, это настоящая беднота городского населения. И от этой массы я не изолирую себя, ее я зову к освобождению себя от конституционных иллюзий, зову к настоящей борьбе, зову к восстанию. С настроением и ходом развития сознания *этой* массы (отнюдь не кадетских соглашателей) я буду считаться самым серьезным образом при определении момента восстания, но ради успеха минуты, ради мишурного блеска кадетского парламентаризма (или дубасовского парламентаризма, вернее, пожалуй, будет сказать) я не забуду ни на минуту о назревающей очень быстро, о предстоящей вероятно в недалеком будущем революционной борьбе с самодержавием.

Было время недавно, — в Европе блистал, шумел, навязывал свои союзы и соглашения пролетариату социал-либерал, мелкий буржуа-соглашатель. Интеллигентское крыло социал-демократических партий поддалось на удочку, прельстилось политикой минуты, создало пресловутую бернштейниаду и т. п. Прошел год — другой, туман «социального мира» рассеялся окончательно, и правильность позиции последовательно стоявшего на пролетарской точке зрения революционного крыла социал-демократии выяснилась вполне.

У нас теперь в России всем кружат головы кадетские победы и будущая кадетская Дума. Есть опасность, что интеллигентское крыло нашей партии ¹¹⁴⁾ увлечется этим блеском, увлечется избирательными блоками с к.-д., идеей поддержки их, политикой «тактического отношения» к кадетам, не захочет ясно и отчетливо определить с пролетарской точки зрения мелко-буржуазный классовый природы этой партии, вреда ее конституционных иллюзий, злободневной опасности ее тактики «соглашения». Пройдут—даже не годы, а, может быть, месяцы, и туман рассеется, взгляды революционной социал-демократии подтвердит действительность, страницы кадетских газет и журналов перестанут пестреть обидными для пролетариата, свидетельствующими о некоей болезни внутри социал-демократии хвалами по адресу некоторых социал-демократов.

VI.

Заключение.

Говоря о взглядах господина Бланка, этого типичнейшего выразителя кадетской политики, мы не касались почти совершенно взглядов товарищей-меньшевиков. Но выводы относительно их позиции вытекают из сказанного само собой. Усердные хвалы, расточаемые им кадетами, уже намекают на некоторую ошибку, которую они делают. Кадетская печать—чуть ли не девять десятых всей политической печати России в настоящее время, и если вся эта буржуазная печать начинает хвалить, систематически и постоянно, сегодня Плеханова, завтра Потресова ¹¹⁵⁾ («Наша Жизнь»), послезавтра резолюцию всех меньшевиков,—это уже верный, хотя, разумеется, косвенный признак того, что товарищи-меньшевики делают или собираются сделать некоторую ошибку. Не может быть, чтобы общественное мнение всей буржуазной печати резко расходилось с классовым инстинктом буржуазии, которая очень чутка к тому, куда ветер дует.

Но, повторяем, это лишь косвенный признак. Предыдущее изложение приводит и к прямой формулировке тех ошибок, которые намечаются в проектах меньшевистских резолюций. Здесь не место разбирать подробно эти резолюции,—мы можем отметить лишь вкратце самое главное в связи с вопросом о «победах кадетов и задачах рабочей партии».

Ошибка меньшевиков—та, что они не формулируют вовсе, они, повидимому, даже забывают вовсе такую существенную политическую задачу сознательного социал-демократического пролетариата в данный момент, как борьбу с конституционными иллюзиями. Социалистический пролетариат, строго соблюдающий классовую точку

зрения, неуклонно применяющий материалистическое понимание истории к оценке современности, враждебной всяким мелко-буржуазным софизмам и обманам, не может в такое время, какое переживается теперь Россией, игнорировать этой задачи. Игнорируя ее, он перестанет быть передовым борцом за всю народную свободу, борцом, стоящим выше буржуазно-демократической ограниченности. Игнорируя ее, он будет беспомощно плестись в хвосте событий, которые делают теперь именно эти конституционные иллюзии таким же орудием буржуазного развращения пролетариата, как теория «социального мира» была недавно в Европе главным орудием буржуазного отвлечения рабочих от социализма.

Конституционные иллюзии, это—целый период русской революции, естественно наступивший после подавления *первого* вооруженного восстания (за ним последует еще второе) и после выборных побед кадетов. Конституционные иллюзии, это политически-оппортунистический и буржуазный яд, который теперь миллионы экземпляров кадетской печати вливают в народные мозги, пользуясь вынужденным молчанием социалистических газет. Вот перед нами газета «Товарищ ¹¹⁶⁾, орган кадетов, идущих в «народ» и специально в рабочий класс. В первом номере поется дифирамб кадетам. «В программе своей она (партия к.-д.) обещает (...гм! гм! обе-ща-ет!)... защищать интересы крестьян (по-Кауфмановски?) и рабочих (ну, конечно!) и политические права всех русских граждан без различия. Если она получит большинство голосов в Гос. Думе, то нынешнее правительство, причинившее столько зла народу, должно будет уйти, и государством будут управлять новые люди (Муравьевы вместо Витте?) ¹¹⁷⁾, которые *будут слушаться голоса народа*». Да, да... Слушаться голоса народа!.. Красиво пишут кадеты!

Мы уверены, что не найдется ни одного социалиста, который бы не был возмущен этой беспардонной буржуазной ложью, который бы не признавал всецело и безусловно необходимости самой энергичной борьбы против этого буржуазного развращения рабочего класса,— развращения тем более опасного, что у кадетов бездна газет в руках, а у нас, несмотря на бесконечный ряд попыток наладить самую умеренную, самую воздержанную и самую скромную социалистическую газету, нет ни одной.

И далее. Нельзя не согласиться, что эта буржуазная ложь, это затемнение революционного сознания народа имеет характер совсем не случайных выходов, а целого похода. Более того. Кадетская Дума (если Дума будет кадетской) является, так сказать, живым воплощением конституционных иллюзий, очагом их, фокусом всех тех сторон

политической жизни, которые наиболее бросаются в глаза (и которые поверхностному, идеалистическому взгляду мелкого буржуа кажутся сущностью или хотя бы главным явлением современной политической жизни). Перед нами не только систематический поход всей буржуазной прессы, всех буржуазных идеологов, стремящихся взять на буксир пролетариат,—перед нами всероссийское представительное учреждение, обладающее всем ореолом первого, извините за выражение, «парламента» и долженствующее закрепить это превращение рабочего класса в придаток партии кадетов. Вспомните вышеприведенное мнение «сфер»: хорошо де было бы, если бы кадеты в Думе вызвали доверие общества к Думе и сосредоточили все общественные надежды на Думе. Дума должна быть оттяжным пластырем от революции,—в этом, в сущности, сходятся наши кадеты с Дурново и Дубасовыми. Это факт. «Полярная Звезда» особенно наглядно показала это. Лучше планомерные и систематические реформы, чем революционный вихрь, в котором исчезают мысль и разум,—говорят Бланки. Лучше торговаться в Думе с кадетами, чем драться с ненадежным войском против рабочих и крестьян, говорят Дурново и Дубасовы. *Les beaux esprits se rencontrent*. Рыбак рыбака видит издалека.

Про нас все говорят, что мы клеветем на либералов. Нас называли клеветниками, когда мы еще в «Заре» и старой «Искре» встретили первые номера «Освобождения» «в штыки»¹¹⁸). Клеветы оказались марксистским анализом буржуазной идеологии, который всецело подтвержден действительностью. Мы не удивимся поэтому и не опечалимся, если нас обвинят теперь в оклеветании партии «народной свободы».

Каждая политическая эпоха выдвигает перед социал-демократией, как представительницей единственного до конца революционного класса, особую специфическую задачу, которая становится на очередь дня и которая всегда затемняется, так или иначе отодвигается на задний план оппортунистическими слоями буржуазной демократии. В настоящее время такой специфической политической задачей момента, которую может выполнить только революционная социал-демократия и которую она обязана выполнить, если не хочет изменить прочим, коренным, существенным интересам пролетариата,—такой задачей является борьба с конституционными иллюзиями. Мелко-буржуазные оппортунисты всегда удовлетворяются минутой, блеском последней новинки, минутой «прогресса»,—мы должны смотреть дальше и глубже, показывать в этом прогрессе сейчас же и немедленно те стороны его, которые являются основой и залогом *регресса*, которые выражают односторонность, узость, непрочность достигнутого и вызы-

вают необходимость дальнейшей борьбы в иных формах, при иных условиях.

Чем решительнее победа кадетов и оппозиции вообще на выборах, чем вероятнее и ближе кадетская Дума,—тем опаснее становятся конституционные иллюзии, тем острее чувствуется противоречие между полным сохранением и даже усилением реакционной политики по-прежнему держащего всю власть в руках самодержавия и «народным» представительством. Противоречие это с громадной быстротой создает новый революционный кризис, неизмеримо более широкий и глубокий, более сознательный и острый, чем все предыдущие. Мы переживаем в 1906 году поистине *репродукцию* революции, по удачному выражению какого-то социал-демократа. История 1905 года как бы повторяется, начиная опять сначала, с полновластного самодержавия, продолжая общественным возбуждением и оппозиционным движением невиданной силы, охватывающим всю страну, кончая... кто знает чем?... может быть, «репродукцией» летней (1905 года) депутации к царю либералов ¹¹⁹⁾ в виде адреса или резолюции кадетской Думы,—может быть, «репродукцией» оцепного подъема 1905 г. Смешно было бы пытаться предугадать точные формы и даты будущих шагов революции. Важно иметь в виду несравненно больший размах движения, больший политический опыт всего народа. Важно не забывать, что грядет именно *революционный*, отнюдь не парламентский кризис. «Парламентская» борьба в Думе есть небольшой этап, это—действительно маленькая железнодорожная станция: «Кадетская платформа» по дороге от конституции к революции. Борьба в Думе *не может* решить судьбы народной свободы в силу основных особенностей теперешнего социально-политического момента, она не может быть *главной* формой борьбы, ибо этого «парламента» заведомо не признают *обе* воюющие стороны, ни Дурново, Дубасовы и К-о, ни пролетариат и крестьянство.

И социал-демократия должна поэтому, учитывая все конкретные особенности данного исторического момента, признать решительно и внедрить систематически в умы рабочих и сознательных крестьян, что главной формой общественного движения в современной России остается по-прежнему непосредственно-революционное движение широких народных масс ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих политическую власть, творящих новое право. Дума, созданная Дубасовыми и Дурново и охраняемая сими почтенными мужиками, сыграет огромную роль в движении, но ни в каком случае не изменит главной формы его. Обратное мнение, теперь уже выдвинутое и распространяемое кадетами, есть обман народа, есть мелко-буржуазная филистерская утопия.

А в связи с этим стоит вопрос о буржуазной демократии и ее поддержке пролетариатом. И в этой области резолюции меньшевиков частью недостаточны, частью ошибочны. Кадеты из кожи лезут, стараясь отождествить свою партию с буржуазной демократией вообще, стараясь выставить свою партию главной представительницей буржуазной демократии. Это величайшая ложь. И всякая неясность в определении социал-демократами понятия «буржуазная демократия» играет на руку этой лжи. Конкретную политическую задачу поддержки буржуазной демократии мы обязаны решить на основании вполне определенного учета конкретных направлений, течений, партий внутри буржуазной демократии. И основная задача момента в этом отношении состоит именно в том, чтобы отделить революционную буржуазную демократию, то-есть такую, которая, хотя бы она и была не вполне сознательна политически, с рядом предрассудков и проч., способна на решительную и бесповоротную борьбу против всех остатков крепостнической России,—отделить такую буржуазную демократию от либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократии, способной на всякие сделки с реакцией и выдвигающей в каждый критический момент свои контр-революционные стремления. Наличие чрезвычайно широких слоев революционной демократии в России не подлежит сомнению: ее неорганизованность, ее беспартийность, ее придавленность теперешними репрессиями может вводить в заблуждение лишь самых невнимательных и невдумчивых наблюдателей. С этой и только этой демократией мы должны теперь «врозь идти, вместе бить» в целях доведения до конца демократической революции, разоблачая самым беспощадным образом ненадежность «главенствующей» ныне кадетской партии.

И ставя себе целью доведение до конца демократической революции, партия социалистического пролетариата должна не только суметь разоблачить всегда всякие конституционные иллюзии, не только выделить из всей буржуазной демократии способные на борьбу элементы, но также и определить точно и прямо, выставить ясно перед массой условия этой решительной победы революции, показать массе и раскрыть во всей своей пропаганде и агитации, в чем именно должна состоять эта решительная победа революции. Если мы не сделаем этого (а этого не сделали товарищи-меньшевики в своих резолюциях), то наши слова о «доведении революции до конца» останутся пустыми и голыми словами.

Господин Бланк поминает в своей статье французскую «социал-демократию» 1848—1849 годов. Почтеннейший кадет не понимает, что пишет карикатуру на себя. Ведь именно кадеты повторяют

теперь ошибки французских «социал-демократов», которые в сущности вовсе не были социал-демократами, т.-е. марксистами. Они не были классовой партией рабочих, а настоящей мелко-буржуазной партией; они были насквозь пропитаны конституционными иллюзиями и верой в «парламентарские» способы борьбы при всяких, даже революционных условиях. Именно поэтому они и потерпели, несмотря на ряд ошеломляющих, часто «кадетских» парламентских успехов, то позорное фиаско, которое так высмеивал Маркс.

И нашей партии, если бы она не осмотнительно пошла на всяческие избирательные блоки, соглашения, сделки с кадетами,—если бы она оставила в тени задачу борьбы с конституционными иллюзиями,—если бы она, ища сближения с буржуазной демократией, отождествила с этой последней ее оппортунистическое крыло, т.-е. кадетов,—если бы она забыла о необходимости серьезно готовиться к вне-парламентским способам борьбы в эпоху, подобную переживаемой нами,—и нашей партии грозила бы серьезная опасность повторить печальную судьбу французской мелко-буржуазной квази-социал-демократии 1848—1849 годов.

Нам нет основания завидовать успехам кадетов. Мелко-буржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны еще в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты. Приветствуем успехи жирондистов великой российской революции! За ними поднимется более широкая народная масса, выдвинутся более энергичные и революционные слои,—они сплотятся вокруг пролетариата,—они доведут до полной победы нашу великую буржуазную революцию,—они откроют эпоху социалистического переворота на Западе.

Предисловие к брошюре К. Каутского: „Нет больше социал-демократии“.

Предлагаемая читателю в русском переводе брошюра принадлежит перу одного из самых выдающихся представителей германской социал-демократии. Автору этой брошюры удалось дать гораздо больше, чем можно было ожидать, судя по взятой им теме. Вместо простого опровержения лживых утверждений недобросовестного прислужника фабрикантов, г-на Бюргера, мы имеем замечательно ясное и общедоступное изложение самых коренных вопросов рабочего движения не только в Германии, но и во всем мире. Упадок мелкого производства, обнищание народа происходит повсюду. Буржуазные

политики и ученые всех стран из кожи лезут, подобно г-ну Бюргеру, стремясь затушевать эти явления. Систематический разбор обычных доводов таких господ приобретает, поэтому, чрезвычайно большое значение.

Автор брошюры имеет дело почти исключительно с немецкими данными. Было бы желательно по некоторым вопросам дополнить эти данные соответствующими русскими. Такая попытка и будет, вероятно, сделана издателями брошюры, если последняя найдет себе то широкое распространение, которого она вполне заслуживает. Надо заметить только, что промышленная и сельско-хозяйственная статистика России, по сравнению с германской, находится в самом жалком положении. Относительно Германии есть возможность сравнивать данные двух промышленных сельско-хозяйственных переписей, произведенных в разные промежутки времени по всей стране. В России не было ни одной такой переписи, и, кроме земской статистики, исследовавшей по-европейски небольшие отдельные уголки народного хозяйства, у нас имеется лишь лживая, перьяшлия, канцелярски-путанная статистика разных «ведомств», скорее заслуживающая названия полицейской отписки.

Российская бюрократия мешает русскому народу узнать всю правду о его положении. Но всякий образованный русский читатель легко припомнит сотни и тысячи примеров из нашей литературы о положении крестьянского хозяйства, о кустарных промыслах, о фабричном быте,—подтверждающих всецело выводы, к которым приходит автор брошюры. Всякий русский рабочий и крестьянин легко заметит, что обнищание народа, описываемое в брошюре, происходит в России в еще более широких размерах, в еще более остром виде, в еще более грубых формах.

Март 1906 г.

РЕЧИ НА СТОКГОЛЪМСКОМ
ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ

Речи на IV „Объединительном“ съезде Р. С.-Д. Р. П. ¹²⁰⁾

1. Заключительное слово по аграрному вопросу ¹²¹⁾.

Я выставляю два основных тезиса: 1) муниципализации никогда не захотят крестьяне; 2) муниципализация без демократической республики, без обеспеченного полностью самодержавия народа, без выборности чиновников вредна. Развивая эти тезисы, я остановлюсь сначала на более серьезных возражениях против национализации. Несомненно, таким наиболее серьезным возражением является возражение, сделанное тов. Плехановым ¹²²⁾. Тов. Плеханов говорил буквально, я записал его слова: «мы ни в коем случае не можем стоять за национализацию». Это ошибка. Я берусь утверждать, что, если у нас осуществится на самом деле крестьянская революция и если политический переворот, сопровождающий ее, дойдет до создания действительно демократической республики, то т. Плеханов сочтет возможным стоять за национализацию, и если бы действительно осуществилась у нас в России в предстоящем перевороте демократическая республика, то вся, не только русская, но и международная, обстановка движения толкнула бы к национализации. Если же не осуществится это условие, то и тогда муниципализация окажется фикцией; тогда она может осуществиться разве лишь как новый вид выкупа. У т. Джона ¹²³⁾ стоит термин: отчуждение, а не конфискация, и, как видно было из его речи, этот термин выбран был им не случайно, а между тем термин этот просто кадетский, он предполагает что угодно, и с ним вполне мирится проектируемый кадетами выкуп. Пойдем дальше. Где гарантия от реставрации, спрашивал т. Плеханов. Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась в тесной и неразрывной связи с разбираемой нами программой, но раз этот вопрос поставлен, на него надо дать вполне определенный и недвусмысленный ответ. Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т.-е. такой гарантии, которая бы со-

здавала экономические условия, исключаяющие реставрацию, то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации—социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и в полном смысле этого слова, быть не может. Вне этого условия, при всяком другом решении вопроса (муниципализация, раздел и т. п.) реставрация не только возможна, но прямо неизбежна. Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции, мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. и. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно Великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией. Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещания свободы в России царем 17 октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе,—если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведет себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление ее и полную победу революционного крестьянства. Если же поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т.-е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была

осуществлена возможно более решительно, чтобы она была поведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации. Как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его, выставлены в моем проекте крестьянские комитеты. Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значат, призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты—это значит—призыв к тому, чтобы угнетенный остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился бы с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски». Тов. Плеханову эта предпосылка доведенной до конца революции, осуществляющей выбор чиновников народом, напомнила столь неприятный для него, как и для всех нас, конечно, анархизм, но в высшей степени странно, что выборы чиновников народом могут напомнить об анархизме; в высшей степени странно, что в такой момент, как настоящий, вопрос о выборе чиновников народом может или мог вызвать улыбку у какого бы то ни было соц.-дем., кроме разве Бернштейна. Именно теперь мы переживаем как раз такое время, когда этот лозунг: выбор чиновников народом—получает самое непосредственное, громадное практическое значение. Вся наша деятельность, пропаганда и агитация в крестьянских массах должна состоять в значительной степени в пропаганде, в распространении и разъяснении именно этого лозунга. Проповедывать крестьянскую революцию, говорить сколько-нибудь в серьезном смысле слова об аграрной революции и не говорить вместе с тем о необходимости настоящего демократизма, т.-е. между прочим, и выбора чиновников народом,—это вопиющее противоречие. Упрек за анархизм по этому поводу напоминает мне лишь немецких бернштейнианцев, которые недавно, полемизируя с Каутским, упрекнули его в анархизме.

Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы. У нас не будет того, что заслуживало бы употребленного Плехановым большего слова: крестьянская революция. Пойдем дальше. Муниципализация отводит

широкую арену классовой борьбе,—говорил Плеханов; я постарался воспроизвести это утверждение его возможно более буквально и я должен решительно заявить, что это утверждение прямо-таки *неверно*; оно не верно ни в политическом, ни в экономическом смысле. При прочих равных условиях муниципалитет и муниципальное землевладение является несомненно более узкой ареной классовой борьбы, чем вся нация, чем национализация земли. Национализация земли при демократической республике создает безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы — самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще, при существовании капитализма. Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, понижение цен на хлеб, обеспечение максимальной свободы конкуренции и свободы проникновения капитала в земледелие. Муниципализация, наоборот, суживает общенациональную классовую борьбу, не очищая всех производственных отношений в земледелии от абсолютной ренты, разменивая наше общее требование на частные; муниципализация во всяком случае затушевывает классовую борьбу. С этой точки зрения поставленный Плехановым вопрос может быть решен только в одном смысле. С этой точки зрения муниципализация безусловно не выдерживает критики. Муниципализация есть сужение и затушевывание классовой борьбы. Следующее возражение Плеханова касается вопроса о захвате власти. Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70 и 80 годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительного массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения. Теперь после октября, ноября и декабря 1905 года, после того, как широкие массы рабочих классов, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения,—теперь после того, как борьба революционного народа за власть вспыхнула и в Москве, и на юге, и в Прибалтийском крае,—теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству, значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период. Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно

эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы. Я напому лишь, чтобы закончить рассмотрение этого пункта, что даже резолюция товарищей из меньшинства, напечатанная во 2-м номере «Партийных Известий», говорит, что перед нами выдвигается теперь уже задача вырвать власть из рук правительства ¹²⁴).

Слова: «народное творчество», которого, кажется, нет в наших резолюциях, но которое употребил я, если верить памяти т. Плеханова, в моей речи, кажется ему напоминанием о старых знакомых из народныхольцев и с.-р. Это воспоминание т. Плеханова мне представляется опять-таки опаздыванием на 25 лет. Припомните то, что было в России в последней четверти 1905 г.: стачки, Советы Раб. Депутатов, восстания, крестьянские комитеты, жел.-дор. комитеты и пр.,—все это свидетельствует именно о переходе народного движения в форму восстания, все это показывает несомненные зачатки органов революционной власти, и мои слова о народном творчестве имели совершенно определенное и конкретное содержание; они относились именно к этим историческим дням русской революции, они характеризовали именно этот прием борьбы не только против старой власти, а борьбы посредством революционной власти,—прием, впервые примененный широкими массами русских рабочих и крестьян в знаменитые октябрьские и декабрьские дни. Если наша революция похоронена, тогда похоронены и эти зачаточные формы революционной власти крестьян и рабочих; если же не фраза ваши слова о крестьянской революции, если у нас будет действительно аграрная революция в настоящем значении этого слова, тогда мы увидим, несомненно, повторение октябрьских и декабрьских событий в неизмеримо более широких размерах. Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян, уже имела место в России, уже осуществилась на деле в ходе нашей революции. Она была раздавлена, благодаря победе реакции, но если мы имеем действительное основание быть убежденными в подъеме революции, то мы неизбежно также должны ждать и подъема, развития и успеха новых, еще более решительных, еще более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти. Следовательно, Плеханов посредством избитого и смешного жупела «народовольчество» ¹²⁵) только увильнул от анализа октябрьско-декабрьских форм движения

Наконец, рассмотрим еще вопрос о гибкости и подкованности па 4 поги моей программы. Я думаю, что и в этом отношении моя аграрная программа является наиболее удовлетворительной по сравнению со всеми остальными. Как быть, если дела революции пойдут плохо? Как быть, если без осуществления всех поставленных в моем проекте «если» нельзя будет говорить о доведении до конца нашей демократической революции? Тогда, несомненно, придется считаться с теми условиями крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования, которые имеются уже теперь. В этом отношении я сошлюсь па такое крупнейшей важности явление, как аренда. Ведь, если говорить о том, что дело революции может пойти плохо, что она может и не дойти до конца, то в этом случае, несомненно, надо считаться с цаличностью и неустранимостью такого явления, и у меня на этот худой случай, на этот случай отсутствия всех якобы утопических «если», задачи партии предусмотрены полнее, точнее и гораздо трезвее, чем у т. Маслова. Таким образом, моя программа дает практические лозунги и при теперешних условиях крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования и при наилучших перспективах дальнейшего развития капитализма. Тов. Джон покушался сосчитать, что у меня в программе слишком много программ, что у меня есть п конфискация, и аренда, исключают друг друга; остроты тут не вышло, потому что конфискация помещичьих земель не исключает аренды, которая имеет место и на крестьянских землях. Следовательно, т. Плеханов был особенно не прав, когда он выдвигал свой особенно эффектный довод против меня. Не трудно, дескать, написать программу па случай, если все обойдется самым наилучшим образом. Такую-то программу всякий напишет, а ты вот напиши программу на тот случай, когда как раз не будет на-лицо наилучших условий. И я утверждаю в ответ на этот довод, что именно в случае наихудшего возможного хода или исхода нашей революции моя программа, говорящая о конфискации помещичьих земель, предусматривающая такие вопросы, как вопрос об аренде, является особенно трезвой и особенно хорошо подкованной, а вот что касается т. Джона, то его проект, ничего не говоря об этих наихудших условиях, т.-е. об условиях отсутствия действительно проведенного политического демократизма, дает пм лишь муниципализацию, а между тем муниципализация без выборности чиновников пародом, без уничтожения постоянной армии и т. д. представляет такую же опасность и даже еще большую опасность, как п национализация. Вот почему я п настаиваю на постановке тех «если», которые так несправедливо осуждал Пдеханов.

Итак, крестьяне не примут муниципализации. Тов. Картвелов ¹²⁶⁾ говорил, что на Кавказе крестьяне вполне соглашаются с с.р., не спрашивают при этом: вправе ли они будут продавать доставшуюся им при разделе или при социализации землю. Верно, т. Картвелов! Ваше наблюдение вполне соответствует крестьянским интересам вообще и крестьянскому пониманию своих интересов, но именно потому, что крестьяне всякие аграрные преобразования рассматривают с точки зрения того, вправе ли они будут продавать доставшуюся им добавочную землю, именно поэтому крестьяне и будут безусловно против муниципализации, против земствозилизации. Крестьяне и до сих пор еще смешивают земство с земским начальником и они имеют к этому гораздо более глубокие основания, чем предполагают величественные кадетские профессора права, смеющиеся над крестьянским невежеством. Поэтому, прежде чем говорить о муниципализации, необходимо, безусловно необходимо, говорить о выборности чиновников народом. Теперь же, пока это демократическое требование не осуществлено, уместно лишь говорить о конфискации вообще, либо о разделе. Вот почему в целях упрощения основного вопроса для съезда я поступаю следующим образом: так как программа т. Борисова ¹²⁷⁾ имеет ряд общих черт с моей программой и построена именно на разделе, а не на национализации, то я снимаю свою программу и предоставляю съезду высказаться по вопросу: раздел или муниципализация. Если вы отвергнете раздел,—или, может быть, вернее будет сказать, «когда» вы отвергнете раздел,—тогда мне, конечно, придется снять свой проект, как безнадежный, окончательно, если же вы примете раздел, то я внесу свою программу целиком, как поправку к проекту т. Борисова. Напомню еще в ответ на упреки, будто я навязываю крестьянам национализацию, что в моей программе есть *«вариант А»*, в котором специально говорится об устранении всякой мысли о навязывании чего бы то ни было крестьянам против их воли. Следовательно, замена моего проекта проектом Борисова при первоначальном голосовании ровно ничего не изменит в сущности дела и только облегчит и упростит выяснение нам действительной воли съезда. По моему мнению, муниципализация ошибочна и вредна —раздел ошибочен, но не вреден. Остановлюсь вкратце на этом различии. «Разделисты» правильно истолковывают факты, но они не помнят изречения Маркса о старом материализме: «материалисты объясняли мир, а дело не только в том, чтобы объяснять его, но и в том, чтобы изменять мир». Крестьянин говорит: «земля, божья, земля народная, земля ничья». «Разделисты» объясняют нам, что он говорит это не сознательно, что он говорит одно, а думает другое. Действительные стремления крестьян, говорят они, состоят всецело

и исключительно в прибавке земли крестьянам, в увеличении мелкого хозяйства и ии в чем больше. Все это совершенно верно. Но наше разногласие с «разделистами» и тут не кончается, а только начинается. Именно этими словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники. Треповы. Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам ¹²⁸⁾ и Родичевым, которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин, наверно не захочет отдать землю этим господам. Следовательно,—разъясним мы крестьянам,—для того, чтобы земля могла быть отдана всему народу с пользою для крестьян, необходимо, чтобы была обеспечена выборность всех чиновников, без исключения, народом. Следовательно, выставляемый мною проект национализации, обусловленной полным обеспечением демократической республики, дает как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитатором, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды. Крестьянин Мишин, напр., который выбран депутатом в Думу от ставропольских крестьян, привез наказ от выборщиков, напечатанный полностью в «Русском Государстве» ¹²⁹⁾. В этом наказе требуется и отмена земских чиновников, и устройство элеваторов, и передача всех земель в казну. Требование такой передачи есть, несомненно, реакционный предрассудок, ибо казна настоящей и завтрашней конституционной России есть казна полицейского, военного деспотизма, по это требование мы должны не просто отбросить, как вредный предрассудок, мы должны «зацепиться» за него, чтобы истолковать Мишину и ему подобным, как стоит дело по существу. Мы должны сказать Мишину и ему подобным, что требование передачи земли в казну выражает, хоть и очень плохо, чрезвычайно важную и полезную для крестьян идею. Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет очень полезна им исключительно тогда, когда государство станет вполне демократической республикой, когда будет полностью проведена выборность чиновников, уничтожена постоянная армия и т. д. Вот по всем этим причинам я и думаю, что, если вы отвергнете национализацию, то вызовете этим неизбежно такие же ошибки наших практиков пропагандистов и агитаторов,

какие вызвали мы своей ошибочной отрезочной программой 1903 г.¹³⁰⁾ Как тогда наши отрезки толковали более узко, чем понимали их авторы этого пункта, так и теперь отрицание национализации и замена этого требования разделом, не говоря уже о совсем путанной муниципализации, приведет неизбежно к такому ряду ошибок наших практиков, пропагандистов и агитаторов, что нам очень скоро придется пожалеть о принятой нами «раздельнической» или муниципализаторской программе.

Закончу повторением еще раз двух своих основных тезисов: во-первых, муниципализации никогда не захотят крестьяне; во-вторых, муниципализация без демократической республики, без выборности чиновников народом—вредна.

2. Заключительное слово по вопросу о „текущем моменте“¹³¹⁾.

Постараюсь отметить самое существенное. Тов. Птицын¹³²⁾ напомнил мне поговорку: на ловца и зверь бежит. Он спрашивал: где большевики видят, что главная форма борьбы теперь ломание законов и проч? Тов. Птицын, снимите же ваши кадетские очки. Вам, кажется, что главная формы борьбы—парламентаризм. Смотрите: движение безработных, движение в войсках, крестьянское движение. Главная форма движения не в Думе, она может играть лишь косвенную роль. Тов. Плеханов говорил, что Гегель перевернулся бы два раза в гробу, слыша мою ссылку на него. Но т. Плеханов говорил до т. Птицына и его слова обращаются против последнего. Тов. Птицын преклоняется перед минутой, он замечает лишь явления, лежащие на поверхности, и не замечает совершающегося в глубине. Он не изучает явления в их развитии. По мнению т. Птицына, речь о голове и хвосте, о передовой или о хвостовой роли пролетариата, фразеология. Основная ошибка меньшевиков здесь особенно ярко сказалась. Они не видят, что буржуазия контр-революционна, что у нее сознательное стремление к сделке. Они ссылаются на якобинцев, указывая, что те были наивными монархистами и стали республиканцами. Но кадеты не наивные, а сознательные монархисты. Это и забывают меньшевики.

Грозный т. Леонов¹³³⁾ говорил: смотрите: «большевики» толкуют о революционном народе. Но то же говорят и «меньшевики» в своей резолюции. Тов. Леонов ссылается на Маркса, но Маркс в «Классовой борьбе во Франции» говорит, что республика есть высшая политическая форма господства буржуазии. Тов. Леонову следовало бы цитировать дальше. Тогда он увидел бы, что республика была навязана

буржуазии временной ситуацией, и что буржуазия, разделявшаяся на две фракции легитимистов и орлеанистов,—лишь, вопреки своей воле, терпела республику.

Дан говорил: «большевики» игнорируют значение политической ситуации. Это не верно. Но было бы трюизмом говорить вообще о значении организации. Речь идет о том, какие именно формы политической организации теперь необходимы. Надо указать, на какой почве мы строим политическую организацию. «Меньшевики» исходят из предпосылок подъема революции и в то же время рекомендуют такие способы действия, которые соответствуют не подъему революции, а упадку. Этим они играют на руку кадетам, которые всячески опорочивают период октября—декабря. «Меньшевики» говорят о взрыве. Вставьте это слово в резолюцию. Тогда современная форма движения—выборы в Г. Д. и проч.—явится только-только переходящею формою движения.

Тов. Дан говорил: лозунги «меньшинства» подтверждены и ссылались на революционные самоуправления, на Сов. Раб. Деп. Но возьмите 5-й номер плехановского «Дневника». Он говорит там, что революционное самоуправление «сбивает с толку». Но когда и кого этот лозунг сбивал с толку? Мы никогда не отрицали этого лозунга. Но мы его считали недостатком. Этот лозунг—половинчатый, это лозунг непобедимой революции. Ссылка на Сов. Раб. Деп. неправильна. О них мы еще не говорили.

Ошибка Плеханова—это полное отсутствие анализа тех форм движения, которые были в октябре. Он сказал: Сов. Раб. Деп. желательны и необходимы. Но он не потрудился анализировать, что представляет Сов. Раб. Деп. Что это?—орган революционного самоуправления или зачаточные органы власти? Я утверждаю, и этот тезис не может быть опровергнут, что это борьба посредством революционной власти. Это и только это есть характерное отличие октябрь-декабрьской борьбы от теперешней; и навязывать ту или другую форму борьбы мы не можем.

Плеханов говорил: Бернштейна хвалили за теорию, за то, что он отказался от теоретического марксизма, а меня за тактику. Ситуация не та,—говорил т. Плеханов. На это ему справедливо ответил т. Варшавский, что Бернштейна хвалили за тактику. За стремление притупить противоречия, как это делают кадеты. Бернштейн притуплял социальные противоречия накануне социалистической революции. Плеханов притупляет политические противоречия в разгар буржуазно-демократической революции. За это кадеты хвалят Плеханова и меньшевиков.

Тов. Плеханов говорил: мы не отрицаем захвата власти, но мы за такой захват, как в эпоху Конвента ¹³⁴⁾, а не за заговорщический захват власти. Напишите же это, товарищи «меньшевики», в вашей резолюции. Отвергните ленинизм, заклейте заговорщиков с.-р-ов и проч., и проч., мне это ни капли не страшно, но поставьте пункт о захвате власти по типу Конвента, и мы обеими руками подпишемся под этой резолюцией. Только помните, т. Плеханов, как только вы это напишете, поверьте, кадеты перестанут хвалить вас.

3. Речь по вопросу о тактике по отношению к Государственной Думе ¹³⁵⁾.

Товарищи! Я не буду читать вам резолюции большевиков, ибо эта резолюция, вероятно, всем вам известна. (Ввиду требования со стороны членов съезда оратор прочитывает, однако, еще раз текст резолюции большевиков.)*) Сравнение этой резолюции с резолюцией меньшевиков показывает нам следующие четыре основных пункта различия или четыре основных недостатка резолюции меньшевиков.

1) В резолюции меньшевиков нет оценки выборов, нет учета объективных результатов нашего политического опыта в этом отношении.

2) В этой резолюции сквозит повсюду неосторожное, если выражаться мягко, или оптимистическое отношение к Г. Думе

3) В резолюции нет ясного деления различных течений или партий внутри буржуазной демократии с точки зрения нашей тактики по отношению к ним.

4) Ваша резолюция постановляет образовать парламентскую фракцию в такой момент и при таких условиях, когда польза такой меры для пролетарской партии никак не может быть доказана.

Таковы действительные разногласия между нами, если разбирать разногласия серьезно, не придираясь к словам или к мелочам.

Рассмотрим же эти четыре пункта.

Учет опыта относительно выборов имеет громадное значение, если мы хотим основывать свои выводы не на общих фразам о парламентаризме вообще и т. п., а на действительном отношении политических сил. В самом деле, ведь мы выставляли и выставаем совершенно определенное положение, что участие в выборах реально означает поддержку кадетов, что участие невозможно без блоков с кадетами. Разбираете ли вы по существу это соображение? Рассмотрим

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

ваете ли вы действительность с точки зрения фактических данных по этому вопросу? Ничего подобного. Аксельрод ¹³⁶⁾ совершенно обошел первую половину вопросов, а насчет второй дал два противоречивых утверждения. Сначала он отозвался о блоках с кадетами вообще в самых пренебрежительных выражениях. Потом он сказал, что ничего бы не имел и против таких блоков, но, конечно, не в виде старого и мелкого «шушуканья» и соглашений впотьмах, а в виде открытых и прямых шагов, видных всему пролетариату. Это последнее «положение» Аксельрода великолепный образчик «кадетских» мечтаний, настоящих «невинных пожеланий», порождаемых конституционными иллюзиями. У нас нет конституции на деле, нет почвы для наших открытых выступлений, а есть дубасовский «конституционализм». Мечты Аксельрода останутся пустыми мечтами, а кадеты извлекут реальную пользу из соглашений, молчаливых или подписанных, формальных или неформальных.

И когда говорят о нашем «самоустранении» от выборов, то всегда забывают, что именно политические условия, а не наша воля, устранили нашу партию на деле, устранили от газет, от собраний, от выставления в кандидаты видных членов партии. А без всех этих условий парламентаризм гораздо больше является пустой и жалкой игрой, чем средством воспитания пролетариата: наивно брать парламентаризм «в чистом виде», в «идее», а не в реальной его обстановке.

Когда говорят о выборах, обычно забывают, что фактически боролись на почве дубасовского конституционализма две сильные «партии»: кадеты и черносотенцы. Кадеты были правы, когда говорили избирателям, что всякое раздробление голосов, всякое выставление «третьих» кандидатов может повести лишь к победе черносотенцев. Возьмите примеры вроде московских: Гучков получает, скажем, 900 голосов, кадет 1.300. Достаточно было бы социал-демократам собрать 401 голос, и черносотенец победил бы. Следовательно, кадетское понимание с.-д-ческого участия в выборах соответствовало действительности (кадеты дали московским рабочим одно место в Г. Думе за участие рабочих в выборах), а ваше, меньшевистское, понимание не соответствует действительности, является пустой и праздной мечтой. Либо не браться за парламентаризм и не говорить о нем общих мест, либо браться всерьез: А получается позиция никуда не годная.

Второй пункт. Аксельрод в своей речи еще более выставил указанные мной недостатки резолюции. В резолюции говорится о превращении Думы в орудие революции. Вы рассматриваете Думу исключительно с точки зрения правительственного давления на нас, пра-

вительственного гнета против революции. Мы рассматриваем Г. Думу, как представительство определенного класса, как учреждение с определенным партийным составом. Ваше рассуждение совершенно неправильное, неполное, не по-марксистски построенное. Внутреннего строя Думы по классовому составу партии ка-де вы не учитываете. Вы говорите, что правительство душит революцию, а забываете добавить, что ка-де тоже обнаружили уже вполне и всецело стремление тушить революцию. Кадетская Дума не может не проявлять свойств кадетской партии. Пример франкфуртского парламента, когда представительное учреждение в революционную эпоху ясно обнаружило стремление тушить революцию (вследствие мелко-буржуазной ограниченности и трусости франкфуртских говорунгов),—этот пример вы совершенно упускаете из виду.

Совсем уже неудачна ссылка в с.-д. резолюции на «власть, царем признанную и законом утвержденную». Дума не есть власть на самом деле. Ссылка на закон не устанавливает, а ослабляет всю вашу аргументацию и все ваши агитационные лозунги, вытекающие из этой резолюции. На «закон» и на «волю царя» будет всего охотнее ссылаться Витте, препятствуя малейшей попытке Думы выйти за пределы ее сведенной до смешного компетенции. Не социал-демократы, а «Русское Государство» извлекает пользу из таких доводов, как ссылка на царя и закон.

Перехожу к третьему пункту. Отсутствие ясной характеристики кадетов, отказ от разоблачения всей их тактики, невыделение кадетов от крестьянской и революционной демократии является коренной ошибкой резолюции, ошибкой, тесно связанной со всеми предыдущими. А между тем именно кадеты являются господами положения в настоящей Думе. И эти кадеты уже обнаружили не раз свои измены «народной свободе». Когда добрый болтун Водовозов¹³⁷), желая стоять левее кадетов, напомнил им после выборов о данных ими обещаниях насчет Учред. Собрания и пр., то «Речь», принявшая «великодержавный» тон, грубо, площадно-грубо ответила Водовозову, что она не нуждается в непрошенных советах.

И столь же ошибочна ваша резолюция в вопросе о стремлении ослабить революцию. Как я уже говорил, такое стремление есть не только у правительства, но и у тех мелких буржуа-соглашателей, которые всего более шумят теперь на поверхности нашей политической жизни.

Ваша резолюция говорит, что Дума стремится опереться на народ. Это верно лишь наполовину и потому не верно. Что такое Г. Дума? Позволительно ли нам ограничиться общей ссылкой на это учрежде-

ние вместо анализа тех классов и партий, которые определяют действительное содержание и значение его? Какая Дума стремится опереться на народ? Не октябристская, ибо октябристам совершенно чуждо такое стремление. И не крестьянская Дума, ибо крестьяне-депутаты уже являются неразрывной частью народа, и им нечего «стремиться опереться на народ». Стремление опереться на народ характерно именно для *кадетской* Думы. Но кадетам столь же свойственно и стремление опереться на народ и *боязнь* революционной самостоятельности народа. Указывая на одну сторону дела и совершенно умалчивая о второй, ваша резолюция сеет не только неправильные, но прямо вредные представления. Умолчание об этой второй стороне—подчеркнутой в нашей резолюции об отношении к другим партиям—является ложью, если брать объективное значение такого умолчания.

Нет, нашу тактику по отношению к буржуазной демократии ни в каком случае не позволительно определять с умолчанием о кадетях, с отказом от резкой критики их. Мы можем и должны искать поддержки лишь крестьянской и революционной демократии, а отнюдь не тех, кто притупляет политические противоречия современного момента.

Наконец, взглянем на предложение образовать парламентскую фракцию. Что использование социал-демократией нового оружия, «парламентаризма», должно быть обставлено особо осторожно, этого не решаются отрицать и меньшевики. Они вполне готовы признать это «в принципе». Но дело теперь совсем не в принципиальном признании, дело в правильном учете конкретных условий. Ничего не стоит «принципиальное» признание осторожности, если реальные условия превращают это признание в невинное и праздное мечтание. Хорошо говорят, напр., кавказцы о самостоятельных выборах, о чисто партийных кандидатах, об отрицании ими блоков с кадетами. Но чего стоят эти хорошие слова, если в то же время один из тов. кавказцев в разговоре со мной сообщил, что в Тифлисе, этом центре меньшевистского Кавказа, пройдет, вероятно, левый кадет Аргутинский и, вероятно, не без помощи с.-д.? Чего стоят наши пожелания относительно широких и открытых заявлений перед массами, если у нас будут, как теперь, «Партийные Известия» Ц. К-та против бездны кадетских газет?

Заметьте еще, что самые оптимистические из с.-д. надеются провести своих кандидатов лишь через крестьянские курии. Они хотят, значит, «начинать парламентаризм» в практике рабочей партии как раз не с рабочих, а с мелко-буржуазных, полу-эсеровских курий.

Подумайте, социал-демократическая или не социал-демократическая рабочая политика имеет больше шансов возникнуть из всей этой ситуации?

4. Речь по вопросу о „вооруженном восстании“¹³⁸⁾.

Один товарищ заметил недавно, что мы собираем агитационный материал против решений съезда. Я ответил на это тогда же, что называть так именные голосования более чем странно. Всякий недовольный решениями съезда всегда будет агитировать против их. Тов. Воробьев сказал, что с нами, «большевиками», «меньшевики» не могут работать в одной партии. Я рад, что первым заговорил на эту тему именно т. Воробьев. Что его слова послужат «агитационным материалом», я не усомнился бы. Но важнее, конечно, агитационный материал по принципиальным вопросам. И лучшего агитационного материала против настоящего съезда, чем резолюция ваша против вооруженного восстания, мы бы не могли себе и представить.

Плеханов говорил о необходимости хладнокровного обсуждения столь важного вопроса. Это тысячу раз верно. Но хладнокровное обсуждение сказывается, конечно, не в отсутствии дебатов перед съездом и на съезде, а в действительно хладнокровном, деловом содержании резолюций, подлежащих обсуждению. И именно, с этой стороны, особенно поучительно сравнение обеих резолюций. Не полемика же нравится нам в резолюции «меньшевиков»,—Плеханов совершенно неверно понял слова тов. Винтера¹³⁹⁾ на этот счет,—нам не полемика не нравится, а мелкая, мелочная полемика, пропикающая резолюцию «меньшевиков». Возьмите вопрос об оценке опыта прошлого, о критике движения пролетариата сознательной выразительницей движения пролетариата, социал-демократией. Критика и «полемика» тут обязательны, но только открытая, прямая, явная и ясная критика, а не придирка, не уколы, не интеллигентские шпильки. И вот, наша резолюция, подводя научным образом итоги последнего года, критикует прямо: мирная стачка показала себя «растрачивающей силы», она отживает свое время. Восстание становится главной, стачка—подсобной формой борьбы. Возьмите резолюцию «меньшевиков». Вместо хладнокровного обсуждения, вместо учета опыта, вместо изучения соотношения стачки и восстания, вы видите скрытое, мелочно скрытое отречение от декабрьского восстания. Взгляд Плеханова: «не нужно было браться за оружие» всецело проникает всю вашу резолюцию (хотя большинство русских «меньшевиков» заявляло о несогласии с Плехановым). Тов. Черевашин¹⁴⁰⁾

своею речью бесподобно выдал себя, когда для защиты резолюции «меньшевиков» должен был представлять декабрьское восстание, как безнадежное проявление «отчаяния», как восстание, никакой возможности вооруженной борьбы не доказавшее.

Каутский, как вы знаете, высказался иначе. Он признал, что декабрьское восстание в России заставляет «пересмотреть» взгляд Энгельса о невозможности баррикадной борьбы, что декабрьское восстание есть *начало* новой тактики *). Само собой разумеется, что взгляд К. Каутского может быть ошибочен, что «меньшевики» могут быть более правы. Но, если мы ценим «хладнокровное» обсуждение и серьезную, а не мелочную критику, мы обязаны прямо и явно выразить в резолюции свое мнение: «не нужно было браться за оружие», но непозволительно выразить этот взгляд в резолюции скрыто, без прямой формулировки его. Вот это мелкое, прикрытое дезавуирование декабрьского восстания, не обоснованное ни малейшей критикой прошлого опыта, и есть основной и громадный недостаток вашей резолюции. Этот недостаток ее и дает громадный агитационный материал против такой резолюции, которая в сущности клонит ко взгляду тов. Акимов ^{141a}), лишь пряча его острые углы.

Первый пункт вашей резолюции грешит тем же недостатком. Начинается этот пункт *фразой*, ибо «тупое упорство» есть свойство всех реакционных правительств, но из этого одного необходимость и неизбежность восстания отнюдь еще не вытекает, «вырвать власть» то же, что «захватить власть», и забавно, что спорившие против второго термина приняли первый. Они обнаружили этим бессодержательность своей декламации против народовольчества и т. п. Предложение Плеханова сказать вместо «вырвать власть» «вырвать свои права» особенно неудачно, ибо дает уже чисто кадетскую формулировку. Главное же, повторяю, то, что к вопросу «о вырывании власти» и о вооруженном восстании ваша резолюция подходит не на основании изучения и учета опыта прошлого и фактических данных о росте движения, а на основании ничем не доказанных и недоказуемых общих мест.

5. Особое мнение по вопросу о составе парламентской фракции Р. С.-Д. Р. П.

На основании поданного уже заявления, прилагаю при сем свое особое мнение по вопросу о поправке Стодолина ^{141b}).

Тов. Стодолин в своей поправке предлагал допустить к участию в официальной парламентской группе Р. С.-Д. Р. Партии исклю-

*) В статье: «Шансы русской революции». *Ред.*

чительно тех членов партии, которые не только работают вообще в одной из партийных организаций, не только подчиняются вообще партии в целом и своим партийным организациям в особенности, но и которые, кроме того, выставлены последними (т.-е. соответствующими партийными организациями) в качестве кандидатов.

Следовательно, т. Стодолин хотел того, чтобы наши с.-д-ческие первые шаги по пути парламентаризма происходили исключительно по прямому поручению соответствующих организаций и от их имени. Недостаточно того, чтобы члены парламентской группы были членами одной из партийных организаций. При русских условиях это еще не исключает возможности самых нежелательных приключений, ибо открытого и для всех видного контроля над своими членами наши партийные организации осуществить не могут. Крайне важно поэтому, чтобы первые шаги наши по пути парламентаризма были обставлены всеми предосторожностями, выработанными опытом социалистических партий Европы. Западно-европейские партии, и особенно левые фракции их, настаивают даже на том, чтобы кандидатов в парламент выставляли местные организации партии по соглашению с Ц. К. партии. Революционная социал-демократия Европы имеет самые серьезные основания требовать этого *тройного* контроля за парламентариями: во-первых, общепартийный контроль над всеми членами партии; во-вторых, особый контроль тех местных организаций, которые должны от своего имени выставлять кандидатов в парламент; в-третьих, специальный контроль Ц. К. всей партии, который, стоя выше местных влияний и местных особенностей, должен заботиться о выставлении лишь таких кандидатов в парламент, которые удовлетворяют общепартийным и общеполитическим требованиям.

Отклонив поправку т. Стодолина, отклонив требование, чтобы в парламентскую фракцию могли входить исключительно те, кого партийные организации прямо выставляли кандидатами в парламент, отклонив это требование, съезд обнаружил гораздо меньшую осторожность в парламентарной тактике, чем западно-европейские революционные социал-демократы. Между тем едва ли можно сомневаться в том, что нам необходима теперь, в силу особенно трудных условий открытого выступления с.-д. в России, безусловно гораздо большая осторожность, чем выработанная опытом революционной социал-демократии Западной Европы.

6. Письменные заявления на 26 заседании съезда.

1. Неверно, что я «поддержал» т. Воробьева, сказавшего, что работать вместе в одной партии большевики и меньшевики не могут.

Я отнюдь не «поддерживал» такого утверждения и *отнюдь не разделяю такого взгляда*. Смысл моих слов: «Я рад, что т. Воробьев сказал это *первым*», был исключительно, иронический, ибо победители, имеющие большинство на съезде, обнаружили лишь свою слабость, заговаривая *первые* о расколе ¹⁴²).

II. Предлагаю следующее примечание к уставу объединения с Бундом:

«Съезд поручает Ц. К. провести данный устав в жизнь немедленно вслед за утверждением его Бундом» ¹⁴³).

Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции „большевиков“¹⁴⁴).

Товарищи!

Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. состоялся. Раскола нет более. Не только прежние фракции «большевиков» и «меньшевиков» организационно слились вполне, но и достигнуто объединение Р. С.-Д. Р. П. с польской соц.-демократией, подписано объединение с латышской и предрешено объединение с еврейской, т.-е. «Бундом». Политическое значение этих фактов было бы при всяких условиях очень велико, оно становится поистине громадным ввиду переживаемого исторического момента.

Вся судьба великой российской революции решится, повидимому, в ближайшем будущем. Пролетариат, ведущий за собою широкие массы городской и деревенской бедноты, идет во главе революции с первого ее момента до сих пор. Ввиду предстоящих грозных решающих событий народной борьбы всего важнее достигнуть практического единства сознательного пролетариата всей России, всех ее национальностей. В такую революционную эпоху, как переживаемая, всякие теоретические ошибки и тактические отклонения партии критикуются всего беспощаднее самой жизнью, просвещающей и воспитывающей рабочий класс с невиданной быстротой. В такое время—долг всякого соц.-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не парушала и не затрудняла единства революционных выступлений соц.-демократического пролетариата.

Великая российская революция стоит накануне поворотного пункта. Борьба всех классов буржуазной России против самодержавия привела к бумажной конституции. Часть буржуазии вполне удовлетворилась этим и отвернулась от революции. Другая часть,

желая идти дальше, обманывает себя надеждами на «конституционный» путь борьбы и готова в избирательной победе шаткой и лицемерной буржуазной партии кадетов видеть серьезную победу народной свободы.

Широкая масса крестьянства, борющаяся самоотверженно против старой, крепостнической России, против всевластия чиновников и кабалы помещиков, остается на стороне революции, но она далеко еще не вполне сознательна. Мало сознательна и революционно-демократическая часть мелкой буржуазии городов. Только пролетариат, геройски бившийся за свободу в октябре, взявшийся за оружие ради ее защиты в декабре, только пролетариат является по-прежнему до конца революционным классом, который, собирая новые силы, сознательно готовится теперь к новому, еще более великому бою.

Царское правительство с циничной откровенностью ведет свою игру в конституцию. Оно сохраняет за собою свою старую власть, оно продолжает и усиливает преследования борцов за свободу, оно явно хочет сделать из Думы пустую говорильню—ширму для самодержавия, орудие обмана для народа. Увенчается ли эта тактика успехом,—это решится в самом близком будущем, решится исходом нового революционного взрыва, который теперь назревает.

Если пролетариат всей России тесно сплотится, если он сумеет поднять за собою все действительно революционные, способные на борьбу, а не на сделки слои народа, если он хорошо приготовится к бою и верно выберет момент для окончательной битвы за свободу,—тогда победа останется за ним. Тогда царю не удастся его издевательская игра с конституцией, тогда буржуазии не удастся сделка с самодержавием, тогда российская революция не будет такой неоконченной и половинчатой, на три четверти бесплодной для интересов рабочего класса и крестьянства, как революции XIX века в Западной Европе. Тогда это будет действительно великая революция,—полная победа народного восстания освободит буржуазную Россию от всех старых пут и, может быть, откроет эпоху социалистических революций на Западе.

Стремясь к полной демократической революции, социал-демократия должна во всей своей работе считаться с неизбежностью нового революционного взрыва. Мы должны беспощадно разоблачать конституционные иллюзии, поддерживаемые и правительством, и буржуазией в лице ее либеральной партии—кадетов; мы должны призвать революционное крестьянство к сплочению во имя полной победы крестьянского восстания. мы должны разъяснять широким

массам великое значение первого декабрьского восстания и неизбежность нового восстания, которое одна только будет в состоянии действительно отнять власть у царского самодержавия, действительно передать ее народу. Таковы должны быть основные задачи нашей тактики в данный исторический момент.

Мы не можем и не должны замалчивать того факта, что по нашему глубокому убеждению объединительный съезд партии не вполне правильно понял эти задачи. В трех важнейших резолюциях съезда определенно обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков», численно преобладавшей на съезде.

В аграрной программе съезд принципиально принял «муниципализацию». Муниципализация означает—собственность крестьян на надельные земли и аренду крестьянами переданных земствам помещичьих земель. В сущности это нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой. Крестьяне не примут такого плана. Они потребуют либо прямого раздела земли, либо перехода всех земель в собственность народа. Серьезной демократической реформой муниципализация могла бы явиться лишь в случае полного демократического переворота, при республиканском строе с выборностью чиновников народом. Мы и предлагали съезду, по крайней мере, связать муниципализацию с этими условиями,—но съезд отклонил наше предложение. А без этих условий муниципализация, как реформа либерально-чиновническая, даст крестьянам совсем не то, что им надо, и в то же время доставит новую силу, новое влияние господствующим в земствах буржуазным антипролетарским элементам, отдавая фактически в их руки распределение фонда земель. Мы должны разъяснить этот вопрос широким массам рабочих и крестьян.

В своей резолюции о Госуд. Думе съезд признал желательным создать в этой Думе парламентскую фракцию с.-д. Съезд не пожелал считаться с тем фактом, что $\frac{9}{10}$ сознательных рабочих России, в том числе все польские, латышские, еврейские с.-д. пролетарии, бойкотировали эту Думу. Съезд отклонил предложение обусловить участие в выборах возможностью действительно широкой агитации среди масс. Он отклонил предложение о том, чтобы членами парламентской фракции с.-д. могли быть только те, кого рабочие организации выставили кандидатами в Госуд. Думу. Съезд, таким образом, вступил на путь парламентаризма, не оградив партию даже теми гарантиями, которые выработал в этом отношении опыт револ. соц.-демократии в Европе.

Как соц.-демократы, мы, конечно, признали принципиальную обязательность использовать парламентаризм в качестве орудия пролетарской борьбы; по весь вопрос в том, допустимо ли участие соц.-демократии при данных условиях и в таком «парламенте», как наша Дума? Допустимо ли учреждение парламентской фракции без соц.-демократических, рабочими организациями выбранных парламентариев? Мы полагаем, что нет.

Съезд отклонил предложение поставить одной из задач партии борьбу с игрой в конституцию, борьбу с конституционными иллюзиями. Съезд не высказался о двойственной природе господствующей в Думе «кадетской» партии, в которой так сильны стремления к сделке с самодержавием, к притуплению и прекращению революции. Съезд чрезмерно поддался впечатлению минутного и мишурного успеха партии буржуазных соглашателей самодержавия с народной свободой.

В резолюциях о вооруженном восстании съезд также не дал того, что было необходимо: прямой критики ошибок пролетариата, ясной оценки опыта октября—декабря 1905 г.,—хотя бы попытки изучить соотношение стачки с восстанием; вместо всего этого в резолюциях преобладают какие-то робкие отговорки от вооруженного восстания. Съезд не сказал рабочему классу открыто и ясно, что декабрьское восстание было ошибкой; но в то же время в прикрытой форме съезд осудил декабрьское восстание. Мы думаем, что таким способом можно скорее затемнить, чем прояснить революционное сознание пролетариата.

Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы—против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда. Отрицая бойкот Центр. К-та и ценя совместную работу, мы согласились на вступление в Ц. К. наших единомышленников, хотя они будут там в ничтожном меньшинстве. По нашему глубокому убеждению, рабочие с.-дем. организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни.

В организационном вопросе мы разошлись только относительно прав редакции Ц. О. Мы отстаивали право Ц. К. назначать и сменять редакцию Ц. О. Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должност-

ных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда.

К такому подчинению и к такой идейной борьбе мы зовем всех наших единомышленников: к внимательной оценке решений съезда мы приглашаем всех членов партии. Революция учит,—и мы верим, что практическое единство борьбы с.-д. пролетариата всей России предохранит нашу партию от роковых ошибок во время развязки грядущего политического кризиса. В боевой момент сами события подскажут рабочим массам правильную тактику. Приложим все усилия к тому, чтобы наша оценка этой тактики содействовала осуществлению задач революционной социал-демократии, чтобы рабочая партия не уклонялась с пролетарски-выдержанного пути под влиянием погони за мишурным успехом,—чтобы социалистический пролетариат до конца довел свою великую роль передового бойца за свободу!

*Написано в апреле
1900 года.*

ДОКЛАД ОБ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П.

*Написано
в конце апреля и в начале мая
1906 года.*

*Напечатано
брошюрой в мае 1906 г.
Изд. «Вперед». Спб. 1906 г.*

Доклад об Объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П.

(Письмо к петербургским рабочим.)

Товарищи! Вы выбрали меня делегатом на Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. Не имея возможности лично явиться в настоящее время в Петербург, я позволю себе письменно представить мой доклад о съезде и изложить попутно некоторые мысли по поводу съезда.

Прежде чем переходить к делу, должен сделать одну важную оговорку. Запомнить в точности все происшедшее на съезде, состоявшем из 120 или более человек и имевшем около 30 заседаний, совершенно невозможно. Будучи занят в бюро съезда в качестве одного из председателей, участвуя кроме того в некоторых комиссиях, я не мог вести записей во время съезда. Положиться без записей всецело на свою память невозможно. Ряд отдельных эпизодов и отдельных речей на съезде я прямо-таки не слышал, отсутствуя из залы заседаний вследствие работы в комиссии или по случайным и личным причинам. Опыт предыдущих съездов (II и III), которые были меньше по числу делегатов, показал мне, что даже при напряженном внимании нет никакой возможности составить на память точной картины съезда. Когда выходили в свет протоколы II и III съезда, я читал эти протоколы, как новые книги, хотя участвовал сам на съезде, ибо эти книги, действительно, давали мне немало нового и заставляли исправлять целый ряд неточных или неполных личных впечатлений от съезда. Поэтому я усиленно прошу иметь в виду, что настоящее письмо есть лишь черновой набросок доклада, подлежащего во всяком случае исправлению на основании протоколов съезда.

I.

Состав съезда.

Начну с общего состава съезда. Делегаты с решающими головами выбирались, как известно, по одному на 300 членов партии.

Всего таких делегатов было около 110—в начале съезда, кажется, немного меньше (не все съехались); в конце чуть ли не до 113. С совещательными голосами было 5 редакторов Ц. О. (3 от «меньшинства» и 2 от «большинства», ибо я получил от вас мандат с решающим голосом) и пять, если я не ошибаюсь, членов О. Ц. К. Затем с совещательным голосом были делегаты организаций, не получившие решающего голоса, некоторые особо приглашенные на съезд (два члена «аграрной комиссии», затем Плеханов и Аксельрод, потом тов. Акимов и некоторые др.). С совещательными голосами были также некоторые делегаты крупных организаций, имевших более 900 рабочих (от Питера, от Москвы, от Южной областной организации и пр.). Наконец, с совещательным голосом были представители национальных с.-д. партий: трое от польской социал-демократии, по столько же от латышской и от еврейской (Бунд), один от украинской с.-д. рабочей партии (это название приняла, как оказывается, на последней своей конференции Революционная украинская партия). Итого человек 30, или немного больше, с совещательными голосами. Всего, значит, не 120, а свыше 140 человек.

По своему «направлению» в отношении тактической платформы или, если хотите, по своей фракционной позиции делегаты с решающим голосом распределялись приблизительно так: 62 меньшевика и 46 большевиков. По крайней мере, мне наиболее запомнились эти цифры из всех многочисленных «фракционных» голосований съезда. Часть делегатов, конечно, была неопределенна или колебалась по некоторым вопросам,—так называемый на парламентском языке «центр», или «болото». На съезде этот «центр» был особенно слаб, хотя некоторые из товарищей, относимые мной, на основании голосований, к меньшевикам, и претендовали на звание «примиренцев», или «центра». Из сколько-нибудь серьезных голосований съезда мне памятно лишь одно (голосование по вопросу о соединении Бунда с партией), когда эти «меньшевики-примиренцы» голосовали действительно не фракционно. Об этом голосовании, когда вполне фракционные меньшевики были побеждены большинством в 59, помнится, голосов, я скажу подробно ниже.

Итак, 62 и 46. Съезд был меньшевистский. Меньшевики имели прочное и обеспеченное преобладание, позволявшее даже им заранее сговариваться и предрешать таким образом постановления съезда. Эти частные сговоры на фракционных собраниях вполне естественны, в сущности, при наличии определенного компактного большинства, и, когда некоторые делегаты, особенно из так называемого центра, жаловались на это, я называл это в беседах с делегатами

«жалобой центра на свою собственную слабость». На съезд вопрос о фракционных собраниях попытались внести, но он был снят, ибо оказалось фактически, что фракции все равно сплотились, на фракционные собрания стало возможным допускать и посторонних, сделать эти собрания «открытыми». Ко времени окончания съезда, например, вопрос о составе Ц. К., как видно будет ниже, решен был в сущности не выборами на съезде, а простым «соглашением» фракций. Не стану оценивать этого явления. Оплакивать его, по-моему, бесполезно, ибо оно было совершенно неизбежно, пока не изжиты еще старые фракционные деления.

Относительно внутренних различий внутри фракций замечу, что таковые проявились заметно лишь по аграрному вопросу (часть меньшевиков была против муниципализации, большевики же делились на «рожковистов»¹⁴⁵), сторонников раздела и сторонников конфискации с национализацией при условии республики) и по вопросу о соединении с Бундом. Далее, бросалось в глаза полное отсутствие среди меньшевиков того течения, которое ярко проявилось в «Начале» и которое в партии привыкли связывать с именами т.т. Парвуса и Троцкого. Правда, возможно, что «парвусисты» и «троцкисты» среди меньшевиков были,—меня, например, уверяли, что их было человек до 8,—но, за снятием вопроса о временном революционном правительстве, им не удалось проявить себя. Вероятнее однако, что вследствие общего поворота меньшевиков на съезде к Плеханову, с «Дневниками» которого они не соглашались до съезда, и «парвусисты» сделали некоторый шаг вправо. Мне припоминается всего один эпизод, когда, может быть, «парвусисты» среди меньшевиков заставили повернуть немного всех меньшевиков. Это именно инцидент по вопросу о вооруженном восстании. Плеханов, глава комиссии, изменил старую меньшевистскую резолюцию, написав вместо «вырвать власть» (речь шла в этом месте резолюции о задачах движения)—«вырвать права силой» (или «завоевать права»—не помню точно). Оппортунизм этой поправки до того бил в лицо, что протесты на съезде раздавались самые горячие. Мы напали на поправку с удвоенной силой. Ряды меньшевиков дрогнули. Не знаю в точности, были ли фракционные собрания, и что было на них; не знаю, верно ли переданное мне сообщение, что десять меньшевиков, склоняющихся к «парвусизму», заявили об их решительном несогласии с поправкой. Факт тот, что Плеханов, после споров на съезде, сам снял поправку, не допустив вопроса до голосования, снял под тем (дипломатически, может быть, и искусным, но встреченным улыбками) предложением, что не стоит особенно спорить из-за «стилистики».

Наконец, чтобы закончить вопрос о составе съезда, скажу еще о мандатной комиссии (комиссия по проверке состава съезда). Их было две, ибо первая, выбранная съездом, вышла целиком в отставку. Факт этот из ряда вон выходящий, невиданный на прежних съездах. Он во всяком случае свидетельствует о чем-то в высокой степени ненормальном по части работы проверки состава съезда. Помню, что председателем первой комиссии был примиренец, внушавший первоначально доверие и нашей фракции. Если он не смог связать в одно целое своей комиссией, если ему со всей первой комиссией пришлось выйти в отставку, значит, примиренец был не в силах примирить. Подробности съездовской борьбы из-за докладов мандатной комиссии наиболее ускользнули от моего внимания. Борьба была не раз очень горяча, мандаты большевиков кассировались, страсти разгорались, дело дошло до взрыва при отставке первой комиссии,—но я как раз в этот момент не был в зале заседания. Запомнился мне еще один, повидимому, довольно крупный факт, связанный с определением состава съезда. Это—протест тифлисских рабочих (числом, кажется, до 200) против полномочий тифлисской делегации, которая была почти сплошь меньшевистская и по численности своей выделялась из ряда вон, доходя, кажется, до 11 человек. Протест этот читался на съезде и, следовательно, должен быть в протоколах.

Работы мандатных комиссий тоже должны быть изложены в протоколах, если только эти комиссии выполнили свою работу сколько-нибудь внимательно и составили настоящий отчет о проверке полномочий и о всех выборах на съезд. Будет ли это сделано, появится ли отчет в протоколах, я не знаю. Если нет, тогда будет стоять вне сомнения, что комиссии отнеслись к своей задаче не с должным вниманием и тщательностью. Если да,—возможно, что мне придется многое исправить из сказанного выше, ибо в таком не принципиальном, а чисто-конкретном и деловом вопросе особенно легко ошибиться при составлении общих впечатлений и особенно важно внимательное изучение документов.

Кстати, чтобы исчерпать все формальные вопросы и перейти скорее к более интересным принципиальным, скажу и о протоколах. Боюсь, что и в этом отношении съезд наш окажется хуже и второго и третьего. На обоих этих съездах протоколы были целиком утверждены съездом. На Объединительном съезде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить съезд (несмотря на снятие целого ряда вопросов громадной важности с порядка дня съезда), что на съезде *не были* утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 ме и 2 бе) выходит с этого съезда

с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы. В случае разногласий она должна апеллировать к находящимся в Питере делегатам съезда. Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим. Правда, было у нас двое стенографистов, и некоторые речи получаются почти в полном виде, а не в виде конспектов, как раньше,—но о полной стенограмме прений на съезде не может быть и речи, ибо двоим стенографистам такая работа была абсолютно не под силу, как они неоднократно и заявляли съезду Я, в качестве председателя, особенно настаивал на том, чтобы секретари дали во что бы то ни стало хорошие, хотя бы совсем краткие конспекты: пусть, дескать, стенограммы отдельных речей явятся роскошным дополнением протоколов, но надо, чтобы была основа, чтобы не отдельные речи, а все без исключения прения имелись хотя бы в виде конспектов.

II.

Выборы бюро. Порядок дня съезда.

Перейду теперь к рассказу о работах съезда в порядке заседаний. Голосование о выборе бюро было первым голосованием, которое, в сущности, предreshало (как это ни странно покажется далеко стоящим от дела лицам) все важнейшие голосования съезда. Около 60 голосов (чуть ли не 58, если память мне не изменяет) голосовали за Плеханова и Дана, оставляя часто пустые места в записках вместо третьего кандидата. Голосов 40 с чем-то или около 40 было за меня. Затем «центр» проявил себя, прибавив по десятку или по полуторадешатку голосов то тому, то другому кандидату. Прошли: Плеханов, кажется, 69 голосами (или 71?), Дан—67 и я—60.

По вопросу о порядке дня съезда прения два раза принимали интересный характер, проливая большой свет на состав и характер съезда. Сюда относятся, во-первых, прения насчет того, ставить ли на первое место вопрос о соединении с национальными с.-д. партиями. Национальные партии хотели, конечно, этого. Мы также были за. Меншевики провалили это,—мотивируя так: пусть, де, сначала Р. О. Д. Р. П. самоопределится, а потом сливается с другими, пусть «мы» сначала определим сами, *каковы* мы, а потом сольемся с «ними». На этот (психологически вполне понятный и с фракционно-меньшевистской точки зрения правильный) довод мы возражали: не странно ли отказать национальным партиям в праве самоопределяться *вместе* с нами? Если «они» сливаются с «нами», то «мы» вместе, включая и их,

будем и должны определять, *каковы* «мы». Надо заметить еще, что относительно польской социал-демократии объединенный Ц. К. заключил еще до съезда договор о полном слиянии. Тем не менее, постановку этого вопроса на первое место провалили. Товарищ Варшавский ¹⁴⁶⁾, член польской делегации, говорил против этого настолько откровенно, что воскликнул даже, при общих улыбках съезда, обращаясь к меньшевикам: вы хотите сначала «съесть» или «зарезать» большевиков, а потом соединиться с нами! Это была, конечно, шутка, и я менее всего склонен придирается к «страшным словам», вроде слова «съесть», но шутка эта в рельефной форме выразила очень меткую оценку оригинальной политической ситуации.

Второй интересный спор был о том, включать ли в порядок дня съезда вопрос о современном моменте нашей революции и о классовых задачах пролетариата. Мы, большевики, были, конечно, за—согласно нашему заявлению в № 2 «Партийных Известий» ¹⁴⁷⁾. С принципиальной точки зрения не могло быть и речи о том, чтобы обойти коренной вопрос, идет ли действительно революция к подъему, и какие формы революционного движения являются теперь, в силу объективных условий момента, главными, какие задачи пролетариата вытекают отсюда. Споря против включения этого вопроса вообще в порядок дня съезда, меньшевики попали в положение, которому трудно позавидовать. Их доводы вроде того, что это вопрос теоретический, что нельзя связывать партию резолюциями по таким вопросам и т. п., прямо поражали своей искусственностью и сочиненностью. Раздался смех, когда в ответ на речь чуть ли не Дана, распинавшегося против включения этого вопроса в порядок дня, один из ораторов вынул № 2 «Парт. Извест.» и спокойно прочел «роковые слова» меньшевистской тактической платформы: «мы»—именно мы, меньшевики,— «мы признаем и *предлагаем съезду признать*» *). Как же это так, товарищ? спрашивал оратор. Вчера «мы предлагали съезду признать», а сегодня «мы предлагаем съезду» не обсуждать этого вопроса? Вопрос был поставлен в порядок дня съезда, но меньшевики впоследствии все же таки настояли, как увидим ниже, на своем.

III.

Аграрный вопрос.

Аграрный вопрос или, вернее, вопрос об аграрной программе был поставлен съездом в первую очередь. Прения были большие. Выдвинулась масса интереснейших принципиальных вопросов. До-

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред*

кладчиков было пятеро: я защищал проект аграрной комиссии (напечатанный в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии») ¹⁴⁸⁾ и нападал на муниципализацию Маслова. Тов. Джон защищал эту последнюю. Третий докладчик, Плеханов, защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация — эсеровщина и народовольчество. Четвертый докладчик, Шмидт ¹⁴⁹⁾, защищал проект аграрной комиссии с поправками в духе «варианта А» (см. этот вариант в названной выше брошюре). Пятый докладчик, Борисов, защищал раздел. Его программа была оригинальна по построению, но по существу примыкала всего ближе к папшей с заменой национализации, обусловленной созданием республики, разделом земель в собственность крестьян.

Самое собою разумеется, что изложение всех подробностей обширнейших прений непосильно для меня в этом отчете. Постараюсь обрисовать лишь главное, т.-е. сущность «муниципализации» и доводы против обусловленной учреждением республики и прочее национализации. Замечу при этом, что в центре всех прений встала плехановская постановка вопроса, благодаря ее полемической резкости, всегда выгодной и желательной с точки зрения отчетливого разделения коренных тенденций того или иного направления мысли.

В чем состоит сущность «муниципализации»? В передаче помещичьих земель (или точнее: всех земель крупного частновладения) в руки земств или вообще органов местного самоуправления. Крестьянские надельные земли и земли мелких собственников должны остаться в их собственности. Крупные имения «отчуждаются» и поступают во владение демократически организованных органов местного самоуправления. Попросту можно это выразить так: крестьянские земли пусть будут крестьянской собственностью, а помещичьи земли пусть крестьяне снимают в аренду у земств, только демократических земств.

В качестве первого докладчика, я высказывался решительно против этого проекта. Он не революционен. На него не пойдут крестьяне. Он вреден, ежели нет вполне последовательного демократического государственного строя, вплоть до республики, выборности чиновников народом, уничтожения постоянной армии и т. д. Таковы были три моих главных довода.

Я считаю этот проект не революционным, во-первых, потому, что в нем вместо конфискации (отчуждение без выкупа) говорилось об отчуждении вообще; во-вторых, и это главное, потому, что в этом проекте нет призыва к революционному способу осуществления аграрного переворота. Фразы о демократизме еще равно ничего не говорят

в такое время, когда лицемерные **соглашатели** самодержавия с народом, кадеты, называют себя демократами. Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально-чиновничьей *реформе*, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставить лозунгом *немедленный* захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т.-е. именно революционными крестьянскими комитетами, а тем, чтобы крестьяне же сами и *распорядились* этими захваченными) землями впредь до созыва Всенародного Учредительного Собрания. Вез этого лозунга у нас будет программа кадетской или полукадетской аграрной реформы, а не крестьянской революции.

Далее. На муниципализацию не пойдут крестьяне. Муниципализация означает: наделные земли возьми себе даром, а за помещичьи плати аренду земству. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они скажут либо: поделим все земли между собой, либо: сделаем все земли собственностью всего народа. Лозунг муниципализации никогда не станет лозунгом революционного крестьянства. Если революция победит,—тогда она *ни в каком случае* не может остановиться на муниципализации. Если революция не победит, тогда из «муниципализации» выйдет лишь повое обьегоривание крестьян по типу реформы 1861 года.

Третий мой основной довод. Муниципализация вредна, если обусловить ее «демократизмом» вообще, а не специально республикой и выборностью чиновников народом. Муниципализация есть отдача земли органам местной власти, органам самоуправления. Если центральная власть не будет *вполне* демократической (республика и пр.), тогда местные власти смогут остаться лишь в мелочах «автономны», лишь в вопросе о лужении умывальников самостоятельны, лишь настолько «демократичны», насколько были «демократичны», скажем, наши земства при Александра III ¹⁵⁰). В вопросах же важных, и особенно в таком коренном вопросе, как помещичье землевладение, демократизм местных властей против недемократической центральной власти есть игрушка. Если нет республики и выбора чиновников народом, то муниципализация значит: отдать помещичьи земли мест-

*) В моем проекте сказано «конфискованными». Тов. Борисов верно заметил, что это ошибочная формулировка. Надо сказать: «захваченными». Конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Мы должны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к *захвату*. Этот крестьянский захват должен быть признан, узаконен Всенародным Учредительным Собранием, которое, как высший орган самодержавия народа, сделает из захвата *конфискацию* на основании закона, изданного Учредительным Собранием.

ным выборным властям хотя бы даже центральная власть оставалась у Трепова ¹⁵¹⁾ и Дубасова. Такая реформа будет игрушкой и вредной игрушкой, ибо Треповы и Дубасовы оставят за выборными местными властями право устраивать водопроводы, электрички и пр., но никогда не смогут оставить за ними отобранных у помещиков земель. Треповы и Дубасовы *перечислят* тогда эти земли из «ведомства» земств в «ведомство» министерства внутр. дел, и крестьяне окажутся трижды одураченными. Надо звать к свержению Треповых и Дубасовых к выборам всех чиновников народом, а не рисовать, вместо этого и до этого, игрушечных моделей какой-то либеральной местной реформы.

Каковы же были плехановские доводы в защиту муниципализации? Больше всего выдвигал он в своих обеих речах вопрос о *гарантии от реставрации*. Этот оригинальный довод состоял в следующем. Национализация земли была экономической основой московской Руси до-петровской эпохи. Наша теперешняя революция, как и всякая другая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации. Поэтому в интересах избежания реставрации (т.-е. восстановления старого, дореволюционного порядка) следует особенно остерегаться именно национализации.

Этот довод Плеханова показался меньшевикам чрезвычайно убедительным, и они восторженно хлопали Плеханову, особенно за «крепкие словечки» по адресу национализации (эсеровщина и т. п.). А между тем, если немножечко подумать, легко убедиться, что довод этот сводится к чистой софистике.

В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской до-петровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в до-петровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского ¹⁵²⁾, Ефименко ¹⁵³⁾ и др. Но оставим эти исторические изыскания. Допустим на минуту, что в московской, до-петровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова отсюда следует, что ввести национализацию значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова, без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или, если в Московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке

стал уже безусловно преобладающим *капиталистический способ производства*. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений. Строя свою аргументацию на реставрации московской Руси (т.-е. якобы реставрации азиатских способов производства), он на самом деле говорил о реставрации политической, вроде реставрации Бурбонов ¹⁵⁴) (на которую он ссылаясь), т.-е. о реставрации антиреспубликанской формы правления на почве капиталистических отношений производства.

Было ли на съезде указано Плеханову, что он запутался? Было. Товарищ, называвшийся на съезде Демьяном ¹⁵⁵), сказал в своей речи, что не вышло у Плеханова ровно ничего из той «реставрации», которой он вздумал нас пугать. Из посылок его аргументации вытекает реставрация московской Руси, т.-е. реставрация азиатского способа производства, т.-е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма. Из выводов же его и примеров вытекает реставрация Наполеоном империи или реставрация Бурбонов после Великой французской буржуазной революции. Но такая реставрация не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства. Это, во-первых. А во-вторых, *такая* реставрация последовала как раз не за национализацией земли, а за распродажей помещичьих земель, т.-е. за мерой архибуржуазной, чисто-буржуазной и безусловно укрепляющей буржуазные, т.-е. капиталистические, отношения производства. Значит к вопросу о национализации *ни одна* реставрация, припутанная Плехановым, абсолютно к делу не относится, ни реставрация азиатского способа производства (реставрация московской Руси), ни реставрация XIX века во Франции.

Что же ответил т. Плеханов на эти совершенно неопровержимые доводы тов. Демьяна? Он ответил необыкновенно ловко. Ленин—эсер,—воскликнул он,—а товарищ Демьян кормит меня какой-то Демьяновой ухой.

Меньшевики были вне себя от удовольствия. Они хохотали до упаду над блестящей остротой Плеханова. Громы аплодисментов потрясали залу заседания. Вопрос о том, сумел ли Плеханов свести концы с концами со своей реставрацией, был снят раз навсегда с меньшевистского съезда.

Я далек, разумеется, от мысли отрицать, что ответ Плеханова был перлом не только блестящего остроумия, но, если хотите, и марксистского глубокомыслия. Но я все же позволю себе думать, что

тов. Плеханов беспомощно запутался между реставрацией московской Руси и реставрацией XIX века во Франции. Я позволяю себе думать, что «Демьянова уха» станет «историческим выражением» не по отношению к тов. Демьяну (как думают упоенные блеском плехановского остроумия меньшевики), а по отношению к тов. Плеханову. По крайней мере, на объединительном съезде некоторые делегаты говорили по поводу речей Плеханова о «сборной селянке по-московски» и о «колбасных острогах», когда тов. Плеханов по вопросу о захвате власти в современной русской революции потешал своих меньшевиков анекдотом про коммунара в каком-то провинциальном городке Франции, закусывавшего колбасой после неудачного «захвата власти».

На съезде я был, как уже замечено выше, первым докладчиком по аграрному вопросу. Заключительное слово дали мне не последнему, а тоже первому из всех пяти докладчиков. Поэтому я говорил *после* тов. Демьяна и *до* тов. Плеханова. Следовательно, предвидеть гениальной защиты Плеханова против доводов Демьяна я не мог. Я вкратце лишь повторил эти доводы и центр тяжести перенес не на указание полной бессодержательности рассуждения о реставрации, как аргумента за муниципализацию, а на разбор по существу вопроса о реставрации. О каких гарантиях от реставрации идет речь? — спрашивал я тов. Плеханова. Об абсолютной ли гарантии, в смысле устранения той экономической основы, которая порождает реставрацию? Или об относительной и временной гарантии, т.-е. о создании политических условий, не устраняющих самой возможности реставрации, а лишь делающих таковую менее вероятной, лишь затрудняющих реставрацию? Если о первой, то я отвечаю: полной гарантией от реставрации в России (после победоносной революции в России) может быть *исключительно* социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может. Значит, с этой стороны вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может буржуазно-демократическая революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе. Ответ на этот вопрос мыслим лишь один: если жалкое 17 октября вызвало сильный подъем рабочего движения в Европе, то *полная* победа буржуазной революции в России вызовет почти неминуемо (или, по крайней мере, по всей вероятности) ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции.

Теперь посмотрим на «вторую», т.-е. относительную, гарантию от реставрации. В чем состоит экономическая основа реставрации на базисе капиталистического способа производства, т.-е. не юмористической «реставрации московской Руси», а реставрации по типу фран-

цузской начала XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственности в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (напр., промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм. Следовательно, говорил я, реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия — страна по преимуществу мелко-буржуазная. Положение русской революции, с точки зрения реставрации, можно выразить, говорил я дальше, таким положением: русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удерживать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреодолимую силу. Удерживать за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он *от* свободы пойдет к социализму. Чтобы удерживать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский *резерв*, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих воззрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть на-лицо социальная сила, способная стать резервом революции.

Итог: выдвинув вопрос о гарантии от реставрации, Плеханов затронул ряд интереснейших тем, по равно ничего не объяснил по существу дела и только отошел в сторону (отвел слушателей-меньшевиков в сторону) от вопроса о муниципализации. В самом деле, если опорой капиталистической реставрации (назовем так для краткости

реставрацию на основе не азиатского, а капиталистического способа производства) является класс мелких товаропроизводителей, как класс, то при чем же тут муниципализация? Муниципализация есть один из видов *землевладения*, но не ясно ли, что основные и существенные черты *класса* не меняются от формы землевладения? Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно является оплотом реставрации против пролетария и при национализации, и при муниципализации, и при разделе земли. Если мыслимо провести в этом отношении резкую грань между формами землевладения, то разве только в пользу раздела, как более тесной связи хозяйчика с землей, — более тесной и потому труднее разрываемой связи *). Муниципализацию же защищать аргументом насчет реставрации просто смешно.

В ходе прений на съезде т.т. Джон и Плеханов, говорившие свои заключительные слова после меня, пытались еще раз незаметно переключить с этого неудачного аргумента насчет реставрации на другой, как будто бы похожий с виду, но совершенно отличный по содержанию. Они стали защищать муниципализацию не с точки зрения гарантии от реставрации монархии после создания республики, т.-е. не как меру обеспечения республики, не как учреждение постоянное, а как базу *в процессе борьбы* против монархии за республику, т.-е. как меру, облегчающую дальнейшие завоевания, как учреждение временное и переходное. Плеханов дошел при этом до того, что назвал крупные органы местного самоуправления, муниципализировавшие землю, местными «республиками», которые и послужат опорой в войне с монархией.

По поводу этого аргумента следует заметить:

Во-первых, первоначальная программа Маслова и принятая на съезде программа Джона-Плеханова-Кострова *ни единым словом* не указывает на то, что муниципализация рассматривается, как временная переходная мера *в ходе* революции, т.-е. как *орудие борьбы за дальнейшее*. Следовательно, такое толкование есть «вольное измышление», не подтверждаемое, а опровергаемое текстом программы. Например, выдвигая в своей программе революционные крестьянские комитеты, как орудие революции, как базу борьбы за дальнейшее, я прямо так и говорю в самой программе: партия советует крестьянским комитетам захватывать земли и распоряжаться ими *впредь до Учредительного Собрания*. В программе Маслова-Джона-Плеханова-Кострова не только

*) Мы говорим «разве только», ибо остается еще открытым вопрос, не является ли именно теснейшая связь хозяйчика с своей «парцеллой» лучшим оплотом бонапартизма. Входить здесь в детали этого конкретного вопроса неуместно.

не сказано этого *), а, напротив, излагается несомненно план постоянного устройства землепользования.

Во-вторых, главный и коренной довод против разбираемого аргумента состоит в том, что под видом гарантии от реставрации или от реакции у Плеханова выходит из его программы *сделка с реакцией*. Подумайте в самом деле: разве мы не пишем программы и особенно аграрной (крестьянской) программы для широких масс, которыми мы хотим руководить? И что же это выходит? Отдельные члены, хотя бы даже вожди партии, будут говорить, что муниципализировавшие землю земства явятся республиками против монархии в центре. А в программе аграрный переворот прямо и точно связывается с демократизмом в местном управлении, но *ни единым словом* не связывается с *полным* демократизмом центрального управления и устройства государства! Я спрашиваю вас: чем будет руководиться в повседневной нашей агитации и пропаганде масса партийных работников: словами Плеханова о местных «республиках», борющихся против центральной монархии, или самым текстом нашей новой партийной программы, в котором требование земли для крестьян точно связано только с демократизмом местного управления и вовсе не связано с демократизмом центральной власти и устройства государства? Слова Плеханова, путанные и сами по себе, сыграют неизбежно роль такого же «сбивающего с толку» лозунга, как «знаменитое» (по мнению Плеханова, «знаменитое») «революционное самоуправление». На деле наша партийная программа остается программой *сделки с реакцией*. Это не социал-демократическая, а кадетская программа, если брать *ее реальное политическое* значение в обстановке современной России, а не те мотивы, которые упомянуты в отдельных речах наших ораторов. Мотивы-то у них есть самые лучшие, намерения самые социал-демократические, а программа вышла на деле кадетская, проникнутая духом «сделки», а не духом «крестьянской революции». (Плеханов сказал, между прочим, что раньше была у нас боязнь крестьянской революции, а теперь, де, надо выкинуть эту боязнь.)

*) Именно потому, что в программе Плеханова этого не сказано, на съезде мы имели полное право сравнить новое толкование муниципализации с «революционным самоуправлением» меньшевиков. А не кто иной, как Плеханов, вынужден был, после долгих разъяснений вопроса большевиками, признать, что лозунг «революционное самоуправление» ничего никому не выяснил и многих сбил с толку (смотри «Дневник», № 5). Большевики говорили еще во «Впечеле» и «Пролетарии», что лозунг «революционное самоуправление» недостаточен, неполон, не выражает условия полной победы революции. Для такой победы нужно не револ. самоуправление, а револуц. власть, и не только местные революционные власти, но и центральная революционная власть.

Я разобрал выше *научное* значение довода «гарантия от реставрации». Я подошел теперь к его *политическому* значению в эпоху дубасовского конституционализма и кадетской Г. Думы. Научное значение этого довода равно нулю или минус единице. Политически это—орудие из арсенала кадетов и вода на мельницу кадетов. Посмотрите вокруг себя: какое *течение в политике* сделало почти своей монополией указания на опасность реставрации? Течение кадетское. В чем состоит тот ответ, который миллионы раз давали кадеты нашим товарищам по партии, указывавшим на противоречие между «демократизмом» кадетов и их монархической и проч. программой? В том, что тронуть монархию — значит вызвать опасность реставрации. Не трогайте монархии,—кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д., — не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией, — в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии, доведенной до конца демократической революции.

Ограничусь двумя примерами в подтверждение сказанного. «Народная Свобода», орган Милюкова и Гессена, писала в декабре 1905 г., что возможность вооруженного восстания доказала Москва, но что восстание все-таки губительно и не потому, чтобы оно было безнадежно, а потому, что все равно завоевания восстания сметет реакция (цитировано в моей брошюре: «Социал-демократия и Госуд. Дума» ¹⁵⁶). Другой пример. Еще в «Пролетарии» в 1905 году я приводил выписки из статьи Виноградова ¹⁵⁷) в «Русск. Вед.». Виноградов выражал пожелание, чтобы русская революция пошла не по типу 1789 — 1793 г.г., а по типу 1848 — 1849 г.г., т.-е. чтобы у нас не было *победоносных* восстаний, чтобы наша революция не дошла до конца, чтобы она была урезана пораньше предательством либеральной буржуазии, соглашением ее с монархией. Виноградов пугал нас реставрацией в лице прусского вахтера, ни слова не говоря, конечно, о такой «гарантии революции», как немецкий пролетариат.

Ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть идея чисто кадетская, есть *политическое оружие буржуазии против пролетариата*. Интересы буржуазии заставляют ее бороться против того, чтобы пролетариат вместе с революционным крестьянством довел буржуазно-демократическую революцию до конца. В этой борьбе философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры из прошлого. В прошлом было всегда так, что надували рабочих, что даже после победы революции являлась реставрация, —

значит, и у нас не может быть иначе, говорит буржуазия, естественно стремясь ослабить веру русского пролетариата в свои силы и в силы европейского социализма. Обострение политических противоречий и политической борьбы ведет к реакции, — поучает рабочих буржуа, — значит, нужно *притуплять* эти противоречия: чем рисковать реакцией после победы, лучше не драться за победу, а войти в сделку с реакцией.

Случайно ли вышло так, что Плеханов стал хвататься за идейное оружие буржуазии против пролетариата? Нет, это было неизбежно после того, как Плеханов неверно оценил декабрьское восстание («не нужно было браться за оружие») и стал, не называя вещи своими именами, проповедывать в «Дневниках» поддержку кадетов рабочей партией. На съезде этот вопрос был затронут во время прений по другому пункту порядка дня, когда спор зашел о том, за что хвалит Плеханова буржуазия. Я расскажу в своем месте об этом споре, здесь же замечу, что вышеизложенные мною доводы я не развил, а лишь в самых общих чертах наметил на съезде. Наша «гарантия от реставрации», — сказал я, — доведение революции до конца, а не сделка с реакцией. И только это и говорит моя аграрная программа, всецело являющаяся программой крестьянского восстания и полного завершения буржуазно-демократической революции. Например, «крестьянские революционные комитеты» есть единственный путь, которым только и может идти крестьянское восстание (при чем я вовсе не противопоставляю крестьянские комитеты революционной власти, как меньшевики противопоставляли ей революционное самоуправление, — а вижу в этих комитетах один из органов такой власти, один из органов, требующих себе дополнения в других, центральных органах, во временном революционном правительстве и во Всенародном Учредительном Собрании). Буржуазно-чиновничье разрешение аграрного вопроса, разрешение его Петрункевичами, Родичевыми, Кауфманами и Кутлерами ¹⁵⁸⁾ исключается *только* при такой формулировке аграрной программы.

Плеханов не мог не заметить этой основной черты моей программы. Он заметил и признал ее на съезде. Но свое признание он выразил (такова уже его натура) в той же форме Демьяновой ухи или Плехановой трухи. Да, да, у Ленина есть в программе идея захвата власти. Ленин сам признает это. Но это-то и плохо. Это — народо-вольчество. Ленин реставрирует народо-вольчество. Ратуйте, товарищи, против восстановления народо-вольчества! Ленин говорит даже о каком-то «народном творчестве». Это ли не народо-вольчество? и т. д. и т. п.

За эти рассуждения мы, большевики, и я и Воинов ¹⁵⁹⁾, от всей души поблагодарили Плеханова. Нам такие доводы только полезны и желательны. Подумайте-ка, в самом деле, товарищи, об этом рассуждении: «так как у Ленина есть в программе идея захвата власти, то Ленин — народоволец». О какой программе идет речь? Об аграрной. Кто предполагается в этой программе захватывающим власть? Революционное крестьянство. Смешивает ли Ленин пролетариат с этим крестьянством? Не только не смешивает, а особо выделяет его в той третьей части своей программы, которую (3-ю часть) целиком переписал меньшевистский съезд в своей тактической резолюции!

Неправ ли, хорошо? Плеханов сам говорил, что негоже нам, марксистам, *бояться крестьянской революции*. И в то же время ему померещилось *народовольчество в захвате власти революционным крестьянством!!* Да как же возможна победоносная крестьянская революция без захвата власти революционным крестьянством?? Ведь Плеханов прямо договорился до абсурда. Попав раз на наклонную плоскость, он катится вниз неудержимо. Сначала он отрицал возможность захвата власти пролетариатом в современной революции. Теперь он стал отрицать возможность захвата власти революционным крестьянством в современной революции. Но если *ни* пролетариат, *ни* революционное крестьянство не могут захватить власти, то значит, что власть *должна остаться у царя и у Дубасова*. Или власть должны взять кадеты? Но кадеты сами не хотят захватывать власти, оставляя монархию, постоянную армию, Верхнюю палату и прочие прелести.

Не прав ли я был на съезде, сказав, что плехановская *боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции*? Не прав ли был Воинов, говоря, что Плеханова до того в молодости напугали народовольцы, что они ему мерещатся даже тогда, когда он сам признает неизбежность крестьянской революции и когда иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого среди с.-д.? Не прав ли был Воинов, когда острил на съезде по поводу меньшевистской резолюции о вооруженном восстании (в этой резолюции первый пункт начинается с признания задачи «вырвать власть у самодержавного правительства»), что «захват власти» есть народовольчество, а «вырывание власти» — истинный и глубокомысленный марксизм? Ведь вышло, право же, так, что, во имя борьбы с народовольчеством в социал-демократии, меньшевики наградили нашу партию программой «*вырывания власти*»... *кадетами*.

Меня не удивили, конечно, ни капли вопли о народовольчестве. Я слишком хорошо помню, что оппортунисты социал-демократии всегда (еще в 1898—1900 г.г.) хватались за это пугало против револю-

ционных социал-демократов. И тов. Акимов, который говорил на нашем Объединительном съезде блестящую защитительную речь в пользу Аксельрода и кадетов, напомнил об этом как раз кстати. Я надеюсь вернуться еще к этому вопросу в литературе.

О «народном творчестве» два слова. В каком смысле говорил я о нем на съезде? В том же самом, в каком я говорю о нем в своей брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (брошюра эта была роздана делегатам съезда)¹⁶⁰). Я противопоставляю октябрь — декабрь 1905 г. теперешнему, кадетскому периоду и говорю, что в революционный период творчество народа (революционных крестьян плюс пролетариев) богаче и продуктивнее, чем в кадетский период. Плеханову это кажется народовольчеством. Мне это кажется, с научной точки зрения, уверткой от важнейшего вопроса об оценке периода октября — декабря 1905 г. (Плеханов и не подумал об анализе *форм движения* этой эпохи в своих «Дневниках», ограничившись морализированием!) С политической стороны, это лишь новое доказательство того, как близок Плеханов в тактике к г. Еланку и кадетам вообще.

Чтобы закончить аграрный вопрос, коснусь еще последнего из серьезных доводов. Ленин — мечтатель, — говорил Плеханов, — он фантазирует насчет выбора чиновников пародом и т. п. Для такого хорошего исхода не трудно написать программу. Нет, ты вот напиши-ка для худого исхода. Ты сделай так, чтобы твоя программа была «подкована на все четыре ноги».

В этом доводе есть, несомненно, соображение, которое всякий марксист обязан строжайше принимать во внимание. Действительно, не годна была бы та программа, которая считалась бы *только* с лучшим исходом. Но именно с этой стороны, — ответил я Плеханову на съезде, — моя программа, очевидно, стоит выше масловской. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о существовании *аренды*. Чем отличается капиталистический (и полукапиталистический) способ производства в земледелии? Везде и повсюду — развитием аренды. Относится ли это к России? Относится в громадных размерах. И не прав был тов. Джон, который возражал мне, будто у меня в программе есть бессмыслица: аренда остается после конфискации помещичьих земель. По этому пункту тов. Джон трижды не прав: во-первых, в моей программе *вся* первая часть говорит о первых шагах крестьянской революции (захват земель *впредь до* Всенародного Учредительного Собрания); значит, аренда «не остается» у меня «после» конфискации, а берется за факт, ибо она есть факт. Во-вторых, конфискация есть переход в другие руки собственности на землю, а переход собственности сам по себе нисколько не затрагивает аренды; в-третьих, аренда

имеет место, как известно всем, и на крестьянских, и на наделных землях.

Посмотрите же, что выходит у пас по части «подкованности на четыре ноги», по части принятия во внимание не только лучших, но и худших условий. Маслов величественно вычеркивает аренду вовсе. Он предполагает прямо и сразу такой переворот, который бы уничтожил аренду. Это предположение, как я показал, совершенно вздорное, с точки зрения «худой действительности» и необходимости с нею считаться. Наоборот, вся первая часть моей программы построена *целиком* на базисе «худой действительности», против которой восстают революционные крестьяне. Поэтому аренда у меня не исчезает в царство теней (уничтожение аренды в капиталистическом обществе есть преобразование не менее, если не более, «фантастическое», с точки зрения плехановского «здорового смысла», чем уничтожение постоянной армии и т. п.). Выходит, что с «худой действительностью» я считаюсь гораздо серьезнее Маслова, а *хорошую* действительность я проповедую крестьянам не с точки зрения кадетской сделки (местные республики против центральной монархии), а с точки зрения полной победы революции и завоевания действительно демократической республики.

Этот элемент политической пропаганды специально в аграрной программе я особо подчеркивал на съезде, и мне придется, вероятно, не раз останавливаться еще на этом вопросе в литературе. На съезде нам, большевикам, возражали: у нас есть политическая программа, там и место говорить о республике. Возражение это свидетельствует о полной непродуманности вопроса. У нас есть, действительно, общая принципиальная программа (первая часть программы партии) и специальные программы: политическая, рабочая, крестьянская. В рабочей части программы (8-час. раб. день и т. д.) *никто* не предлагает оговаривать особо и специально политических условий того или иного преобразования. Почему? Потому, что 8-час. раб. день и тому подобные реформы при *всяких* политических условиях *неизбежно* станут орудием движения вперед. А в крестьянской программе надо ли *оговаривать* особо и специально политические условия? Надо, потому что самое лучшее перераспределение земли *может* стать орудием движения назад при господстве Треповых и Дубасовых. Возьмите хотя бы даже программу Маслова: в ней говорится о передаче земель *демократическому* государству и *демократическим* органам местного самоуправления, т.-е. в ней, несмотря на существование политической программы партии, особо и специально оговариваются политические условия современных аграрных преобразований. Значит, о необходимости оговорить аграрные требования особыми политическими усло-

виями не-может быть и спора. Вопрос весь в том, позволительно ли, и с точки зрения научной и с точки зрения последовательного пролетарского демократизма, связывать коренной аграрный переворот не с выборностью чиновников народом, не с республикой, а с «демократизмом» вообще, т.-е., следовательно, и с кадетским демократизмом, который является ныне, независимо от нашей воли, главным и самым распространенным, самым влиятельным в печати и в «обществе» видом лжедемократизма. Я думаю, что это непозволительно. Я предсказываю, что ошибку нашей аграрной программы сейчас же должна будет исправлять и будет исправлять практика, т.-е. политическая обстановка *заставит* наших пропагандистов и агитаторов в борьбе с кадетами подчеркивать именно не кадетский демократизм, а выборность чиновников народом и республику.

Что касается до программы раздела земли, то я выразил свое отношение к ней на съезде словами: муниципализация ошибочна и вредна, раздел, как программа, ошибочен, но не вреден. Поэтому я, конечно, ближе к разделу и готов вотировать за Борисова против Маслова. Раздел не может быть вреден, ибо на него согласятся крестьяне, это — раз; его не надо оговаривать последовательным переустройством государства, это — два. Почему он ошибочен? Потому, что он односторонне рассматривает крестьянское движение только с точки зрения прошлого и настоящего, не привлекая во внимание точку зрения будущего. «Разделисты» говорят мне, споря против национализации: крестьянин не того хочет, что он говорит, когда вы слышите от него о национализации. Смотрите не на слово, а на суть дела. Крестьянин хочет частной собственности, права продавать землю, а слова о «божьей земле» и т. п., это — лишь идеологическое облачение желания взять землю у помещика.

Я отвечал «разделистам»: все это верно; но наше разногласие с вами только начинается там, где вы считаете уже вопрос исчерпанным. Вы повторяете ошибку старого материализма, о котором Маркс сказал: старые материалисты умели объяснять мир, а нам надо изменять его. Вот точно так же и сторонники раздела *правильно* понимают крестьянские слова о национализации, *правильно объясняют их*, по, — в этом вся суть, — не умеют это правильное объяснение сделать *рычагом изменения мира*, орудием дальнейшего движения вперед. Не о том идет речь, чтобы навязать крестьянам национализацию вместо раздела (вариант А в моей программе отнимает всякую почву у таких нелепых мыслей, если они возникают у кого-либо). Речь идет о том, что социалист, беспощадно разоблачая мелко-буржуазные иллюзии крестьянина насчет божьей земли, должен уметь показать крестьянину путь вперед.

Я сказал уже на съезде Плеханову, и я повторяю это тысячу раз: практики так же будут вульгаризировать теперешнюю программу, как вульгаризировали они отрезки, — они сделают из маленькой ошибки большую. Они будут крестьянской толпе, кричащей, что земля — ничья, божья, казенная, доказывать преимущества раздела, они будут этим позорить и опошлять марксизм. Не то мы должны говорить крестьянам. Мы должны сказать: в этих речах о божьей, ничьей или казенной земле есть большая правда, только надо хорошенько разобрать ее. Если земля казенная, а у казны сидит Трепов, — значит, земля будет Трепова. Хотите ли вы этого? Хотите ли вы, чтобы земля попала в руки Родичевых и Петрункевичей, если бы им, согласно их желанию, довелось получить в руки власть, а следовательно, и казну? И крестьяне, разумеется, ответят: нет, не хотим. Ни Треповым, ни Родичевым не отдадим мы отобранных у помещиков земель. Если так, то необходима выборность всех чиновников пародом, уничтожение постоянной армии, республика, — *только* тогда передача земли «в казну», передача земли «народу» будет мерой не вредной, а полезной. И с точки зрения строго научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с III томом «Капитала», что национализация земли возможна в буржуазном обществе, что она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и т. д. Мы ни в каком случае *не можем*, следовательно, в эпоху настоящей крестьянской революции при довольно высоко развитом капитализме относиться с голым и общим отрицанием к национализации. Это было бы узко, односторонне, грубо, близоруко. Мы должны лишь разъяснить крестьянину необходимые политические предпосылки национализации, как меры полезной, а затем должны показывать ее буржуазный характер (это и делает 3-я часть моей программы, вошедшая теперь в резолюцию Объединительного съезда *).

Кончая свой рассказ о спорах по аграрному вопросу на съезде, отмечу еще, какие поправки вносились к проекту программы Маслова. Когда ставился на голоса вопрос о принятии за основу того или иного проекта программы, то за Маслова высказалось сначала всего 52 голоса, т. е. *меньше половины*. За раздел высказалось около 40 (я присоединился к «разделистам», чтобы не разбивать голосов против муниципализации). Только при перебаллотировке масловский проект собрал 60 с чем-то голосов, когда все колеблю-

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

щиеся вотировали за, чтобы не оставить партию вовсе без аграрной программы.

Из поправок меньшевики провалили одну, относящуюся к более точному определению понятия: демократическое государство. Мы предложили сказать: «демократическая республика, обеспечивающая полностью самодержавие народа». Эта поправка исходила из выше-очерченной мысли, что муниципализация без *полного* демократизма центральной госуларственной власти прямо вредна и может выродиться в кадетскую аграрную реформу. Поправка вызвала бурю. Я не был как раз в эту минуту в зале заседания. Помню, что, когда я возвращался и проходил через соседнюю комнату, меня поразил необычайный шум в «кулуарах» и масса шутливых возгласов: «Товарищ Джон провозгласил республику». «У него не нашлось гарантий от реставрации». «Товарищ Плеханов реставрировал монархию».

Дело было, как мне рассказывали, так. Меньшевики, по свойственной меньшевистской натуре обидчивости, обиделись на поправку, усмотрев в ней желание изобличить в оппортунизме: вот, де, меньшевики против республики. Раздались негодующие речи и крики. Большевики тоже раззадорились, как водится. Потребовали именного голосования. Тогда страсти окончательно разгорелись. Товарищ Джон смутился и, не желая вносить раздора, не имея, разумеется, решительно ничего «против республики», встал и заявил, что он сам снимает свою формулировку и присоединяется к поправке. Большевики аплодируют «провозглашению республики». Но товарищ Плеханов или кто-то другой из меньшевиков вмешиваются, спорят, требуют нового голосования, и «монархия восстанавливается» — по дошедшим до меня рассказам — всего какими-то 38 голосами против 34 (многие, видимо, отсутствовали из залы заседания или воздерживались).

Из принятых поправок надо отметить замену слова: «отчуждение» словом «конфискация». Затем «муниципалисты» должны были все-таки сделать уступку «разделистам», и товарищ Костров ¹⁶¹⁾ внес поправку, допускающую условно и раздел. Вместо первоначальной масловской программы получилась, как острили на съезде, «кастрированная» программа. В пей смешаны, в сущности, и национализация (известные земли поступают в *общенародную* собственность), и муниципализация (часть земель — в распоряжение крупных органов местного самоуправления), и, наконец, раздел. При этом вполне точного определения того, когда стоять за муниципализацию и когда за раздел, ~~ни~~ в программе, ни в тактической резолюции нет. Программа полу-

чилась в конце концов не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами *).

IV.

Оценка революционного момента и классовых задач пролетариата.

Вопрос, названный в заголовке, был поставлен вторым на обсуждение съезда. Докладчиками были Мартынов¹⁶²⁾ и я. Тов. Мартынов в своем докладе не защищал собственно меньшевистского проекта резолюции, напечатанного в № 2 «Партийных Известий». Он предпочел дать «общий очерк» своих взглядов и общую критику того, что меньшевики называют большевистскими взглядами.

Он говорил о Думе, как политическом центре, о вредности идеи захвата власти, о важности конституционного строительства в революционную эпоху. Он критиковал декабрьское восстание, призывал открыто признать наше поражение, обвиняя нашу резолюцию за «техническую» постановку вопроса о стачке и восстании. Он говорил, что «кадеты вопреки своей антиреволюционности строят леса для дальнейшего развития революции» (отчего же не сказано этого в ваших резолюциях? спрашивали мы), он сказал: «мы накануне революционного взрыва» **) (отчего нет этого в вашей резолюции? опять спросили мы). Он сказал, между прочим: «объективно кадеты сыграют большую роль, чем эсеры». Сравнение захвата власти с идеями Ткачева¹⁶³⁾, выдвигание на первый план Думы, как начала «конституционного строительства», как краеугольного камня в строю «представительных учреждений», — такова была основная мысль доклада товарища Мартынова. Как и все меньшевики, он пассивно приспособлял нашу тактику к малейшему изгибу в ходе событий, подчинял ее интересам момента, нуждам (или кажущимся нуждам) минуты и невольно приносил основные и коренные задачи пролетариата, как передового борца в буржуазно-демократической революции.

*) Самую резкую критику «кастрированной» масловской программы дал на съезде один товарищ-меньшевик (Стр.), сторонник частичного раздела. Он прочитал письменное заявление, в котором замечательно метко и беспощадно указывал—может быть, даже вернее сказать: бичевал—внутреннюю противоречивость получившейся программы. К сожалению, я не сделал себе отметок с выдержками из его прочитанной речи.

**) Я ставлю в кавычки те слова, которые нашлись у меня записанными в моих заметках.

Я построил свой доклад на точном сравнении обеих предложенных съезду резолюций. В обеих, говорил я, признается, что революция идет к новому подъему, что наша задача—стремиться довести ее до конца и, наконец, что выполнить эту задачу в состоянии только пролетариат вместе с революционным крестьянством. Казалось бы, эти три положения должны определять собой полное единство тактической линии. Но посмотрите, которая же из обеих резолюций последовательнее проводит эту основную точку зрения? Которая правильнее мотивирует ее и вернее указывает выводы из нее?

И я показывал, что мотивировка меньшевистской резолюции никуда не годна, что это — простая фраза, а не мотивировка («борьба не оставила правительству другого выбора». Это — образчик голой фразы! Это именно надо доказать, да и то не в такой форме. Большевики же начинают с недоказанного и недоказуемого положения). Я говорил, что кто *действительно* признает подъем революции неизбежным, тот должен сделать соответствующий вывод о *главной* форме движения. Ведь в этом состоит коренной научный и политический вопрос, который мы должны решить и от которого меньшевики увиливают: дескать, когда Дума, — пойдем за Думой; когда стачки и восстание, — пойдем за стачками и восстанием, а учесть неизбежность той или другой формы движения они не хотят или не могут. Сказать пролетариату и всему народу, какая форма движения является *главной*, они не решаются. А если так, тогда слова о подъеме революции и о доведении ее до ее конца (большевики крайне неудачно сказали: до *логического* конца) является пустой фразой. Это значит именно: не поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии, а принижать пролетариат до роли пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции.

Большевики, говорил я, берут только первую половину знаменитого положения Гегеля: «все действительное разумно, все разумное действительно». Дума действительна. Значит, Дума разумна, говорят они и удовлетворяются этим. Борьба вне Думы «разумна», отвечаем мы. Она вытекает с объективной неизбежностью из всего современного положения. Значит она «действительна», хотя и придавлена в настоящий момент. Не рабски следовать моменту должны мы; это будет оппортунизм. Мы должны обдумывать более глубокие причины событий и более далекие последствия нашей тактики.

Большевики признают в своей резолюции, что революция идет на подъем, что пролетариат вместе с крестьянством должны довести

ее до конца. Но кто всерьез думает так, тот должен уметь сделать и выводы. Если с крестьянством, — значит, вы считаете либерально-монархическую буржуазию (кадетов и т. п.) ненадежной. Отчего же вы не говорите этого, как сказано в нашей резолюции? Отчего вы ни единым словом не упоминаете необходимости бороться с конституционными иллюзиями, т.-е. с верой в обещания и законы старого самодержавного правительства? Кадетам привычно забывать об этой борьбе; кадеты сами распространяют конституционные иллюзии. Но социал-демократ, который в революционный момент забывает о задаче борьбы с конституционными иллюзиями, *в политике* приравнивает себя к кадету. Чего стоят все слова о «подъеме революции», о «доведении ее до конца», о «новом революционном взрыве», если на деле социал-демократ не разоблачает в народе конституционных иллюзий?

Вопрос о конституционных иллюзиях, это — как раз тот вопрос, на котором всего легче в настоящее время и всего вернее можно отличить оппортуниста от сторонника дальнейшего развития революции. Оппортунист уклоняется от разоблачения этих иллюзий. Сторонник революции беспощадно показывает их обманчивость. И вот, с.-д. меньшевики умалчивают о таком вопросе!

Не решаясь сказать открыто и прямо, что октябрьско-декабрьские формы борьбы непригодны и нежелательны, меньшевики говорят это в самой худшей, прикрытой, косвенной, уклончивой форме. Это совсем неприлично социал-демократу.

Таковы были основные положения моего доклада.

Из прений по поводу этих докладов следует отметить следующие характерные инциденты. Товарищ, назвавшийся на съезде Борисом Николаевичем ¹⁶⁴⁾, заставил меня в моем заключительном слове воскликнуть: на ловца и зверь бежит. Трудно было рельефнее, чем он это сделал, собрать воедино всю «суть» меньшевизма. Это «курьез», говорил он, что большевики считают «главной» формой движения не легальную и не конституционную, а революционные движения широких народных масс. Это «смехотворно», ибо таковых движений на-лицо нет, а Дума на-лицо имеется. Это «метафизика» и «фразеология» — слова о роли пролетариата, как «главы» или «вождя», о возможности для него стать «хвостом» и т. д.

Снимите ваши кадетские очки! — отвечал я этому последовательному меньшевику. — Вы увидите тогда и крестьянское движение в России, и брожение в войсках, и движение безработных, вы увидите те формы борьбы, которые «притаились» сейчас и отрицать которые не решаются даже умеренные буржуа. Они прямо говорят о вреде или ненужности этих форм борьбы. А с.-д. меньшевики *поемиваются*

над ними. Такова разница между буржуазией и с.-д. меньшевиками. Точь в точь как было с Бернштейном, немецким меньшевиком, немецким с.-д. правого крыла. Буржуазия находила и объявляла прямо вредными революционные формы борьбы в Германии в конце XIX века. Бернштейн *посмеивался* над ними.

Вопрос о Бернштейне, будучи затронут на съезде, повел естественно к вопросу: за что хвалит Плеханова буржуазия? Тот факт, что вся громадная масса либерально-буржуазных газет и изданий в России, вплоть даже до октябристского «Слова», самым усердным образом расхваливала Плеханова, — этот факт не мог остаться не отмеченным на съезде.

Плеханов поднял перчатку. Бернштейна хвалила буржуазия не за то, за что она хвалит меня, сказал он. Бернштейна хвалили за то, что он сдавал буржуазии наше теоретическое оружие: марксизм. А меня хвалят за тактику. Ситуация не та.

Плеханову отвечали на это представитель польской социал-демократической партии и я. Мы оба указали, что Плеханов *не прав*. Не за теорию только хвалила Бернштейна буржуазия, и даже собственно вовсе не за теорию. Буржуазии плевать на все теории. Буржуазия хвалила немецких с.-д. правого крыла за то, что они указывали иную *тактику*. За тактику хвалили их. За тактику реформистов в отличие от тактики революционной. За признание главной или почти единственной борьбой — борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна. Его хвалили буржуа за *притупление* противоречий между трудом и капиталом в эпоху накануне социалистической революции. Плеханова хвалит буржуазия за *притупление* противоречий между революционным народом и самодержавием в эпоху революции буржуазно-демократической. Плеханова хвалят за признание главной формой борьбы — борьбы «парламентской», за осуждение октябрьско-декабрьской борьбы и особенно вооруженного восстания. Плеханова хвалят за то, что он стал в вопросах современной тактики вождем правого крыла с.-д.

Я забыл добавить, как держались меньшевики в прениях по вопросу о конституционных иллюзиях. Сколько-нибудь устойчивой позиции они не заняли: одни из них говорили, что борьба с конституционными иллюзиями есть постоянная задача с.-д., а вовсе не специальная задача данного момента. Другие (Плеханов) объявляли борьбу с конституционными иллюзиями анархизмом. В этих двух крайних и противоположных мнениях меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях особенно рельефно обнаруживалась полная

беспомощность их позиции. Когда конституционный строй упрочился, когда конституционная борьба стала на известное время главной формой борьбы классов и борьбы политической вообще, тогда разоблачение конституционных иллюзий не является специальной задачей с.-д., задачей момента. Почему? Потому, что в такие моменты дела вершатся в конституционных государствах *именно так*, как они решаются в парламентах. Конституционные иллюзии — это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет, — другими словами: когда дела вершатся в государстве *не так*, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь *расходится* с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и *только тогда* борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата. Либеральные буржуа, боясь внепарламентской борьбы, распространяют конституционные иллюзии и тогда, когда парламенты бессильны. Анархисты вообще отрицают участие в парламентах при всех и всяких обстоятельствах. Социал-демократы стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский кретинизм», т.-е. веру в то, что парламентская борьба есть *единственная* или *при всяких условиях главная* форма политической борьбы.

Расходится ли в России действительность политическая от решений и речей в Думе? Вершатся ли у нас дела в государстве так, как решаются они в Думе? Отражают ли «думские» партии сколько-нибудь верно *реальные* политические силы в данный момент революции? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять беспомощную растерянность меньшевиков по вопросу о конституционных иллюзиях.

Эта растерянность выразилась на съезде необыкновенно рельефно в том, что меньшевики, будучи в большинстве, не поставили даже на голоса своей резолюции об оценке текущего момента. Они сняли свою резолюцию! Большевики на съезде много смеялись над этим. Победители снимают свою победоносную резолюцию, — так говорили о необыкновенном и невиданном в истории съездов поступке меньшевиков. Потребовали даже и добились именного голосования по этому вопросу, хотя меньшевики и сердились на это прекурьезно, внося в бюро письменные заявления, что, де, «Ленин собирает агитационный материал против решений съезда». Как будто бы это право собирать материал не было правом и обязанностью всякой оппозиции! И как будто бы наши победители не подчеркивали своей досадой того невозможно неловкого положения, в которое они попали, отказываясь от своей собственной резолюции! Побежденные настаивают на том

чтобы победители приняли свою победоносную резолюцию. Более определенно выраженной моральной победы мы не могли и желать.

Меньшевики говорили, конечно, что они не хотят навязывать нам того, с чем мы несогласны, не хотят насилия и пр. Понятно, что такие отговорки встречались улыбками и повторными требованиями именного голосования. Ведь по тем вопросам, по которым они верили в свою правоту, меньшевики не боялись «навязать» нам своего мнения, не боялись «насилия» (и к чему это страшное слово?) и т. п. Резолюция об оценке момента не призывала партию ни к каким действиям. Но без нее партия не могла *понять* принципиальных оснований и *мотивов* всей тактики съезда.

Снятие резолюции было в этом отношении высшим проявлением практического оппортунизма. Наше дело — быть в Думе, когда есть Дума, а никаких общих рассуждений, никакой общей оценки, никакой продуманной тактики мы знать не знаем. Вот что сказали меньшевики пролетариату своим снятием резолюции.

Несомненно, что меньшевики убедились в негодности и неверности своей резолюции. Не может быть и речи о том, чтобы люди, убежденные в правоте своих взглядов, отказались выразить их прямо и определенно. Но в том-то и гвоздь, что меньшевики не смогли внести даже никаких поправок в свою резолюцию. Они не могли, следовательно, сойтись между собой ни по одному существенному вопросу насчет оценки момента и оценки классовых задач пролетариата вообще. Они могли сойтись только на отрицательном решении: вовсе снять резолюцию. Меньшевики смутно чувствовали, что, приняв свою собственную *принципиальную* резолюцию, они подорвут свои *практические* резолюции. Но делу они не помогли. Резолюция меньшевиков и большевиков по оценке момента может и должна обсудить и сличить *вся* партия, *все* партийные организации. Вопрос оставили открытым. А его надо решить. И сличение обеих указанных резолюций с опытом политической жизни, с уроками хотя бы кадетской Думы, дает превосходное подтверждение правильности большевистских взглядов на момент русской революции и на классовые задачи пролетариата.

V.

Отношение к Государственной Думе.

Докладчиком преобладающей на съезде фракции по вопросу о Г. Думе был тов. Аксельрод ¹⁶⁵). В длинной речи он дал тоже не сравнительную оценку обеих резолюций (из комиссии было вынесено

две резолюции, ибо соглашения между м. и б. не состоялось), не точное изложение всех взглядов меньшинства на соответствующий вопрос, а «общий очерк» значения парламентаризма. Докладчик широко размахнулся, захватил большую историческую тему и—и рисовал картину того, что такое парламентаризм, каково его значение, какую роль играет он в развитии организации пролетариата, в деле агитации, прояснения его сознания и т. д. Кивая постоянно в сторону «анархически-заговорщических» взглядов, докладчик витал всецело в области абстрактностей, в заоблачной выси общих мест и прекрасных исторических соображений, годных для всех времен, для всех наций, для всех исторических моментов вообще,—негодных только в силу своей абстрактности для охватывания конкретных особенностей стоявшего перед нами конкретного вопроса. У меня осталось в памяти следующее особенно рельефное проявление этой невероятно абстрактной и бессодержательно общей постановки вопроса Аксельродом. Он два раза (я отметил это) коснулся в своей речи вопроса о сделках или соглашениях с.-д. с к.-д. Один раз он мимоходом задел этот вопрос, высказавшись пренебрежительно и в двух словах против всяких соглашений. Другой раз он остановился на нем подробнее и сказал, что допустимы, вообще говоря, и соглашения. Необходимо лишь, чтобы они состояли не в шушуканьи каких-то комитетов, а в открытом, всем рабочим массам видном и ясном соглашении, которое должно быть крупным политическим шагом или делом. Оно подняло бы пролетариат в его значении политической силы, показало бы ему яснее и отчетливее политический механизм и различное положение, различные интересы тех или иных классов. Оно втянуло бы пролетариат в определенные политические отношения, научило бы разбирать врагов и недругов, и так далее, и тому подобное. Именно из рассуждений такого рода состоял громадный «доклад» тов. Аксельрода,—их нельзя пересказать, их можно только обрисовать на том или другом отдельном примере.

В своем ответном докладе я прежде всего заявил, что Аксельрод нарисовал очень красивенькую, если хотите, прелестную картинку. Рисовал он ее с любовью и искусством, краски клал яркие, штрихи проводил тонкие. Жаль только, что это картина не с натуры. Хорошая картина, слов нет, да сюжет-то у нее фантастический. Превосходный этюд на тему о значении парламентаризма вообще, прекрасная популярная лекция о роли представительных учреждений. Жаль только, что о конкретных исторических условиях данного русского, извините за выражение, «парламента» ничего не сказано и ровно ничего в этом отношении не разъяснено. Аксельрод великолепно выдал себя, говорил я, своим рассуждением о соглашениях с кадетами. Он признал,

что значение таких соглашений, при действительном парламентаризме иногда неизбежных, зависит от открытого выступления перед массой, от возможности изгнать старое «шушуканье» и поставить на его место агитацию в массах, самостоятельность масс, выступление перед массами.

Чудесные вещи, что и говорить. Ну, а возможны ли они в российском «парламентарном» строе? Или, вернее, в такой ли форме происходят в России, по объективным условиям нашей реальной (а не с картинки взятой) действительности, выступления действительно массовые? Не выходило ли так, товарищ Аксельрод, что желанные вами выступления с.-д. перед массами сводились к подпольным листочкам, а кадеты имели миллионы экземпляров газет? Не лучше ли было бы, вместо никчемного изложения красот парламентаризма (никем не отрицаемых), обрисовать, как обстоит дело в реальной действительности с с.-д. газетами, собраниями, клубами, союзами? Не вам же в самом деле, европейцу, стану доказывать я, что ваши общие рассуждения о парламентаризме молча предполагают и газеты, и собрания, и клубы, и союзы, что все это есть часть парламентарной системы?

Почему ограничился Аксельрод в своем докладе общими местами и абстрактными положениями? Потому, что ему нужно было оставить в тени конкретную политическую действительность России периода февраля—апреля 1906 г. Эта действительность показывает слишком *острые* противоречия между *самодержавием* и угнетенным, но возмущающимся *пролетариатом и крестьянством*. Чтобы увлечь слушателей картиной парламентаризма вообще, надо было представить эти противоречия менее острыми, *притупить* их, нарисовать «идеальный» план идеального, открытого соглашения с к.-д., а, главное, надо было *абстрагировать* эти острые противоречия, забыть о них, обойти их молчанием.

Чтобы учесть реальные разногласия и не витать по поднебесью, я в своем докладе сличал обе резолюции и подробно анализировал их. Четыре основных различия оказывалось при этом между резолюциями меньшевиков и большевиков о Думе.

Во-1-х, меньшевики не дают никакой оценки выборов. Во время съезда выборы в $\frac{9}{10}$ России были уже закончены. Эти выборы дали, несомненно, громадный политический материал, дающий картину действительности, а не картину нашей фантазии. Этот материал учитывали мы прямо и точно, говоря: он доказывает, что в громадной массе местностей России участие в выборах было равносильно поддержке кадетов, что это не была на деле социал-демократическая политика. Меньшевики *ни звука* об этом. Они *болятся* этой постановки вопроса

на конкретную почву. Они боятся взглянуть прямо на действительность и сделать обязательные выводы из этого положения между кадетами и черносотенцами. Оценки *реальных* выборов, в общем и целом их итогов, они не дают, ибо такая оценка *говорит против них*.

Во-2-х, меньшевики во всей своей резолюции берут или рассматривают Думу, только как юридическое учреждение, а не как орган изъявления воли (или безволия) определенных элементов буржуазии, не как орган, служащий интересам определенных буржуазных партий. Меньшевики в своей резолюции говорят о Думе вообще, о Думе как «институте», о Думе, как о «чистом» народном представительстве. Это — прием рассуждения не марксистский, а чисто кадетский, не материалистический, а в худшем смысле слова идеалистический, не пролетарски-классовый, а мещански-расплывчатый.

Возьмите, хотя бы, следующее, крайне характерное выражение меньшевистской резолюции, говорил я на съезде: «... 4) что эти конфликты (с реакцией), заставляя Г. Думу искать опоры в широких массах»... (я цитирую внесенный меньшевиками на съезд проект). Верно ли, что Дума может и будет искать опоры в широких массах? *Какая* Дума? Дума октябристов? Наверное нет. Дума крестьянских и рабочих депутатов? Ей нечего *искать* опоры, ибо у нее есть, была и будет опора. Дума кадетов? Да, по отношению к ней и только по отношению к ней это верно. Кадетской Думе действительно нужно *искать опоры* в широких массах. Но, как только под абстрактную, идеалистическую и общую формулировку меньшевиков вы подставляете конкретно-классовое содержание, так сейчас же вы видите неполноту и, след., неверность их формулировки. Кадеты *стремятся* опереться на народ. Это правда. Это слово в слово говорит про них наша (большевистская) резолюция об отношении к буржуазным партиям. Но наша резолюция добавляет: кадеты *колеблются* между стремлением опереться на народ и *боязнью его революционной самостоятельности*. Ни один социалист не решится отрицать справедливости подчеркнутых слов. Отчего же меньшевики в резолюции о Думе, когда известно уже было, что Дума кадетская, сказали только *половину правды*? Отчего они отметили только *светлую сторону* кадетов, умолчав об оборотной стороне медали?

Наша Дума не есть воплощение «чистой идеи» народного представительства. Так могут думать только буржуазные пошляки из кадетских профессоров. Наша Дума есть то, что из нее делают представители определенных *классов* и определенных партий, в ней сидящие. Наша Дума есть кадетская Дума. Если мы скажем про нее, что она стремится опереться на народ, и не добавим, что она боится револю-

ционной самодеятельности народа, то мы скажем прямую неправду, мы введем в заблуждение пролетариат и весь народ, мы проявим самую непростительную податливость настроению минуты, увлечения победами партии, колебания между свободой и монархией и неумение оценить истинную сущность этой партии. Кадеты, конечно, похвалят вас за такое умолчание,—но похвалят ли вас сознательные рабочие?

Еще пример. «Царское правительство стремится ослабить революционный подъем», пишут меньшевики в своей резолюции. Это верно. Но только ли одно царское правительство стремится к этому? Не доказали ли кадеты уже тысячу раз, что они тоже стремятся и опереться на народ, и ослабить его революционный подъем? Прилично ли социал-демократам подкрашивать кадетов?

И я делал такой вывод. Наша резолюция говорит, что Дума послужит *косвенно* развитию революции. *Только* такая формулировка верна, ибо кадеты колеблются между революцией и реакцией. Наша резолюция говорит прямо и ясно *по поводу Думы*, что необходимо разоблачать шаткость кадетов. Умолчать об этом в резолюции о Думе значит впасть в буржуазную идеализацию «чистого народного представительства».

И действительный опыт уже стал опровергать иллюзии меньшевиков. В «Невской Газете»¹⁶⁶) вы найдете уже указания (к сожалению, не выдержанные систематически) на то, что кадеты в Думе поступали не революционно, на то, что пролетариат не допустит «сделок г.г. Милюковых со старым режимом». Говоря это, меньшевики целиком подтверждают правильность моей съездовской критики их резолюции. Говоря это, они идут за волной революционного подъема, который, несмотря на его относительную слабость, уже начал показывать истинную природу кадетов, уже стал обнаруживать правильность большевистской постановки вопроса.

В-3-х, говорил я, резолюция меньшевиков не дает ясного деления буржуазной демократии с точки зрения тактики пролетариата. Пролетариат должен идти в известной степени вместе с буржуазной демократией или «врозь идти, вместе бить». С какой же именно частью буржуазной демократии должен он «вместе бить» в настоящее время, в эпоху Думы? Ведь вы сами, товарищи-меньшевики, понимаете, что Дума выдвигает на очередь этот вопрос, но вы от него увильваете. А мы говорили прямо и ясно: с крестьянской или революционной демократией, нейтрализуя нашим соглашением с ней шаткость и непоследовательность кадетов.

Меньшевики (особенно Плеханов, который, повторяю, был настоящим идейным вождем меньшевиков на съезде) пытались в ответ

на эту критику «углубить» свою позицию. Да, вы хотите разоблачать кадетов,—воскликали они.—А мы разоблачаем *все* буржуазные партии; смотри конец нашей резолюции: «обнаруживать перед массой непоследовательность *всех* буржуазных партий» и т. д. И Плеханов с гордостью добавлял: это только буржуазные радикалы напирают исключительно на кадетов, а мы, социалисты, разоблачаем все буржуазные партии.

Софизм, который спрятан в этом кажущемся «углублении» вопроса, так часто пускался в ход на съезде и пускается в ход теперь, что о нем стоит сказать несколько слов.

О чем идет речь в данной резолюции? О социалистическом ли разоблачении всех буржуазных партий или об определении того, какой слой буржуазной демократии может *теперь* помогать пролетариату вести еще вперед буржуазную революцию?

Ясно, что не о первом, а о втором.

А если это ясно, то не к чему и подменять второе первым. Большевистская резолюция об отношении к буржуазным партиям ясно говорит о социалистическом разоблачении всякой, в том числе и революционной и крестьянской, буржуазной демократии, но в вопросе о современной тактике пролетариата речь идет не о социалистической критике, а о взаимной политической поддержке.

Чем дальше идет вперед буржуазная революция, тем левее ищет себе союзников пролетариат среди буржуазной демократии, тем глубже спускается он от верхов ее к низам. Было время, когда поддержку могли оказывать предводители дворянства и г. Струве, выдвигавший (1902 г.) шиповский лозунг: «права и властное земство». Революция ушла далеко вперед: верхи буржуазной демократии стали отходить от революции. Низы стали просыпаться. Пролетариат стал искать союзников (для *буржуазной* революции) в низах буржуазной демократии. И теперь единственным правильным определением тактики пролетариата в этом отношении будет: с крестьянством (тоже ведь буржуазная демократия, не забывайте этого, товарищи-меньшевики!) и с революционной демократией, парализуя шаткость кадетов.

И еще раз. Какую линию подтвердили первые шаги кадетской Думы? Наши споры уже обогнала жизнь. Жизнь заставила и «Невскую Газету» выделять крестьянскую («трудовую») группу ¹⁶⁷⁾, предпочитать ее кадетам, сближаться с ней и разоблачать кадетов. Жизнь научила нашему лозунгу: союзник пролетариата до победы буржуазной революции—крестьянская и революционная демократия.

В-4-х, я критиковал последний пункт меньшевистской резолюции, касающийся с.-д. парламентской фракции в Думе. Я указывал, что

вся масса сознательного пролетариата не выбирала. Целесообразно ли при таких условиях навязывать этой рабочей массе официальных представителей партий? Может ли партия поручиться за действительно партийный выбор кандидатов? Не создаст ли известной опасности и ненормального положения то, что первые с.-д. кандидаты в Думу ожидаются от *крестьянских* и городских мелко-буржуазных курий? Первые кандидаты в Думу от с.-д. рабочей партии без выбора рабочими организациями и контроля их... Поправка тов. Назара¹⁶⁸), который требовал, чтобы с.-д. кандидаты в Думу *выставлялись* местными рабочими организациями, была отклонена меньшевиками. Мы потребовали именного голосования и внесли в протокол особое мнение.

За поправку кавказцев (участвовать в выборах, где их еще не было, но не вступать в блоки с другими партиями) мы голосовали, ибо запрещение блоков, соглашений с другими партиями имело несомненно большое политическое значение для партии.

Отмечу еще, что съезд отклонил поправку тов. Ерманского (меньшевик, считавший себя примиренцем), который хотел, чтобы участие в выборах было допущено лишь тогда, когда возможна агитация в массах и широкая организация их.

Представители национальных с.-д. партий, поляки, бундовцы и, помнится, также и латыши брали слово по данному вопросу и решительно высказывались за бойкот, подчеркивая местные и конкретные условия, протестуя против решения подобного вопроса на основании абстрактных соображений.

По вопросу о парламентской с.-д. фракции съезд принял также инструкцию Ц. К-ту. Инструкция эта, не вошедшая, к сожалению, в изданные Ц. К-том постановления съезда, поручает Ц. К-ту известить *все* партийные организации—1) кого именно, 2) когда именно и 3) на каких условиях именно он назначил представителем партии в парламентской фракции, затем сообщать периодические отчеты о деятельности этих представителей партии. Местным рабочим организациям, члены которых состоят с.-д. депутатами в Думе, эта резолюция поручает контроль за своими «уполномоченными» в Думе. Замечу в скобках, что эта важная резолюция, показывающая, что с.-д. не так смотрят на парламентаризм, как буржуазные политиканы, встретили единодушное негодование или осмеяние и в «Думе», газете г. Струве, и в «Нов. Времени».

Наконец, заканчивая рассказ о прениях по вопросу о Г. Думе, отмечу еще два эпизода. Первый—выступление товарища Акимова, который был приглашен на съезд с совещательным голосом. К сведению товарищей, незнакомых с историей нашей партии, скажу, что тов.

Акимов с конца 90-х годов является самым последовательным или одним из самых последовательных оппортунистов в партии. Даже новая «Искра»¹⁶⁹⁾ должна была признать это. Акимов был «экономистом»¹⁷⁰⁾ в 1899 и след. годах и остался верен себе. Г. Струве в «Освобождении» не раз хвалил его за «реализм» и за научность его марксизма. От бернштейнианцев «без заглавия» (г. Прокопович и т. д.) тов. Акимов едва ли существенно отличается. Понятно, что присутствие такого товарища не могло не быть ценным на съезде при борьбе правого и левого крыла с.-д.

Тов. Акимов говорил как раз после докладчиков первым по вопросу о Г. Д. Он заявил, что во многом не соглашается с меньшевиками, но с тов. Аксельродом вполне согласен. Он не только за участие в Думе, но и за поддержку кадетов. Тов. Акимов был единственным последовательным меньшевиком в том отношении, что открыто встал на защиту кадетов (а не в прикрытой форме вроде того, что кадеты важнее эсеров). Он открыто восстал против моей оценки кадетов в брошюре «Победа кадетов и задачи раб. партии». Кадеты, по его словам, «действительно партия народной свободы, но более умеренная». Кадеты—«сиротские демократы», сказал наш сиротский социал-демократ. «Меньшевики должны искусственно выставлять препоны тому, чтобы не стать пособниками кадетов».

Как видит читатель, речь т. Акимова очень ясно показала лишний раз, в какую сторону валяются наши тов. меньшевики.

Второй эпизод показал это с другой стороны. Дело было так. В первоначальном проекте меньшевистской резолюции о Г. Думе, вынесенной комиссией, пункт 5-й (об армии) содержал такую фразу: «... Впервые увидя на русской почве новую, *самим царем вызванную к жизни, законом признанную*, власть, выпешшую из недр нации и т. д. Критикуя резолюцию меньшевиков за ее, выражаясь мягко, неосторожное и оптимистическое отношение к Г. Думе, я, между прочим, критиковал и подчеркнутые слова и в шутку сказал: не добавить ли к ним: и «*господом богом ниспосланную*» (власть?)». Тов. Плеханов, член комиссии, страшно обиделся на меня за эту шутку.—Как! восклицал он в своей речи.—Я должен выслушивать такие «заподозривания в оппортунизме» (буквальное его выражение, записанное мной). Да я сам военный и знаю, как военные относятся к власти, какое значение имеет в их глазах признание власти царем, и т. д. и т. д. Обида тов. Плеханова выдала его слабое место и показала еще яснее, что он «пересолил». В своем заключительном слове я ответил, что не в «заподозриваниях» вовсе дело и смешно такие жалкие слова говорить. Плеханова не обвиняет никто в вере в царя. Но резолюция

пишется не для Плеханова, а для народа. А в народ пускать такие двусмысленные доводы, приличествующие только г.г. Витте и К-о, неприлично. Доводы эти обернутся против нас, ибо если подчеркивать, что Г. Дума есть «власть» (?? одно уже это слово показывает неумеренный оптимизм наших меньшевиков), и власть, вызванная к жизни царем, то отсюда будут выводить, что эта законная власть и должна действовать законно, слушаясь того, кем она «вызвана к жизни».

Меньшевики и сами увидали, что Плеханов пересолил. Подчеркнутые слова по предложению, вышедшему из их среды, были вычеркнуты из резолюции.

VI.

Вооруженное восстание.

Два главные вопроса, аграрный и о Г. Думе, вместе с прениями об оценке момента, заняли главное внимание съезда. Не помню, сколько дней потратили мы на эти вопросы, но факт тот, что утомление сказывалось уже на многих присутствовавших, — а кроме утомления, пожалуй, и стремление снять некоторые вопросы с очереди. Было принято предложение ускорить работы съезда, и докладчикам по вопросу о вооруженном восстании *сократили* время до 15 минут (докладчикам по предыдущим вопросам не раз продолжали время свыше положенного получаса). Это было начало комкания вопросов.

Докладчик от преобладающего на съезде «меньшинства» по вопросу о вооруженном восстании, т. Череванин, как и следовало ожидать, как и предсказывали неоднократно большевики, «скатился к Плеханову», т.-е. встал в сущности на точку зрения «Дневников», с которыми многие меньшевики заявляли свое несогласие до съезда. У меня записаны были в моих отметках такие фразы его, как: «декабрьское восстание было только продуктом отчаяния», или: «поражение декабрьского восстания было обеспечено уже в первые дни». Плехановское: «не нужно было браться за оружие» проходило красной нитью через его изложение, уснащенное, как водится, вылазками по адресу «заговорщиков» и «преувеличения техники».

Наш докладчик, т. Винтер, тщетно пытался в своей краткой речи побудить съезд к оценке точного текста обеих резолюций. Ему пришлось даже отказаться однажды от продолжения доклада. Это было в середине его речи, когда он прочел первый пункт меньшевистской резолюции: «борьба выдвигает непосредственную задачу вырвать власть из рук самодержавного правительства». Оказалось, что

наш докладчик, член комиссии по выработке резолюции о вооруженном восстании, *не знал*, что эта комиссия *в последнюю минуту* предложила съезду в гектографированном проекте резолюции *новую* редакцию. Именно: меньшевистская часть комиссии с Плехановым во главе предлагала сказать: «*вырвать права силой*» вместо «вырвать власть».

Эта перемена текста вносимой на съезд резолюции без ведома докладчика, члена комиссии, до такой степени грубо нарушала все обычаи и правила съездовской работы, что наш докладчик, возмущенный, отказался от продолжения доклада. Лишь после долгих «объяснений» меньшевиков он согласился сказать несколько заключительных слов.

Перемена была действительно сногшибательная. В резолюции о восстании говорится не о борьбе за власть, а о борьбе за права! Подумайте только, какая невероятная путаница внесена бы была в сознание масс этой оппортунистической формулировкой и как нелепо было бы быющее в глаза несоответствие между величием средства (восстание) и скромностью цели (вырвать права, т.-е. от старой власти вырвать права, добиться уступок старой власти, а не свержения ее).

Само собою разумеется, что большевики напали на эту поправку самым энергичным образом. Ряды меньшевиков дрогнули. Они убедились, видимо, что Плеханов еще раз пересолит и что им плохо пришлось бы на практике с такой умеренной и аккуратной оценкой задачи восстания. Плеханова заставили повернуть. Он взял свою поправку назад, сказав, что не придает важности различию, собственно только «стилистическому». Конечно, это было золочением пилули. Все понимали, что дело вовсе не в стилистике.

Плехановская поправка ярко вскрыла основную тенденцию меньшевиков по вопросу о восстании: придумать отговорки от восстания, отречься от декабрьского восстания, отсоветовать вторичное восстание, свести задачи его на-нет или так определить эти задачи, чтобы для выполнения их не могло быть и речи о восстании. Но прямо и решительно, открыто и ясно сказать это меньшевики не решились. Их положение было самое фальшивое: говорить в прикрытой форме и полумаками то, что составляет их задушевную мысль. Представители пролетариата могут и должны открыто критиковать ошибки его, но делать это в прикрытой, двусмысленной, неясной форме совершенно недостойно социал-демократии. И резолюция меньшевиков отразила на себе невольно эту двусмысленную позицию: отговорки от восстания на-ряду с «народным» якобы признанием его.

Речи о технике и о заговорщичестве были слишком явным отводом глаз, слишком грубым затушевыванием разногласий в *политической*

оценке восстания. Чтобы уклониться от этой оценки, чтобы не сказать прямо, было ли декабрьское восстание шагом вперед и подъемом движения на высшую ступень, для этого нужно было отвести речи в сторону, от политики к технике, от конкретной оценки декабря 1905 г. к общим фразам о заговорщичестве. И каким же пятном на социал-демократии останутся эти речи о заговорщичестве по поводу такого *народного* движения, как декабрьская борьба в Москве!

Вы хотите полемизировать, говорили мы товарищам-меньшевикам, вам хочется «кольнуть» большевиков, ваша резолюция о восстании полна вылазок по адресу несогласно-мыслящих. Полемизируйте, сколько угодно. Это ваше право и ваша обязанность. Но не сводите великого вопроса об оценке исторических дней к мелкой и мелочной полемике. Не унижайте партии тем, что она по вопросу о декабрьской борьбе рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии не умеет сказать ничего, кроме шпилек и уколов по адресу иной фракции. Поднимитесь немножечко повыше, напишите, если угодно, особую полемическую резолюцию против большевиков, но дайте же пролетариату и всему народу прямой и ясный, не двуличный ответ на вопрос о восстании.

Вы кричите о преувеличении техники и о заговорщичестве. Но взгляните на оба проекта резолюций. Вы увидите как раз в нашей резолюции не технический, а *исторический и политический* материал. Вы увидите у нас мотивировку, взятую как раз не из голых и недоказуемых общих мест («задача борьбы вырвать власть»), а из *истории движения*, из политического опыта последней четверти 1905 года. Вы валите с больной головы на здоровую, потому что именно ваша резолюция бедна до-нельзя историко-политическим материалом. Она говорит о восстании, а ни слова об отношении стачки к восстанию, ни слова о том, как послеоктябрьская борьба привела к необходимости и неизбежности восстания, ни единого прямого и ясного слова о декабре. Именно в нашей резолюции восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а как *политический результат* вполне конкретной исторической действительности, созданной октябрьскою забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой за их защиту.

Фразы о технике и о заговорщичестве—это только прикрытие вашего *отступления* по вопросу о восстании.

На съезде резолюцию меньшевиков по вопросу о восстании так и звали: «резолюцией *против* вооруженного восстания». И едва ли решится оспаривать правильность этого утверждения тот, кто сколько-

нибудь внимательно прочтет тексты обеих предлагавшихся съезду резолюций *).

Наши доводы лишь отчасти возымели влияние на меньшевиков. Кто сличит *проект* их резолюции с окончательной принятой ими резолюцией, тот увидит, что целый ряд действительно мелких вылазок и взглядов они удалили. Но общий дух, конечно, остался. Это — исторический факт, что меньшевистский съезд после первого вооруженного восстания в России проявил растерянность, увильнул от прямого ответа, не решился прямо сказать пролетариату, было ли ошибкой или шагом вперед это восстание, необходимо ли второе восстание и как оно связывается исторически с первым.

Уклончивость меньшевиков, желающих снять с очереди вопрос о восстании, тяготеющих к этому, но не решающихся признаться в этом, привела к тому, что вопрос в сущности остался открытым. Оценка декабрьского восстания *еще* должна быть выработана *партией*, и на этот вопрос все организации должны обратить серьезнейшее внимание.

Практический вопрос о восстании тоже открыт. От имени съезда признано, что *непосредственная* (это заметьте!) задача движения «*вырвать власть*». Ведь это же формулировка, если хотите, ультра-большевистская, ведь именно она сводит дело к фразе, в чем нас обвиняли. Но раз это сказал съезд, мы должны руководиться ею, мы должны *на этом основании* критиковать самым решительным образом те местные и центральные учреждения и организации партии, которые могли бы забыть об этой *непосредственной* задаче. Мы можем и должны, на основании решения съезда, выдвигать эту *непосредственную* задачу *на первый план* в известные политические моменты. Препятствовать этому никто не вправе, это будет вполне и всецело в пределах директив съезда, раз уже мы выкинули слова «вырвать права» и заставили признать «*непосредственную задачу вырвать власть*».

Советуем не забывать этого партийным организациям, особенно в такие моменты, когда наша пресловутая Дума получает пощечины от самодержавного правительства.

Тов. Воинов, в дебатах о вооруженном восстании, очень метко заметил, в какие тиски попали меньшевики. Сказать «вырвать права» —

*) Чтобы облегчить читателю сознательно-критическое отношение к спорам на съезде, я помещаю в приложении тексты первоначальных проектов резолюций большинства и меньшинства и тексты принятых съездом резолюций. Только внимательное изучение и сравнение этих текстов даст возможность самостоятельно разобраться в вопросах с.-д. тактики. (См. Приложение II к этому тому. *Ред.*)

формулировка до невозможности оппортунистическая. Сказать «вырвать власть» — значит выбить у себя из рук всякое оружие против большевиков. Отныне мы знаем, — острил Воинов, — что такое ортодоксальный марксизм и что такое заговорщическая ересь. «Вырвать власть» — ортодоксально, «завоевать власть» — заговорщичество...

Тот же оратор обрисовал общий тип меньшевика по этому поводу. Меньшевики — импрессионисты, сказал он, люди настроения, люди минуты. Поднимается волна, идет октябрь — ноябрь 1905 г. — и вот, «Начало» помчалось, оно выступает даже более по-большевистски, чем большевики. Оно уже скачет от демократической диктатуры к диктатуре социалистической. Отошел прибой, понизилось настроение, поднялись кадеты, — меньшевики торопятся приспособиться к пониженному настроению, бегут вприпрыжку за кадетами, пренебрежительно машут рукой на октябрьско-декабрьские формы борьбы.

Крайне интересным подтверждением сказанного явилось на съезде письменное заявление меньшевика Ларина. Оно подано было им в бюро и, следов., должно быть полностью в протоколах. Ларин говорил там, что меньшевики ошибались в октябре — декабре, поступая по-большевистски. Словесные, частные протесты против этого «ценного признания» я слышал на съезде со стороны отдельных меньшевиков, но, были ли эти протесты выражены в речах или в заявлениях, не поручусь.

Поучительно также было выступление Плеханова. Он говорил (если я не ошибаюсь) о захвате власти. Он проговорился при этом самым оригинальным образом. — Я против заговорщического захвата власти, — восклицал он, — но я всецело за такой захват власти, каким был, например, Конвент в Великой французской революции.

Тут Плеханов был пойман нами на слове. — Превосходно, тов. Плеханов, — ответил я ему. — Напишите в резолюции то, что вы сказали! Осудите, как угодно резко, заговорщичество, — мы, большевики, все же таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу Конвента. Осудите заговорщичество, но признайте в резолюции диктатуру, подобную Конвенту, и мы согласимся с вами всецело и безусловно. Мало того. Я ручаюсь вам, что с того момента, как вы подпишете такую резолюцию, *вы перестанут хвалить кадеты!*

Тов. Воинов тоже отметил вопиющее противоречие, в которое впал тов. Плеханов, нечаянно «проговорившись» насчет Конвента. Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала

всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т.-е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство». Признавать Конвент и ратовать против захвата власти — значит играть словами. Признавать Конвент и распинаться против «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — значит побивать самого себя. А большевики всегда и все время говорили о завоевании власти именно массой народа, именно пролетариатом и крестьянством, отнюдь не тем или иным «сознательным меньшинством». Фразы о заговорщичестве и бланкизме — простая невинная декламация, которая и рассыпалась прахом при одном упоминании о Конвенте.

VII.

Конец съезда.

Вопрос о вооруженном восстании был последним вопросом, который обсуждался сколько-нибудь обстоятельно и принципиально на съезде. Остальные вопросы были совсем уже скомканы или разрешены без прений.

Резолюция о партизанских боевых выступлениях прошла, как придаток к резолюции о вооруженном восстании. Я не присутствовал в это время в зале заседания и не слышал от товарищей ни о каких сколько-нибудь интересных дебатах по этому вопросу. Да и вопрос этот, конечно, не принципиальный.

Резолюции о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению были приняты единогласно. В комиссиях по подготовке резолюции большевики и меньшевики пришли по этим вопросам к соглашению. Отмечу в резолюции о крестьянском движении совершенно правильную оценку кадетской партии и признание восстания «единственным средством» завоевания свободы. Оба эти положения надо почаще иметь в виду в работе нашей повседневной агитации.

Объединение с национальными с.-д. партиями заняло несколько больше времени. Слияние с поляками прошло единогласно. Слияние с латышами, помнится, тоже, во всяком случае, без больших прений. По вопросу о слиянии с Бундом вышла большая баталия. Слияние прошло, помнится, 54 голосами или около того. За голосовали большевики (почти все), центр и наименее фракционно настроенные меньшевики. Провели единство местных руководящих комитетов Р. С.-Д. Р. П. и выбор делегатов на съезд на общих основаниях. При-

няли резолюцию, которая признает необходимость борьбы за централистические принципы организации (мы предлагали иную по редакции, но тождественную по смыслу резолюцию, в которой подчеркивалось практическое значение сделанной нами уступки Бунду и признавалась необходимость неуклонной борьбы за более тесное и более новое сплочение силы пролетариата).

Некоторые меньшевики сильно горячились по поводу объединения с Бундом и обвиняли нас в отступлении от принципов второго съезда. Лучшим ответом на эти обвинения является справка с № 2 «Партийных Известий». Большевики напечатали там, *зادолго до съезда*, проект резолюции, предлагавший ряд *дальнейших* уступок *всем* национальным с.-д. партиям, вплоть до «пропорционального представительства в местных, областных и центральных учреждениях партии» *). Меньшевики отвечали в том же № 2 «Партийных Известий» на наши резолюции своими контр-резолюциями, при чем *ни единым словом* не оговорили своего несогласия с нашим планом сделать дальнейшие уступки Бунду и другим национальным с.-д. партиям.

Мне кажется, что этот факт дает лучший ответ на тот спорный вопрос, большевики ли из фракционности голосовали за Бунд, или меньшевики из фракционности голосовали против Бунда.

Устав партии был принят очень быстро. Я был в комиссии по выработке проекта устава. Меньшевики хотели было повысить до $\frac{2}{3}$ число членов партии, необходимое для созыва экстренного съезда. Я заявил тогда вместе со своими коллегами-большевиками категорически, что малейшая попытка уменьшить тот минимум автономии и прав оппозиции, который признал в уставе фракционный III съезд, будет означать неминуемый раскол. Дело зависит от вас, товарищи-меньшевики: угодно вам соблюдать лояльность, соблюдать все права меньшинства, все права оппозиции **),—тогда мы подчиняемся, вводим своих единомышленников в Ц. К. и обсуждаем раскол. Не угодно,—тогда раскол неизбежен.

Меньшевики согласились понизить $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Устав прошел единогласно: и § 1, и принцип демократического централизма. Разногласие вызвали лишь два пункта.

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

**) Напомню, что в своей брошюре: «Социал-демократия и Г. Дума» (вместе со статьей Дана) я указывал до съезда на необходимость обеспечить течению, оставшемуся в меньшинстве, *свободу критики решений съезда и свободу агитации за новый съезд* (стр. 65 этого тома. *Ред.*).

Во-первых, мы предложили вставить примечание к § 1 в том смысле, что члены партии, меняющие местожительство, вправе входить в местные организации партии.

Примечание это имело то значение, чтобы сделать невозможной мелкую свару и склоку, выпитание из организации несогласно-мыслящих, отказ меньшевиков допускать большевиков и обратно. Партия растет. Она становится широкой. Надо покончить с борьбой за места. Все учреждения партии выборные. В низшие же организации партии вход должен быть вполне свободен для всех членов партии. Только тогда идейная борьба не будет грязниться организационной склокой.

Меньшевики, несмотря на наши настояния, отклонили это примечание. По в доказательство своих лояльных намерений они согласились принять резолюцию: «Съезд отклоняет это примечание только потому, что считает его лишним и *само собою понятным*» (цитирую на память, ибо текста этой резолюции в моих заметках не оказалось). Эту резолюцию очень важно иметь в виду при всяких возможных спорах и организационных трениях.

Второй пункт разногласий касался отношений Ц. К. и Ц. О. Меньшевики провели выбор Ц. О. на съезде и вхождение Ц. О. в состав Ц. К. по вопросам политики (неясный пункт, который вызовет, вероятно, недоразумение). Большевики, ссылаясь на печальный опыт литературных столкновений в русской и германской *) партиях, стояли за назначение редакции Ц. О. Центральным Комитетом и за право его сменять редакцию. Решение меньшевиков, на мой взгляд, несомненно показывает, что в правом крыле нашей партии есть ненормальность и в отношении между литераторами, с одной стороны, и практически-политическими руководителями, с другой.

Как курьез, надо отметить еще, что меньшевики приняли на съезде подтверждение резолюции Амстердамского международного социалистического конгресса об отношении к буржуазным партиям. В истории наших с.-д. съездов это постановление войдет именно, как курьез. В самом деле, разве не *все* постановления международных социалистических конгрессов обязательны для с.-д. партий *всех* стран? Какой же смысл выделять и подтверждать одно из таких постановлений? Где и когда видно, чтоб национальные с.-д. партии вместо решения вопроса об отношении к той или иной буржуазной партии *своей* страны ссылались на общее всем странам отношение ко всем буржуаз-

*) Недавняя «история» с шестью редакторами «Vorwärts'a»¹⁷¹), поднявшими скандал за смещение их центральным правлением германской с.-д. партии.

ным партиям вообще? До съезда и большевики и меньшевики подготовили проекты резолюций об отношении к буржуазным партиям *в России* в лето от рождества Христова 1906-е. Если не осталось времени на съезде для разбора этого вопроса, то его надо было просто отложить. Выбирать же такой «средний» путь: вопроса о русских партиях не рассматривать, а международное решение общего вопроса подтвердить, это значило только показать перед всем миром свою растерянность. Не знаем, дескать, как нам своим умом насчет русских партий решить, так вот уж повторим хоть международное решение! Это была самая неудачная, способная лишь вызвать насмешки, форма оставления вопроса открытым.

А вопрос крайне важный. Проекты соответствующих резолюций большинства и меньшинства читатель найдет в приложении *). Предлагаем интересующимся этим вопросом (а какого практика, агитатора или пропагандиста может не интересовать этот вопрос?) сличать эти проекты от времени до времени с «уроками революции», т.-е. с теми политическими фактами из жизни партий, которые в таком изобилии дает теперь русская жизнь. Кто захочет произвести такое сличение, тот увидит, что революция все более и более подтверждает нашу оценку двух главных течений в буржуазной демократии: либерально-монархического (главным образом кадеты) и революционно-демократического.

Меньшевистская же резолюция носит на себе явные следы той именно беспомощности и растерянности, которые привели на съезде к курьезному выходу: подтвердить международное решение. Меньшевистская резолюция состоит только из общих фраз, без попытки решить (или наметить решение) конкретные вопросы русской политической действительности. Надо критиковать все партии, говорит эта растерянная резолюция, надо разоблачать их, надо признать, что нет вполне последовательных демократических партий. А *как именно* следует «критиковать» и разоблачать *различные* буржуазные партии России или различные типы этих партий, — этого резолюция не знает. Она говорит, что надо «критиковать», но она *не умеет* критиковать, ибо марксистская критика буржуазных партий состоит именно в *конкретном* анализе той или иной *классовой* основы различных буржуазных партий. Резолюция говорит беспомощно: нет вполне последовательных демократических партий, — и не умеет определить тех *различий* в последовательности *русских* буржуазно-демократических партий, которые уже проявились и проявляются в ходе нашей революции

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

За голыми фразами, за общими местами меньшевистской резолюции исчезли даже грани трех основных типов наших буржуазных партий: типа октябристов, типа кадетов, типа революционных демократов. И эти наши с.-д. правого крыла, до смешного беспомощные в учете классовых основ и тенденций разных партий буржуазной России, обвиняют еще левых с.-д. в «истинном социализме», т.-е. в игнорировании исторически-конкретной роли буржуазной демократии! Еще раз: вот уже поистине с большой головы да на здоровую.

Я несколько уклонился от предмета моего изложения. Но я предупредил уже в начале своей брошюры, что к докладу о съезде я намерен присоединить некоторые мысли по поводу съезда. И я думаю, что для осмысленной оценки съезда членами партии надо подумать не только над тем, что съезд сделал, но и над тем, чего съезд не сделал, хотя должен был сделать. А необходимость марксистского анализа различных буржуазно-демократических партий России сознается с каждым днем все отчетливее каждым мыслящим социал-демократом.

Выборы прошли на съезде в несколько минут. Все было улажено, в сущности, до общих заседаний съезда. Пятерка в Ц. О. была составлена меньшевиками сплошь из меньшевиков ¹⁷²⁾; в Ц. К. мы согласились ввести трех при семи меньшевиках ¹⁷³⁾. Каково окажется их положение, в качестве своего рода контролеров и охранителей прав оппозиции, это еще покажет будущее.

VIII.

Итоги съезда.

Бросая общий взгляд на работы съезда и на положение нашей партии, создавшееся в результате работ съезда, мы приходим к следующим главным выводам.

Крупным практическим делом съезда является намеченное (частью уже осуществленное) слияние с национальными с.-д. партиями. Это слияние укрепляет Российскую С.-Д. Р. Партию. Оно поможет вытравить последние следы кружковщины. Оно внесет свежую струю в работу партии. Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России.

Крупным практическим делом является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. С.-д. пролетариат и его партия должны быть едины. Организационные разногласия изжиты почти целиком. Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократи-

ческого централизма в организации партии, добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проводима и проведена в жизни. Борьбу за места, боязнь другой «фракции» надо устранять и устранить. Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений с.-д. мысли внутри них. Этого не легко еще добиться, этого мы не добьемся сразу. Но путь намечен, принципы провозглашены, и мы должны добиваться полного и последовательного осуществления этого организационного идеала.

Крупным идейным делом съезда мы считаем более ясную и определенную размежку правого и левого крыла социал-демократии. То и другое крыло есть во всех с.-д. партиях Европы,—они намечались давно уже и у нас. Более отчетливая размежка их, более ясное определение того, из-за чего идут споры, необходимо в интересах здорового развития партии, в интересах политического воспитания пролетариата, в интересах отсекаания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонений от правильного пути.

Объединительный съезд дал массу делового, документального материала для определения, точного и бесспорного определения того, в чем мы согласны и в чем мы расходимся, насколько именно расходимся. Надо *изучать* этот документальный материал, надо знать *факты*, точно показывающие содержание и размеры разногласий, надо отучаться от старой кружковщинской привычки — преподносить выкрикивания, страшные слова, грозные обвинения вместо делового разбора таких-то и таких-то, проявившихся по такому-то и такому-то вопросу разногласий. И мы считаем необходимым привести в приложении к этой брошюре возможно более полный *документальный* материал, относящийся к Объедин. съезду, *) для того, чтобы члены партии могли действительно самостоятельно *изучать* разногласия, а не повторять на веру перенятые шаблонные словечки. Он сух, конечно, этот документальный материал. Не у всякого хватит внимания и терпения читать проекты резолюций, сличать их с принятыми резолюциями, обдумывать значение различных формулировок каждого пункта, каждой фразы.

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

Но без тако серьезной работы сознательное отношение к решениям съезда невозможно.

И вот, сводя вместе сказанное мной выше о спорах на съезде, сводя вместе различные тенденции нерассмотренных (или отложенных) съездом проектов резолюций, я прихожу к выводу, что съезд много помог более отчетливой размежке правого и левого крыла социал-демократии.

Наше правое крыло не верит в полную победу настоящей, т.-е. буржуазно-демократической революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительно и определенно лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксистскую мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д.

Оно выставляет, напр., — по крайней мере в речах некоторых из своих съездовских ораторов — лозунг *крестьянской революции*, но не проводит этого лозунга последовательно. Оно не формулирует в программе ясного революционного пути для пропаганды и агитации в народе (*захват* земли революционными крестьянскими комитетами *впредь до* Всенародного Учредительного Собрания). Оно боится выразить в программе крестьянской революции идею захвата власти революционным крестьянством. Оно, вопреки своему обещанию, не доводит как раз до «логического» конца буржуазно-демократического переворота в земледелии, ибо таковым «логическим» (и *экономическим*) концом при капитализме является только национализация земли, как уничтожение абсолютной ренты. Оно сочиняет какую-то невероятную искусственную среднюю линию, с размененной на местные округа национализацией земли, с демократическими земствами при недемократической центральной власти. Оно пугает пролетариат призраком реставрации, не замечая того, что оно хватается за политическое оружие буржуазии против пролетариата, что оно льет воду на мельницу монархической буржуазии.

И во всей своей тактической линии наши с.-д. правого крыла переоценивают значение и роль шаткой, колеблющейся монархической либеральной буржуазии (кадеты и т. п.) и недооценивают значения революционной буржуазной демократии («крестьянский союз», «трудовая группа» в Думе, эсеры, многочисленные полуполитические, полупрофессиональные организации и т. д.). Эта переоценка кадетов и недооценка революционных демократических «низов» тес-

нейшим образом связана с указанным выше неправильным взглядом на буржуазную революцию. наших с.-д. правого крыла ослепляет мишурный успех кадетов, их громкие «парламентские» победы, их эффектные «конституционные» выступления. Обольщаясь политикой минуты, они забывают более коренные и более существенные интересы демократии, забывают те силы, которые менее «шумят» на поверхности дозволенного Треповыми и Дубасовыми «конституционализма», но делают более глубокую, хотя и менее видную, работу в революционно-демократических низах, подготавливая конфликты не совсем парламентского свойства.

Отсюда и скептическое (выражаясь мягко) отношение наших с.-д. правого крыла к восстанию, отсюда стремление отмахнуться от опыта октября и декабря, от выработанных тогда форм борьбы. Отсюда — их нерешительность и пассивность в борьбе с конституционными иллюзиями, — борьбе, которую выдвигает на первый план всякий действительно революционный момент. Отсюда — их непонимание исторической роли бойкота Думы, стремление отделаться посредством хлесткого словечка «анархизм» от учета конкретных условий движения в определенный момент *), отсюда — непомерная поспешность войти в мнимо-конституционное учреждение, отсюда — переоценка положительной роли этого учреждения.

*) Я только что получил новую брошюру Карла Каутского «Госуд. Дума». Как небо от земли отличается его постановка вопроса о бойкоте от постановки меньшевиков. Наши горе-социал-демократы, вроде Негорева из «Невской Газеты», ляпают прямо: бойкот есть анархизм! А Каутский разбирает конкретные условия и пишет: «При таких условиях нет ничего удивительного, что большинство наших русских товарищей усмотрело в созываемой таким путем Думе не что иное, как возмутительнейшую подделку народного представительства и решило бойкотировать ее...». «Нет ничего удивительного, если большинство наших русских товарищей вместо вступления в избирательную кампанию, чтобы затем попасть в Думу, сочло более целесообразным бороться с целью сорвать эту Думу и добиться Учредительного Собрания?»

Как бы мы хотели, чтобы в параллель к этой исторически-конкретной оценке Каутского вышли в свет поскорее общие фразы Аксельрода о пользе парламентаризма и вреде анархизма!

Кстати. Вот как говорит Каутский о победе революции в той же своей брошюрке: «Крестьяне и пролетариат будут все энергичнее и бесцеремоннее толкать влево членов Думы...» («голое разоблачение кадетов», по пренебрежительному выражению «Невской Газеты»)... «будут все больше ослаблять и парализовать своих противников, пока они совсем их не победят». Итак, *крестьяне и пролетариат* победят «их», т.-е. и правительство, и либеральную буржуазию. Бедный Каутский! Он не понимает, что буржуазную революцию может делать только буржуазия. Он впадает в «бланкистскую» ересь: победа («диктатура») пролетариата и крестьянства.

С этими тенденциями правого крыла наших с.-д. мы должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу. Надо добиваться самого широкого обсуждения решений съезда, надо требовать от всех членов партии вполне сознательного и критического отношения к этим решениям. Надо добиваться, чтобы все рабочие организации с полным знанием дела высказали свое одобрение или неодобрение тем или иным решениям. В печати, на собраниях, в кружках и группах должно вестись это обсуждение, если мы только действительно серьезно решили провести демократический централизм в нашей партии, если мы решили вовлекать рабочие массы в сознательное решение партийных вопросов.

Но в единой партии эта идейная борьба не должна раскалывать организаций, не должна нарушать единства действий пролетариата. Это — новый еще в практике нашей партии принцип, и над правильным проведением его в жизнь придется немало поработать.

Свобода обсуждения, единство действия, — вот чего мы должны добиться. И решения Объединительного съезда оставляют достаточно простора всем с.-д. в этом отношении. До практических действий в духе «муниципализации» еще не очень близко, а в поддержках революционных выступлений крестьянства, в критике мелко-буржуазных утопий все с.-д. согласны между собой. Мы должны, следовательно, обсуждать муниципализацию и осуждать ее, не боясь нарушить единства действий пролетариата.

Относительно Думы дело стоит несколько иначе. При выборах *обязательно* полное единство действий. Съезд решил, — будем выбирать *все*, где предстоят выборы. Во время выборов никакой критики участия в выборах. *Действие* пролетариата должно быть едино. Фракцию с.-д. в Думе, когда будет эта фракция, мы все и всегда будем признавать *нашей* партийной фракцией.

Но за пределами единства действий — самое широкое и свободное обсуждение и осуждение тех шагов, решений, тенденций, которые мы считаем вредными. Только в таких обсуждениях, резолюциях, протестах может выработаться действительное общественное мнение нашей партии. Только при таком условии это будет настоящая партия, умеющая *всегда* заявлять свое мнение и находящая правильные пути для превращения определившегося *мнения* в *решения* нового съезда.

Возьмите третью, вызвавшую разногласия, резолюцию — о восстании. Здесь единство действий в момент борьбы безусловно необходимо. *Никакая* критика во время такой горячей борьбы недопустима внутри напрягающей все свои силы армии пролетариата. Пока нет

еще призыва к действию, — самое широкое и свободное обсуждение и оценка резолюции, ее мотивов и ее отдельных положений.

Итак, поприще очень широко. Резолюции съезда дают много простора. Любое увлечение квази-конституционализмом, — любое преувеличение кем бы то ни было «положительной» роли Думы, — любые призывы крайних правых социал-демократии к умеренности и аккуратности, — у нас в руках есть сильнейшее оружие против них. Это оружие — первый пункт съездовской резолюции о восстании.

Объединительный съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии признал *непосредственной* задачей движения — *вырвать власть* из рук самодержавного правительства. Всякий, кто забудет об этой непосредственной задаче, кто отодвинет ее на задний план, — *нарушит* волю съезда, и мы будем бороться с такими нарушителями самым резким образом.

Повторяю: простора много. От парламентской фракции до — непосредственной задачи вырвать власть. Идеиная борьба в этих широких рамках может и должна идти без раскола, при сохранении единства действий пролетариата.

К такой идейной борьбе и зовем мы всех социал-демократов, не желающих допускать, чтобы наша партия чрезмерно уклонялась вправо.

Борьба за свободу и борьба за власть ¹⁷⁴).

«Новое Время» разоблачает. Газета, служащая правительству, которое фактически остается самодержавным, выступила с рядом грозных обвинений против нашей газеты, предупреждая кадетов насчет опасности для буржуазии классовой борьбы пролетариата. Среди обычных доносов по начальству в рассуждениях «Н. Времени» есть пункты, которые имеют самый живой и общенародный интерес.

«Как не стыдно кадетам, — говорит «Н. Время», — выставлять социал-революционеров (речь шла о «Волне») передовыми борцами за политическую свободу? Ничего подобного. Не за свободу они борются, а за власть, и вместо старого самодержавия выдвигают свое самодержавие — пролетариата».

«Нов. Время» верой и правдой служит самодержавному правительству. Слуга хлопочет, в интересах хозяина, о том, чтобы напугать буржуазию призраком социалистической революции. Это первая задача. Вторая — представить происходящую революцию социалистической, смешать «самодержавие народа» с «самодержавием пролетариата».

Прodelки и подделки слуг самодержавия, стремящихся выполнить обе указанные задачи, не случайность. Всегда и везде слуги старой, самодержавной власти стремились и стремятся к такой «подделке», стремятся не в газетных только статьях, а во всей своей политике.

Поэтому разбор нововременского обмана приобретает очень серьезное значение. Остановимся прежде всего на этом «ужасном» открытии: «они» борются *не* за свободу, а за власть. Посмотрим, что это значит. Свобода народа обеспечена лишь тогда, когда народ действительно устраивает без всякой помехи союзы, собрания, ведет газеты, издает сам законы, выбирает и сменяет сам всех должностных лиц государства, которым поручается проведение законов в жизнь и управление на основании законов. Следовательно, свобода народа обеспечена лишь тогда полностью и на самом деле, когда вся власть в государстве полностью и на самом деле принадлежит народу. Это совер-

шенно очевидно, и только умышленное желание внести путаницу в сознание народа руководит такими слугами правительства, как «Новое Время». Эту очевидную истину и устанавливает программа рабочей партии. В этой программе во главе *политических* требований, осуществимых на почве буржуазного общества, т.-е. при сохранении частной собственности на средства производства и хозяйства на рынок, — стоит *самодержавие народа*. Тот, кто борется за свободу народа, не борясь за полновластие народа в государстве, тот либо непоследователен, либо неискренен.

Так обстоит дело с борьбой за свободу и борьбой за власть, если говорить только о логике наших рассуждений. В истории борьбы за свободу дело всегда обстоит так, что народ, добываясь свободы, получает — в начале своей борьбы — *обещания* старой власти обеспечить свободу. Старая, не зависящая от народа, над народом стоящая государственная власть *обещает народу*, под влиянием страха перед революцией, обеспечить свободу. Обещания остаются невыполненными. Они невыполнимы во всей их цельности, пока остается власть, не сменяемая народом. В истории всех революций наступал поэтому, на известной ступени их развития, такой момент, когда очевидная логика вышеприведенного нами рассуждения проникала в сознание широких народных масс, под влиянием уроков жизни.

Такой момент наступает и в России. Борьба в октябре 1905 г. была, по ее историческому значению, борьбой за обещание старой власти обеспечить свободу. Кроме обещаний, народу не удалось и до сих пор добиться ничего большего. Но многочисленные неудачные попытки борьбы за это большее не пропали даром. Они готовили народ к более серьезной борьбе. Противоречие между обещанием свободы и отсутствием свободы, между всевластием старой власти, которая «все вершит», и безвластием «народных представителей» в Думе, которые только говорят, это противоречие именно теперь, именно на *открытии* Думы, проникает в народные массы все сильнее, все глубже, все острее. Борьба за полную власть народа для обеспечения на деле полной свободы народа, эта борьба надвигается с поразительной быстротой, надвигается не в силу только субъективной логики наших рассуждений, а в силу объективной логики политических событий. Вот почему достаточно оказалось нескольких дней заседаний Думы, чтобы повеяло свежим воздухом. Дума служит прекрасным оружием разоблачения, и она разоблачает особенно хорошо обманчивые мысли о силе *такой* Думы, о значении обещаний, о пользе дарованных конституций или договоров между старой властью и новой свободой. И вот почему так скоро начинают обнаруживаться признаки нового

и реального шага вперед, делаемого освободительным движением. Кадетские победы на выборах вскружили было головы всем. Кадетское поведение в Думе начинает уже ронять ореол кадетов. Соглашатели старой власти с новой свободой теряют и неизбежно будут терять в глазах народа свой блеск по мере того, как надвигается борьба за полную власть народа для обеспечения действительной свободы народа.

«Волна» № 9

от 5 мая 1906 года.

Новый подъем.

Начало заседаний Думы — начало черносотенных погромов. Начало «мирного парламентского» пути, приводящего в восторг и умиление кадетов и всех мещан в политике, — начало самых грубых, самых прямых и непосредственных проявлений гражданской войны. Начало «правового» способа решения государственных вопросов, решения посредством избирательных записок и счета голосов, — начало внешнего самого примитивного насилия, решающего государственные вопросы истреблением несогласно-мыслящих, уничтожением (и притом буквально: огнем и мечом) политических противников *).

Не случайность ли это совпадение? Конечно, нет. И недостаточно было бы такое объяснение, что полиция организует погромы в целях провокации, в целях скомпрометирования Думы. Разумеется, относительно прямого участия полиции не может быть и тени сомнения. Разумеется, полиция организует и подстрекает и провоцирует. Все это так. В войне, которая ведется бюрократией поистине не на живот, а на смерть, в этой войне слуги бюрократии и сторонники ее не останавливаются буквально ни перед какими средствами. Но почему пришлось им именно теперь применять в широких размерах именно такие приемы борьбы? Над этим вопросом стоит задуматься, чтобы не рассматривать целые периоды революционного развития, как результаты особо злой воли, особой кровожадности и особого озверения воюющих.

Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, — все свидетельствует о новом

*) Сожжение Вологодского Народного дома толпой, которую подстрекала полиция, избиение симбирских демонстрантов, — таковы наиболее выдающиеся случаи погромов последних дней.

подъеме самым недвусмысленным образом. Подъем широкого народного движения уже обогнал, в какие-нибудь несколько дней, тот подъем, который выразился в победе кадетов и «левых» вообще на выборах. Кадеты уже отстали. Кадетская Дума уже блекнет, отцветает, не успевши расцвести. Прехарактерным выражением этого отцветания наших мелко-буржуазных пустоцветов, этой растерянности кадетов явилась, между прочим, статья г. Д. Протопопова (к.-д., член Г. Д.) во вчерашней «Думе» ¹⁷⁵). Г. Протопопов жалуется и плачет: «Страна ждет от Гос. Думы коренного и немедленного разрешения ряда самых сложных вопросов и, главное, столь же немедленного практического осуществления ожидаемых реформ». Помиловосердитесь, сограждане, — взывает кадет. — Ведь у нас нет ни «железа чародея», ни «полноты власти» (кадет забывает добавить, что полноты власти для народа нет и в программе, т.-е. в политическом идеале, к.-д.). Ведь Гос. Дума не конвент. И с уст кадета срывается бесподобное, почти трогательное признание перепуганного мещанина: «Лишь такая Дума-конвент могла бы удовлетворить требования значительной части нашего общества». Что верно, то верно. «Значительная часть», пожалуй даже масса крестьян и рабочих, требует конвента, а получает... Думу кадетов. Бедные, бедные кадеты! Могли ли они ждать, что подъем так быстро и так безнадежно обгонит их?

И вот этот великий подъем служит материальной основой того явления, что борьба необыкновенно обостряется, что «мирный парламентаризм» блекнет и отходит на задний план, что игра в конституцию сменяется непосредственным решением государственных вопросов силой. Получается возобновление октябрьского подъема только на гораздо более широком основании, в более широких размерах, при большей сознательности масс крестьянства и рабочего класса, при наличии у них (благодаря пережитому периоду октября — декабря) несравненно большего политического опыта. В октябре силы борющихся сторон сравнились. Старое самодержавие оказалось *уже не* в силах править страной. Народ *еще не* в силах добиться полноты власти, обеспечивающей полноту свободы. Манифест 17 октября был юридическим выражением этого уравнивания сил. По это уравнивание сил, поведя к уступке со стороны старой власти, заставив ее признать на бумаге свободу, означало лишь кратковременную приостановку, отнюдь не прекращение борьбы. О нашем правительстве говорили в октябре и ноябре, что оно «забастовало», сделало «стойку» над революцией, замерло совершенно и, выждав момент, бросилось в отчаянный бой, кончившийся его победой. Политические мещане, ограниченные, как и всегда, с той робостью и тем дряблым, фарисей-

ским «идеализмом», которые им свойственны, негодовали, плакались, возмущались по поводу «безнравственности» этой «забастовки» правительства, этой стойки над революцией. Негодование тут ни к чему. «Коль война, так по-военному». На всякой войне противники, силы которых уравниваются, останавливаются на некоторое время, копят силы, отдыхают, переваривают пережитый опыт, готовятся и — бросаются в новый бой. Так бывало с армиями Куропаткина и Ойямы ¹⁷⁶). Так бывало и будет всегда во всякой великой гражданской войне. «Коль война, так по-военному».

Но гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу переходов из одного лагеря в другой (то октябристы уйдут на сторону правительства, то часть войска уйдет на сторону народа), в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «не-комбатантами», т.-е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися. Когда правительство «бастует», когда полиция замирает в «стойке», — война все же не прекращается, именно потому, что она есть гражданская война, что внутри самого населения есть заинтересованные защитники старой власти и защитники свободы. Вот почему и теперешний подъем, который уравнивает силы, приводит опять-таки с железной необходимостью, с одной стороны, к ослаблению правительства, к «забастовке» его, к некоторому повторению «стойки над революцией», — а с другой стороны, к возобновлению октябрьских, ноябрьских и декабрьских форм борьбы. Всякий, кто хочет сознательно относиться к великим событиям, разворачивающимся перед нами, кто хочет учиться у революции, должен дать себе полный отчет в неизбежности этих форм борьбы, должен продумать те задачи, которые возлагаются на нас этими формами борьбы.

Кадеты, упоенные своими избирательными победами, исписали горы бумаги о вступлении России на путь парламентаризма. Социал-демократы правого крыла нашей партии поддались общему увлечению. На Объединительном съезде партии они, будучи победителями, сняли сами, несмотря на протесты левых с.-д., резолюцию о подъеме революции, о главных формах движения в данный момент *), о задачах пролетариата. Они уподобились в этом отношении г. Милюкову, который на последнем съезде к.-д. ¹⁷⁷) поставил было вопрос, не революционное ли народ, чем Дума, не является ли революционная в узком смысле борьба неизбежной, но тотчас же боязливо снял этот вопрос

*) Т.-е. о вооруженном восстании. Ред.

с обсуждения. Кадету естественно было уклониться от такого вопроса. Социал-демократам неприлично такое уклонение. И жизнь уже мстит за него. Жизнь уже выдвигает с стихийной силой такие формы борьбы, которые отодвигают на второе место Думу и придвигают новый октябрь, новый декабрь *) совершенно независимо от того, желаем ли мы этого или нет.

Один с.-д. правого крыла издевался на съезде над резолюцией левых с.-д., признающей открыто и прямо *главной* формой движения не игрушечно-конституционную, а октябрьско-декабрьскую, т.-е. выступление широких масс, непосредственно отстраняющих и старые законы, и старые органы власти, употребляющих новую, в самой борьбе создавшуюся власть, как орудие завоевания свободы. Мы не видим сейчас этих форм борьбы, восклицает оратор из правых с.-д. Это не действительность, а выдумка наших левых, этих фантазеров, этих бунтарей, этих анархистов. — Снимите ваши кадетские очки! — ответили мы на съезде товарищу, — вы увидите тогда не только то, что происходит на поверхности. Вы увидите, что именно не думская борьба является *главной*, вы поймете, что объективные условия делают неизбежными *вне-думские* формы движения, делают именно их главными, существенными, коренными, решающими.

Прошла неделя — другая после этих споров на съезде. И революция уже сбивает кадетские очки не только с правых с.-д., но и с широких масс населения. Дума уже блекнет, конституционные иллюзии уже рушатся. Октябрьско-декабрьские формы борьбы, которых вчера еще не хотели видеть близорукие и слишком податливые на веяние минуты люди, уже надвигаются. И социал-демократия не исполнит своего долга перед пролетариатом, если не сумеет оценить неизбежности роста и развития этих форм борьбы, если не поставит во весь рост перед массами задач, которые жизнь ставит и скоро поставит перед ними. Социал-демократия окажется недостойной того класса, который она представляет, если станет отделяться от изучения и оценки этих форм пренебрежительными словечками о бунтарстве и народовольстве, так часто раздающимися из правого крыла нашей партии. Стихийная волна поднимается, — надо немедленно напрячь все силы, чтобы внести в этот подъем больше сознательности, больше организованности, чем удалось нам сделать в октябре и декабре.

Мы не должны форсировать событий. Ускорять взрыв сейчас не в наших интересах. Это не подлежит сомнению. Этот урок мы должны извлечь из опыта конца 1905 года. Но это только небольшая часть

*) Т.-е. всеобщую стачку и восстание. *Ред.*

задачи, это — чисто отрицательное определение нашей тактики. Кто ограничивается этой стороной дела, кто возводит эту отрицательную задачу в нечто положительное, тот неудержимо скатывается до роли буржуазных соглашателей народной свободы с самодержавием.

Перед партией рабочего класса встает серьезнейшая, неотложная и основная задача. Все наши помыслы, все усилия, всю нашу пропагандистскую, агитационную, организационную и непосредственно практическую работу мы должны направить на то, чтобы пролетариат и крестьянство оказались более подготовленными к новой решительной борьбе. Не от нашей воли зависит выбор форм этой борьбы, — историческое развитие русской революции определяет их с железной необходимостью. Мы знаем уже, знаем по опыту, что значит правительственная «стойка», что значит растущее возбуждение масс в связи с быстро зреющим общеполитическим кризисом. Мы знаем, с какой головокружительной быстротой выросла октябрьская борьба и как неизбежно перешла она в декабрьскую *). Пусть же будут все на своем посту. Никто не может предсказать момента развязки, никто не знает, в каком порядке и сочетании развернутся окончательно декабрьские и октябрьские формы движения. По они уже разворачиваются. Органы их уже возникают. От сплоченности, сознательности, выдержанности и решительности передового класса зависит многое, если не все, в исходе великой революции.

*«Волна» № 10
от 6 мая 1906 г.*

К итогам съезда.

«Есть признаки, — пишет сегодня «Речь», — указывающие на то, что блестящий успех оппозиции оживил старые иллюзии, казавшиеся похороненными, и грозит вернуть революционное движение на тот путь бланкизма ¹⁷⁸⁾, с которого благоразумное «меньшинство» русской социал-демократии так усердно старалось свести его после неудачи декабрьского «вооруженного восстания».

Ценное признание, над которым стоит подумать русским рабочим. За что оскорбляет буржуазия некоторых социал-демократов, похлопывая их по плечу, как благоразумных? За то, что они усердно старались свести движение с пути бланкизма, с пути «декабрьского». Правда ли, что декабрьская борьба была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм

*) Г.-е. в восстании. Ред.

ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства. Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, путившего в ход чисто-пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев (железнодорожники, почтовые служащие и т. д.), крестьян (юг, Кавказ, Прибалтийский край) и мелких буржуа городов (Москва). Посредством жупела «бланкизм» буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть. Буржуазии выгодно, чтобы пролетарии и крестьяне боролись только за уступки старой власти.

Социал-демократы правого крыла пускают в ход «бланкизм» просто для красного словца в полемике. Буржуазия превращает это словечко в оружие против пролетариата: «Будьте благоразумны, рабочие! Боритесь за расширение прав кадетской Думы, доставайте каштаны из огня для буржуазии, но не смейте думать о таком безумстве, анархизме, бланкизме, как борьба за полную власть народа!».

Правду ли говорят либеральные буржуа, будто правые социал-демократы усердно старались свести движение с пути и приемов октября и декабря? К сожалению, это правда. Не все с.-д. правого крыла сознавали такое значение своей тактики, но действительное значение ее было именно таково. Настаивать на участии в выборах в Думу по существу означало поддержку кадетов, хоронивших революцию и называвших революционную борьбу «старой иллюзией». Все три, принципиально важнейшие, резолюции Объединительного съезда, которые приняты правым крылом социал-демократии, несмотря на ожесточенную борьбу левых с.-д., — аграрная программа, резолюция о Государственной Думе и резолюция о вооруженном восстании — носят на себе явные следы стремления «благоразумной части социал-демократии» свести революционное движение с пути октября-декабря. Возьмите пресловутую «муниципализацию». Правда, под нашим давлением, первоначальный масловский проект муниципализации двинут несомненно влево. Вместо «отчуждение» поставлено «конфискация», допущен раздел земель, вставлена поддержка «революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации» и т. д. Но все же осталась, хотя и кастрированная, муниципализация. Муниципализация есть передача помещичьих земель демократическим земствам. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они справедливо не доверяют и будут не доверять земствам, хотя бы демократическим,

пока этот демократизм на местах совмещается с недемократической центральной властью. Они справедливо отвергнут передачу земель и местным и центральным органам власти, пока вся, безусловно вся, власть не явится выборной народом, подотчетной и сменяемой. А это условие, несмотря на борьбу левых с.-д., отклонено съездом. Вместо передачи земли народу, когда он выбирает все государственные власти, съезд принял передачу земель местным выборным органам власти! И каковы были мотивы съезда? Не нужно, видите ли, идеи захвата власти в программе; нужны гарантии от реставрации. Но боязнь захвата власти революционным крестьянством есть чисто кадетская боязнь крестьянской революции.

А гарантия от реставрации в настоящем смысле слова может быть лишь одна: социалистический переворот на Западе. Помимо этого условия ничто на свете не может гарантировать нас от реставрации недемократической центральной власти, пока есть капитализм и мелкий товаропроизводитель, всегда шаткий, всегда неустойчивый. Вместо праздных мечтаний об относительных гарантиях от реставрации мы должны, следовательно, думать о доведении нашей революции до конца. На съезде же правое крыло социал-демократов нашло гарантии от реставрации в том, что приняло программу, похожую на сделку с реставрацией: мы гарантируем себя от реставрации недемократической центральной власти, если умолчим в аграрной программе о необходимости полного демократизма *этой* власти...

Возьмите резолюцию о Государственной Думе. Съезд принял ее, когда избирательные победы кадетов были уже фактом. И съезд, несмотря на наши протесты, говорит о Думе народных представителей вообще, а не о реальной кадетской Думе. Правое крыло с.-д. не захотело указать двуличной природы *этой* Думы, — оно не предупредило рабочих о той коитр-революционной роли, которую стремится играть *кадетская* Дума, — оно не согласилось сказать прямо и определенно: социалистические рабочие должны идти с крестьянской и революционной демократией против кадетов. Оно выразило пожелание иметь с.-д. парламентскую фракцию, не подумав хорошенько, есть ли у нас парламент, есть ли у нас с.-д. парламентарии.

Возьмите третью из названных выше резолюций. Она начинается ультра-революционной фразой и тем не менее она проникнута вся духом скептического, если не отрицательного, отношения к октябрьско-декабрьской борьбе. В ней нет ни слова об учете *исторического* опыта, приобретенного русским пролетариатом и русским народом в конце 1905 года. В ней нет признания того, как с исторической неизбежностью

выросли в прошлом и вырастают снова теперь вполне определенные формы борьбы.

Мы наметили только в самых кратких и общих чертах те основные недостатки резолюций, из-за которых шла борьба на съезде. Мы еще не раз вернемся к затронутым здесь вопросам. Партия пролетариата должна тщательно обсудить и пересмотреть их, опираясь на те новые данные, которые приносят нам кадетская Дума и быстро разворачивающаяся картина нового подъема. Партия пролетариата должна выработать в себе умение строго критически относиться к резолюциям ее представителей. И дружный хор буржуазной печати, восхваляющей благоразумных пай-мальчиков русской социал-демократии, ясно указывает пролетариату на существование известной болезни в партии.

Мы должны излечить и мы излечим эту болезнь.

«Волна» № 11

от 7 мая 1906 года.

Дума и народ.

Вопрос об отношении Думы к народу стоит на очереди дня. Его обсуждают все, и особенно усердно обсуждают господствующие в Думе кадеты. Вот один из интереснейших отзывов лево-кадетской «Нашей Жизни», которая выражает нередко точку зрения лучших из к.-д.:

«Естественно является вопрос, где границы единения Думы с народом? Где те пределы, за которыми Дума или станет игрушкой народных страстей или же, напротив, она оторвется от населения и партий? Опасными отношения населения к Думе будут в том случае, если они будут стихийными. Произойдет какое-либо крупное событие,— и взрыв стихийного недовольства тотчас же отразится на Думе, которой нелегко будет устоять в положении самостоятельного и организованно действующего органа народной воли. История, хотя бы той же французской революции, не раз давала примеры, когда народные представители являлись игрушкой толпы. Но может быть и наоборот— полное равнодушие. Можем ли мы с уверенностью сказать, что в случае разгона Думы, она действительно будет поддержана народом, не отойдут ли, скептически улыбаясь, в сторону, и те, кто требует сейчас же от Думы особенно радикальных решений, не скажут ли они: вот мы предсказали, что Дума бессильна. Но что и когда они сделают?»

И автор зовет к организации всяких клубов и собраний для установления живой связи между Думой и населением. «Благо-

желательная критика Думы и активная поддержка ее—вот благородная задача настоящего момента».

Как рельефно отражается в этих благожелательных речах благородно-мыслящего кадета бессилие его партии и той Думы, в которой парит эта партия! Клубы, собрания, живая связь с народом... К чему говорить с такой важностью о вещах, само собою понятных? Неужели стоит доказывать пользу клубов и собраний? Первое же дуновение свободного ветерка в связи с подъемом, который мы переживаем, повело к митингам, к созданию клубов, к развитию печати. Это дело пойдет, пока внешние препятствия не поставят точки. Но ведь все это касается лишь вопроса, так сказать, технического: клубы, собрания, газеты, печать, петиции (выдвигаются особенно нашими с.-д. правого крыла)—все это помогает Думе знать мнение народа, народу знать Думу. Все это тысячу раз необходимо, конечно. Все это организует и осведомляет, несомненно. Все это создает «связь»,—но подумайте только, о какой связи идет речь? О чисто-технической связи. О.-д. рабочие организации должны тщательно следить за кадетской Думой. Это неоспоримо. Но при самом лучшем осведомлении и при самой лучшей организованности их «связь» не будет связью интересов, совпадением задач, тождеством политического поведения. А в этом суть дела. Наш благородный радикал за вопросом о *средствах* связывания просмотрел *содержание* того, что связывает, просмотрел различие классовых интересов, расхождение политических задач.

Почему он просмотрел это? Потому что он, будучи кадетом, не способен заметить или боится признать, что кадетская Дума стоит *позади* широкой массы народа. Дума не ведет за собой массу сознательного крестьянства в борьбе за землю и за свободу,—Дума отстает от крестьянства, *урезывая* размах его борьбы. О том, насколько Дума отстает от пролетариата, нечего и говорить. Кадетская Дума—не вождь крестьянской массы и рабочего класса, а «благородный» посредник, мечтающий о союзе направо и о симпатии слева. Кадетская Дума есть то, что сделали из Думы кадеты. А партия «народной свободы» есть буржуазная партия, колеблющаяся между демократической мелкой буржуазией и контр-революционной крупной, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Чем острее становится борьба между народом и старой властью, тем невыносимее положение посредника, тем бессильнее те, кто колеблется. Отсюда—тот унылый тон, которым отмечена приведенная цитата и все речи кадетов. Отсюда их горькие жалобы на свое собственное бессилие. Отсюда их вечные попытки свалить на народ свою слабость, нерешительность, неустойчивость.

Вдумайтесь хорошенько, какое значение имеет эта боязнь «благородного» буржуазного радикала: как бы Дума не стала игрушкой народных страстей, игрушкой толпы! Эти жалкие люди чувствуют, что они не могут быть органом народной страсти, вождем народа,— и вот свое бессилие, свою отсталость валят они на народ, презрительно называя его толпой, высокомерно отказываясь от роли «игрушки». А между тем вся та свобода, которая еще есть в России, завоевана только «толпой», только тем народом, который самоотверженно шел па улицу, который приносил неисчислимые жертвы в борьбе, который делами своими поддержал великий лозунг: смерть или свобода. Все эти выступления народа были выступлением толпы. Вся новая эра в России завоевана и держится только народной страстью.

А вы, партия слов о «народной свободе», вы боитесь народной страсти, вы боитесь толпы. И вы еще смее обвинять «толпу» в равнодушии! Вы, скептики по природе, скептики во всей своей программе, скептики во всей своей половинчатой тактике, называете «скептицизмом» народа его неверие в ваши фразы! Ваш политический кругозор не выходит из области вопроса: поддержит ли народ Думу.

Мы поворачиваем этот вопрос. Поддерживают ли парод кадеты в Думе? Или они идут позади народа? Поддержат ли эти скептики народ тогда, когда он «сделает» то, что он *уже делал* ради свободы? Или они будут бросать ему палки под колеса, расхолаживать его энергию, обвинять его в анархизме и бланкизме, в стихийности безумия и в безумстве стихии?

Но крестьянская масса и рабочий класс сделают свое дело, презрительно отбросив в сторону жалкие страхи и сомнения дряблой буржуазной интеллигенции. Они не будут поддерживать Думы,— они поддержат те свои требования, которые так неполно и недостаточно выразила кадетская Дума.

Кадеты мнят себя пупом земли. Они мечтают о мирном парламентаризме. Они приняли мечты за действительность. Они, извольте видеть, борются, их надо поддерживать. Не наоборот ли, господа? Не вы ли сами постоянно поминаете то слово, которое и в голову не приходит никому в странах действительного парламентаризма, слово: «разгонят Думу»? Кто захочет подумать серьезно о значении этого слова, о том положении вещей, при котором приходится говорить это слово, тот поймет, что нам предстоит либо мерзость запустения, подкрашенная фальшивыми фразами, либо новое дело толпы, новое дело великой народной страсти.

От кадетов мы не можем ждать помощи этому делу. Думское меньшинство, «трудовая группа» и «рабочая группа», будем надеяться,

поставят вопрос не по-кадетски. Не поддержки себе будут они просить у народа, не силой объявят они себя в нашем игрушечном парламенте, — они направят все свои усилия, всю свою работу на то, чтобы поддержать хоть в чем-нибудь это великое грядущее дело.

«Волна» № 12

от 9 мая 1906 года.

Резолюция т. Карпова, принятая народным собранием 9 мая в доме Паниной ¹⁷⁹).

Собрание обращает внимание всех граждан на то, что, организуя погромы и непрестанно усиливая полицейский и военный произвол, самодержавное правительство явно глумится над народным представительством и готовится насильем ответить на всеобщее требование свободы, на требование земли крестьянством.

Собрание заявляет, что партия народной свободы (к.-д.) выражает лишь робко и неполно народные требования, не выполняет своего обещания объявить созыв Всенародного Учредительного Собрания. Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью.

Собрание призывает крестьянскую («трудовую») и рабочую группы в Государственной Думе выступать решительно, совершенно независимо от к.-д., каждая со своими самостоятельными требованиями и заявлять полностью требования народа.

Собрание обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа.

Собрание выражает уверенность, что пролетариат по-прежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа.

«Волна» № 14

от 11 мая 1906 года.

Рабочая группа в Государственной Думе.

В Г. Думе есть рабочая группа из 15 чел. Как прошли в Думу эти депутаты? Их кандидатуры не выставляли рабочие организации. Их не уполномочила партия представлять ее интересы в Думе. Ни одна местная организация Р. С.-Д. Р. П. не делала постановления (хотя могла его сделать) о проведении своих членов в Г. Думу.

Рабочие депутаты прошли в Думу непартийным путем. Почти все, или даже все, прошли посредством прямых или косвенных, молчаливых или признанных, соглашений с кадетами. Многие прошли в Думу так, что нельзя разобрать, в качестве к.-д. или с.-д. они были выбраны. Это факт и факт громадной политической важности. Замалчивать его, как делают ныне многие с.-д., и непростительно и бесполезно. Непростительно, ибо это значит играть в темную с избирателями вообще и с рабочей партией в особенности. Бесполезно, ибо этот факт неизбежно дает себя знать в ходе событий.

Объед. съезд Р. С.-Д. Р. П., признав желательным образование парламентской фракции с.-д., сделал ошибку, не учтя этого факта. Из напечатанной нами вчера резолюции левых с.-д.¹⁸⁰⁾ видно, что указание на этот факт было сделано съезду. Но справедливость требует сказать, что, по настоянию левого крыла, съезд принял очень важную инструкцию Ц. К-ту партии. Неопубликование этой резолюции есть важный пробел в том издании Ц. К., из которого мы перепечатали резолюции съезда. Резолюция о парламентской фракции поручает Ц. К-ту осведомлять *все* партийные организации о том, 1) кого именно, 2) когда именно и 3) на каких условиях именно признал Ц. К. представителем партии в Г. Думе. Далее, она поручает Ц. К. давать партии периодические отчеты о деятельности парламентской фракции и, наконец, возлагает на рабочие организации, членами которых состоят с.-д. депутаты Г. Думы, обязанность специального контроля за этими депутатами.

Отметив эту, чрезвычайно важную, резолюцию, перейдем дальше к рассмотрению вопроса о рабочей группе в Думе. Пройдя в Думу, вождь этой группы, Михайличенко¹⁸¹⁾, заявил себя социал-демократом. В лице его рабочая группа выразила ясное стремление отделиться от к.-д. и стать действительно с.-д. группой.

Такое стремление заслуживает полного сочувствия. Мы были на съезде против образования официальной парламентской фракции. Наши мотивы точно и подробно изложены в напечатанной вчера нашей резолюции. Но само собою разумеется, что наш отрицательный взгляд на уместность образования официальной парламентской фракции нисколько не мешает нам поддерживать *всякое* стремление *всякого* рабочего представителя *подвигнуться* от к.-д. к с.-д.

Но от стремления до выполнения есть еще известное расстояние. Недостаточно заявить себя социал-демократом. Надо вести действительно социал-демократическую рабочую политику. Конечно, мы вполне понимаем трудность положения новичков-парламентариев. Мы прекрасно знаем, что надо снисходительно относиться к ошибкам

тех из них, кто начинает переход от к.-д. к с.-д. Но если им суждено совершить этот переход до конца, то только путем открытой и прямой критики этих ошибок. Смотреть сквозь пальцы на эти ошибки было бы непростительным грехом и перед с.-д. партией, и перед всем пролетариатом.

Одну ошибку рабочей группы в Думе необходимо теперь отметить. Через несколько дней после голосования ответа на тронную речь ¹⁸²⁾ члены рабочей группы заявили в газетах, что они «от участия в голосовании воздержались и не хотели только устроить из своего отказа демонстрацию, чтобы не смешиваться с группой графа Гейдена» ¹⁸³⁾. Кадеты—партия колебаний между революцией и реакцией. Против этой партии всегда должны и всегда будут демонстрировать Гейдены справа, с.-д. слева. Отказ устроить демонстрацию был ошибкой рабочей группы. Она должна была прямо и во всеуслышание сказать через головы кадетов всему народу: «Вы берете фальшивый тон, господа кадеты. В вашем адресе сквозит дух сделки. Бросьте дипломатию. Скажите громко, что крестьяне требуют всей земли, что крестьяне должны получить без выкупа всю землю. Скажите, что народ требует полной свободы, что народ возьмет себе всю власть, чтобы обеспечить на деле, а не на бумаге только, свободу. Не верьте писаным «конституциям», верьте только силе борющегося народа! Мы голосуем против вашего адреса».

Если бы рабочая группа сказала это, она совершила бы акт действительно социал-демократической рабочей политики. Этим она не только выразила бы интересы рабочих, но и интересы всего борющегося за свободу революционного народа. И она сказала бы тогда по поводу отказа в аудиенции ¹⁸⁴⁾: «Смотрите, господа кадеты, вы получили хороший урок. Вы достойно наказаны за фальшивый тон вашего адреса. Если вы будете продолжать в том же тоне,— придет день и не далекий день, когда народ помянет вас насмешкой горькою обманутого сына над изболтавшимся отцом».

Повторим еще раз, во избежание злостного перетолкования наших слов: мы критикуем поведение рабочей группы не для того, чтобы бросать упреки ее членам, а для того, чтобы помочь политическому развитию русского пролетариата и крестьянства.

И с этой же точки зрения мы должны указать серьезную ошибку «Невской Газеты». «Мы не можем рассматривать инцидента с адресом,—пишет она,—как повод для прекращения деятельности Думы»... «Мы не видим оснований сейчас же ставить вопрос ребром» (№ 6). Это фальшивый тон. Социал-демократам неприлично корчить из себя людей, которые могли бы отвечать за Думу. Если бы с.-д. были

в большинстве в Думе, Дума не была бы Думой, или с.-д. не были бы с.-д. Пусть кадеты целиком отвечают за Думу. Пусть народ на их, а не на нашей, шкуре учится избавлению от конституционных иллюзий.

Вы сами говорите, товарищи: «пролетариат не допустит предоставления г.г. Милюковым свободы сделок со старым режимом». Прекрасные слова. По в чем суть кадетских сделок? Не в личном предательстве, конечно. Такой грубый взгляд в корне чужд марксизму. Суть сделок в том и только в том, что к.-д. не сходят и сходить не хотят с почвы сохранения власти за старым режимом, с почвы велений, исходящих от этого последнего. Кадеты, оставаясь кадетами, совершенно правы, когда говорят: сойти с этой почвы значит поставить вопрос ребром, значит дать повод к прекращению деятельности Думы.

Социал-демократам неприлично рассуждать так, чтобы народ мог видеть в их рассуждениях оправдание кадетов. Не оправдывать должны мы их лицемерные речи, будто все было в «вежливости» Думы и «невежливости» Трепова (Струве в «Думе»). Мы должны разоблачать это лицемерие и поставить «первый урок», полученный кадетами, в связь с первородной фальшью всей их позиции, всего их адреса. Не с точки зрения внутри-думской должны мы оценивать революционное положение страны. Наоборот: с точки зрения революционного положения страны должны мы оценивать внутри-думские вопросы и инциденты.

«Волна» № 13

от 10 мая 1906 г

Крестьянская или „трудовая“ группа и Р. С.-Д. Р. П.

Вчера мы рассматривали отношение с.-д. к рабочей группе в Думе. Рассмотрим теперь вопрос о трудовой группе.

Под этим именем известны крестьянские депутаты в Думе, числом до 130—140 человек, начавшие отделяться от кадетов и сплачиваться в самостоятельную партию. Это отделение далеко еще не закончено, но оно наметилось уже вполне. Горемыкин¹⁸⁵⁾ великолепно выразил это своим крылатым словом: треть членов Думы (т.-е. как раз трудовая и рабочая группы, сосчитанные приблизительно вместе) напрашиваются на виселицу.

Это крылатое слово ясно определило различие между революционной буржуазной демократией и перереволюционной (кадеты).

В чем революционность крестьянской группы? Не столько в ее политических требованиях, которые еще далеко не договорены до конца, сколько в ее земельных требованиях. Крестьяне требуют земли и при том всей земли. Крестьяне требуют земли на таких условиях, которые действительно улучшили бы их положение, т.-е. вовсе без выкупа или за самый скромный выкуп. Другими словами: крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции. Они требуют такого переворота, который несколько не затронет власти денег, не затронет основ буржуазного общества, но подорвет самым решительным образом *экономические* основы старого крепостного порядка, всей крепостнической—и помещичьей и чиновничьей—России. Вот почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте. Без полной победы крестьянства над всеми его угнетателями, унаследованными от старого порядка, невозможна полная победа буржуазно-демократической революции. А такая победа нужна всему народу и нужна пролетариату в интересах его великой борьбы за социализм.

Но, поддерживая революционное крестьянство, пролетариат ни на минуту не должен забывать своей классовой самостоятельности, своих особых классовых задач. Движение крестьянства есть движение другого класса; это борьба не пролетарская, а борьба мелких хозяев; это борьба не против основ капитализма, а за очищение их от всех остатков крепостничества. Крестьянские массы увлечены своей великой борьбой: им неизбежно кажется, что взять всю землю—значит решить аграрный вопрос. Они мечтают об уравнительном распределении земли, о передаче ее всем трудящимся, забывая о власти капитала, о силе денег, о товарном хозяйстве, которое при самом «справедливом» разделении неизбежно вновь создаст неравенство и эксплуатацию. Увлеченные борьбой с крепостничеством, они не видят дальнейшей, еще более великой и трудной борьбы со всем капиталистическим обществом за полное осуществление социализма. Рабочий класс всегда будет вести эту борьбу и организоваться для этого в самостоятельную, политическую партию. И жестокие уроки капитализма будут неизбежно просвещать все быстрее и быстрее мелких хозяйчиков, заставляя их убеждаться в правильности взглядов социал-демократии и примыкать к пролетарской с.-д. партии.

Пролетариату часто приходится слышать теперь от буржуазии: надо идти вместе с буржуазной демократией. Без нее пролетариат не в силах совершить революцию. Это верно. Но вопрос в том, с какой демократией может и должен пролетариат *теперь* идти вместе, с кадет-

ской или с крестьянской, с революционной демократией? Ответ может быть только один: не с кадетской, а с революционной демократией, не с либералами, а с крестьянской массой.

Помня этот ответ, мы не должны упускать из виду, что чем быстрее просвещаются крестьяне, чем более открыто выступают они в политике, тем более наблюдается тяготение всех революционных элементов буржуазной демократии к крестьянству и, конечно, к городскому мещанству вместе с тем. Становятся неважными мелкие отличия. Выдвигается на первый план коренной вопрос: идут ли до конца с революционным крестьянством те или иные партии, группы, организации. Вырисовывается все яснее *политическое* слияние и эсеров (социалистов-революционеров), и некоторых независимых социалистов и самых левых радикалов, и ряда крестьянских организаций в одну *революционную демократию*.

Поэтому глубокую ошибку сделали с.-д. правого крыла на съезде, восклицая (Мартынов и Плеханов): «кадеты важнее, как партия, чем эсеры». Эсеры сами по себе ничто. По эсеры, как выразители стихийных стремлений крестьянства,—часть именно той широкой, могучей революционной демократии, без которой пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции. Сближение крестьянской или «трудовой» группы в Думе с эсерами не случайность. Разумеется, часть крестьян сумеет понять последовательную точку зрения социал-демократического пролетариата, но другая часть их, несомненно, будет видеть в «уравнительном» землепользовании решение аграрного вопроса.

Трудовая группа, наверное, сыграет большую роль и в Думе и—что еще важнее—вне Думы. Сознательные рабочие должны всеми силами стремиться к усилению агитации среди крестьян, к отделению трудовой группы от кадетов, к выставлению этой группой полных и законченных политических требований. Пусть организуется плотнее и самостоятельнее трудовая группа, пусть расширяет свои вне-думские связи, пусть помнит, что не в Думе будет решаться великий земельный вопрос. Решит этот вопрос народная борьба со старой властью, а не голосование в Думе.

Нет дела теперь более важного для успеха революции, как это сплочение, просвещение, политическая подготовка революционной буржуазной демократии. Социалистический пролетариат, разоблачая беспощадно шаткость кадетов, всячески поддержит это великое дело. Он не впадет при этом ни в какие мелко-буржуазные иллюзии. Он останется на почве строго классовой и пролетарской борьбы за социализм.

Да здравствует полная победа крестьян над всеми их угнетателями!—скажет пролетариат. В этой победе вернейший залог успехов нашей пролетарской борьбы за социализм.

«Волна» № 14

от 11 мая 1906 года.

Вопрос о земле в Думе.

Первым делом кадетов в Думе было составление адреса в ответ на тронную речь. Составили робкую просьбу, а не требование. Второе «дело»—молча перешли к очередным делам, когда отказали им принять адрес от депутации. Поступили еще более робко. Теперь третье дело—разбор вопроса о земле, поставленного в Думе на очередь.

За этим вопросом особенно внимательно надо следить всем рабочим. Вопрос о земле больше всего волнует крестьянскую массу. А крестьяне теперь стали главными и почти единственными союзниками рабочих в революции. И на вопросе о земле особенно видно будет, действительно ли партия кадетов, зовущая себя партией народной свободы, верно служит народной свободе.

Чего хочет народ, т.-е. прежде всего крестьянство? Крестьянство хочет земли. Это все знают. Крестьяне требуют, чтобы вся земля в государстве принадлежала крестьянам. Крестьяне хотят сбросить с себя гнет помещиков и чиновников. Отобрать у помещиков земли, чтобы они не заставляли мужика ходить на отработки, т.-е. в сущности по-старому па барщину; отобрать власть у чиновников, чтобы они не помыкали простым народом, вот чего хотят крестьяне. И рабочие должны помочь крестьянам как в борьбе за землю, так и в прямой, ясной и вполне определенной постановке вопроса о земле.

Вопрос о земле особенно легко запутать и затемнить. Легко представить дело так, что крестьяне, конечно, должны получить землю в надел, но самое наделение обставить условиями, уничтожающими всякую пользу от этого наделения для крестьян. Если наделять землей будут опять чиновники, если всякими «мировыми посредниками» окажутся снова либеральные помещики, если «скромные размеры» выкупа определит старая самодержавная власть, тогда вместо пользы для крестьян получится опять обьегоривание крестьян, как и в 1861 г., получится новая петля на шею крестьянам. Сознательные рабочие должны поэтому чрезвычайно энергично разъяснять крестьянам, что в вопросе о земле они должны быть в особенности осторожны и недоверчивы. Вопрос о выкупе за землю и вопрос о той власти, которая будет производить «наделение» землей, приобретают при на-

стоящем положении вещей громадную важность. На вопросе о выкупе можно сразу и безошибочно определить, кто стоит за крестьян и кто за помещиков, а также и то, кто пытается перебежать от одной стороны к другой. Русский крестьянин знает,—ах, как знает!—что это за штука выкуп. Интересы крестьян и интересы помещиков размежовываются на этом вопросе великолепно. И вполне правильно поступил поэтому Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П., заменив слово «отчуждение» в первоначальном проекте аграрной программы словом: «конфискация» (т.-е. отчуждение без выкупа).

В вопросе о власти, производящей наделение, так же резко расходятся интересы крестьян и чиновников, как в вопросе о выкупе интересы крестьян и помещиков. Социалистические рабочие должны поэтому особенно настойчиво разъяснять крестьянам важность того, чтобы не старая власть бралась за земельный вопрос. Пусть знают крестьяне, что не может быть пользы ни из какой земельной реформы, если дело будет в руках старой власти. И по этому вопросу, к счастью, достигнуто в существе дела единогласие на Объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П., ибо резолюция съезда безусловно признала поддержку революционных выступлений крестьянства. Правда, съезд сделал, по нашему мнению, ошибку, не указав прямо, что именно земельную реформу можно поручить только *вполне* демократической государственной власти, только должностным лицам, выбранным народом, подотчетным ему и сменяемым им. Но об этом мы намерены подробнее высказаться в другой раз.

В Думе будут выдвинуты две основные аграрные программы. Господствующие в Думе кадеты хотят, чтобы помещики были сыты и крестьяне были целы. Они соглашаются на принудительное отчуждение большей части помещичьей земли, но, во-первых, предполагают выкуп, а, во-вторых, стоят за либерально-чиновничье, а не революционно-крестьянское решение вопроса о средствах и путях проведения земельной реформы. В своей аграрной программе кадеты, как и всегда, ужком выются между помещиками и крестьянами, между старой властью и народной свободой.

Трудовая или крестьянская группа еще не вполне определенно установила свою аграрную программу. Вся земля должна принадлежать трудящемуся народу,—вопрос о выкупе обходится пока молчанием, а также и вопрос о старой власти. Об этой программе, когда она выяснится, мы будем говорить еще не раз.

Чиновничье правительство, разумеется, и слышать ничего не хочет даже о кадетской аграрной реформе. Чиновничье правительство, во главе которого стоят самые богатые помещики-чиновники, владею-

щие сплошь да рядом десятками тысяч десятин земли каждый, «скорее примет магометанскую веру» (как выразился один остроумный писатель), чем допустит принудительное отчуждение помещичьих земель. Значит, «решение» аграрного вопроса Думой будет не решением на самом деле, а только провозглашением, только заявлением требований. У кадетов опять выйдут робкие просьбы вместо гордых и смелых, честных и открытых требований народных представителей. Пожелаем трудовой группе выступить хоть на этот раз вполне независимо и самостоятельно от кадетов.

А на социалистических рабочих ложится теперь особенно великая задача. Всеми мерами и всеми силами надо расширять организацию вообще и связи с крестьянством в особенности. Надо разъяснять крестьянам как можно шире, как можно яснее, подробнее и обстоятельнее все значение вопроса о выкупе и вопроса о том, можно ли мирится с оставлением земельного преобразования в руках старой власти. Надо направить все усилия, чтобы союз социалистического пролетариата и революционного крестьянства окреп и вырос ко времени неизбежной грядущей развязки нынешнего политического кризиса. В этом союзе и только в нем залог успешного решения вопроса о «всей земле» для крестьян, о полной свободе и полной власти для народа.

*«Волна» № 15
от 12 мая 1900 года.*

Ни земли, ни воли.

Председатель совета министров сообщил Гос. Думе «заявление» в ответ на адрес Думы¹⁸⁶).

Этого заявления все с нетерпением ожидали. Это заявление должно было дать программу правительства.

И «программа» правительства дана в самом деле самая ясная. Приводим два существенных пункта заявления полностью:

Относительно разрешения земельного крестьянского вопроса путем указанного Государственной Думой обращения на этот предмет земель удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих, к которым принадлежат и земли крестьян собственников, приобретших их покупкою, Совет Министров считает своею обязанностью заявить, что разрешение этого вопроса на предположенных Государственной Думой основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признавать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и от-

рицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всем мире и на всех ступенях развития гражданской жизни, краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немыслимо и самое существование государства. Не вызывается предположенная мера и существом дела. При обширных и далеко не исчерпанных средствах, находящихся в распоряжении государства, и при широком применении всех законных к тому способов, земельный вопрос несомненно может быть успешно разрешен без разложения самого основания нашей государственности и подтачивания жизненных сил нашего отечества.

Остальные, включенные в адрес Государственной Думы, предположения законодательного свойства сводятся к установлению ответственности перед народным представительством министров, пользующихся доверием большинства Думы, упразднению Государственного Совета и устранению установленных особыми узаконениями пределов законодательной деятельности Государственной Думы. На этих предположениях Совет Министров не считает себя вправе останавливаться; они касаются коренного изменения основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной Думы.

Итак, насчет *земли*: «безусловно недопустимо». Насчет *воли*, то-есть насчет действительных прав народного представительства: «не подлежит пересмотру по почину Думы».

Насчет *земли* крестьяне должны всего ждать исключительно от доброй воли помещиков, исключительно от согласия помещиков. Принудительное отчуждение безусловно недопустимо. Ни малейшее серьезное улучшение крестьянской жизни безусловно недопустимо.

Насчет *воли* народ должен всего ждать исключительно от самих чиновников. Без их согласия, народные представители ничего не смеют постановить. Совет министров считает себя даже не вправе останавливаться на пожеланиях Думы относительно расширения прав народного представительства. Народные представители не смеют и думать о правах. Их дело—просить. Дело чиновников—рассматривать эти просьбы, вот так, как рассмотрены «просьбы» Думы и в излагаемом нами заявлении.

Ни *земли*, ни *воли*.

Останавливаться по существу на дальнейшем разборе заявления мы не можем.

Посмотрим, научатся ли чему-нибудь из этого заявления депутаты Думы. Кадеты—наверное, ничему не научатся. Трудовая и рабочая группы должны показать теперь, сумели ли они стать сколько-нибудь самостоятельными и независимыми от кадетов,—поняли ли они необходимость бросить просьбы,—умеют ли они говорить прямым и ясным языком с народом.

«Волна» № 17

от 14 мая 1906 года.

Правительство, Дума и народ.

Дума в разладе с правительством. Она выразила недоверие министерству и потребовала его ухода. Министерство пропустило мимо ушей заявление Думы и стало еще более открыто издеваться над Думой, предлагая ей заняться вопросом о прачечной для канцелярских столов в г. Юрьеве ¹⁸⁷⁾.

В чем сущность этого разлада, этого столкновения Думы с правительством? Широкая масса крестьян, обывательская публика вообще, наконец, ряд буржуазных политиков (кадеты) воображают или пытаются уверить себя и других в том, что столкновение зависит от непонимания правительством его задач и его положения. Разъяснится непонимание, привыкнут люди к новинке, т.-е. к конституционным порядкам, к необходимости решать государственные вопросы голосованием граждан, а не приказом старой власти,—и тогда все войдет в колею. По этому взгляду перед нами «конфликт конституционный», т.-е. столкновение разных учреждений конституционного государства, признающего на деле рядом со старой властью—власть народных представителей. Стерпится—слюбится, так думает обыватель и так рассуждает буржуазный политик. Обыватель думает так по простоте и по своей политической неопытности. Буржуазный политик думает так потому, что эти думы отвечают интересам его класса.

Например, газета «Речь», главный орган кадетов, говорит: «Наши министры еще менее опытни в теории и практике конституционализма, чем большинство наших депутатов». Дело, видите ли, в неопытности министров, не учившихся государствоведению у профессоров Ковалевского ¹⁸⁸⁾ и Милюкова. В этом вся суть. Ну, не учились по книжкам, научатся из речей в Думе. Стерпится—слюбится. И кадетская «Речь» ссылается на немецкую буржуазию. Эта буржуазия тоже была—выразимся мягко—в разладе с правительством в 1848 году. Она тоже доби-

валась или хотела добиваться полной власти народу и полной свободы народу. После подавления немецким правительством народной борьбы, буржуазии позволили иметь в парламенте своих представителей. Представители говорили, а старая власть дело делала. Представители говорили и разъясняли министрам их «непонимание», учили их «конституционализму», учили десятка полтора лет, с конца 40-х до начала 60-х годов. В 60-х годах Бисмарк повздорил открыто с «народными представителями» из буржуазии, но это была последняя вспышка семейной ссоры. Буржуазия увлеклась победами немецкой армии и вполне помирилась на всеобщем избирательном праве при полном сохранении власти за дворянско-чиновничьим правительством.

Вот этот пример последней серьезной ссоры Бисмарка ¹⁸⁹⁾ с «народными» представителями и правится особенно кадетской «Речи». Немецкая буржуазия (пятнадцать лет спустя после окончательного подавления революции) уступила Бисмарку. А у нас русская буржуазия сразу добьется уступки Горемыкина. И кадеты заранее ликуют: у нас больше придется уступить Горемыкину, чем уступил в свое время Бисмарк.

Мы охотно согласимся, что далеко Горемыкину до Бисмарка. Но мы думаем, что рабочему классу особенно важно теперь понять *самую суть* сделок между буржуазией и всяческими Бисмарками, а вопрос о мере будущих уступок—дело будущего. Бисмарки мирились с буржуазией только тогда, когда революция окончательно подавлялась, когда «народную свободу» окончательно надувала буржуазия, когда она по-милому, по-хорошему уживалась со старой дворянско-чиновничьей властью, защищавшей помещика против крестьянина и всего более капиталиста против рабочего.

Вот в чем была действительная, настоящая основа примирения Бисмарка с немецкими кадетами, то бишь с прусскими прогрессистами. Вот в чем была жизненная подкладка того «конституционализма», которому 15 лет после подавления революции учили Бисмарков немецкие Ковалевские и Милюковы. Наши профессора, может быть, и не знают этого: профессора знают книжки да не знают жизни, но рабочие должны знать это.

У нас в России серьезная борьба идет сейчас вовсе не из-за того, на каких уступках могли бы сойтись Горемыкины и либеральная буржуазия. Борьба идет между народной массой, которая не может жить при старых порядках, и старой крепостническо-чиновничьей властью, которая не может жить при действительно конституционных порядках. Борьба идет не из-за того, как следует правильно при-

менять уроки конституционализма, а из-за того, возможен ли вообще конституционализм.

Это не парламентский конфликт, и самая Дума—вовсе еще не парламент, не орган буржуазного «порядка» при установившейся конституции. Она—только показатель и очень слабый выразитель народного движения, растущего вне ее или помимо ее.

Ее столкновение с правительством лишь *косвенно* указывает на столкновение всех основных и назревших стремлений крестьянской массы и рабочего класса со всей полнотой и со всей неприкосновенностью старой власти. Эти назревшие стремления часто выражают короткими словами: земли и воли. Эти стремления не удовлетворены. Силы, стоящие за этими требованиями, далеко, далеко еще не развернулись вполне. Условия полного проявления этих сил только еще созревают.

Не на уроки конституционализма, преподаваемые Ковалевскими Горемыкиным, должны мы теперь устремлять внимание народа. Не о мелких ссорах Бисмарков с буржуазными верхами нам надо почаще вспоминать теперь. Рабочий класс и крестьянство не позволяют кадетам превратить Думу в орган таких ссор и таких соглашений. Всякий шаг кадетов, выражающий их колебание в эту сторону, надо разоблачать. Пусть знают трудовая и рабочая группы в Думе, что, только отделяя себя от кадетов, только поднимаясь выше над школьными уроками конституционализма, только заявляя полным голосом все требования народа, все его нужды, только говоря всю горькую правду, они могут принести посильную пользу борьбе за настоящую свободу.

«Волна» № 20

от 18 мая 1906 года.

Кадеты мешают Думе обратиться к народу.

Мы сейчас получили известие, что в сегодняшнем заседании Думы произошло следующее. Шли прения по вопросу о законопроекте, отменяющем смертную казнь. Член трудовой группы Аладьин ¹⁹⁰⁾ поставил вопрос более решительно, чем это делалось до сих пор. «Мы должны бороться с исполнительной властью,—говорил он (цитируем по экстренному прибавлению к вечернему выпуску «Бирж. Ведомостей») ¹⁹¹⁾.—Мы собираемся изводить министров запросами, но не ясно ли, что они их будут игнорировать? Нет, нам предстоит выбрать одни из двух путей: или продолжать игру в запросы, или *взять дело народа в собственные руки*». Аладьин предложил, не откла-

дывая дело на месяц, не сдавая законопроект в комиссию, порешить дело немедленно. Он закончил свою речь словами: «И горе нам, *если мы не доведем до сведения народа всей правды*, если мы ему не скажем ясно, что виноваты те, в чьих руках пушки и пулеметы»

Священник Поярков высказался в том же духе. «Правительство *издевается* над Государственной Думой,—сказал он.—Мы не должны просить, а должны требовать: отменить смертную казнь сегодня же или завтра, иначе я предлагаю уехать по домам, так как считаю бесчестным работать и получать деньги до отмены смертной казни».

Так, из трудовой группы раздалось предложение, смысл которого ясен: обратиться к народу,—требовать, а не просить,—не считаться с канцелярскими правилами,—не оттягивать вопросов и не сдавать их в комиссию.

Кадеты помешали Думе обратиться к народу. Кадет Набоков, говоривший после Пояркова, призывал «держаться законного пути». Он настаивал на сдаче законопроекта в комиссию.

Председатель Думы (кадет Долгоруков) ¹⁹²⁾ по окончании прений заявил: «У нас имеется *четыре* предложения: два из них я *не могу поставить на баллотировку*, так как они *не соответствуют парламентской практике*. Эти два предложения суть: обратиться к народу и обратиться к монарху».

Из двух остальных предложений—1) сдать в комиссию и 2) обсудить немедленно—прошло *единогласно* первое, так как второе было снято.

Трудовая группа, повидимому, еще раз уступила настояниям и угрозам кадетов и не удержалась на занятой было ею решительной позиции.

Народ, сознательно относящийся к борьбе за свободу, должен протестовать против поведения кадетов в Думе и призывать трудовую группу к решительному и бесповоротному заявлению и *осуществлению* обращения к народу!

«Волна» № 21

от 19 мая 1906 года.

Вопрос о земле и борьба за свободу.

Вопрос о земле обсуждается в Думе. Выступают два главных решения этого вопроса: решение кадетов и решение «трудовиков», т.-е. крестьянских депутатов.

Относительно этих решений Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. совершенно верно сказал в резолюции об отношении к крестьянскому движению: «буржуазные партии стремятся использовать и

подчинить себе крестьянское движение—одни (с.-р.) в целях утопического мелшанского социализма, другие (к.-д.) с целью сохранить до известной степени крупное частное землевладение и, в то же время, удовлетворяя частичными уступками собственнические инстинкты крестьянства, ослабить революционное движение».

Рассмотрим значение этой резолюции с.-д. съезда. Кадеты—партия иолупомещичья. В ней много либеральных помещиков. Она старается отстаивать интересы помещиков, идя лишь на неизбежные *уступки* крестьянам. Кадеты стараются оградить, насколько возможно, крупное частное землевладение, не соглашаясь на полное отчуждение всех помещичьих земель в пользу крестьянства. Отстаивая выкуп крестьянами земли, т.-е. *покупку* крестьянами помещичьих земель чрез посредство государства, кадеты стремятся к превращению верхов крестьянства в «партию порядка». В самом деле, как ии устраивайте выкупа, какие «справедливые» цены ни назначайте, все же выкуп легче дастся состоятельному крестьянству и тяжело ляжет на крестьянскую бедноту. Какие бы правила насчет общинного выкупа и т. п. ни писались на бумаге,—на деле неизбежно земля останется в руках того, кто сможет ее выкупать. Вот почему выкуп земли сводится к тому, чтобы усилить богатых крестьян на счет бедных, чтобы разъединить крестьянство, чтобы ослабить этим разъединением крестьянства его борьбу за полную свободу и за всю землю. Выкуп сводится к тому, что более состоятельные крестьяне *переманиваются* от дела свободы па сторону *старой власти*. Выкупать земли значит откупаться от борьбы за свободу, выкуп есть отвлечение посредством денег части борцов за свободу на сторону противников свободы. Состоятельный крестьянин, выкупающий свою землю, станет маленьким помещиком, и переход его па сторону старой, помещичье-чиновничьей, власти будет особенно легок и прочен.

Поэтому совершенно справедливы слова с.-д. съезда, что кадетская партия (эта иолупомещичья партия) защищает меры, *ослабляющие* революционное движение, т.-е. борьбу за свободу.

Теперь рассмотрим, как решают вопрос о земле «трудовики» или крестьянские депутаты в Думе. Они еще не вполне выяснили свои взгляды. Они стоят на полдороге: между кадетами и «серыми» (партия социалистов-народников), между выкупом части земель (к.-д.) и конфискацией всех земель (с.-р.), но они все больше удаляются от кадетов и все больше приближаются к «серым».

Правильно ли говорит с.-д. съезд относительно «серых», что это—буржуазная партия, цели которой суть цели утопического мелшанского социализма?

Возьмем самый последний проект земельной реформы, предлагаемый «серыми» и напечатанный вчера в их газете: «Народный Вестник» (№ 9). Это—закон об уничтожении всякой частной собственности на землю и о «всеобщем уравнительном пользовании землей». Почему хотят «серые» ввести уравнительное пользование землей? Потому, что они хотят уничтожить разницу между богатыми и бедными. Это желание социалистическое. Все социалисты хотят этого. Но социализм бывает разный, есть даже на свете поповский социализм, есть социализм мещанский, есть социализм пролетарский.

Мещанский социализм есть мечтание мелкого хозяйчика о том, как бы уничтожить различие между богатыми и бедными. Мещанский социализм полагает, что можно всех людей сделать «уравнительными» хозяйчиками, не бедными и не богатыми. Мещанский социализм пишет проекты законов о всеобщем уравнительном пользовании землей. На самом же деле нельзя уничтожить нищету и бедность таким образом, как хочет это сделать мелкий хозяйчик. Не может быть уравнительного *пользования* землей, пока есть на свете власть денег, власть капитала. Никакие законы в мире не в силах будут уничтожить неравенство и эксплуатацию, пока остается хозяйство на рынок, пока держится власть денег и сила капитала. Только устройство крупного общественного, планомерного хозяйства при передаче собственности на все земли, фабрики, орудия рабочему классу в состоянии положить конец всякой эксплуатации. Пролетарский социализм (марксизм) разоблачает поэтому всякие неосновательные надежды мещанского социализма на возможность «уравнительности» мелкого хозяйства и даже вообще сохранения мелкого хозяйства при капитализме.

Сознательный пролетариат всеми силами поддерживает крестьянскую борьбу за всю землю и за полную свободу, но он предостерегает крестьян от всяких ложных надежд. Крестьяне могут, при помощи пролетариата, сбросить с себя всю власть помещиков, могут совершенно положить конец помещичьему землевладению и помещичье-чиновничьему государству. Крестьяне могут даже уничтожить частную собственность на землю вообще. Все такие меры принесут громадную пользу и крестьянству, и рабочему классу, и всему народу. Интересы рабочего класса требуют самой дружной поддержки крестьянской борьбы. Но самое полное свержение власти помещиков и чиновников не подорвет еще несколько власти капитала. И только в таком обществе, где не будет помещичьей и чиновничьей власти, решится последняя великая

борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба за социалистическое устройство.

Вот почему социал-демократы решительно борются с предательской программой кадетов и предостерегают крестьян от ложных надежд на «уравнительность». Чтобы добиться успеха в настоящей борьбе за землю и за волю, крестьяне должны действовать совершенно самостоятельно и независимо от кадетов. Крестьяне не должны увлекаться разбором всяких проектов земельного устройства. Пока власть остается у старого самодержавного, помещичье-чиновничьего правительства, все эти проекты о «трудовых нормах», об «уравнительности» и проч.—пустое и праздное занятие. Крестьянская борьба за землю только ослабляется этой грудой параграфов и правил в проектах, которые старая власть либо выбросит вовсе вон, либо превратит в новый способ обманывания крестьянина. «Проекты земельного устройства» не облегчают крестьянам понимание того, как добиться земли, а скорее затрудняют правильное понимание дела. Эти проекты загромаждают вопрос о старой власти чиновничьего правительства мелкими, ничтожными канцелярскими выдумками. Эти проекты засоряют головы мечтаниями о добром начальстве, когда на деле остается со всем его безграничным насилием старое дикое насилие. Бросьте игру в бумажные «проекты земельного устройства», господа,—крестьяне устроятся легко с землей, когда не будет помехи старой власти,—обратите лучше все внимание на борьбу крестьян за полное устранение всякой такой помехи.

«Волна» № 22

от 20 мая 1900 года.

Горемычники, октябристы и кадеты.

Вчера мы отметили новую бесславную победу кадетов над трудовиками в Госуд. Думе. Кадеты заставили трудовиков взять назад их предложение об обращении к народу и об обсуждении законопроекта об отмене смертной казни без соблюдения формальностей, сводящих Думу до жалкого и бессильного придатка бюрократии¹⁹³⁾.

Сегодня нововременские горемычники и октябристы из «Слова» вполне подтверждают эту оценку победы кадетов над трудовиками. «Трудовая группа,—пишет «Новое Время»,—предложила нечто... идущее вразрез статье учреждения Думы. А именно, она требовала, чтобы Госуд. Дума перешла к суждению о самом существовании законопроекта и затем к баллотировкам без соблюдения месячного срока¹⁹⁴⁾ и, след., без предоставления министру юстиции возможности

высказать свое мнение. Малейшее поползновение к тому добродушичанью, к которому русские люди подчас бывают склонны в ущерб законности,—должно было повлечь Думу к совершению действий несомненно незаконных, со всеми последствиями, которые создаются скользким и покатым путем «явочного порядка».

Ораторы к.-д., продолжает «Н. Вр.», «горячо возражали против предложенной трудовиками незаконной меры» и «одержали блестящую победу». По поводу взятия трудовиками своего предложения назад «Новое Время» замечает: «Все кончилось к общему благополучию и вящему торжеству права». Что горемычники ликуют по поводу торжества *такого* права, это естественно, от них никто не ждет ничего иного. От кадетов, к сожалению, ждут слишком многие. «Всякий депутат,—заканчивает «Н. Вр.»,—который станет подражать примеру г. Аладьина, несомненно заслужит упрек в непростительном легкомыслии».

В октябристском «Слове» г. Ипполит Гофштеттер ¹⁹⁵⁾ читает выговор кадетам и отечески журит их: «В воздухе начинает пахнуть настоящей революцией». Кадеты не хотят ее и не должны быть благоразумны. «Покамест существующий закон представляет хоть какую-нибудь возможность дальнейших вполне закономерных правовых политических и социальных завоеваний, священный долг сознательно-передовых членов Государств. Думы—стойкая оппозиция на почве закона, а не вызывание конфликтов во что бы то ни стало».

Позиция горемычников и октябристов ясна. Пора яснее и трезвее оценить родственную им позицию кадетов.

«Волна» № 22

от 20 мая 1900 года.

Плохие советы.

Товарищ Плеханов выступил в «Курьере» ¹⁹⁶⁾ с письмом к рабочим. Он дает им советы, как вести себя. Он рассуждает так. Правительство не препятствует самой резкой критике Думы. Оно делает это для того, чтобы ослабить поддержку Думы со стороны народа. Правительство хочет вызвать рабочих на бой, когда рабочие еще не готовы. Рабочие должны расстроить планы правительства. Они не должны смущаться тем, что в Думе господствуют буржуазные партии. Буржуазия, преобладающая в Думе, требует свободы для всех и земли для крестьянства. Поэтому весь народ должен поддерживать Думу.

В этом рассуждении смешаны правильные вещи с ошибками. Разберем спокойно и подробно мысли и советы тов. Плеханова.

Первая мысль т. Плеханова. Правительство не препятствует самой резкой критике Думы, чтобы ослабить поддержку Думы со стороны народа.

Правда ли это? Посмотрим, где раздавалась в последнее время самая резкая критика Думы? На страницах таких газет, как «Невская Газета», «Дело Народа» ¹⁹⁷⁾, «Волна», а затем на народных собраниях. Либеральная буржуазия, кадеты, имеющие большинство в Думе, были вне себя от гнева на эту критику и особенно на народные собрания в Петербурге. Кадеты доходили до того, что удивлялись, почему частные пристава не обращают внимания на социалистические митинги.

Как поступило правительство? Оно закрыло газеты «Дело Народа» и «Невскую Газету», оно привлекло «Волну» к трем судебным делам. Оно запретило митинги и объявило о судебном преследовании за митинг 9 мая в доме Паниной.

Мы видели отсюда ясно, что тов. Плеханов *не прав*. Он впал в грубую ошибку.

Рассмотрим теперь вторую мысль т. Плеханова. Правительство хочет вызвать рабочих на бой, когда рабочие еще не готовы. Неразумно поддаваться па вызов, неразумно звать теперь же к оружию.

Это справедливая мысль. Но т. Плеханов излагает ее так не полно, что вызывает самые вредные недоразумения. Именно, он забывает добавить, во-первых, что все поведение правительства и все его отношение к Думе делает неизбежной новую борьбу вне Думы. Он не указывает, во-вторых, что рабочие должны будут вместе с крестьянством идти на эту борьбу, вопреки колеблющейся и предательской либеральной буржуазии.

Излагая неполно справедливую мысль, Плеханов не сознает того, что он льет воду на мельницу либеральной буржуазии, добившейся запрещения социалистических митингов. Буржуазия старается представить дело так, что *всякие* указания социалистов на негодность кадетов, на борьбу вне Думы являются вредным вызовом рабочих на бой *теперь же*. Буржуазия сознательно лжет на социалистов, а Плеханов, ошибаясь в оценке политического положения, помогает этой лжи.

Возьмите, например, «Волну», которую всего более ругала и поносила буржуазия. Звала ли «Волна» на бой теперь же? Нет, не звала. Буржуазия лгала против «Волны». «Волна» говорила еще *две недели тому назад* (№ 10): «Мы не должны форсировать (т.-е. искус-

ственно ускорять, подгонять, подхлестывать) событий. Ускорять взрыв сейчас не в наших интересах. Это не подлежит сомнению». Кажется, ясно? Почему же буржуазия лгала и клеветала на социалистов? Потому, что они говорили правду о неизбежности борьбы вне Думы и о том, что борьбу поведет пролетариат и крестьянство *вопреки* предательству либеральной буржуазии.

Возьмите резолюцию, принятую в доме Паниной (эта резолюция напечатана в «Волне» № 14 *) и в ряде других газет). Призывает ли эта резолюция на бой *теперь же*? Нет, не призывает. Почему же бесновалась либеральная буржуазия и все кадеты в диком гневе на эту резолюцию? Потому, что она говорит правду, разоблачая в первую голову правительство («глумится над народным представительством», «готовится ответить насилем»), затем либералов («*робко и неполно* выражают народные требования», колеблются между свободой и старой властью);—потому, что эта резолюция зовет трудящихся, крестьянских депутатов *выступить решительно, совершенно независимо от кадетов*;—потому, наконец, что резолюция говорит открыто о *неизбежности* решительной борьбы вне Думы. Буржуазия искажала смысл этой резолюции, чтобы представить социалистов людьми, неразумно зовущими на бой теперь же, и чтобы *отвести глаза* от тех обвинений, которые действительно выдвигаются против буржуазии. Буржуазия и поступала так, правильно понимая свои интересы. Тов. Плеханов ошибается, подневая буржуазии, ибо он неправильно оценивает настоящее отношение пролетариата к правительству и к буржуазии.

Возьмите третью мысль т. Плеханова. «Буржуазия в Думе требует свободы для всех и земли для крестьянства». Правда ли это? Нет, это только половина правды, или даже четверть правды. Буржуазия не требует, а просит у старой власти. Буржуазия запрещала в Думе говорить о «требованиях». Буржуазия (кадеты) требует *такой* «свободы», например, печати, чтобы можно было сажать в исправительный дом и ссылать на каторгу за речи социалистов **). Буржуазия требует *не* земли для крестьян, а *продажи части земли* крестьянам (ибо выкуп есть один из видов купли-продажи). Правильно ли поступает т. Плеханов, умалчивая об этой *неполноте*, об этой *робости* буржуазных проектов, об этом колебании кадетов? Нет, он поступает совершенно неправильно. Какое значение имеет эта ошибка т. Плеханова? Она весьма опасна для пролетариата и для успеха борьбы

*) См. стр. 239 этого тома. *Ред.*

**) См. «Волна» № 22, статья: «Новый каторжный законопроект».

за свободу. Все социалисты согласны в том, что эта борьба решится вне Думы, и что она может разгореться, даже вопреки нам, не в очень далеком будущем. В этой борьбе пролетариат может и должен идти с крестьянством, *не доверяя* колеблющейся, предательской, переметливой либеральной буржуазии. Нет ничего опаснее в борьбе, как доверие к переметным сумам. Умалчивая о робости, колебаниях и изменах либеральной буржуазии накануне нового поворота к новой борьбе, мы приносим вред пролетариату и делу свободы.

Теперь, последняя мысль или совет т. Плеханова. «Весь народ должен единодушно поддержать Думу». Не надо рабочим смущаться тем, что в Думе господствуют буржуазные партии.

Справедливо, что рабочие не должны «смущаться» этим. Они и не смущаются этим. Они готовы поддержать буржуазию в борьбе с правительством. Но вопрос в том, *какую* буржуазию *как* поддержать в *какой* борьбе. Кадетам привычно замалчивать эти вопросы, которые разоблачают их шаткость. Социал-демократу т. Плеханову неприлично умалчивать об этих вопросах.

Поддерживать «Думу» вообще значит поддерживать *кадетскую* Думу, ибо кадеты в ней господствуют. Марксист не должен рассматривать Думу, как «народное» представительство вообще. Он обязан разобрать, какие именно классы говорят именем этой Думы.

Можно ли поддерживать кадетскую Думу вообще? Нет нельзя, ибо пролетариат должен разоблачать и клеймить каждый шаткий и нетвердый шаг Думы. Товарищи из «Курьера» на той же странице, где напечатана статья т. Плеханова, говорят: «левая часть Думы (т.-е. трудовая и рабочая группы) покорно терпит унижительную и *реакционную* опеку г.г. Муромцева¹⁹⁸ и Долгорукова» (председатели Думы, оба кадеты). Вот это правда. Вот это—настоящая речь социалиста. Может ли «народ» или пролетариат поддержать единодушно ту «Думу», которая является орудием *реакционной* опеки либералов над трудовиками? Нет, не может и не поддержит.

В Думе две главных буржуазных партии: кадеты и трудовики. Первые—буржуазия соглашательская, предательская, заведомо готовящая сделку с самодержавием, заведомо неспособная на решительную борьбу. Вторые—буржуазия мелкая, трудящаяся, угнетенная неимоверно, мечтающая об уравнительной дележке земли, способная на самую решительную, беззаветную борьбу, толкаемая к этой борьбе всем ходом событий и всем поведением правительства. *Какую* буржуазию должен «теперь же» поддержать пролетариат? Вторую, предостерегая «народ» от ненадежности первой. Пролетариат должен поддержать и поддержит трудовиков против кадетов, разобла-

чая «реакционную опеку» кадетов над трудовиками, призывая трудовиков сбросить эту опеку.

Теперь последний вопрос: как поддержать и в какой борьбе? Внутри Думы поддерживать кого-либо значит голосовать за него. Рабочая группа, как известно, отказалась голосовать за кадетский («Думский» вообще) ответ на адрес. Рабочие депутаты отказались «поддержать» *единодушно* «Думу». Что ж, и здесь рабочие сделали «ошибку»? Если тов. Плеханов думает так, то пусть он скажет это прямо,—такие вещи надо говорить без недомолвок.

Поддержка серьезная, поддержка настоящая будет оказана вне Думы. Это зависит не от нас, а от всего хода событий, от самой сущности теперешней борьбы, ибо это—борьба не Думы с министерством, а народа со старой властью. Такую «поддержку Думы» странно и неправильно называть только «поддержкой». Это будет решительная борьба вне Думы; пролетариат должен начать ее только совместно с крестьянством; пролетариат и крестьянство победят в ней, вопреки всей шаткости, колебаниям, изменам и заигрыванию с реакцией со стороны либеральной, кадетской, «Думской» буржуазии.

Мы видели теперь, как плохи советы т. Плеханова рабочему классу. Наш Объединительный съезд с.-д. сделал некоторую ошибку, немного подвинув партию вправо и недостаточно оценив опасность увлечься поддержкой кадетов. Тов. Плеханов делает большую ошибку, двигаясь непомерно далеко вправо, призывая вполне, целиком и без оговорок к поддержке пролетариатом кадетов и кадетской Думы.

«Волна» № 23

от 21 мая 1906 года.

Каутский о Государственной Думе.

Вышла новая брошюрка К. Каутского: «Государственная Дума» (издательство «Амиран», Спб. 1906 г., ц. 3 к.). Чрезвычайно интересно отметить некоторые мысли автора, касающиеся спорных вопросов русской социал-демократии. Прежде всего о бойкоте Думы. Читатели знают, конечно, каким дешевеньким приемом отделялись и отделяются от этого вопроса наши с.-д. правого крыла. Они рассуждают просто. Участие в парламентской борьбе есть социал-демократизм, неучастие—анархизм. *Значит* бойкот был ошибкой, а большевики—анархисты. Так именно рассуждал, например, горе-социал-демократ тов. Негорев ¹⁹⁹), так рассуждает и масса его единомышленников.

Каутский—марксист. *Поэтому* он рассуждает иначе. Он считает необходимым рассмотреть *конкретные исторические* условия России, а не повторить шаблонные для европейца словечки.

«При таких условиях,—пишет Каутский, обрисовав вкратце дубасовские порядки,—при таких условиях *нет ничего удивительного*, что большинство наших русских товарищей усмотрели в созываемой таким путем Думе не что иное, как возмутительнейшую подделку народного представительства, и решили бойкотировать ее и не принимать участия в избирательной кампании».

Каутский не находит ничего удивительного в тактике «бланкизма» и «анархизма». Неправда ли, как поучительно подумать над этим товарищу Плеханову и всем меньшевикам?

«Нет ничего удивительного,—пишет дальше Каутский,—если большинство наших русских товарищей, вместо вступления в избирательную кампанию, чтобы затем попасть в Думу, сочли *более целесообразным* бороться с целью сорвать эту Думу и добиться Учредительного Собрания».

Вывод отсюда ясный. Конкретные исторические вопросы марксисты должны решать на основании внимательного разбора всех политических условий момента, а не на основании голых фраз о противоположности бланкизма-анархизма и т. и.

В то время, как у нас становится модой среди с.-д. повторять вслед за кадетами, что бойкот был ошибкой, Каутский, разбирая вопросы вполне беспристрастно, и в мыслях не имеет ничего подобного такому заключению. Он не торопится преклониться рабски перед фактом созыва Думы, хотя пишет уже в такое время, когда неудача попытки «сорвать Думу» стала фактом. Но Каутский не из тех, кто после каждой неудачи (хотя бы, напр., неудачи декабрьской) торопится каяться и признавать «ошибку». Каутский знает, что неудачи в борьбе пролетариата далеко, далеко не всегда означают его «ошибки».

Другое важное место в брошюре Каутского касается вопроса о том, кто, т.-е. какие классы или группы общества могут победить в современной русской революции. «Крестьяне и пролетариат,—пишет Каутский,—будут все энергичнее и бесцеремоннее» (запомните это, товарищи из «Невской Газеты», одобрявшие кадетскую «мудрость»!) «толкать влево членов Думы, будут все больше укреплять *ее левое крыло*, все больше ослаблять и парализовать ее противников, пока *они совсем их не победят*» (стр. 8).

Итак, Каутский ждет, что победят в современной русской революции *крестьяне и пролетариат*. Не объяснят ли нам товарищи-

меньшевики, в чем состоит разница между революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и победой этих последних? Не обвинят ли Каутского в бланкизме или народовольчестве за идею, что в *буржуазной* революции может *победить* не буржуазия, а крестьянство и пролетариат?

Кто захочет подумать над этим вопросом, тот приблизится к уяснению себе коренной ошибки меньшевиков, всегда склоняющихся к тому, что в буржуазной революции может идти речь только о главенстве буржуазии, всегда пугающихся поэтому идеи завоевания власти (а победа в революции и есть завоевание власти) крестьянством и пролетариатом.

Третья важная и ценная мысль К. Каутского—о значении Думы, как нового центра, как крупного шага в деле организации движения. «В каком бы направлении ни пошла Дума,—говорит Каутский,—посредственные и непосредственные, намеренные или ненамеренные толчки, которые она отныне даст революции, будут оказывать действие одновременно по всей России и всюду одновременно вызывать противодействие».

Это совершенно справедливо. Кто приписывает теперь большевикам мысль, будто они предлагают «пройти мимо» Думы или даже прогнать ее, будто они игнорируют Думу, тот говорит неправду. Еще на Объединительном съезде большевики внесли резолюцию, в которой говорилось:

«Социал-демократия *должна использовать* Государственную Думу и столкновения ее с правительством или конфликт внутри нее, борясь с реакционными ее элементами, беспощадно разоблачая непоследовательность и шаткость кадетов, *особенно внимательно* следя за элементами крестьянской и революционной демократии, объединяя их, противопоставляя их к.-д., поддерживая те их выступления, которые отвечают интересам пролетариата» и т. д.

Кто захочет судить о большевиках на основании их резолюций, а не росказней Негоревых, тот увидит, что между Каутским и большевиками *нет никаких разногласий* по вопросу о *Государственной Думе*.

О парламентской фракции с.-д. в Думе Каутский в отмеченной брошюре не говорит вовсе.

«Вестник Жизни» 200) № 6
от 23 мая 1906 года.

Кадеты, трудовики и рабочая партия.

Как ни искажено представление народа в Государственной Думе в силу избирательного закона и обстановки выборов, тем не

менее и оно даст немало материала для изучения политики разных классов России. И оно помогает исправлять ошибочные или узкие взгляды по этому вопросу.

Все яснее становится правильность того деления буржуазных партий на три главные типа, которое отстаивали большевики в проекте своей резолюции к Объединительному съезду *). Октябристы, кадеты, революционные или крестьянские демократы—таковы эти три главные типа. Само собою понятно, что полного и окончательного сплочения партий каждого типа нельзя и ждать: слишком недавно началось открытое выступление разных классов русского общества на сколько-нибудь свободную политическую арену.

Октябристы—это уже прямая классовая организация помещиков и крупных капиталистов. Контр-революционный (противо-революционный) характер этой части буржуазии ясен вполне. Она стоит на стороне правительства, хотя и продолжает еще спорить с ним о дележе власти. Гейдены и К-о иногда даже сливаются с кадетами в оппозиции к старой власти, но даже самые податливые к увлечению всякой «оппозицией» люди не забывают из-за этого настоящей сущности октябристской партии.

Кадеты—главная из партий второго типа. Эта партия не связана исключительно с каким-нибудь одним классом буржуазного общества, по тем не менее она насквозь буржуазна. Ее идеал—очищенное от крепостничества, упорядоченное буржуазное общество, в котором против посягательств пролетариата должна быть охрана вроде... верхней палаты, постоянной армии, невыборного чиновничества, каторжных законов о печати и т. и. Кадеты—партия полупомещичья. Она мечтает откупиться от революции. Она жаждет сделки со старой властью. Она боится революционной самостоятельности народа. Шаткость и неустойчивость этой партии становится все очевиднее по мере развития ею открытой политической деятельности, особенно в Госуд. Думе. И голоса недалековидных, ослепленных минутным успехом людей о поддержке кадетов никогда не встретят поэтому широкого отклика в рабочем классе.

Третий тип буржуазных партий—трудовики, т.-е. крестьянские депутаты Гос. Думы, выпустившие на-днях свою программу. Возникновение такого типа политических партий в России давно уже прослеживали революционные социал-демократы. Крестьянский союз был одной из ячеек такой партии, радикальные союзы неимущей интеллигенции тяготели в известной степени к ней же, социалисты-

*) См. Приложение II к этому тому, № 5. *Ред.*

революционеры развивались в том же направлении, вырастая из узкой оболочки интеллигентской группы. Разнообразие видов и оттенков этого течения вполне соответствует разнообразию видов и громадной численности «трудящейся» мелкой буржуазии в России. Крестьянство—главный оплот этого течения, этих партий. Объективные условия вынуждают крестьянство на решительную борьбу против помещичьего землевладения, против помещичьей власти и тесно связанной с нею всей старой государственной власти вообще. *Эта буржуазная демократия вынуждена становиться революционной*, тогда как либералы, кадеты и т. п. представляют буржуазию, *вынужденную* условиями ее существования искать сделки со старой властью. Понятно далее, что крестьянство облекает свои стремления в форму утопий, т.-е. неосуществимых пожеланий, вроде уравнительности землепользования при сохранении господства капитала.

Сознание особенности своих классовых интересов от интересов революционной демократии заставляет пролетариат организоваться в строго самостоятельную классовую партию. Но социалистический пролетариат из-за своей критической задачи по отношению к пустым мечтам никогда не забудет своей положительной задачи: всеми силами поддерживать революционную демократию в борьбе со старой властью и старым порядком, предостерегая парод от неустойчивости либеральной буржуазии, уменьшая вред этой неустойчивости своим боевым соглашением с революционным крестьянством.

Такова должна быть *основа* всей тактики, всего политического поведения с.-д. пролетариата в данный момент. Чтобы действовать вместе с крестьянством, он должен стараться просветить, поднять и втянуть его в борьбу, неуклонно разоблачая его веру в «ходатайства», «приговоры», в Государственную Думу—это всероссийское учреждение ходатайства. «Доводить широкую массу до сознания полной непригодности Думы» (резолуция Объед. съезда)—такова задача пролетариата. И ради совместных выступлений с крестьянством он строго должен воздерживаться от одиночных, несвоевременных выпышек. Но в тех же целях успешности неизбежной грядущей борьбы необходимо самое беспощадное разоблачение шаткости кадетов, самая ясная постановка вопроса о «полной непригодности Думы», самая решительная борьба с попытками затушевать различия между кадетами и трудовиками.

Вот с какой точки зрения должен социалистический пролетариат оценивать отношение между кадетами и трудовиками. Возьмите вопрос о земельной реформе. Кадеты хотят *выкупа*. Трудовики хотят лишь дать *вознаграждение* за землю,—может быть, в виде пенсии или

дарового места в богадельне. «Волна» уже разъясняла громадную разницу между выкупом и помещением в богадельню. Рабочая партия требует *конфискации*, т.-е. отчуждения и без выкупа и без вознаграждения, хотя от призрения в богадельне неимущих помещиков рабочая партия, конечно, не отказывается. Ясно, что рабочая партия должна поддерживать трудовиков против кадетов. В России выкуп земли уже сыграл однажды самую вредную роль, разорив крестьян, обогатив помещиков, усилив старую государственную власть. В России в настоящее время сторонниками выкупа могут быть лишь те, кто наполовину является сторонником правительства.

Возьмите политическую программу. Кадеты хотят верхней палаты и неполного народовластия. Трудовики решительно высказываются за то, что над парламентом, избранным всеобщим и т. д. голосованием, не должно стоять «никаких надстроек и преград, вроде Г. Совета, палаты господ, второй палаты и пр.». Трудовая группа принимает почти полностью рабочую программу-минимум с 8-час. раб. днем и т. д. Ясно, что и тут рабочая партия должна поддерживать трудовиков против кадетов.

Возьмем вопрос о том, как быть с землей. Кадеты хотят часть земли оставить в собственность крестьян и помещиков, часть отдать государству. Трудовики хотят все земли передать, хотя и не сразу, государству, при чем установить уравнительное землепользование. Ясно, что трудовики *идут дальше* в борьбе с помещичьим землевладением и с частной собственностью на землю вообще. Было бы грубой ошибкой рабочей партии и в этом вопросе не поддерживать трудовиков против кадетов. Ошибки и тех и других—вовсе не основание к тому, чтобы рабочая партия не поддерживала действительно революционную буржуазную демократию. И кадеты и трудовики ошибаются, считая возможным дать хоть часть земель в руки такого государства, которое далеко не является вполне демократическим. Лучше раздел, чем отдача земли такому государству. Но эту ошибку сделал, к сожалению, и съезд Р. С.-Д. Р. П., допустив передачу части земель в руки «демократического» государства *без точного определения степеней* этого демократизма и полноты его. Сопоставление программ кадетской и трудовой особенно наглядно показывает ошибку с.-д. съезда.

Далее, трудовики ошибаются в том, будто мыслима «уравнительность» землепользования при сохранении товарного хозяйства. Эту мелко-буржуазную утопию рабочая партия должна самым решительным образом разоблачать и опровергать.

Но из-за борьбы с пустяковинным *мечтанием* мелкого хозяйчика было бы неразумно забывать о действительно революционном *деле*

этого класса в современной революции. Так поступать не может марксист. Указанную ошибку, делает, напр., «Курьер», говоря (№ 5): «законопроект трудовой группы в своих основных чертах является далеко неудовлетворительным» (верно!) «и не заслуживает поддержки рабочего класса» (не верно!).

Рабочая партия должна, сохраняя полную самостоятельность, поддерживать и здесь трудовиков против кадетов. Разоблачая ошибки тех и других, нельзя забывать, что трудовики идут дальше кадетов, что ошибки трудовиков получают практическое значение на более высокой ступени развития революции, чем ошибки кадетов. В лице кадетов народ *изживает* свои иллюзии о возможности соединить народную свободу с старой властью. В лице трудовиков народ *изживает* свои иллюзии о возможности соединить «уравнительность» с капитализмом. В лице кадетов народ изживает первые буржуазные иллюзии; в лице трудовиков он изживает свои последние буржуазные иллюзии. Иллюзии кадетов мешают победе буржуазной революции. Ошибки трудовиков помешают немедленной победе социализма (о каковой немедленной победе рабочие и не мечтают попусту). Отсюда ясна громадная разница между кадетами и трудовиками, и рабочая партия должна строго учитывать эту разницу.

Не делая этого, мы превратили бы социалистический пролетариат из авангарда революции, из более сознательного советчика крестьянства в бессознательного пособника либеральной буржуазии.

«Волна» № 25

от 24 мая 1906 года.

Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии.

В двух последних номерах «Курьера» напечатано первое письмо т. Плеханова «о тактике и бестактности». Либерально-буржуазная печать уже отметила совершенно справедливо, что т. Плеханов идет гораздо дальше вправо, чем газета «Курьер». Вся эта печать рассыпается в похвалах т. Плеханову и противопоставляет его всей остальной социал-демократии.

Присмотримся же хладнокровнее к этим рассуждениям т. Плеханова.

Тов. Плеханов полемизирует с полтавской с.-д. газетой «Колокол». Он приводит из нее такие цитаты:

«Принятие одной с.-д. программы,—писал «Колокол»,—не делает еще ни отдельную личность, ни даже целую группу социал-демократической. Для этого необходимо принятие целиком и основ с.-д. тактики».

«Отличительным признаком социал-демократии, выделяющим ее из ряда остальных партий, является, кроме ее программы, ее непримиримая классовая позиция по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям».

Тов. Плеханов очень строго «замахивается» на цитированные места. Во-первых, вместо «позиция» он требует постановки слова: «оппозиция». Нам кажется, что эта поправка несколько не улучшает, а скорее даже ухудшает изложение автора. Во-вторых, т. Плеханов берет на себя работу корректора. В тексте нет запятой после слова «остальным». Корректоры без претензий исправляют обыкновенно такие ошибки молча. Корректоры с претензиями пишут об этом чуть не полстолбца фельетона!

К делу. Что возражает т. Плеханов по существу? Он говорит: «Автор изображает все остальные *) буржуазные партии, как одну сплошную реакционную массу».

Это—*неправда*. В цитированных словах нет и тени подобного изображения. А в дальнейших словах автора, приведенных самим Плехановым, *прямо различаются* двоякого рода буржуазные партии: 1) «кадетско-оппозиционные» и 2) «правые». Попытка т. Плеханова приписать автору мысль об «одной сплошной реакционной массе» не только несправедлива, но и прямо недостойна социалиста, желающего спорить по существу.

«Различные буржуазные партии окрашены в различный цвет»,—говорит т. Плеханов. Мы показали уже, что эта справедливая мысль совершенно не чужда автору статьи из «Колокола», различавшему кадетско-оппозиционный и правый «цвет». Против «основ» соц.-дем. тактики автор, следовательно, не погрешил, вопреки мнению придирчивого, но неловкого, критика. Но для определения *российской* соц.-дем. тактики *во время* революции *недостаточно* различать эти два «цвета» буржуазных партий. Тут есть действительный пробел в мысли или изложении «Колокола», и этого пробела тов. Плеханов не заметил. Он сочинял пробелы не существующие и проглядел пробел действительный.

*) Т. Плеханов *тоже* забывает поставить здесь запятую или опустить слово «остальные», т.-е. *сам повторяет ту* ошибку, за которую он превратно читал выговор товарищу!

Если тов. Плеханов хотел спорить с большевиками *) по существу, а не для того, чтобы потешать и радовать кадетские газеты, то он не мог бы умолчать о том, что именно большевики давно настаивают на необходимости различать буржуазные партии, по крайней мере, *трех* главных «цветов». Именно тут кроется одно из коренных различий *двух тактик*, и напрасны надежды т. Плеханова затушевывать это различие политических тактик посредством обывательско-мещанских воздыханий по поводу «бестактности».

Год тому назад появилась за границей переизданная потом в России большевистская брошюра «Две тактики» ²⁰¹). В ней доказывалось, что основная ошибка всего меньшевизма—непонимание того, какие именно элементы буржуазии могут, совместно с пролетариатом, довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России. Большевики постоянно сбиваются, и до сих пор, на то, что буржуазную революцию должна собственно делать «буржуазия» (вообще буржуазия, без различия «цветов»!), а пролетариат должен помогать. Поэтому меньшевики (и в том числе Плеханов) никогда не могли определить сколько-нибудь по-марксистски, *чем* будет с точки зрения политической перегруппировки классов «решительная победа современной революции», хотя поговорить о решительной победе, даже в резолюциях, они были не прочь. Утверждение большевиков, что решительная победа может быть только диктатурой пролетариата и крестьянства, им не нравилось, но ни опровергнуть его, ни исправить или видоизменить они не могли.

Большевики утверждали и утверждают, что именно в эпоху буржуазно-демократической революции прочным и серьезным союзником пролетариата (впредь до победы этой революции) может быть только крестьянство. Крестьянство есть тоже «буржуазная демократия», но совсем иного «цвета», чем кадеты или октябристы. Перед *этой* буржуазной демократией, независимо от того, чего она хочет, поставлены историей цели действительно революционные по отношению к «старому порядку» в России. Эта буржуазная демократия *вынуждена* бороться против *самых основ* помещичьей власти и связанной с нею старой государственной власти. Эту буржуазную демократию объективные условия не «вынуждают» стремиться всеми силами к сохранению старой власти, к завершению революции путем *сделки* со старой властью. Эта буржуазная демократия является поэтому,

*) Мы не знаем ни автора статьи в «Колоколе», ни редакции и направления этой с.-д. газеты вообще. Мы имеем в виду здесь общую мысль плехановской «критики» а не специально его полемику против «Колокола».

по ее тенденциям,—обусловленным тем, что она *вынуждена* делать,—*революционной демократией*. И большевики определяли тактику социалистического пролетариата во время буржуазно-демократической революции так: пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, вести против старой власти и старого порядка, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии, колеблющейся между народной свободой и старой властью.

Вот этих-то основ тактики российского с.-д. пролетариата в настоящую эпоху и не поняли меньшевики. Не понял их и т. Плеханов. Вот этот *конкретный* вопрос о нашей тактике и старается он обойти, затушевать, прикрыть своими рассуждениями об описках, опечатках, своими некстати подобранными цитатами и т. д.

Судите сами. В № 5 «Курьера» Плеханов доходит до того, что приписывает большевикам мысль: «пролетариат не может идти рядом с буржуазией... это оппортунизм».

Мы еще не мертвы, тов. Плеханов! Валишь на нас небылицу, как на мертвых, значит только срамиться. Всякий, хоть чуточку знакомый с «Впередом», «Пролетарием», «Двумя тактиками», «Победой кадетов» и другими брошюрами большевиков, сразу увидит, что Плеханов говорит неправду.

Большевики уже полтора года твердят, что ошибка меньшевиков—неумение выделять революционную буржуазную демократию из всей той буржуазной демократии, которая быстро теряет именно теперь свою революционность. Большевики уже полтора года твердят, что меньшевики, из смешной боязни «приблизиться» к эсерам, непомерно *близятся* к кадетам, недостаточно оценивая буржуазную демократию *революционного цвета*. Большевики твердят, что *оппортунизм* меньшевиков состоит в забвении коренных интересов демократии, а следовательно, и *социализма*, ибо реальные успехи его в эпоху буржуазной революции невозможны помимо успехов демократии—ради временных успехов либерализма—в слепом преклонении пред мишурными триумфами земцев или кадетов.

Вот в чем ваш *оппортунизм*, товарищ Плеханов!

Маркс учил нас,—восклицает Плеханов,—«спрашивать не о том, чего *хотят* буржуа, а о том, к чему они *вынуждены*».

Именно так, товарищ Плеханов. Именно эту науку Маркса вы забываете, так же все ссылаясь на Маркса, как все ссылался на него подрывавший марксизм Бернштейн. Вы забываете, что *кадеты* «вынуждены» идти к *сделке* со старой властью, а *крестьянская или революционная демократия* «вынуждена» идти на решительную борьбу с ней—или, по крайней мере,—что кадеты способны только на сделку, а крестьяне

способны и на серьезную борьбу. Посредством *общих* фраз о том, к чему вынуждены «буржуа» вообще, тов. Плеханов *затушевывает* конкретный вопрос о том, к чему вынуждены «буржуа» *цвета* кадетов и буржуа *цвета* революционной демократии.

Вот и судите теперь, кто *на деле* оказывается неумеющим различать различные цвета *российской* буржуазии в наше время? Кто угощает рабочих схоластикой, педантством и «мумией истины» вместо указания на существенные именно в данный момент различия внутри буржуазной демократии?

Читатели, серьезно интересующиеся этим вопросом, должны решать его не на основании случайных впечатлений, а путем серьезного изучения с.-д. литературы и решений съездов. Возьмите съездовскую резолюцию о Г. Д. и сравните ее с проектом резолюции большевиков. Вы увидите, что именно съездовская (меньшевистская) резолюция *не умеет* провести ясного деления между крестьянской и кадетской демократией. Напротив, как раз на это различие напирает резолюция большевиков. Съездовская резолюция ограничивается советом разоблачать непоследовательность *всех* буржуазных партий, а наша резолюция говорит о шаткости кадетов и необходимости сплотить и противопоставить им крестьянскую демократию. Съездовская резолюция никуда не годится в этом отношении, ибо разоблачать *все* буржуазные партии должны социалисты *всех* стран во *все* времена; кто ограничивается этим, тот школьнически повторяет заученные слова марксизма, но не умеет переварить их и применить к России. Именно в эпоху буржуазной революции сказать: «разоблачайте все буржуазные партии» значит ничего не сказать и даже сказать неправду, ибо серьезное и деловое разоблачение дастся лишь по мере *исторического* выступления на авансцену *тех или иных* буржуазных партий. Напротив, наша резолюция различает как раз те «цвета», которые играют политическую роль *сейчас*. И поэтому первые же шаги Гос. Думы подтвердили *именно нашу* резолюцию, показав всем воочию шаткость кадетов и более революционную сущность «трудовиков».

Другой пример. Вопрос об отношении к буржуазным партиям. Как решали его меньшевики до съезда? Общими фразами: смотри их проект резолюции *). А большевики? Различением *трех* видов буржуазной оппозиции: октябристы, кадеты и революционные демократы (см. проект большевистской резолюции *). Как решил этот вопрос съезд? Меньшевики *не решились* предложить своей резолюции и *подтвердили амстердамскую резолюцию* *)! Русские с.-д. эпохи бур-

*) См. Приложение II к этому тому. Ред.

буржуазной революции не умеют ничего сказать о русской буржуазии разных цветов, кроме повторения того, что говорят европейцы всех стран сто лет спустя после буржуазной революции!!

Неужели не ясно, что почтенный Плеханов валит с больной головы на здоровую?

Возьмите рассуждения т. Плеханова об «истинном социализме» в Германии 40-х годов. В чем сущность этого «истинного социализма»? В непонимании классовой борьбы и значения политической свободы, с одной стороны. Далее, в неумении различать значение того или иного слоя буржуазии в современной политической борьбе. Не смешно ли, что т. Плеханов пытается нас упрекнуть в этом, когда именно он во главе меньшевиков *затухивает* коренное по условиям переживаемого момента различие между кадетско-оппозиционной и революционно-демократической буржуазией?

Вообще этот упрек большевикам в близости к «истинным социалистам» стоит того, чтобы над ним посмеяться. Подумайте только: нас все всегда хором обвиняли в чрезмерной прямолинейности, окостенелости, твердокаменности. И в то же время наши оппоненты называют нас и «бланкистами», и «анархистами», и «истинными социалистами». Бланкисты—заговорщики (никогда не были за всеобщую стачку), они преувеличивают значение революционной власти. Анархисты вовсе отрицают и революционную и всякую иную власть, противопоставляя строгой организации бланкизма полную дезорганизационную распущенность. «Истинные социалисты» нечто вроде мирных лавристов²⁰²), полукультурники, не революционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди. Меньшевики не могли бы лучше побить самих себя, как выдумывая эти *взаимоисключающие* обвинения против большевиков. Нам достаточно пальцем указать на эту путаницу меньшевиков, чтобы ответить на их обвинения.

Напротив, мы всегда говорили и говорим, что меньшевики—правое крыло с.-д., склоняющееся к оппортунизму, т.-е. к забвению прочных, существенных, коренных интересов пролетариата ради интересов минуты, ради кажущихся возможностей «приспособиться» к минутным настроениям, положениям и отношениям.

К чему сводится вся теперешняя тактика т. Плеханова? К раболепству перед успехом кадетов, к забвению громадных отрицательных сторон их теперешнего поведения, к затухиванию реакционности кадетов *по сравнению* с революционным элементом буржуазной демократии, к затемнению сознания рабочих и крестьян, способных верить в «ходатайства» и в игрушечный парламент.

Кадеты из всех сил стараются представить себя буржуазной демократии вообще, прикрыть свое расхождение с трудовой группой, замазать свои несогласия с крестьянской демократией, добиться поддержки именно правому, ненадежному крылу буржуазной демократии. Тов. Плеханов, независимо от того, чего он хочет достигнуть, достигает только одного: *он на деле поддерживает* эти реакционные стремления кадетов. За это они и рассыпаются в хвалах по его адресу.

Тов. Плеханов говорит: еще в 1903 г. (II съезд Р. С.-Д. Р. П.) я спорил против тогдашнего правого крыла партии (Акимов, Мартынов и др.), защищая необходимость поддерживать всякое *оппозиционное* движение против самодержавия. Так же смотрел Маркс в 1847 году. И Плеханов хочет уверить читателей, что большевики забыли эту истину.

Товарищ Плеханов ошибается. Общее положение о поддержке оппозиции не отрицается теми, кто решает конкретный вопрос о поддержке в *данное* время *той или иной части* этой оппозиционной и революционной буржуазии. Ошибка Плеханова состоит в подмене *конкретного* исторического вопроса *абстрактным* соображением. Это во-первых. А во-вторых, ошибка т. Плеханова состоит в совершенно *неисторическом* воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии. Кто не понимает этого, тот ничего не сумеет объяснить в ходе буржуазной революции вообще.

Два примера в пояснение сказанного.

Маркс в 1847 г. поддерживал самую робкую оппозицию немецкой буржуазии против правительства. В 1848 г. он беспощадно, свирепо клеймил и смешивал с грязью очень радикальных немецких кадетов, — гораздо более левых, чем наши кадеты, — которые вели «органическую работу» в Франкфуртском парламенте, уверяя весь мир, что эта органическая работа имеет наибольшее агитационное значение, и не понимая неизбежности борьбы за реальную власть. Изменил ли Маркс себе? Перешел ли на другую точку зрения? Впал ли в бланкизм (как думают бернштейнианцы и немецкие либеральные профессора)? Нисколько. *Революция ушла вперед*. От нее *отстали* не только немецкие «шиповцы» 1847 года, но и немецкие «кадеты» 1848 года. Как верный страж интересов передового класса, Маркс беспощадно бичевал за отставание и именно тех, кто всех влиятельнее был из отстававших.

Ссылаясь на Маркса, Плеханов извращает Маркса.

Второй пример.

В 1903 году, и даже раньше: в 1901—1902 годах старая «Искра» поддерживала «шиповцев», т.-е. тогдашних робких либеральных земцев, выставявших вместе с г. Струве лозунг «права и властное земство». Шла вперед революция,—и социал-демократы переходили, так сказать, от оппозиционных верхов буржуазии к революционным низам ее. Шиповцев они «травили» за неясное требование конституции;—конституционалистов—за игнорирование всеобщего и т. д. избирательного права;—признававших это последнее—за непризнание революции и т. д., по мере развития, расширения и углубления всего демократического движения. Изменили ли себе революционные с.-д., если от поддержки оппозиционных «шиповцев» в эпоху 1901—1902 годов перешли к поддержке революционных крестьян в 1905—1906 годах? Нисколько. Они остались верны себе.

Изменил себе т. Плеханов, который за минутным успехом кадетов просмотрел более высокие демократические задачи, уже выдвигаемые жизнью.

Пойдем дальше. Вот особенно наглядный пример некритического до последней степени отношения Плеханова к кадетской Думе.

Тов. Плеханов приводит следующую цитату из «Колокола»:

«Прилагая эти общие положения к парламентской рабочей группе, мы можем сказать, что группа эта лишь постольку будет выражать действительные стремления наиболее боевой и сознательной части российского пролетариата, другими словами, постольку будет названа социал-демократической, поскольку она в своих действиях в Думе будет проводить основные тактические начала социал-демократии.

«Не погрязая в общем кадетско-оппозиционном болоте Думы, не плетясь в хвосте за кадетским большинством ее, а противопоставляя себя этому большинству, разоблачая ограниченность его стремлений, наклонность его к соглашению с «правыми» партиями и с правительством,—вот единственная достойная представителей пролетариата и в то же время истинно социал-демократическая тактика, которую мы должны настойчиво рекомендовать представителям рабочих в Государственной Думе. Всякая же другая тактика, затемняя классовое самосознание пролетариата, представителями которого в Думе считают себя члены этой группы, будет обращать их в приспешников буржуазных партий и в орудие, направленное против самостоятельных задач пролетариата в общем ходе русской революции».

Плеханов говорит по этому поводу:

«Если бы нашему полтавскому товарищу пришлось применить свои общие положения к социалистической партии во Франции,

то ему не было бы надобности вносить сколько-нибудь серьезные поправки в заключительные строки своей статьи. Он мог бы ограничиться заменой слов: «кадеты, кадетское» словами: «радикалы, радикальное»; слово: «Дума»—словом: «Палата депутатов»; наконец слова: «русской революции»—словами: «общественно-исторического движения». Это поразительно удобно.

Приглашаем читателя перечитать еще раз цитату из «Колокола» и замечание Плеханова. Это замечание вскрывает перед нами с редкой отчетливостью один из источников плехановского поворота к Бернштейну.

Подумайте только «Колокол» мог бы ограничиться в заключительных строках статьи заменой слов: «кадеты» словом: «радикалы» и слова: «Дума» словом: «Палата депутатов».

Этим рассуждением тов. Плеханов окончательно пригвоздил себя. Он показал наглядно, как чуждо ему всякое понимание того, что такое конституционные иллюзии, а следовательно, и всякое понимание современного момента российской буржуазной революции.

Между русскими кадетами и русской Думой, между французскими радикалами и французской палатой, между взаимоотношением тех и других есть *коренная* разница, упускаемая из виду Плехановым. Плеханов просмотрел *маленькое словечко* в статье «Колокола»,—маленькое, но в высшей степени характерное и знаменательное. Это словечко: «*соглашение с правительством*».

Подумайте, тов. Плеханов: может ли во Франции идти речь о «соглашении» Палаты депутатов с правительством? Нет, не может. Почему? Потому, что правительство подчинено там Палате во всем наиболее существенном. Большинство в Палате само и является реальным *правительством*, назначая желательных ему лиц в министры. Добившись большинства в Палате, радикалы *тем самым становятся* правительством. Парламентские отношения для данного периода времени более или менее соответствуют и отношению реальных сил внутри народа и отношению государственной власти к народу. Писаная конституция для данного периода времени не расходится существенно с реальной, действительной конституцией, с соотношением сил.

В России может и *должна* идти речь о соглашении большинства Думы с правительством. Почему? Потому, что реальная власть принадлежит у нас и по закону и по действительному положению вещей *вовсе не Думе*, а старому самодержавному правительству. Дума не есть, подобно Палате, орган государственной власти, а лишь орган ходатайств, просьбы, заявления требований части народа перед старой властью, Думское большинство поэтому может «вступать в соглашение»

с правительством, — для Франции это абсурд. Парламентские отношения не соответствуют совершенно ни реальным отношениям сил внутри страны, ни отношению государственной власти к народу.

Во Франции действительная классовая борьба идет именно между теми силами, которые представлены в Палате, и даже представительство этих сил более или менее соответствует для данного времени их сравнительному «бсовому значению».

В России действительная борьба идет *вовсе не между теми силами*, которые представлены в Думе, а думское представительство этих сил как раз в настоящее время особенно резко и коренным образом расходится с их сравнительным «боевым значением». Реальное правительство России почти *вовсе не представлено* в Думе, оно имеет иные «учреждения», пролетариат тоже почти не представлен, крестьянство непропорционально слабо представлено.

Попытка сравнить Россию с Францией показывает, что тов. Плеханов всецело погрязает в конституционных иллюзиях. Слово (парламент, палата) он принимает за сущность, вывеску за содержание. От него совершенно ускользают поэтому все важнейшие особенности момента в России, когда назревает борьба между наименее представленным в Думе «народом» и старой властью, когда роль «соглашателей», перебежчиков в этой борьбе *становится* особенно значительной и особенно *опасной*.

Как Бернштейн в 1899 году приносил громадный вред немецкому пролетариату, принимая мелко-буржуазных интеллигентских «соглашателей» (социал-либералов, примирявших пролетариат и буржуазию) за самое буржуазию, имевшую реальную власть в руках, — так и Плеханов в 1906 году приносит огромный вред российскому пролетариату, принимая полуреакционных буржуазных «соглашателей» (кадетов, примиряющих народную свободу со старой властью) за самостоятельную политическую силу в государстве, за власть, которую можно и стоит поддерживать.

Бернштейн, призывая быть «тактичным» по отношению к социал-либералам, поддерживать их, не толкать их в реакцию, — звал поддерживать *фикцию*. Он увлекался *призраком* социального мира и забывал коренные задачи борьбы за власть.

Плеханов, призывая быть «тактичным» по отношению к кадетам, поддерживать их, не толкать их в реакцию, — зовет поддерживать *фикцию*. Он увлекается *призраком* парламентаризма (в эпоху буржуазной, а не социалистической революции) и *забывает* коренные задачи борьбы за власть.

И Бернштейна и Плеханова социал-либеральная, кадетская буржуазия носит на руках, восхваляет до небес, рекламирует, перепечатывает *за те услуги*, которые они ей оказывают в борьбе ее с пролетариатом.

Не заблуждайтесь, рабочие, на этот счет. Словечки о «тактичности» с.-д. и о «поддержке» кадетов имеют в реальной политике *свое* значение, определяемое не благими намерениями Плеханова, а *действительным соотношением сил*. Плеханов может думать сам и уверять других, что он и в мыслях не имел ослаблять или притуплять политический и социальный антагонизм классов между собой и народа со старой властью. Но плехановские речи в данной политической обстановке *получают именно такое значение*, независимо от его воли.

Бернштейн не хотел социального мира (по крайней мере уверял, что не хочет), но буржуазия верно поняла, что таково действительное значение его речей. И у нас, в России, взгляните на печать кадетов. Она хвалит Плеханова и, не считаясь с ним, идет к *своим выводам* из его речей. Вчера в «Думс» (№ 22) г. Котляревский²⁰³) доказывал, что всякая «классовая борьба и классовая ненависть» мешает делу национального освобождения. Он прямо сопоставляет борьбу «Волны» с борьбой гедистов²⁰⁴) против жоресистов²⁰⁵), Ферри²⁰⁶) против Турати²⁰⁷), Каутского против Бернштейна; он опасается, как бы такая проповедь классовой ненависти, какая раздается теперь у нас в России, подкапывая столь необходимую ввиду совместного политического действия солидарность различных общественных групп, не подрывала в корне (слушайте!) «почвы для действия всякого правильного народного представительства». «Не подрывается ли ею (классовой ненавистью) самый дух конституционализма?»

Сегодня в «Свободе и Культуре» (№ 7) г. Струве вопит по поводу того, что с.-д. «предают свободу на растерзание *фурий классовой розни*», что они «односторонне и болезненно до умоисступления увлекаются *идеями классовой борьбы*» (стр. 458), что «политический мир» (вспомните «социальный мир» в устах европейских буржуев!) «предъявляет к нам совсем новые требования» (стр. 514). Буржуазия великолепно понимает, что плехановские идеи сеют именно лживую мысль о «политическом мире» и притупляют на деле всякую классовую рознь, всякую классовую борьбу. Коготок увяз у товарища Плеханова,— и вся «птичка» оказалась, по отношению к современной политике, к клетке у г. Струве.

«Крепкие слова не критика,—пишет т. Плеханов.—Критика действительно развивает сознание, а крепкие слова, наоборот, его за-

темняют. Возьмем хоть крепкое слово: измена. Мы так часто кричим об измене буржуазии, что когда она в самом деле «изменит», — т.-е. помирится с бюрократией, — и когда нам в самом деле надо будет кричать об этом со всех крыш, то наши крики уже не произведут надлежащего действия, и с нами повторится история мальчика, кричавшего «волк! волк!», когда волк еще не появлялся».

Какой прекрасный образчик русской бернштейниады, этот маленький отрывок плехановских рассуждений!

Во-первых, посмотрите, как ясно чувствуется отсутствие у т. Плеханова почвы под ногами. В ноябре 1905 г. он писал в № 3 «Дневника»: «... У нас много кричали в последнее время о *какой-то (!)* измене буржуазии. Но чему собственно могла изменить буржуазия? Во всяком случае, не революции, потому что она никогда не служила революционной идее».

Видите: в ноябре 1905 года т. Плеханов даже вообще не понимал, чему могла изменить буржуазия. Теперь он понял это. Он не только полагает, что буржуазия *может* изменить чему-то, он находит уже, что она *в самом деле изменит*. За полгода т. Плеханов меняет позицию: сначала говорилось, что буржуазии вообще нечему изменять. Теперь говорится, что она в самом деле изменит, т.-е. помирится с бюрократией.

Этому прогрессу т. Плеханова мы были бы очень рады, если бы в других отношениях его взгляды не оставались такими же шаткими. Измена есть крепкое слово, говорит он. Это взгляд не новый. Это взгляд всех либеральных буржуа. В тысячах статей кадетской печати внедряется в российскую публику та мысль, что речи об «изменах» буржуазии являются лишь крепкими словцами «неистовых» большевиков. Теперь у буржуазии нашелся новый союзник по этому вопросу. Тов. Плеханов тоже пришел к убеждению, что «измена» есть «крепкое слово».

Как против Бернштейна некогда приходилось повторять и разжевывать азбуку марксизма, так то же самое дело приходится повторить против Плеханова. Он глубоко заблуждается. «Измена» не «крепкое слово», а единственно правильное с научной и политической точки зрения выражение действительных фактов и действительных стремлений буржуазии. Слово «измена» выражает ту же мысль, как и слово: «сделка». Плеханов сам не может не признать этого, ибо он отождествляет измену и примирение с бюрократией. И вот взгляните, как говорила «неистовая» «Волна» об этом понятии: «сделка».

«В чем суть кадетских сделок? — читаем мы в № 13 «Волны». — Не в личном предательстве, конечно, такой грубый взгляд в корне чужд марксизму. Суть сделок в том и только в том, что к.-д. не сходят

и сходить не хотят с почвы сохранения власти за старым режимом, с почвы велений, исходящих от этого последнего».

Итак, суть измены или сделок совсем не в личном предательстве. Суть измены или сделок состоит *только* в том, что партия «народной» (читай: буржуазной) свободы стремится сохранить власть за старым самодержавием, стремится *поделить* власть между ним и буржуазией.

Партия «народной свободы» изменяет народной свободе именно тем, что уступает изрядную долю народных прав и народной власти представителям *старой власти*. Нежелание понять эту простую истину со стороны тов. Плеханова прямо чудовищно. Он изображает дело так, что буржуазия у нас *еще не* изменяла, что она только изменит в будущем.

Это—полное непонимание самой сущности измены и сделок.

Буржуазия и кадеты уже *тысячи раз* изменяли свободе и *мирились* с бюрократией. Что такое программа партии к.-д.? Есть ли она известный политический шаг буржуазии? Несомненно. А именно эта программа и есть программа измены и программа сделок! И *каждый* политический шаг кадетов той или другой стороной проводит, осуществляет *именно эту* программу. Речь Трубецкого летом 1905 года ²⁰⁸⁾, вилание по вопросу о четырехдневке, каторжный законопроект о свободе печати ²⁰⁹⁾—все это именно такие шаги либеральной буржуазии, которые как раз и осуществляют ее программу измены.

У товарища Плеханова выходит так, что если буржуазия не делает еще какого-либо *особого* шага, то тогда не будет никакой измены с ее стороны. Это неверно. Если буржуазия и именно кадеты будут продолжать делать то, что они делали до сих пор, то *сумма всех их действий и даст самую полную картину измены*. В непонимании этого и состоит сущность современного соц.-дем. оппортунизма.

Если осуществится мещанская мечта кадетов, если «мирное давление» Думы и «общественного мнения» заставит правительство сделать маленькие уступочки, если Государственный Совет пойдет слегка навстречу—по рецепту члена Государственного Совета, г. Хомякова ²¹⁰⁾, планы которого вчера сообщила кадетская «Дума»,—если старая власть обновит министерство, дав несколько местечек правым кадетам и т. п., то мы получим в конце концов *именно* «примирение» кадетов с бюрократией. Вся ошибка Плеханова состоит в том, будто путь «измены» есть или будет «новым» путем нашей буржуазии, а на деле именно продолжение ее старого пути и дает весь «состав» измены, если выразиться юридическим языком.

Когда буржуазия «в самом деле» изменит,—говорит Плеханов,—нашим крикам не поверят, ибо все слишком привыкнут к слову: *измена*.

Какая безграничная политическая наивность! Вся политика социал-демократии состоит в том, чтобы *освещать* тот путь, который *предстоит* пройти *массе* народа. Мы поднимаем высоко свой марксистский светоч,—и на каждом шаге отдельных классов, на каждом политическом и экономическом событии показываем *подтверждение* жизнью нашего учения. Чем больше развивается капитализм, обостряется политическая борьба, тем большая часть народа убеждается нашими словами и этим житейским (или историческим) *подтверждением* их. Теперь, скажем, сотни тысяч человек в России убедились уже в верности нашей оценки кадетов. При быстром развитии революции или при крутом повороте ее к какой-нибудь большой сделке кадетов с самодержавием в верности нашей оценки убедятся миллионы и даже десятки миллионов.

Поэтому сказать, что нашим крикам об измене не поверят в будущем, ибо мы *слишком часто* повторяем их в настоящем, значит сказать величайшую несообразность. Тов. Плеханов тщетно пытается прикрыть эту несообразность рассуждениями, вроде тех, какие преподносят обыкновенно гимназисткам старые девы, классные дамы и т. п. «Критика должна быть основательной», назидательно поучает он.

И ново и умно. И ваша критика, тов. Плеханов, тоже должна быть основательной. А то вот посмотрите: вы ни одного *фактического* и сколько-нибудь крупного примера неосновательной критики кадетов с нашей стороны *не привели*, а общими рассуждениями своими посеяли массу *неосновательных* мнений в умах читателей! Чего стоит одно сведение понятия «измены» к крепкому слову!

Чего стоит такая фраза: «В наших рядах сознание этой противоположности (противоположности интересов буржуазии и пролетариата) приобрело уже, можно сказать, *прочность предрассудка*». В каких это «наших рядах», тов. Плеханов? В рядах жепевских обывателей из россиян? В рядах членов нашей партии вообще? Но не следует ли также вспомнить о широких рядах народной массы?

Правду сказал рабочий в «Призыве»²¹¹), что Плеханов судит «издалека». Масса пролетариев и полупролетариев еще понятия не имеет ни об этой противоположности вообще, ни о буржуазности кадетов. А кадетская печать именно теперь, наверно, раз в десять превышает нашу с.-д. печать. Кадетское развращение народа усиливается и чрез посредство кадетской Думы, и чрез всякие либеральные учреждения. Нужно было совершенно потерять чутье действительности, чтобы представить себе, будто мы *обгоняем* ход событий и запросы массы, разоблачая шаткость и измены кадетов. На-

против, мы *отстаем* в этом деле и от хода событий, и от запросов массы! Напишите-ка лучше популярную и «основательную» критику кадетов, тов. Плеханов: это будет полезнее.

Перейдем теперь к выводам Плеханова относительно Думы.

«Наше правительство сделало уже много непростительных ошибок,—пишет он.—Эти ошибки привели его на край бездны; но они еще не столкнули его туда. Оно *упадет в бездну, когда разгонят Думу*... Дума будит даже самых сонных; она толкает вперед даже самых отсталых, она разбивает в массе последние политические иллюзии, завещанные историей... Наиболее агитационное значение будет иметь органическая работа Думы».

Присмотритесь к этим рассуждениям. Правительство упадет, когда разгонят Думу. Допустим. Но откуда следует, что ее разгонят, если она будет ограничиваться органической работой? Что такое органическая работа? Подзаконная работа Думы. Дума вносит проекты законов в Гос. Совет, делает запросы министрам. Гос. Совет и министры оттягивают дело и притупляют по мере сил все возникающие конфликты. Орган русского правительства, «Русское Государство», давно говорил: пусть Дума будет оппозиционной, но только не революционной. Иными словами: органическую работу делайте, но ни шагу дальше.

С какой же стати разгонять Думу за органическую работу?? *И не разгонят ее никогда*, если она не сделает революционного, совершенно неорганического шага или если вне Думы не разгорится такое движение, при котором и кадетская Дума будет помехой правительству. Такое предположение нам кажется гораздо более вероятным, чем голословное «разгонят Думу».

Правительство упадет не только в том случае, если разгонят Думу. Оно упадет и в других случаях, ибо Дума вовсе не *главный* фактор и не самый верный показатель движения. Оно упадет не само собой, а лишь при активном действии... кого-то третьего (не правительства и не Думы). Разъяснять неизбежность этого действия,—его вероятные формы, характер и классовый состав деятелей, способных произвести это «действие»,—условия его успеха и *так далее* и тому подобное,—все это должны делать с.-д. И именно кадеты самым беспощадным образом воюют против этой работы с.-д. Именно дискредитирование кадетов является одним из условий этой работы и залогом привлечения сочувствия масс к этой работе.

Кто говорит о «падении» в бездну правительства и в то же время о несвоевременности критики и обвинений в измене, направленных против к.-д., тот не связывает концов с концами в своем рассужде-

нки. Падение «в бездну» есть лишь фигуральный оборот,—это революционная *фраза*, сказал бы я, если бы хотел подражать манере Плеханова. В чьи руки достанется власть? Могут ли рабочие и крестьяне допустить, чтобы она досталась кадетам, которые сейчас же поделят ее со старым самодержавием? Не является ли именно с этой точки зрения особенно необходимым *предостерегать* народ от кадетов?

Мы думаем, что да. Мы думаем, что этой необходимой работе просвещения масс насчет кадетов мешает и вредит оппортунизм Плеханова, который совершенно неосновательно воюет против тактики, разоблачающей истинную сущность партии к.-д.

Говоря, что органическая работа Думы имеет наибольшее агитационное значение, Плеханов обнаруживает самый односторонний взгляд на вещи. Тут Плеханова, как мы уже указали в «Волне», поправляют сами меньшевики, высмеивая вполне справедливо «думскую» перспективу «нагородить кучу законов». Россия до сих пор была страной с наибольшим количеством бумажных полицейских законов. Если Дума будет все время делать «органическую» работу, Россия скоро может оказаться страной с наибольшим количеством бумажных радикальных законов. Воображать, что агитационное действие этих законов или законопроектов прямо пропорционально их длине и их количеству, есть величайшее педанство. Чтобы думать так, надо забыть пример Франкфуртского парламента, который делал основательнейшим образом свою «органическую работу» и воображал, подобно Плеханову, что именно органическая работа имеет наибольшее агитационное значение. Чтобы думать так, надо не видеть того, что уже происходит в России; надо не видеть признаков утомления публики бесконечной водичей кадетских речей в Думе, не видеть, какое впечатление производят «каторжные» законопроекты кадетов и жалкий лепет их в свое оправдание по поводу них, не видеть этого безгранично-отвратительного, мещанского страха кадетов перед надвигающейся новой волной, перед неизбежной новой борьбой, перед тем, что Плеханов назвал «падением в бездну». Разоблачение кадетов, товарищ Плеханов, это и есть подготовка сознания широких народных масс к этому падению, к активному участию в нем, к *отстранению* кадетов «от пирога» во время него, к смелой и бодрой подготовке к нему.

Дума будит, Дума разоблачает последние иллюзии, говорят нам. Верно. Но «Дума» делает это лишь в той мере, в какой *мы* разоблачаем робость и шаткость *кадетской* Думы,—лишь в той мере, в какой *мы* разъясняем связанные с Думой факты, показывающие падение иллюзий. Кадеты не делают этого. Кадеты противодействуют этому.

Кадеты распространяют конституционные иллюзии. Зубатовщина ²¹²) тоже будила рабочих, тоже разоблачала иллюзии, но она делала это тоже в такой лишь мере, в какой мы боролись с развращением народа зубатовщиной. И пусть не пробуют опровергнуть этого довода заявлением, что Дума не зубатовщина. Сравнение не есть отождествление. Пусть попробуют найти мне кадетскую газету или крупное политическое выступление кадетов, в которых (в газете или в выступлении) не было бы элементов *развращения* политического сознания народа.

Вот что забывает т. Плеханов, когда он величественно и важно заявляет: «Вот смысл философии всей: хорошо все то, что содействует политическому воспитанию народа, дурно все, что препятствует ему». Остальное—предрассудок, схоластика.

Да, да, какое-то крыло социал-демократов, действительно, впадает в безнадежную схоластику. Только какое, правое или левое? Можно ли себе представить что-нибудь более педантское, безжизненное, поистине схоластическое, как это сведение тактики пролетариата в эпоху революции к задаче политического воспитания народа? Да где же тогда грань между социал-демократической классовой борьбой и борьбой дюжинного буржуазного культурника? Революция в разгаре, выступают различные классы, берутся за историческую работу массы, складываются разнообразные оттенки буржуазных партий, обостряется сложный политический кризис, вырабатывается новая ступень борьбы на почве, подготовленной невиданно богатым событиями и опытом 1905 годом, — и все это свести к одному: к политическому воспитанию народа! Поистине, гениальное открытие нашей классной барышни. Поистине, хорошая «отмычка» для всех конкретных вопросов политики, и притом отмычка, которую целиком примет, обеими руками ухватит любой кадет и даже п. д. р. и даже Гейден. Да, да, вот именно такой «широкий» критерий нам нужен, именно то, что собирает и солидаризует классы, а не сеет ненависть и рознь. Именно так, браво, Плеханов,—говорят все эти добрые люди,—ведь такое «решение» неизбежно затемняет или отдалляет вопрос о той новой «полосе безумия», о том новом «вихре», который так страшен буржуазному сердцу. Никаких вихрей,—никаких катастроф, товарищ Плеханов, будьте же последовательны,—никаких бездн. Политическое воспитание народа, вот наше знамя, вот смысл философии всей.

Товарищ Плеханов вполне и целиком уподобил себя этим среднему немецкому кадету из Фраппкфуртского парламента. Ох, сколько бесподобных речей говорили эти болтуны о политическом сознании

народа! Сколько великолепных «органических» законов выработали они в этих целях! И как благородно протестовали они, когда их разогнали *после того*, как они окончательно надоели народу и потеряли всякое революционное значение.

Нам говорят: русская революция глубже, она идет к подъему, ее не остановит плотина кадетской Думы, кадетских фраз, кадетской робости, кадетских каторжных законопроектов. Да, именно так, господа: русская революция шире, могуче и глубже. Она идет к подъему. Она идет через кадетов. И мы, революционные с.-д., являемся именно выразителями этого более глубокого движения, мы стараемся как раз разъяснить эту высшую задачу рабочим и крестьянам, мы помогаем им в меру наших сил именно подняться выше кадетской плотины.

«Вперед» № 1

от 26 мая 1906 г

О современном политическом положении.

Политическое положение выясняется с такой быстротой, которая нас душевно радует. Весело жить в такое время, когда политической жизнью начинают жить народные массы. Все главные ~~с~~ущественные группы современной России выступили уже, так или иначе, на путь открытого и массового политического действия. Коренные различия интересов вскрываются беспощадно благодаря открытому выступлению. Партии вырисовываются в своем настоящем виде. События размежевывают с железной силой сторонников разных классов, заставляя определить, кто с кем, кто против кого.

В Государственной Думе эти коренные различия классовых интересов, вызывающие политическую размежку, проявляются гораздо более тускло и глухо, чем в низах народной жизни. В Думе есть на то особая партия к.-д., которая всеми правдами и неправдами старается стереть резкие грани, притупить острые противоречия, заглушить взрывы борьбы, вспыхивающей то тут то там, а в «низах» брожение все усиливается. Опять шевелится со всей массовой силой пролетарий, крестьянин, солдат, железнодорожный служащий. Растет стачечное движение, вырабатываются новые формы стачек («посменные стачки» одного производства за другим — мы еще вернемся к этим посменным стачкам), обостряется непосредственная крестьянская борьба за землю, учащаются известия о пробуждении забитых солдат и матросов, начинают «оправляться» железнодорожники. Что-то новое и свежее движется, шумит, бродит и волнуется повсюду.

Новые ростки неудержимо пробивают себе дорогу из-под груды развалин.

И хотя кадеты стараются поплотнее закрыть ставни в Таврическом дворце, жизнь берет свое, свежий ветер врывается и туда. Работа классовой размежки и политического прояснения идет и там. Кадеты еще главенствуют над трудовиками. Они празднуют и сегодня свою вчерашнюю победу, когда они провалили предложение трудовиков о немедленном проведении закона относительно смертной казни, — когда они заставили трудовиков взять назад предложение немедленно учредить земельные комитеты, местные свободно выбранные комитеты для решения вопроса о земле.

Но самый уже тот факт, что кадетам приходится все чаще бороться за главенство в Думе, показывает ясно какую-то глубокую разницу между ними и трудовиками. Чем чаще и чем острее эти боевые схватки, тем определеннее выступает перед народной массой разница между либеральным помещиком, фабрикантом, адвокатом, профессором — и мужиком. Мужик всей душой ищет народной свободы, и именно потому не ужиться мужику с партией «народной свободы». Мужик потягивается в поисках земли и воли, и от одних этих потягиваний трещит по всем швам пресловутое народолюбие пресловутой партии «народной свободы».

Кадеты все еще побеждают трудовиков, по их победы либо порождают прямые скандалы для их партии, либо разоблачают всю их «натуру» с самой отрадной для пролетариата откровенностью.

Первый случай произошел именно с каторжным законопроектом кадетов о свободе печати. Они оправдываются, стараются вывернуться. Но жалкие увертки запутывают их еще больше. Признаваясь в «ошибке», в напечатании «черновика», они до сих пор не могут открыто исправить ошибки, не могут показать беловика.

Второй случай — с местными земельными комитетами. Открытая политическая борьба моментально сплотила всех «левых», т.-е. трудовиков и с.-д. пролетариат, против кадетов. Меншевики сошлись с большевиками в оценке истинных намерений кадетов: предать революцию, тушить революцию посредством «бюрократических» проектов, посредством *объединения чиновников и либералов против мужиков*. Вопрос встал ясно: должны ли чиновники и либеральные помещики подчиниться десяткам миллионов крестьян или эти десятки миллионов горстке чиновников и либералов? Весь рабочий класс, все с.-д. представители пролетариата встали, как один человек, за крестьян против чиновников и либералов. А кадеты посрамили себя великолепно. Мы заставили их публично признаться в том, что *полной*

воли и всей земли крестьянам они дать не хотят, что против крестьян они ищут помощи у чиновников. В местных земельных комитетах должны безусловно преобладать крестьяне, говорят одни: крестьян десятки миллионов, а чиновников и помещиков сотни тысяч. Другие отвечают: должны быть равномерно представлены помещики и крестьяне, а чиновники будут участвовать и «контролировать».

Пролетариат и сознательное крестьянство по одну сторону, чиновники и кадеты — по другую. Такова группировка, которую предписывает жизнь в теперешней, немедленно предстоящей борьбе.

Хвала вам, кадетские государственные мужи! Хвала вам, писатели газ. «Речи» и «Думы», — вы бесподобно помогаете нам, революционным социал-демократам разъяснять народу неподкрашенную политическую действительность! Вы помогаете нам и своими теориями, и своими делами.

В своих теориях вы должны идти все дальше. Вы прекрасно ставите вопрос сегодня: дело сводится «к принципиальной разнице взглядов» («Речь» № 84). «По одному взгляду, Дума есть лишь один из «этапов революции» *), тогда как по другому Дума есть путь к упрочению конституционного строя на широкой демократической основе».

Превосходно, восхитительно, господа писатели из «Речи»! Именно так: перед нами *два* основных принципиальных взгляда. Либо Дума — это этап революции. Либо Дума — орудие соглашения чиновника и кадета против пролетариата и революционного крестьянства. Вы недовольны таким пересказом? Вы протестуете? Какие же вы шутники! А разве вы не разоблачили себя вполне по вопросу о местных земельных комитетах? Какой же дурак теперь не поймет, что под «широкой демократической основой» скрывается *по возможности равномерное* представительство мужиков и либералов при *участии с правом контроля* господ Горемыкиных или иных чиновников?

И если кто остается глух ко всем словам, речам, заявлениям и теориям кадетов, того просветят завтра же их *дела*. И это не за горой. Мы скажем только по адресу «партии народной свободы»: что делаешь, челай скорее!

А что именно делает она, о том следуют пункты.

Поворот в политике нашего правительства усердно обсуждается газетами. Французские банкиры не дают денег, отказываются от уплаты очередных взносов. Самая влиятельная газета французских

*) «Орудие революции», говорит резолюция Объединит. съезда Р. С.-Д Р. П. (см Приложение II к этому тому. *Ред.*)

капиталистов, «Le Temps», самым настоятельным образом советует русскому правительству сделать уступки кадетам. Витте и Дурново поехали за границу с тем, чтобы уговорить французских банкиров. Не удастся. Не верят. Трепов усиленно обсуждает вопрос о составе повсего министерства. В премьеры прочат Коковцева²¹³) или иного чиновника. В министры прочат правых кадетов.

Нам скажут, пожалуй, что это все газетные сплетни. Возможно. Но возможно и то, что кусочек правды и тут есть. Без огня дыму не бывает. Газета «Новое Время» — давно известный флюгер. Ее способность держать нос по ветру и прислуживаться к начальству доказана в течение десятков лет. Эта газета именно в последние дни заметно поворачивает фронт. Вместо сплошной ругани по адресу кадетов мы читаем в ней самые горячие призывы к тому, чтобы правительство уступило кадетам и *составило кадетское министерство*. Но, может быть, кадеты возмущены ложью «Нового Времени»? Нисколько. «Речь» уже *дважды* (№ 82 и № 84) *цитирует* по этому вопросу «Новое Время» без единого слова протеста, с явным сочувствием, жалея лишь иногда об отзвуках старины в том же «Нов. Времени».

Итак, возможно, что мы накануне кадетского министерства с кем-нибудь вроде Коковцева во главе. Вечерние газеты сегодня сообщают даже, что министерство Горемыкина подало уже вчера в отставку. И мы еще раз скажем «партии народной свободы»: что делаешь, делай скорей. Ничто не внесло бы такой полной и полнейшей ясности в современное политическое положение, как назначение верховной властью кадетского министерства. Именно тогда исчезнут последние близорукие надежды на кадетов, именно тогда сплотятся окончательно на живом политическом деле все «левые», имсипо тогда исчезнут всякие споры о поддержке Думы и думского министерства, именно тогда политическая группировка, которая теперь наметилась, станет реальным фактом и основой нового «этапа»...

Этот «этап» придет, впрочем, и без кадетского министерства. Мы «подкованы на все ноги», г.г. кадеты!

«Вперед» № 3

от 28 мая 1906 г.

Пусть решают рабочие.

Перед социал-демократическим пролетариатом России и особенно Петербурга стоит важнейший вопрос, как провести ближайшую политическую кампанию по отношению к Гос. Думе. Само собою понятно, что для единой с.-д. партии этот вопрос о *ближай-*

шей кампании ставится только в пределах резолюции Объединит. съезда.

Петербургскому с.-д. пролетариату рекомендовано два плана кампании: один в резолюции Ц.К., другой в резолюции П.К. Мы напечатали уже в № 2 «Вперед» обе эти резолюции²¹⁴) и теперь намерены остановиться на существенном различии их содержания. Главный пункт резолюции Ц.К. гласит: «мы будем поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее созыву Учр. Собрания». Резолюция П.К. ничего не говорит о поддержке подобного требования, перенося главное внимание на глумление правительства, на бессилие Думы, на необходимость обращения трудовой группы к народу, на неизбежность новой и совместной борьбы рабочих и крестьян.

Итак, главный спорный пункт сводится к тому: поддерживать ли шаги Думы, направленные к составлению кадетского министерства или нет. Резолюция Ц.К. выражается неясно, говоря о «министерстве, назначенном Думой». Но все знают и вся либерально-буржуазная печать подчеркивает, что речь идет на деле именно о назначении верховной властью министерства, угодного Думе, т.-е. кадетского министерства. Только в этом смысле могут понять резолюцию Ц.К. и широкие массы рабочего класса.

Может ли с.-д. пролетариат поддерживать требования о назначении верховной властью кадетского министерства? Нет, не может. Кадетское министерство может быть лишь *сделкой* самодержавия с либеральной буржуазией против социалистических рабочих и против революционного крестьянства. С.-д. используют, конечно, с удвоенной силой то новое положение, которое создалось бы при такой сделке; с.-д. тщательно взвешают свою тактику, если эта сделка даст хоть временное облегчение борьбы за свободу и за социализм. Мы постараемся и эту сделку, направленную против революции, обратить на пользу революции. Но *поддерживать* заключаемой за спиной народа сделки буржуа с чиновниками мы не можем. Призывать народ или пролетариат к такой поддержке значит развращать его сознание, значит скрывать от него правду о *сущности* этой сделки, об ее *опасности*, о стремлении буржуазии и чиновничества *затруднить* этим созыв Учред. Собрания.

Мы должны призывать рабочих и крестьян не к поддержке сделок, а к борьбе. Только серьезная подготовка к борьбе *действительно* ослабит самодержавие, только в борьбе—залог того, что *все и всякие* шаги как самодержавия, так и буржуазии послужат *действительно* на пользу революции. Резолюция Ц. К. *неправильна*. Сознатель-

ные рабочие с.-д. *не могут* принять этой рекомендованной им резолюции.

Теперь второй вопрос. Не обязательно ли принять эту резолюцию во имя дисциплины, во имя подчинения съезду? Посмотрите на резолюцию Объед. съезда о Г. Д. и вы увидите, что из нее невозможно вывести поддержку требования составить кадетское министерство, в ней нет даже *ни слова* о «поддержке» Думы вообще. Вот *полностью* та часть резолюции съезда, которая *определяет* отношение к самой Думе: «С.-д. должна 1) планомерно *использовать* все конфликты, возникающие как между правительством и Думой, так и внутри самой Думы в интересах расширения и углубления революционного движения, и для этого а) стремиться *расширить и обострить* эти *конфликты* до пределов, дающих возможность сделать их *исходной точкой широких массовых движений*, направленных к *низвержению* современного политического порядка; б) стараться в каждом данном случае связать политические задачи движения с социально-экономическими требованиями рабочей и крестьянской массы; в) широкой агитацией среди народных масс за предъявление Г. Думе *революционных требований*—организовать *давление на Думу* *извне* в целях ее *революционизирования*. 2) Направлять это свое *вмешательство* таким образом, чтобы эти обостряющиеся столкновения а) обнаруживали перед массой непоследовательность всех буржуазных партий, которые возьмут *на себя* в Думе роль выразителей народной воли, и б) довели широкую массу (пролетариата, крестьянства и городского мещанства) до сознания *полной непригодности Думы*, как представительного учреждения, и необходимости созыва Всенародного Учредительного Собрания» и т. д.

Из подчеркнутых нами мест ясно видно, что резолюция Ц. К. о поддержке требования насчет кадетского министерства не только не соответствует резолюции съезда, а прямо *противоречит* ей. Кадетское министерство—требование *переволлюционное*. Конфликты с Думой и внутри Думы оно *ослабляет и затемняет*, непригодность Думы оставляет в тени и т. д. и т. д. Добавим, что резолюция съезда *ни разу* не говорит о «поддержке» Думы, а только о «давлении», «использовании», «вмешательстве».

Вывод отсюда очевиден. Ц. К. *безусловно не вправе* требовать от организаций партии принятия его резолюции о поддержке требования насчет кадетского министерства. Все члены партии *обязаны* вполне самостоятельно и критически отнестись к вопросу и высказаться за ту резолюцию, которая по их мнению *вернее* решает задачу в пределах постановлений Объед. съезда. Петербургские с.-д. рабочие

знают, что вся организация партии строится теперь *демократически*. Это значит, что *все* члены партии выбирают должностных лиц, членов комитетов и т. и., что *все* члены партии обсуждают и *решают* вопросы о политической кампании пролетариата, что *все* члены партии *определяют* направление тактики партийных организаций.

Мы уверены, что петербургский с.-д. пролетариат так и отнесется к спорному вопросу, обсудит его всесторонне, обстоятельно, деловым образом и вынесет самостоятельное решение: *поддерживать требование кадетского министерства или нет?*

От этого своего *права*, от этой своей с.-д. и партийной *обязанности* петербургские рабочие не позволят отклонить себя никакими софизмами, т.-е. никакими явно-ложными доводами. Мы лишь вкратце отметим эти софизмы. Л. Мартов в «Курьере» (№ 13) говорит: во имя дисциплины не расстраивайте политической кампании Ц. К. Это—софизм. Никакая дисциплина не обязывает членов партии слепо подписывать все проекты резолюций, составленные Ц. К. Нигде и никогда не бывало на свете таких правил, чтобы партийные организации отказывались от права своего суждения и превращались в *подписывателей* резолюций Ц. К. Л. Мартов говорит: меньшевики подчинились насчет бойкота, теперь подчинитесь вы. Это—софизм. Решениям съезда *мы все* подчинились. Против выборов в Думу и против назначения парламентской фракции с.-д. *никто из нас* не призывал бороться. Мы подчинились, мы отказались, по воле съезда, от бойкота. Но мы вправе и обязаны бороться, *в пределах решений съезда*, против поддержки кадетского министерства, *никаким съездом не предписанной*. Л. Мартов обходит суть дела одними страшными словами и инсинуациями насчет дезорганизаторов. Он ни звука не проронил о том, противоречит ли резолюция П. К. решению съезда. Он ни звука не проронил о праве *оппозиции*, т.-е. о праве *всякой* партийной организации, в пределах воли съезда, оспаривать тактику Ц. К. и исправлять его уклонения и ошибки. Мы спокойно ответим поэтому Мартову: дезорганизует тот, кто нарушает законные права партийных организаций.

Мы спокойно укажем на то, что даже меньшевики (см. письмо в редакцию тов. Власова в этом же номере) несогласны с поддержкой кадетского министерства. Даже тов. Рьянишев в № 13 «Курьера» призывает *«рабочую и трудовую группы»* «всеми силами бороться» против кадетского законопроекта о свободе собраний, т.-е. предлагает *чисто-большевистскую* тактику, *исключающую* поддержку министерства тех же самых кадетов.

Если выборгский районный комитет предлагает созыв общегородской конференции с выбором делегатов «без различия фракций,

т.-е. без всяких дискуссий»,—без обсуждения того, о чем идет спор!!—то петербургские с.-д. рабочие, конечно, лишь посмеются над этим решением. *Без обсуждения* никогда сознательные рабочие не будут решать важного вопроса. Ни жалкие слова о той или иной «резкости» при обсуждении, ни плач Л. Мартова по поводу той или иной обидевшей его резкости, ни угрозы расколом со стороны того же Л. Мартова или со стороны кого бы то ни было не заставят рабочих отказаться от *самостоятельного* решения вопроса. Угроза расколом, провокация на раскол—прием недостойный, радующий только буржуазию (см. № 29 «Думы»). Рабочие *по большинству* решат вопрос о поддержке кадетского министерства и добьются того, чтобы никто, даже Ц. К., *не посмел срывать их решения*, вполне свободного, вполне самостоятельного, вполне правомерного на основании постановлений Сбъед. съезда.

«Вперед» № 6

от 1 июня 1906 г.

„Не кверху нужно глядеть, а книзу“.

Так говорит сегодня в газете левых кадетов, «Нашей Жизни», г. И. Жилкин ²¹⁵). С грустью отмечает он «сияние самодовольства» на кадетских лицах. Восторженное заявление г. Милюкова: «Кадеты дифференцируются от крайней левой», возбуждает его протест. Он высмеивает «необычайную политическую мудрость» кадетов, признающих «безвыходность» положения и в то же время хвастающих о смелом направлении государственного корабля в фарватер...

Остановимся на этих рассуждениях, которые затрагивают самый коренной вопрос сегодняшнего политического положения. И, с нашей точки зрения, особенно важно подчеркнуть, что верная оценка этого положения *навязывается* теперь силою событий даже людям, совершенно не разделяющим взглядов левых с.-д., воюющих против нас особенно усердно.

Слухи из парижского клуба русских реакционеров сообщают, что «все колебания в Петергофе прекратились. Роремыкин получил полную свободу действий», т.-е. свободу расправиться с Думой. И «Наша Жизнь», чуждая стремлению большевиков рисовать все в мрачных красках, говорит: «Мы имеем все основания относиться с полной доверчивостью к этим слухам»... «Борьба обостряется...—заканчивает передовицу эта газета. — Поднявшие меч от меча и погибнут». А г. И. Жилкин пишет: «Много ли в России людей, верящих в мирный победный исход парламентской работы? Нужно быть романтиком,

мечтателем, идеалистом, чтобы погрузиться с головой в такие розовые мечты». И, рядом, г. В. Хижняков²¹⁶) заявляет: «Нам не избежать революционных бурь,—это надо признать. Дума бессильна свернуть движение на мирный путь, ибо у нее нет власти улучшить народную жизнь, а без этой власти нет других, кроме революционных, путей. И уже теперь ясно ощущается, как постоянно увеличивается чувство неудовлетворенности, как все с большей силой исчезает вера во всемогущество Думы и как вместе с тем растет отчаяние» (неверие в Думу, как и неверие в бога, не есть еще «отчаяние»). «Атмосфера постепенно насыщается электричеством, можно слышать иногда глухие раскаты грома, и разряды стихии, быть может, уже недолго ждать».

Так говорят люди, суждение которых нам особенно ценно вследствие их предвзятого отрицательного отношения к революционной социал-демократии. События *заставили* этих людей повторить именно те положения, на которых мы всегда настаивали и за которые нас всегда громила, разносила, порочила либеральная буржуазия, создававшая про «большевиков» целую грудку сплетен лжи и клевет.

«Не кверху нужно глядеть, а книзу». Это значит, что в силу объективных исторических условий, не зависящих от нашей воли, *главной* формой освободительного движения в России в настоящее время *не* может стать парламентская борьба. Не об «отрицании» ее идет речь, не об отказе использовать ее,—об этом нечего и говорить,—а о том, что *главная* и решающая борьба надвигается, в силу всего хода событий, на другой арене. Либеральная буржуазия бесконечное число раз клеветала на нас, большевиков, что мы «легкомысленно толкаем на крайние средства» («Речь» № 88). Посмотрите же, господа, неужели мы «толкнули» Жилкина, Хижнякова, передовика «Нашей Жизни»? Неужели мы «толкнули» курских и полтавских солдат, киевских, саратовских и других крестьян?

Мы «толкали» и будили тех, кто всегда ходил с «сиянием самодовольства» на лице. Мы говорили, что не от нашей воли зависит выбор той или иной формы освободительной борьбы, что необходимо трезво и беспощадно смотреть в лицо действительности, которая не оставляет почвы для пути, ныне и «Нашей Жизнью» признаваемого закрытым. Мы говорили, что социалисты не могут и не должны жертвовать коренными интересами демократии и социализма ради минутных успехов,—они обязаны вскрывать перед массой горькую правду о ненадежности кадетов, о бессилии Думы, о неизбежности революционных бурь. Если масса не поймет нас сегодня, увлекшись красноречивым кадетством на избирательных собраниях, если масса не поймет нас завтра, увлекшись первыми днями первого русского парламента,—

то послезавтра она убедится в нашей правоте. События заставят ее видеть в революционной социал-демократии партию, которая не обольщается мишурой, которая выдержанно и стойко призывает «глядеть» именно в ту сторону, где неизбежно разыгрывается борьба, решающая судьбу настоящей (а не кадетской) народной свободы.

Наша революция именно потому есть великая российская революция, что она подняла к участию в историческом творчестве гигантские народные массы. Классовые противоречия еще далеко не с полной резкостью развились внутри этих масс. Политические партии еще только складываются. Мы не в силах поэтому ни направить массы, ни удержать их в сколько-нибудь значительной степени. Но мы можем, изучив действительное положение и взаимоотношение классов, предусмотреть неизбежность того или иного направления их исторической работы,—той или иной главной формы их движения. И эти наши социалистические знания мы должны самым широким образом распространять в массах, не смущаясь тем, что истина зачастую бывает очень горька, что ее не видно сразу за мишурой модных политических вывесок или эффектных политических учреждений,—не поддаваясь чарованию красных вымыслов. Мы исполним свой долг, если все сделаем для такого просвещения массы и для подготовки ее к формам движения, незаметным для поверхностного наблюдателя, но неизбежно вытекающим из всего экономического и политического положения страны. Мы не исполним своего долга, если направим все свои взоры «кверху», и прозеваем то, что идет, растет, приближается и надвигается внизу.

«Вперед» № 7

от 2 июня 1906 г.

Реакция начинает вооруженную борьбу.

Давно уже указывала социал-демократическая печать на непрочность, на беспочвенность пресловутого русского «конституционализма». Пока держится старая власть и держит в руках всю громадную машину государственного управления,—до тех пор нельзя и говорить серьезно о значении народного представительства, о возможности удовлетворить наболевшие нужды миллионов народа. Начались заседания Гос. Думы,—полились особенно бурным потоком либерально-буржуазные речи о мирном конституционном пути,—начались и стали все усиливаться организуемые агентами правительства избиения мирных демонстрантов, поджоги домов с народными собраниями, наконец, прямые погромы.

А крестьянское движение растет. Забастовки рабочих становятся все острее, все чаще и шире. Самые отсталые военные части, пехота в провинции, казачество, приходят в волнение.

Слишком много горячего материала в русской жизни. Слишком велика и остра борьба, подготовленная веками невиданных в истории насилий, истязаний, мучительства, грабежей и эксплуатации. Нельзя уложить этой борьбы народа со старой властью в рамки борьбы Думы за то или иное министерство. Нельзя удержать самых забитых и темных «подданных» от заявления требований просыпающейся человеческой и гражданской личности. Нельзя удержать призывом к законности старую власть, которая всегда сама сочиняла законы, которая борется за свое существование последними самыми отчаянными дикими и бешеными средствами.

Погром в Белостоке ²¹⁷)—особенно яркий факт этого начала вооруженных действий правительства против народа. Старая, но вечно новая,—вечно до победы народа, до полного сметения старой власти—история российских погромов! Вот несколько выдержек из телеграммы выборщика белостокских граждан, Цирина: «Начался еврейский погром, *подготовленный заранее*». «Вопреки распространившимся слухам, из министерства в течение целого дня *никаких распоряжений не поступало*». «Погром усердно агитировался уже две недели; по улицам, в особенности по вечерам, раздавались прокламации, призывавшие к избиению не только евреев, но и интеллигенции; *полиция смотрела на это сквозь пальцы*».

Старая, знакомая картина! Полиция готовится к погрому заранее. Полиция подстрекает; в правительственных типографиях печатаются воззвания об избиении евреев. Полиция бездействует в начале погрома. Войска молча смотрят на подвиги черной сотни. А потом,—потом та же полиция продолжает комедию суда и следствия над погромщиками. Суд и следствие чиновников старой власти приводят неизменно к одному результату: дело 'затягивается, погромщиков виновных не оказывается, кое-когда даже избитых и изувеченных евреев и интеллигентов тянут под суд, проходят месяцы,—старая, но вечно новая история забывается, впредь до следующего погрома. Подлое подстрекательство, подкуп и спаивание подонков нашей проклятой капиталистической «цивилизации», зверское избиение вооруженными безоружных, комедия суда и следствия, производимых самими виновными. И могут еще находиться люди, которые, видя эти явления русской жизни, думают и говорят, будто что-то «легкомыслие» призывает народ к «крайним средствам»! Не только легкомыслие нужно, нужна дрянность души, нужна политическая испорченность, чтобы

говорить подобные вещи пред лицом таких событий, как сожжение народного дома в Вологде (начало заседаний Гос. Думы) или Белостокский погром (месяц заседаний Думы). Миллионы призывов не произведут на народ и сотой доли того действия, как одно такое событие. И говорить о «легкомыслии» призывов—такое же беспросветное педанство, такое же гражданское омертвение, как осуждение бешеного крика мести, несущегося с поля Вологодских и Белостокских сражений.

Гос. Дума поступила очень хорошо, поставив немедленно на обсуждение запрос по поводу Белостокского погрома и отправив членов Гос. Думы в Белосток для расследования дела на месте. Но, когда вы читаете этот запрос, когда вы сопоставляете с ним речи депутатов Гос. Думы и общезвестные факты погромов,—получается глубокое чувство неудовлетворенности, чувство возмущения нерешительным языком запроса.

Судите сами. Авторы запроса говорят только: «население *опасается*, чтобы со стороны местных властей и злостной агитации не сделано было попытки представить пострадавших виновниками постигшего их бедствия»... «в этом направлении распространяются лживые сведения». Да, да, забитое и измученное еврейское население *опасается* и имеет все основания опасаться этого. Это правда. Но ведь это *не вся правда*, господа члены Думы и авторы запроса! Вы-то, не избитые пока еще и не измученные депутаты народа, прекрасно знаете, что это не вся правда. Вы знаете, что забитое население *не смеет* назвать *истинных* виновников погрома. *Вы должны их назвать*. На то вы депутаты народа. На то вы пользуетесь—даже по российским законам—полной свободой слова в Государственной Думе. Не становитесь же между реакцией и народом в такие минуты, когда вооруженная реакция душист, избивает, калечит невооруженный народ. Становитесь *прямо и целиком* на сторону народа. Не ограничивайтесь передачей обывательского опасения, что гнусные виновники погромов признают виновниками убитых. *Выступайте с прямыми обвинениями этих виновников*—это ваш прямой долг перед народом. Спрашивайте правительство не о том, принимаются ли меры к защите евреев и для предупреждения погромов, а о том, долго ли будет еще правительство прикрывать истинных виновников, принадлежащих к составу правительства. Спрашивайте о том, полагает ли правительство, что народ еще долго будет в заблуждении насчет этих истинных виновников. Обвиняйте правительство открыто и во всеуслышание, призывайте народ к организации милиции и самообороны, как к *единственному* средству защиты от погромов.

Это не соответствует «парламентским обычаям», скажете вы. И вам не стыдно *даже* теперь выдвигать такие доводы? И вы не понимаете, что народ осудит вас, если вы даже в такие минуты не бросаете игры в парламент, не осмеливаетесь сказать прямо, открыто, громко то, что *вы на самом деле знаете и думаете?*

А что вы знаете правду о погромах, это видно из речей депутатов Думы. Кадет Набоков говорит: «Мы знаем, что во многих случаях администрации отнюдь не удавалось сбросить с себя подозрение в том, что единовременность возникновения погромов является результатом либо черносотенных организаций, действующих *с ведома местных властей*, либо в лучшем случае систематического бездействия их».

Если вы *знаете* это, господа кадеты, то вы должны были сказать это в запросе. Так и надо писать: мы *знаем* то-то и спрашивает о том-то. И если вы знаете «лучшие» случаи, то *неприлично* депутатам народа молчать о *худших* случаях: о прямой организации погромов полицией по приказу из Питера.

«Белосток не исключительный случай» — справедливо сказал Левин ²¹⁸). «Это одно из последствий той системы, с которой вы хотите бороться». Правильно, гражданин Левин! Но если мы в газете можем говорить только о «системе», то вам в Думе надо говорить прямее и резче.

«Погромы, это—целая система. В октябрьские дни... правительство... не нашло другого средства, чтобы бороться с освободительным движением... Вы знаете, чем окончилась эта глава истории. Теперь повторяется то же самое... Эта система подготовлена и задумана *коварно и столь же коварно* исполняется. Во многих случаях мы отлично знаем, кто эти погромы подготавливает, мы отлично знаем, что прокламации *рассылаются жандармскими управлениями*».

Еще раз: правильно гражданин Левин! И надо было в запросе написать: полагает ли министерство, что Дума не знает общеизвестного факта о рассылке прокламаций жандармами и полицией?

Депутат Рыжков ²¹⁹) прямо назвал *ложью* объяснение погромов племенной враждой,—злым вымыслом—объяснение их бессилием власти. Депутат Рыжков привел ряд фактов «сотрудничества» полиции, погромщиков и казаков. «Я живу в крупном промышленном районе — сказал он. — и знаю, что погром, например, в Луганске не принял ужасающих размеров *только потому* (слушайте это хорошенько, господа: *только потому*), что *безоружные рабочие* голыми руками гнали погромщиков под страхом быть застреленными полицией».

«Обвинение правительства» озаглавливает газета «Речь» этот отдел думских прений. Хорошее заглавие. Но место этому заглавию не в газете, а в *тексте запроса* Думы. Либо писать эти запросы так, чтобы они были огненным обвинением правительства перед народом,—либо вызывать горькие замечания и насмешки за вопиющее несоответствие между чудовищностью фактов и канцелярскими умолчаниями канцелярски-сдержанных запросов. Только вступив на первый путь, Дума отучит reactionеров смеяться над пей. А то reactionеры прямо и открыто издеваются. Прочтите сегодняшнее «Новое Время». Эти лакеи погромщиков хохочут, веселятся: «Нельзя не отметить с особым удовольствием (!!) ту поспешность, с какой Дума запросила министра о еврейском погроме в Белостоке». Вы видите: погромщики испытывают особенное удовольствие,—лакей выбалтывает правду. Реакция довольна и Белостокским погромом и тем, что можно Думу теперь ругать «еврейской» Думой. Реакция глумится: «Если следует прощать погромы собственности крестьянами в русских губерниях, как сегодня говорили в Г. Думе, то следует точно так же прощать и погромы еврейской собственности в Западном крае».

Вы видите, господа думцы: reactionеры прямее вас. Речи reactionеров сильнее, чем ваши речи в Думе. Reactionеры не боятся войны. Reactionеры не боятся связать Думу с крестьянской борьбой за свободу. *Не бойтесь вы и вы связать reactionную власть с погромщиками.*

«Вперед» № 9

от 4 июня 1906 г.

Колебания сверху, решимость снизу.

Мы переживаем, по всей видимости, один из самых важных моментов революции. Новый подъем широкого и массового движения против старого порядка наметился уже давно. Теперь этот подъем близится к высшей точке своего развития. Выборы в Думу и первая неделя заседаний и работ оппозиционной Думы сыграли роль «копечной свечки», от которой загорелся пожар по всей стране. Горючего материала оказалось такая еще бездна, атмосфера оказалась настолько еще «нагретой», что никакие предохранительные меры не помогли.

И теперь уже для всех становится ясным до очевидности, что пожар действительно охватил всю страну. Поднялись действительно новые слои—и пролетариата, даже такого, который полгода тому назад поставлял черносотенцев, и особенно крестьянства. Армия, свя-

занная с наиболее отсталыми слоями крестьянства и подбираемая искусственно так, чтобы выкидывать вон, забивать и душить все живое и свежее,—даже армия оказалась почти что целиком пылающей. Известия о «бунтах» и вспышках в войске летят со всех сторон, как искры при большом пожаре.

Газетные репортеры, имеющие кое-какие связи с бюрократией, сообщают, что военный министр предостерегает от распускания Думы, не считая в этом случае возможным положиться на армию.

Неудивительно, что правительство колеблется при таком положении дел. Правда, колеблясь, правительство тем не менее готовится самым недвусмысленным образом к кровавому подавлению революции. Провокация усиливается. Свободной печати объявлена война не на жизнь, а на смерть. Левые газеты «конфискуются» вопреки всяким законам». Кронштадт наводнен специально посланными войсками. Белостокский погром—прямое начало контр-революционных действий и притом вооруженных действий. Правительство колеблется, в его рядах раздаются голоса предостерегающие, голоса, зовущие к сделке с кадетами, но из-за этих колебаний, из-за этого «раздумья» оно не забывает ни на минуту своей старой, привычной, испытанной политики прямого насилия.

Реакционеры—люди дела, говорил Лассаль ²²⁰). Наши реакционеры оправдывают эти слова. Они раздумывают, взвешивают, колеблются, переходить ли сразу в общее наступление по новой линии (т.-е. распускать ли Думу). Но они *готовят* наступление, не отрываясь от этого «дела» ни на минуту. Они рассуждают правильно, с точки зрения хищников, которые уже попали в петлю, неуклонно стягивающуюся вокруг их шеи. Уступить кадетам, обещающим «сильную власть»? или расправиться огнем и мечом? Подождем с первым исходом,—решают они сегодня,—подождем, ибо *это* успеется и завтра, а второй исход во всяком случае надо готовить. Многие из них рассуждают, несомненно, и так: сначала испробуем и второй исход, выбрав момент поудобнее. А уступить кадетам успеем в последнюю минуту, когда уже досконально убедимся, что нельзя *всего* вернуть массовым кровопролитием!

Рассуждение, для хищников, вполне правильное. Без отчаянной и беспощадной борьбы они, понятно, не сдадутся. А на случай худого конца, они, конечно, готовят себе отступление к сделке с кадетами, к союзу с ними на той платформе «сильной власти», о которой так кстати напоминает им г. Струве. Реакционеры готовят серьезный и решительный бой, рассматривая сделку с кадетами, как побочный результат неудачного исхода боя.

Пролетариат должен трезво и прямо смотреть на задачи революции. По «деловой» постановке великих вопросов он не уступит реакционерам. Направлять все свое внимание, все заботы и все усилия на неизбежный, завтра или послезавтра, решительный бой—и рассматривать сделку правительства с кадетами, как побочный результат одного из возможных этапов революции. Пролетариату нечего бояться этой сделки: на ней сорвутся и Треповы, и умеренные либералы. Пролетариат ни в каком случае не должен ни прямо, ни косвенно поддерживать этой сделки, поддерживать требование ответственного министерства из думского большинства. Ни *срывать* этой сделки теперь нам не нужно, ни поддерживать ее мы не будем. Мы идем *своей* дорогой, мы остаемся партией передового класса, который не даст массам *ни единого* двусмысленного лозунга, который не свяжет себя ни прямо, ни косвенно ни с единым грязным делом буржуазии, и который сумеет при всех обстоятельствах и при всяких исходах борьбы отстаивать интересы революции.

Компромисс правительства с Думой не невозможен, как один из *частных* эпизодов революции. Социал-демократия ни проповедывать этого компромисса, ни поддерживать его, ни «срывать» в данный момент не должна. Она сосредоточивает все свое внимание и внимание масс на главном и существенном, а не на побочном и второстепенном. Она использует до последней капли все и всяческие компромиссы буржуазии с старой властью, все колебания вверху. Но она будет неуклонно предостерегать рабочий класс и крестьянство от «дружбы» кадетов. Она должна противопоставить колебаниям сверху беззаветную решимость снизу и, не поддаваясь провокации, твердо и стойко собирать свои силы к решительному моменту.

«Вперед» № 13

от 9 июня 1906 г.

К единству!

Мы накануне выступления парламентской социал-демократической фракции в Государственной Думе. Не подлежит сомнению, что эта фракция может принести теперь большую пользу делу рабочего движения и делу революции своим решительным, последовательным выступлением, заявляя с бесповоротной определенностью требования и лозунги *последовательного* демократизма и *пролетарской* классовой борьбы за социализм. Теперь, когда вопрос о выступлении с.-д. в Думе решен Объединительным съездом Р. С.-Д. Рабочей Партии, об этом нет двух мнений среди социал-демократов. И мы полагаем,

что наши кавказские товарищи поступили вполне правильно, подписав пресловутое «торжественное обещание» членов Государственной Думы и сделав при этом известное заявление в газетах,—подписываем, «чтобы иметь возможность выполнить порученное нам народом дело, и подчеркиваем, что признаем какие бы то ни было политические обязательства только по отношению к народу».

Чем важнее для нашей партии выступление ее представителей в Гос. Думе, тем необходимее взвесить как можно тщательнее принципы с.-д. тактики в данный момент. И надо сознаться, что ход политических событий, необыкновенно ускорившийся за истекшие несколько недель, вносит много света в неясные еще вчера вопросы, помогает определить ясно и точно позицию, стирает много разногласий между правым и левым крылом нашей партии.

В этом отношении мы должны с особенным удовольствием подчеркнуть рассуждения товарищей б. меньшевиков в сегодняшнем номере «Курьера». Передовица «Думские «законы» начинается, правда, с несколько двусмысленной выходки против наименования никчемной болтовней выработки думских законов. Но дело, оказывается, в том, что товарищи не даром ставят слово «законы» в кавычки. Они защищают—и в этом они тысячу раз правы—выработку таких законов, которые не должны быть законами, а должны быть «декларацией», «провозглашением прав народа на свободу», «провозглашением отмены старых преград».

Такие «законы» правильнее всего, пожалуй, было бы назвать не законами, а обращением к народу. Но неразумно настаивать на расхождении словесном, когда получается согласие по существу дела. А согласие получается, действительно, полное. «Совершенно нелепо и вредно.—пишет «Курьер»,—вносить в Думу законопроекты, тщательно и детально разработанные, с десятками и сотнями параграфов, примечаний и пр.» (курив везде наш). Именно так. Подобная работа, по установившемуся словоупотреблению именуемая «органической», действительно вредна. Вредна «потому, что вместо яркого противопоставления, понятного всякому, подобные законопроекты заставляют народную мысль *безнадежно путаться* в дебрях статей и параграфов».

Совершенно справедливо. Народная мысль, действительно, *безнадежно путается* в дебрях «органического» законодательного прожектерства. Народную мысль затемняет, отделяет и развращает это прожектерство, ибо «в жизнь эти законы все равно воплощены не будут. Для того, чтобы их воплотить, нужно раньше *вырвать власть* из рук тех, кто держит ее сейчас. А вырвать власть может *только* такое народное движение, которое на место самой Думы поставит *гораздо*

более властное и демократическое учреждение, вовсе не обязанное считаться с «законами», выработанными Думой». Это перенесение народного внимания на безусловную необходимость вырвать власть, на учреждение, «гораздо более властное», не считающееся с законами кадетской Думы, в высшей степени правильно учитывает основные задачи революционного пролетариата и потребности современного момента.

За непонимание этих задач товарищи из «Курьера» в той же статье превосходно бичуют кадетов. Кадеты пишут свои законопроекты, «как настоящие законодатели, забывая, что законодательной власти в действительности *у них нет ни на грош*». «Они пишут свои «законопроекты» так, как будто завтра же судам придется разбирать деяния граждан по новым кадетским законам».

Стыдно стоять на такой точке зрения, поучает «Курьер» кадетов. Из этого трижды справедливого поучения остается сделать только один вывод и этот вывод напрашивается сам собой. Не может и не должна революционная социал-демократия поддерживать требование о назначении ответственного министерства из думского большинства! Ведь такое министерство будет кадетским министерством и ему в самом деле придется *завтра же* назначать наказания за злоупотребления свободой. Такое министерство может быть сейчас, пока не вырвана еще власть у звездной палаты ²²¹⁾, только либеральной ширмой старой власти. Такое министерство может быть сейчас лишь новым нарядом, которым прикроются на время те же погромщики! Мы разоблачим, конечно, это прикрытие и очень скоро. Мы используем всеми средствами эту новую ситуацию, когда она сложится и когда не только старая власть, но и кадеты вместе с ней запутаются в новом наряде и будут захлестнуты волной. Но мы не должны ни прямо ни косвенно, ни заявлением ни молчанием брать на себя, на партию пролетариата, ни тени ответственности за это переряживание старой власти. Мы не должны бросать в массы лозунга о поддержке нами требования образовать ответственное министерство из думского большинства. Такой лозунг, независимо от нашей воли, неизбежно будет в силу объективных условий современной политической ситуации равняться тому, что на партию пролетариата ляжет часть ответственности за это переряживание, за эту сделку буржуазии со старой властью. Такой лозунг косвенно содержит в себе одобрение так великолепно раскритикованных «Курьером» кадетских «законопроектов» ²²²⁾, ибо нельзя же в самом деле отрицать связи между тем, как проектируют кадеты наказывать за злоупотребления свободой, и тем, как проектируют они получить в виде министерства кусочек власти для применения этих

наказаний,—получить кусочек власти *от* старой власти, для укрепления старой власти, *по сделке* с старой властью, в виде ширмы, заслоняющей натиск народа *против* старой власти.

И не нужен вовсе такой лозунг для рабочей партии. Всю свою работу пропаганды, агитации в массах и создания широких организаций она может вести еще лучше, цельнее, систематичнее и смелее без этого лозунга, противопоставляя наглости погромщиков, «законопроектам» кадетов наши социал-демократические «декреты», «провозглашения», обращения к народу чрез посредство с.-д. фракции в Думе (а при известных условиях и трудовиков вместе с нею), наконец, и те «призывы населения к образованию народной милиции, которая одна лишь способна охранять его жизнь и честь»,—те призывы, которые мы советовали в № 9 «Вперед», которые рекомендует орган Бунда «*Volkszeitung*» и которые так справедливо одобряет «Курьер».

К единству, товарищи! Единство политических выступлений пролетариата складывается с неудержимой силой под давлением всей революционной атмосферы. Не будем затруднять это единство внесением необязательных и спорных лозунгов в нашу тактику. Воспользуемся представляющейся возможностью добиться полного согласия всех социал-демократов в такой момент, который окажется, пожалуй, важнейшим моментом великой российской революции!

*«Вперед» № 14
от 10 июня 1906 г.*

Дума и народ.

Речь товарища Рамишвили ²²³), депутата с.-д. в Государственной Думе, содержит некоторые чрезвычайно верные замечания, правильно определяющие с.-д. тактику. Оратор не только заклеил правительство погромщиков с энергией настоящего представителя пролетариата. Оратор, не только, назвал «народными врагами» представителей правительства, — при чем новая попытка кадетского председателя Думы стеснить свободу слова вызвала законный протест крайней левой. Оратор, кроме того, поставил в конце речи и общий вопрос об отношении Думы к народу.

Вот как высказался с.-д. депутат по этому вопросу:

«Я закапчиваю замечанием, что за нами стоит народ. В жизни делается нечто другое, не то, что мы делаем здесь, в этом зале. Там совсем другая атмосфера, здесь она гораздо мягче, здесь настроение более *миролюбиво*. Может быть, через месяц *мы сами будем решать*

свое дело... Жизнь говорит *гораздо громче*, чем мы говорим здесь о том, что происходит вокруг. Я говорю, что мы стоим между правительством и народом. Дума — это *опасное место*. Пойти влево или пойти вправо, это значит *примириться с кем-либо* или порвать с кем-либо... но не нужно забывать, что *сам народ добьется* того, чего не может добиться Дума благодаря своим *колебаниям и нерешительности*. Я говорю, этот народ иначе настроен, чем мы здесь»...

Мы отметили курсивом особенно важные места в этой речи. Правильно отмечено здесь, что жизнь говорит *гораздо громче*, чем Дума, что в жизни нет такого *«миролюбия»*, что *«народ настроен иначе»*. Это несомненная правда. А из этой правды вытекает тот вывод, что неправы те, кто говорит о поддержке Думы народом. Народ уже теперь обгоняет Думу, говорит громче, проявляет меньше миролюбия, *борется энергичнее*. Значит, единственно верное определение задачи с.-д. — разъяснять самым широким массам народа, что Дума лишь *робко и неполно* выражает требования народа. Только такая постановка вопроса о с.-д. тактике снимает с партии пролетариата ответственность за шаткость кадетов. Только такая постановка, вполне считаясь со степенью развития сознания, решимости и готовности крестьянской массы, оказывается на высоте великих задач момента, — такого момента, про который выборные с.-д. пролетариата прямо говорят: «может быть, через месяц мы сами будем решать свое дело». Для того, чтобы быть в силах *решать* его, необходимо между прочим уже теперь вполне отмежевать себя от всяких либо лживых, либо пedomысленных попыток «миролюбивого» исхода.

И тов. Рамишвили был вполне прав, когда заявил с высоты думской трибуны: «Дума — опасное место». Почему? Потому, что она проявляет «колебания и нерешительность». А колебания и нерешительность в такой момент, когда, может быть, уже через месяц придется самому народу решать свое дело, — прямо преступны. Тот, кто проявляет эти качества, как бы искренни ни были его намерения, *в такой момент неизбежно* попадет в самое фальшивое положение. Не от нашей воли зависит то, что в такой момент неизбежно вырастает из всех экономических и политических условий окружающей нас действительности решительная борьба народа со старой властью. Кто колеблется при виде этой приближающейся борьбы, тому действительно неминуемо придется *«примириться с кем-либо или порвать с кем-либо»*. Кадеты именно в таком положении. Либеральная буржуазия жнет то, что сеяла она годами своей двуличной и колеблющейся политики, своих перебежек от революции к контр-революции. Примириться с старой властью — порвать с борющимся народом.

Порвать со старой властью. — вот что необходимо было бы для того, чтобы примириться с борющимся народом.

Большинство Думы все сделало и делает, чтобы определить свою позицию в этом неизбежном выборе. Это кадетское, а частью даже хуже, чем кадетское, большинство каждым шагом своей политики готовит разрыв с борющимся народом, готовит примирение с старой властью. Эти шаги мелки, возразят нам. Но это — действительные шаги действительной политики, ответим мы. Эти шаги отвечают всем коренным классовым интересам либеральной буржуазии. Именно такой характер «миролюбия» несомненно имеет и *кадетское* требование думского министерства, назначенного старой властью.

И мы не устали повторять, что поддержка этого требования рабочей партией нелепа и вредна. Нелепа, ибо действительное ослабление старой власти причиняет лишь борьба народа, идущего дальше робкой Думы. Вредна, ибо она сеет обман и смуту в умах. Вчера мы отметили, как правильно товарищи из «Курьера» признали нелепость и вред кадетских законопроектов. Сегодня надо пожалеть, что те же товарищи защищают поддержку думского министерства, т.-е. министерства, проводящего эти нелепые и вредные законопроекты!

На этих колебаниях «Курьера» мы остановимся, может быть, подробнее другой раз. Пока достаточно будет указать на них: самый факт колебаний в такой важный момент показывает полную неустойчивость позиции колеблющихся.

«Вперед» № 15

от 11 июня 1906 г.

Борьба за власть и „борьба“ за подачки.

Всем известно, что партия с.-д. еще в своей программе выразила непреклонное убеждение в необходимости *полного народовластия* для действительного удовлетворения назревших нужд народных масс. Если масса народа не будет иметь в своих руках *всей полноты* государственной власти, — если останется в государстве хоть какая-нибудь власть, народом не выбранная, не сменяемая, от народа всецело не зависящая, то действительное удовлетворение назревших и всеми сознаваемых нужд *невозможно*.

Эту непреложную истину с.-д. партия всегда всеми силами распространяла в пролетариате и во всем народе. Действительная, т.-е. массовая борьба за свободу проходила и всегда будет проходить самые различные и часто неожиданные этапы: иначе не может быть вследствие громадной трудности борьбы, сложности ее задач и непосто-

янного состава борющихся. Руководя борьбой пролетариата на всякой ступени развития этой борьбы и при всяких обстоятельствах, социал-демократия, как сознательная выразительница стремлений рабочего класса, должна постоянно иметь в виду общие и основные интересы всей этой борьбы в ее целом. За частными интересами рабочего класса социал-демократия учит не забывать общих интересов; — за особенностями отдельных ступеней борьбы не забывать коренных задач всей борьбы в целом.

Именно так понимала всегда революционная социал-демократия свои задачи в теперешней российской революции. Только такое понимание соответствует положению пролетариата, как передового класса, и его задачам. Наоборот, либеральная буржуазия всегда ставила совершенно иначе свои задачи в борьбе за политическую свободу, соответствующую особым классовым интересам буржуазии. Буржуазии необходима политическая свобода, но полного народовластия она боится, ибо развитой и сплоченный уже в борьбе пролетариат воспользовался бы этим народовластием против буржуазии. Поэтому, добываясь политической свободы, буржуазия хочет сохранить в то же время немало остатков старой власти (постоянная армия, невыборное чиновничество и так далее).

Борьба пролетариата за политическую свободу *революционна*, ибо эта борьба стремится к полному народовластию. Борьба буржуазии за свободу *оппортунистична*, ибо эта борьба направлена к подачкам, к дележу власти между самодержавием и имущими классами. Это основное различие между революционной борьбой пролетариата и оппортунистической борьбой буржуазии проходит красной нитью через всю историю нашей революции. Пролетариат борется, — буржуазия крадется к власти. Пролетариат разрушает самодержавие борьбой, — буржуазия цепляется за подачки слабющего самодержавия. Пролетариат перед всем народом поднимает высоко знамя борьбы. — буржуазия — знамя уступочек, сделок и торгашества.

Пролетариат использует всякую брешь, всякое ослабление власти, всякую уступку и подачку для более широкой, массовой, решительной и острой борьбы; — буржуазия — для постепенного замирения, успокоения, ослабления борьбы, для урезывания задач борьбы, для смягчения форм ее.

Припомните некоторые этапы нашей борьбы за свободу. Буржуазия «борется» за доверие власти к земству («права и властное земство») и к народу (начало текущего десятилетия). Пролетариат выкидывает знамя борьбы за уничтожение самодержавия. Правительство объявляет эпоху «доверия» ²²⁴) (Святополк-Мирский). Бур-

жуазия истекает в речах на банкетах, — пролетариат пробивает новые бреши в твердыне гнета, умирая на улицах 9 января и развертывая грандиозное стачечное движение.

Лето 1905 года. Буржуазия посылает депутацию о свободах. Осенью даруется Булыгинская Дума. Буржуазия умилена. Всеобщий вопль: идите в Думу. Оппортунисты социал-демократии колеблются. Пролетариат борется дальше. Невиданная в мире забастовка во всей стране сметает Думу. Пролетариат захватывает свободу и кровью отстаивает ее от посягательств реакции.

В первом сражении пролетариат разбит. Буржуазия оплевывает побежденных и рабски хватается за Думу. Пролетариат собирает силы для нового натиска. Он гордо держит по-прежнему знамя борьбы за полное народовластие. Натиск не удастся до созыва Думы. Буржуазия опять пресмыкается, выкидывая за борт лозунг Учредительного Собрания, злобствуя против «выступлений», проповедуя примирение, сделку, назначение верховной властью кадетского министерства.

Пролетариат использует новое положение так же, как он использовал «доверие» 1904 года и 17 октября 1905 г. Он исполнил свой революционный долг, сделал все возможное, чтобы прямо смести Виттевскую Думу подобно Булыгинской. Не удалось — в силу измен буржуазии, недостаточной организации и мобилизации рабочего класса и крестьянства. Пролетариат борется дальше, *используя* все «думские» и около-думские конфликты, чтобы сделать их исходной точкой еще более широкого и решительного массового движения.

Новая борьба нарастает. Этого не отрицает никто. Поднимается гораздо более, чем прежде, широкая масса пролетариев, крестьян, городской бедноты, войска и т. д. Никто не отрицает, что это будет борьба вне Думы. Это будет, в силу объективных условий современного положения, борьба, непосредственно разрушающая старую власть. В какой мере произойдет ее разрушение, никто не может предсказать. Но пролетариат, как передовой класс, еще более неуклонно стремится к полной победе в этой борьбе, к полному устранению старой власти.

И пролетариат остается последовательным, отвергая оппортунистические лозунги буржуазии, сбившей с толку часть социал-демократов. Неправда, будто назначение кадетского министерства означает «вырывание власти» у камарильи²²⁵). Это буржуазная ложь. На деле назначение такого министерства будет теперь новой либеральной ширмой камарильи. Неправда, будто назначение кадетского министерства будет превращением мнимой конституции в действительную. Это буржуазная ложь. На деле такое министерство будет лишь переряживанием самодержавия в новый лже-конституционный

костюм. Неправда, будто требование кадетского министерства становится требованием всенародным. Это буржуазная ложь. На деле это лишь требование кадетской Думы. На деле не-кадеты повторяют это требование только по недоразумению, понимая под ним нечто гораздо большее. На деле *всенародные* требования идут гораздо дальше требований кадетской Думы. Наконец, неправда и то, будто «поддержка» требования кадетского министерства (или, что то же, поддержка кадетского министерства) посредством резолюций, наказов и т. п. есть действительная борьба со старой властью. Это буржуазная ложь. Со стороны пролетариата такая «поддержка» есть лишь отказ от борьбы, есть лишь передача дела свободы в колеблющиеся руки либералов.

Пролетариат борется и будет бороться за разрушение старой власти. К этому он будет направлять всю свою работу пропаганды, агитации, организации, мобилизации масс. Не удастся полное разрушение, — пролетариат использует и частичное. Но проповедывать частичное, подкрашивать его, призывать народ к его поддержке пролетариат никогда не будет. Действительная поддержка действительной борьбы дается тем, кто стремится к большему (достигая в случае неудачи меньшего), а не тем, кто *до борьбы* оппортунистически урезывает ее задачи.

Кого не обольщает треск фраз, тот легко увидит, что народ будет бороться *на деле* вовсе не за кадетское министерство, а за устранение старой власти. Интересы бюрократии требуют *притупления* действительного размаха этой борьбы. Интересы пролетариата — его *расширения* и обострения.

«Вперед» № 17

от 14 июня 1906 г.

По поводу декларации нашей Думской фракции ²²⁶).

Никто из социал-демократов не усомнится теперь в том, что выступление членов нашей партии в Думе могло бы принести, при данных условиях, немало пользы делу пролетариата и делу всего народа.

Мы приветствовали избирательные победы кавказских товарищей. Мы считаем своим долгом отмечать их успехи в Думе, критиковать — деловым образом — их ошибки.

Успехом считаем мы речь т. Рамишвили об «опасности» Думы и ее «миролюбии» *). Успехом — резолюцию его же по поводу Бело-

*) См выше статью: «Дума и народ». *Ред.*

стокского погрома ²²⁷). Успехом — прекрасную критику кадетского законопроекта о собраниях ²²⁸) и верную постановку вопроса о кадетском прожектерстве вообще. Об этом успехе мы надеемся еще поговорить с читателями подробнее.

Ошибкой считаем мы молчание наших с.-д. в Думе тогда, когда Аладьин «скушал» набоковское извращение резолюции по продовольственному вопросу ²²⁹). С.-д. должны бы протестовать и внести свою резолюцию. Ошибкой была речь т. Гомартели ²³⁰) в ответ лицемеру Федоровскому ²³¹), когда с.-д. признал нежелательность втягивать армию в политику. Это очень большая, но еще поправимая ошибка. Наконец, ошибкой считаем мы и принятый фракцией текст декларации. Это уже непоправимо. И не в целях придирки — дело товарищей в Думе трудное, и ошибки вначале неизбежны, — а в интересах политического воспитания всей партии и всего пролетариата мы должны теперь остановиться на этой ошибке.

Членам нашей с.-д. Думской фракции был предложен другой проект декларации из лагеря бывших большевиков. Вот этот проект с некоторыми... сокращениями (газетное слово менее свободно у нас, чем слово депутата в Думе):

В лице нашей группы партия сознательного пролетариата всех наций нашего государства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, выступает перед всем народом с трибуны Государственной Думы.

Наша партия — один из отрядов международной армии социал-демократического пролетариата. Во всем мире поднялся на борьбу организованный и сознавший свои классовые интересы пролетариат. Он борется против ига капитала. Он добивается полного освобождения всех трудящихся от гнета бесправия, нищеты, угнетения, безработицы. Он стремится к социалистическому устройству общества, уничтожающему всякое деление на эксплуататоров и эксплуатируемых. Социал-демократия зовет в свои ряды всех трудящихся и эксплуатируемых, не только наемных рабочих, но и мелких хозяйчиков, если они сознали свои общие интересы с пролетариатом, если они ищут спасения не в укреплении одиночного мелкого хозяйства, а в совместной борьбе с рабочим классом за полное ниспровержение господства буржуазии. И международный социалистический пролетариат своей дружной и неуклонной борьбой достигнет своей цели

Но у нас, в России, борьба идет сейчас не за социализм, а за политическую свободу. Великая российская революция находится в полном разгаре. Гнет самодержавия сделал невозможным никакое развитие страны. Произвол безответственных чиновников, варварская эксплуатация помещиками крестьянской массы вызвали возмущение всего народа. Пролетариат боролся во главе народа. Героической октябрьской забастовкой он вырвал у врага признание свободы. Героическим декабрьским восстанием он уничтожил всякую возможность оттягивать созыв народного представительства. И, как ни поддельвало самодержавие избирательного закона, как ни мучило, ни избивало оно лучших борцов

за свободу, как ни томило их в тюрьмах,—все же таки Государственная Дума оказалась противником самодержавия.

Теперь народ стоит накануне новой великой борьбы. Самодержавие глумится над народным представительством, издевается над его требованиями. Возмущение рабочих, крестьян, солдат все растет. От поведения различных классов общества зависит исход великой российской революции.

Либеральная буржуазия, представленная в Государственной Думе особенно влиятельной партией к.-д., неизбежно стремится к тому, чтобы при переживаемом Россией демократическом перевороте были урезаны, по возможности, права неимущих, и особенно пролетариата, и тем была стеснена их борьба за полное, а не одно только политическое, освобождение. Это стремление либеральной буржуазии также неизбежно порождает ее непоследовательность и нерешительность в борьбе за свободу, ее колебания между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Против этих колебаний мы поведем, в интересах свободы и в интересах социализма, самую беспощадную борьбу. Самый решительный отпор встретят с нашей стороны попытки—от кого бы они ни исходили—затушевать непримиримую враждебность интересов народа старому порядку и интересов пролетариата интересам буржуазии. И всю свою силу направим мы против стремлений затормозить народное движение обманом бумажных уступок, ложью примирения между хищниками реакции и революционной, т.-е. единственно истинной и последовательной, демократией. Пробным камнем этой последовательности будет для нас в особенности стремление и готовность организовать свободное, действительно всенародное и массовое, никакими полицейскими преградами не стесненное, движение для широкой борьбы вне Думы за политическое и экономическое освобождение.

В крестьянстве видим мы главного из возможных союзников пролетариата в деле довершения борьбы за свободу. Всей душой поддерживаем мы до самого конца борьбу крестьян против помещичьего, полукрепостнического землевладения и против азиатского политического строя России. Не разделяя утопий о возможности уравнительного землепользования при капитализме, не допуская ни малейшего затушевывания различия интересов пролетария и мелкого хозяйчика, мы будем отстаивать конфискацию всех удельных, церковных, монастырских и *всех помещичьих* земель. Мы будем бороться против *выкупа*—этой петли, накидываемой либеральной буржуазией на шею крестьянской бедноты. Пока не достигнута еще победа революции, пока не завоевано полностью действительно демократическое государство, мы будем предостерегать крестьян от передачи земли в руки полицейско-буржуазных органов власти, все равно местной или центральной. Мы будем отстаивать, при полном проведении в жизнь демократического государства, передачу всех земель в руки местных органов самоуправления. Мы будем предостерегать крестьян самым решительным образом от передачи вопросов о земле на решение недемократических местных комитетов, вроде предлагаемых партией к.-д. чиновничье-помещичьих комиссий.

На протяжении всего хода революции мы будем неуклонно отстаивать борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день, за увеличение платы, за уничтожение штрафов, одним словом, за все требования нашей партийной программы-минимум. И в союзе пролетариата с широкими массами городской и сельской бедноты видим мы залог новой победы революции. Государственная Дума есть

непригодное учреждение для осуществления и закрепления этой победы. Только созданное революционным путем Всенародное Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан без различия пола, религии и национальности и обладающее всей полнотой государственной власти,—только оно в состоянии будет провести в жизнь полную свободу. Только оно создаст в России... *) заменит постоянную армию всеобщим вооружением народа, уничтожит невыборное и неответственное перед народом чиновничество, введет полную и неограниченную политическую свободу.

К этой цели будем мы неуклонно стремиться в настоящей революции. Для этой цели должна послужить и Государственная Дума.—Она должна помочь народу организовать и понять вполне и до конца необходимость свержения... **) власти. Она должна разъяснить народу все бессилие и всю жалкую роль «народного представительства», как новой ширмы старого самодержавия. Она должна заниматься не политическим прожектерством, не составлением мертворожденных «законопроектов»,—она должна обращаться к народу, беспощадно раскрывать ему всю правду,—беспощадно изобличать перед ним все преступления той шайки... ***) правительством России,—звать его на борьбу, выдержанную, стойкую, упорную и согласованную борьбу. И если этой задачи не сумеет или не решится выполнить Государственная Дума в целом,—ее выполним мы в союзе с действительно революционными группами или членами Думы.

Победа народа недалека. Дело свободы в надежных руках. Пролетариат стоит на своем посту, собирая силы, гордо отбрасывая жалких провокаторов, стремящихся вызвать его на одиночный бой,—объединяя и группируя вокруг себя миллионы и десятки миллионов угнетенных и эксплуатируемых, *вечно трудящихся и вечно бедствующих*.

И как ни слаба, как ни малочисленна наша группа в Государственной Думе,—мы знаем, что за этой группой стоит и в связи с ней борется многомиллионный пролетариат, передовой отряд всех трудящихся и эксплуатируемых масс. Он победит в своей борьбе. Он не оставит камня на камне из чудовищного здания терзающего Россию самодержавия.

Правильно ли поступили наши товарищи-депутаты в Думе, отвергнув этот проект?

С формальной точки зрения, — правильно. Они должны, по уставу, считаться с Ц.К., а не с «посторонними».

С фракционной точки зрения, — правильно. Другой проект исходил из «чужого» (по бывшим фракциям) лагеря.

Ну, а с партийной точки зрения? Правильно ли было отвергнуть указания на желательность более ясного определения социалистических целей партии и ее международного характера?—на движение вне Думы? — на необходимость ясного разграничения перед народом думских партий? — на обязательность точного разделения пролетар-

*) Выпущено: «демократическую республику». *Ред.*

**) Выпущено: «царской». *Ред.*

***) Выпущено: «которая называется». *Ред.*

ского и мелко-буржуазного учения? — на важность защиты рабочей партией крестьян *от* кадетов? — на более ясное и полное изложение наших ближайших требований?

Правильно ли поступили наши товарищи или наш Ц.К., сказав в декларации «сделать Думу органом общенародного движения» вместо утвержденной съездом формулы: сделать Думу *орудием революции*?

Правильно ли поступили они, сделав по всем указанным пунктам явный шаг *вправо* от резолюций и решений Объединительного съезда нашей партии?

Пусть подумают об этом хорошенько все организации и все члены нашей партии.

«Эхо» № 1

от 22 июня 1906 г.

Кто за союзы с кадетами?

Бывает иногда, что опытные и осторожные политические деятели, хорошо понимая серьезную ответственность за всякий скольконибудь важный политический шаг, посылают вперед, вроде как на разведки, молодых и неосторожных вояк. «Туда умного не падо», говорят себе такие деятели, предоставляя юнцам выболтать кое-что лишнего, чтобы таким путем позондировать ночву.

Тов. Н. Рахметов ²³²⁾ в «Голосе Труда» ²³³⁾ производит впечатление именно такого юнца, выполняющего предначертанную ему миссию. И именно поэтому такая совершенно несерьезная статья, как статья т. Рахметова, — мы посмеялись над пей уже вчера *) — приобретает с одной, известной, стороны несомненное политическое значение. Если в таком влиятельном органе наших с.-д. правого крыла, как «Голос Труда», печатаются, без единой оговорки редакции, статьи, зовущие социал-демократию к союзу с кадетами, — значит, есть серьезная болезнь в нашей партии. Как бы ни скрывали признаки этой болезни осторожные, опытные, ловкие люди, болезнь все же дает себя знать. Замалчивать ее было бы величайшим преступлением.

Основная ошибка оппортунистов социал-демократии состоит в непонимании того, что значит решительная победа буржуазной революции. Принижая, как и все оппортунисты, учение революционного марксизма и роль пролетариата, как авангарда, наши русские оппортунисты постоянно сбиваются на ту ошибочную мысль, будто

*) См. добавление во II части этого тома. *Ред.*

неизбежным «хозяином» буржуазной революции является либеральная буржуазия. Они совершенно не понимают исторической роли хотя бы, напр., Конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в Великой французской революции. Они совершенно не понимают идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, как единственной возможной социальной опоры для вполне победоносной российской буржуазной революции.

Сущность оппортунизма — принесение в жертву прочных и длительных интересов пролетариата мишурным и минутным его интересам. В эпоху буржуазной революции оппортунист с.-д. забывает значение революционного крыла буржуазной демократии и рабски преклоняется перед успехами неревolutionного крыла той же буржуазной демократии. Существенная разница между либерально-монархической буржуазией (к.-д., п. д. р. и т. п.) и революционной, в особенности крестьянской буржуазной демократией, ускользает от его внимания. Сотни, если не тысячи, раз указывали мы нашим товарищам из правого крыла эту разницу. В проекте большевистской резолюции к съезду *) со всей ясностью указывалось, что либеральная буржуазия не случайно, а в силу коренных интересов ее, стремится к сделке со старой властью, колеблется между революцией и реакцией, боится народа, боится свободного и всестороннего развития его деятельности. Надо использовать демократические фразы этой буржуазии, говорили мы, использовать ее робкие шаги, ни на минуту не забывая ее «соглашательских» и предательских стремлений. Наоборот, крестьянская демократия в силу объективных условий, в которые поставлена крестьянская масса, вынуждена, несмотря на отсутствие полной сознательности в ее рядах, поступать революционно. Коренные интересы *этой* буржуазной демократии не толкают ее в данное время к сделке, а заставляют бороться решительно против старой власти. Чтобы не жертвовать коренными интересами пролетариата в буржуазно-демократической революции, надо строго различать либеральную или «кадетскую» и крестьянскую или революционную буржуазную демократию.

Этого-то и не хотят понять оппортунисты социал-демократии. А между тем события блистательно подтвердили и продолжают подтверждать правильность нашего деления. И в Думе выделяется крестьянская демократия, вынужденная сближаться с революцией и стремиться к освобождению из-под ига кадетов. Кадеты и октябристы против трудовиков и с.-д. — вот группировка, которая *уже сложилась*

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

и по вопросу о выборных местных земельных комитетах, и по вопросу о кадетском «обуздании» свободы собраний.

Товарищи из правого крыла с.-д. глухи к этим фактам. Обольщаясь ситуацией данной минуты, они склонны отождествлять именно господствующую в Думе партию, т.-е. к.-д., с буржуазной демократией вообще. Н. Рахметов особенно наивно повторяет эту старую ошибку меньшевиков. Но в то время, как «старые воробьи» искусно обходят неприятные выводы из неверных посылок, — молодые воробушки болтают и пробалтываются. Если к.-д. представляют из себя действительно буржуазную демократию вообще (а не одни только худшие и притом узкие верхние слои буржуазии), то естественно, что необходимый для пролетариата боевой союз с буржуазной демократией должен быть союзом с кадетами. Пролетариат может и должен быть передовым борцом за победу буржуазной революции, строго охраняя при этом свою классовую самостоятельность. Но без буржуазной демократии он не может довести этой революции до конца. С кем же «врозь итти, вместе бить»? с либеральной или с крестьянской демократией?

С либералами, с кадетами, щебечет Рахметов. Чего тут думать? Кадеты наверху, они виднее, они блестят и шумят! С кадетами, конечно, с кадетами! «Кадетам гораздо легче шататься и вилать, — заявляет Рахметов, — когда их встречает огульное недоброжелательство, чем тогда, когда к ним подходят с желанием *политической коалиции*... Давлением общественного мнения на кадетов (присылкой в Думу наказов, петиций, требований, организацией собраний протеста, *переговоров между рабочей группой и кадетами*) можно сделать гораздо больше, чем неосмысленным, а потому бесцельным дебоширством, выражаясь резко». (Курсив наш.)

Вот это — цельный вывод, за который Рахметов вполне заслужил похвального листа с надписью: «от благодарных большевиков». Политические союзы с кадетами, переговоры с.-д. с ними — какой это ясный и отчетливый лозунг! Нам остается только позаботиться о том, чтобы пошире распространять этот лозунг меньшевиков среди Рабочей Партии, и поставить перед рабочими вопрос: *кто за союзы кадетами?* — Кто сколько-нибудь знает пролетариат, тот не усомнится в том, каков будет ответ.

В том же номере «Голоса Труда» помещено верное по существу предостережение Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. против слияния с.-д. с трудовиками. Но «Голос Труда» оказал медвежью услугу Ц. К-ту нашей Партии, превратив его предостережение в прикрытые проповеди, направленной к союзу с.-д. с кадетами! Нельзя было сильнее компрометировать социал-демократию, как этим поступком: сочетать —

повторяем, по существу справедливое — заявление *против слияния* с.-д. с революционной буржуазией с проповедью *союза* с.-д. с оппортунистической буржуазией!

И в какой момент собрались проповедывать этот союз наши меньшевики? В такой момент, тогда *распадается* союз революционной и оппортунистической буржуазии, союз трудовиков и кадетов. Нечего сказать, кстати пошел в поход наш добрый Н. Рахметов. Как раз тогда, когда — не без помощи с.-д. — трудовики стали отделяться от к.-д., свертать их иго, голосовать против них, спланиваться против «союза» кадетов и октябристов. И подобные Рахметовы говорят еще с важным видом о революционизировании Думы, — служа на деле кадетскому опошлению этой Думы!

Запомните себе, господа: союзы с кадетами, переговоры с ними есть худший способ давить на них. На деле это будет означать не давление с.-д. па них, а притупление самостоятельной борьбы с.-д. Революционизирует Думу и «давит» на кадетов именно тот, кто беспощадно разоблачает каждый неверный шаг их. Отказ в поддержке за эти неверные шаги гораздо больше давит на кадетскую Думу, чем переговоры с кадетами для их поддержки. Рабочая группа отказалась голосовать за ответный адрес: его обкорнали кадеты. Рабочая группа отказалась поддержать кадетов. Она уронила этим кадетов в глазах народа и передвинула морально центр народного внимания с кадетов на «левое» ядро Думы. Беспощадно клеймя половинчатость *кадетской* Думы, мы тем самым революционизируем и Думу, и — что еще важнее — верящий в Думу народ. Мы тем самым призываем сбросить иго кадетов, иризываем действовать смелее, решительнее, последовательнее. Мы тем самым раскалываем и кадетов, внося колебание в их ряды общим натиском с.-д. и трудовиков.

Мы ведем политику пролетариата, как передового борца в революции, а не как прихвостня самых робких и жалких верхов либеральной буржуазии.

«Эхо» № 3

от 24 июня 1906 г.

Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков ²³⁴⁾,

Это должно было случиться и это случилось. Со вчерашнего дня есть такая частичка в бюджете самодержавного правительства погромщиков, которая *утверждена* «народными», с позволения сказать, представителями. Только первый шаг труден, говорит

французская пословица. Или по-русски: первая рюмочка колом, вторая соколом, остальные—мелкими пташечками. Первая рюмочка выпита кадетами вкупе с самодержавщиками.

Восстановим точнее весь ход этого исторического события. Министры вн. дел и финансов попросили у Думы ассигновать 50 миллионов руб. на помощь голодающим. Без постановления Думы министры, «по закону», не могли бы достать этих денег, не могли бы взять в свои руки продовольственной кампании. О том, кому вести эту кампанию, министры не спрашивали Думу: «по закону» это дело и без того в руках правительства погромщиков. О том, откуда достать деньги, министры в своем предложении тоже не говорили: «предоставить министру финансов изыскать» и только. Лишь в комиссии министры выдвинули именно заем, как способ достать деньги. А вчера в заседании Думы министр финансов прямо заявил: «Компетенция Г. Думы заключается в том, чтобы дать уполномочия на изыскание источников, а порядок на изыскания (цитируем по «Речи» и снимаем с себя ответственность за слог) принадлежит верховному правлению». Итак, министрам собственно нужно было от Думы получить ассигновку вообще, а об источниках они меньше заботились.

В Думе сейчас же наметилось два основных решения вопроса, указанных нами третьего дня. Кадеты высказались за ассигновку 15 милл. руб. с затребованием отчета в их израсходовании и с отнесением этой суммы на счет «ожидаемых сбережений» по росписи 1906 года. Только и всего. И министр финансов прехладнокровно ответил кадетам: «если Г. Д. вынесет постановление предоставить 15 м. р. то м-во фин. отпустит их, но отпустит *не в счет сбережений*, а в счет других обеспеченных расходов». Произведя расход, министр «придет все-таки в Г. Думу и скажет: вы нас заставили произвести расход, для которого мы остатков не нашли».

Дело, значит, яснее ясного. Министр прямо наплевал в лицо кадетской Думе: разрешением взять 15 м. р. мы воспользуемся, а на счет «сбережений» ваше постановление—пустой звук. Министр не стесняется заявить, что сбережений не будет. Министр не стесняется заявить, что получать деньги по ассигновкам Думы он согласен, а на советы Думы насчет «сбережений» он плюет.

Какую же роль *фактически* сыграла кадетская Дума? Роль *понятых*, призванных полицией для одобрения ее действий по расходованию награбленных с народа денег. «По закону» требуется подпись понятых на ассигновке денег. Полиция потребовала. Кадетская Дума подписалась. Полиции только это и нужно было. А что понятые пофордыбачились,—так это пустяки.

Роль полицейских понятых сыграла именно *кадетская* Дума. Депутаты с.-д. заняли совершенно иную, правильную позицию. Их выступление было как раз в том духе, как намечали мы третьего дня. «Я говорю, господа,—прекрасно сказал тов. Рамишвили,—что если мы отпустим хоть один грош в руки правительства, до народа этот грош никогда не дойдет». И в своей резолюции, напечатанной нами вчера, с.-д. совершенно верно заявили, что недопустимо давать деньги самодержавному правительству, что Гос. Дума должна образовать *свой* продовольственный комитет, послать на места своих членов, привлечь «свободные общественные организации». С.-д. сделали из своей резолюции революционное обращение к народу, бичующее правительство, как «истинного виновника голодовок», расхищающего народные деньги, бросающего их на войну с пародом. С.-д. потребовали *уничтожения* расходов на жандармерию, политическую полицию, стражников и т. д., потребовали *сокращения* жалований и пенсий сановных туеядцев и *проверки* наличности и счетов казначейства. Вполне правильно также потребовали они обращения на помощь голодным доходам с кабинетских, удельных, церковных, монастырских имений. С.-д. выступили с прямым обвинением против всей старой власти и всех ее органов вообще, а также с критикой всего бюджета.

Каково же было голосование? Кадеты, конечно, победили. За с.-д. голосовали трудовики, по единогласному показанию ряда газет (именных голосований, *к сожалению*, не было). Политическая группировка еще и еще раз определяется отчетливо. Октябристы и кадеты за сделку с старой властью. С.-д. и трудовики решительно против. Дружным выступлением с.-д. не только увлекли за собой крестьян, но даже внесли некоторый раскол в среду к.-д.: устыдился роли полицейского понятого не только левый Галенский ²³⁵⁾, но и правый Кузьмин-Караваев ²³⁶⁾. Кадеты и только кадеты провели позорное рукоприкладство «народных представителей» к ассигновке денег в руки погромщиков.

Принципиальное значение этого рукоприкладства кадетской Думы громадное. Наивные люди и близорукие политики частенько говорят: обвинять кадетов в измене и сделке с бюрократией неосновательно, преждевременно. Но ассигновка денег в руки правительства погромщиков есть именно такая—и уж не первая, строго говоря,—сделка. Посмотрите, какими жалкими увертками оправдывают себя кадеты. Это—компромисс, кричит «Наша Жизнь», но он оправдывается временными обстоятельствами.—Конечно,

господа, все компромиссы буржуазии с полицейским самодержавием всегда объяснялись временными обстоятельствами.

Но крестьянам надо помочь немедленно!—Не изменили ли крестьянам крестьянские депутаты, а, господа кадеты? Ведь крестьянские депутаты голосовали против, зная получше вас, куда идут деньги через полицейские руки. И почему сама Г. Дума не могла взяться за дело?

Это утопично, это неосуществимо, надо считаться с имеющейся организацией, пока она не изменена по закону,—вопят в один голос Гейдены, Коковцевы, Милоковы и даже бернштейнианцы «Нашей Жизни».—Да, господа, буржуазия всегда считает утопией устранение всех органов старой власти, ибо буржуазии нужны эти органы против пролетариата и против революционного крестьянства. В полицейско - классовом государстве всегда будет бездна «неотложных» расходов: надо же кормить однажды нанятых чиновников, надо же платить по сделанным заказам и т. д. и т. п. Всегда будет па-лицо и «имеющаяся организация» (имею полицейско-чиновническая), которую «нельзя» изменить сразу, без согласия Гос. Совета и т. д. и т. п.

Такие отговорки всегда будут. Такими отговорками везде в мире кормят доверчивый народ либеральные буржуа. Такие отговорки являются естественным прикрытием буржуазной измены делу народной свободы.

Против всей этой лицемерной игры всегда будет выступать пролетариат. Он будет звать народ к борьбе против всех органов и учреждений старой власти, к борьбе посредством свободных организаций рабочего класса и революционного крестьянства.

«Эхо» № 4

от 25 июня 1906 г.

Кадетские подголоски.

Вчера мы напечатали главные резолюции пятого съезда польской социал-демократии ²³⁷). Вошедшие теперь в нашу партию польские товарищи, от 25 до 30 тысяч членов партии, решительно высказались против тактики Ц. К. относительно Г. Думы. Осудив эту тактику вообще, они не считали даже нужным останавливаться на отдельных ошибках, вытекающих из неверной тактики, вроде пресловутой поддержки кадетского министерства. Но само собою разумеется—и бывшие на польском съезде отлично знают это,—что к этой «поддержке» польские с.-д. относятся безусловно отри-

пательно. Конференция всех петербургских социал-демократов тоже ²³⁸⁾ решительно отвергла поддержку кадетского министерства. Областная конференция с.-д. центрального Московского района равным образом высказалась против нее ²³⁹⁾.

На петербургской конференции было представлено около 4 тыс. членов партии, на московской областной—около 14 тыс. Итак, около 20 тысяч членов партии, т.-е. большая половина ее (на последнем съезде было представлено 31—33 тысячи членов), осудили *тактику Ц.К. в вопросе о поддержке думского министерства*. Большинство партий—против поддержки. Наше внутрипартийное министерство, т.-е. ЦК нашей партии, перестало выражать волю партии: его элементарной политической обязанностью является ускорить созыв немедленного экстренного съезда. Иначе он попадет в положение кучки людей, цепляющихся за партийную власть посредством *формальных* зацепок и проволочек, вопреки выразившейся уже *по существу* воле партии. Во всяком случае, партия сумеет теперь добиться съезда.

Осужденную большинством партии тактику поддержки думского, т.-е. *кадетского*, министерства продолжают отстаивать меньшевики (хотя часть их, как показали дискуссии в Питере, по этому вопросу сумела занять самостоятельную позицию и отвернуться от оппортунизма). Остановимся еще раз на разборе ходячих доводов с.-д. правого крыла.

Добиться думского министерства, говорят нам, значит «вырвать власть из рук камарильи», «сделать исполнительную власть ответственною пред народным представительством»; это есть «переход от мнимо-конституционного строя к действительной конституции» («Голос Труда» № 5).

Это — *величайшая ложь*. Думское, т.-е. кадетское, министерство будет назначено (если требование кадетов удовлетворят) именно *камарильей* ²⁴⁰⁾. Но можно ли называть вырыванием власти назначение камарильей либеральных министров? Назначая министров по своей воле, камарилья в любой момент может сместить их; камарилья не отдает власти, а *играет в дележ* власти, камарилья *пробует*, подойдут к ней либеральные лакеи или нет. Умные члены камарильи, как напр., Победоносцев ²⁴¹⁾ и Трепов (по сообщениям некоторых газет), прямо так и рассчитывают: назначить либеральных министров нам всего удобнее. Этим мы успокоим не только кадетов (т.-е. большинство Думы), но и кадетствующих с.-д. А с неприятными министрами разделиться гораздо легче, чем хотя бы с Думой. Мы выиграем время, спутаем карты, внесем величайший хаос, взаимное недоверие, грызню

из-за министерских портфелей в правую, т.-е. большую, половину Думы, мы замутим воду, мы проведем за нос кадетов так же, как провели их в вопросе о помощи голодающим. Мы заставили их там «добровольно» сыграть роль полицейских понятых. — вот точно так же мы заставим их на министерском посту сыграть роль полицейских лакеев.

Кто сколько-нибудь знаком с историей русских кадетов, а также «кадетов» в других странах, тот знает, что камарилье всегда удавалось провести за нос либерально-монархических буржуа. Чтобы не допустить этого, есть только одно средство: развитие *самостоятельного* политического сознания пролетариев и революционных крестьян. И как раз это-то сознание и затемняют и засоряют правые с.-д. Именно для того, чтобы сохранить в революционных классах полную ясность политического сознания и полную боевую самостоятельность, необходимо нам, с.-д., оставить одних кадетов путаться у ног камарильи из-за местечек министров. Запутать в это дело пролетариат было бы предательством интересов пролетариата и интересов революции.

Если бы камарилья назначила кадетов министрами, то она сделала бы «исполнительную власть ответственною перед народным представительством» («Голос Труда»).

Это — величайшая ложь. Когда кадетские профессора говорят ее, — им бог простит. Когда с.-д. повторяют ее, то это непростительно. Исполнительная власть ответственна, почтенные подголоски, не перед «народным представительством», а перед *законодательной властью*. Запомните это. Теперь мы поясним вам дальше. Кому принадлежит теперь в России законодательная власть? 1) Верховной власти; 2) Гос. Совету; 3) Гос. Думе.

Поняли ли вы теперь свой промах? Кадетские министры будут ответственны и перед Думой, и перед Государственным Советом, и перед камарильей. Изображать дело так, что они ответственны только перед Думой, значит *лгать* народу.

Пойдем дальше. Каково будет положение министров, ответственных перед самыми различными учреждениями? Фальшивое положение. Министры должны будут *соблюдать и охранять* все существующие законы, пока они не изменены всеми перечисленными выше тремя законодательными инстанциями. Недаром поэтому кадетские красnobаи, вроде Родичева, сейчас уже распинаются в Думе, крича, что они — щит династии. Кадеты знают, где раки зимуют. А правые с.-д. поют с чужого голоса, а дела не понимают.

Почему для кадетов теперь центром агитации стало министерство? Почему они не кричат так же усердно, и часто, и громко: долой Госу-

дарственный Совет? Долой *такие-то законы*, мешающие народному представительству стать законодательною властью? Почему они *в тысячу раз слабее* агитируют за полную амнистию, за полную свободу, за всеобщее избирательное право, чем за министерские местечки? Подумали ли вы об этом? Нет, вы не подумали об этом. Кадеты стучат прежде всего в заднюю дверь, потому что они *не хотят* полной свободы (вспомните их законопроекты о собраниях), *не хотят* полного уничтожения Государственного Совета (вспомните верхнюю палату в их программе), перед которым они *тоже* будут ответственны и *так же*, как перед Думой, и *так далее*. Кадеты не хотят поставить требование *сначала* дать полную амнистию, *сначала* уничтожить Государственный Совет, *сначала* провести полную свободу, *сначала* даровать всеобщее и т. д. избирательное право, а *потом* назначить их министрами. Почему кадеты не хотят этого? Потому, что они знают, где раки зимуют, а кадетские подголоски не знают этого.

Кадеты говорят: вот когда мы будем министрами, тогда *мы* и будем *бороться* за все эти свободы! Сразу нельзя ведь. А подголосок верит и старается...

Кадет понимает, что министр ответственен перед тем же старым, полицейским, русским законом, ответственен и перед Думой, и перед камарильей, и перед Г. Советом. Поэтому с министра взятки гладки: я бы рад, я бы всей душой, да вот «там» несогласны, да вот Гос. Совет еще немножечко упрямится. Потерпите, господа: уж лучше меня, кадета, никто не усовестит ни камарилью, ни Гос. Совет.

Запомните себе, подголосок: чтобы бороться с этой предательской тактикой кадетов, нужно не подпевать им, а сохранять полную самостоятельность, т.-е. *предостерегать* пролетариат и крестьянство от доверия к кадетам, от повторения кадетских лозунгов. Своей же тактикой вы *затрудняете* самостоятельную борьбу рабочего класса и революционного крестьянства. Вы продаете революционное первородство за чечевичную похлебку кадетского реформизма.

Нам нет надобности разъяснять так же подробно *третью ложь* будто назначение камарильей кадетских министров есть «решительный прелом», есть переход к «действительной конституции». Читатель сам видит теперь, что от назначения Треповым Родичева в министры не меняется даже *писаная* конституция. Говорить же о перемене в силу такого назначения *действительной* конституции — значит совсем уже, что называется, зарапортоваться.

Следующий раз мы разберем другой ходячий довод: «а все же кадетское министерство будет лучше. Не из чего выбирать. Надо под-

держивать, что лучше». Мы увидим, социал-демократичен ли этот довод, и какая ему цена.

«Эхо» № 5

от 27 июня 1906 г

Еще о думском министерстве.

«Приходится выбирать» — этим рассуждением всегда оправдывали и оправдывают себя оппортунисты. Нельзя добиться сразу чего-нибудь большого. Надо бороться за маленькое, но достижимое. А как определять достижимость? Согласием наибольшего числа политических партий или наиболее «влиятельных» политиков. Чем большая часть политических деятелей согласна с таким-то вот маленьким улучшением, тем легче его добиться, тем оно достижимее. Не надо быть утопистом, добиваясь большого. Надо быть деловым политиком, умея присоединиться к требованию малого, и это малое *облегчит борьбу* за большое. Мы рассматриваем малое, как *верхнейший этап* в борьбе за большое.

Так рассуждают все оппортунисты, все реформисты в отличие от революционеров. Именно так рассуждают с.-д. правого крыла о думском министерстве. Учредительное Собрание — требование большое. Этого сейчас нельзя добиться. За это требование далеко не все еще стоят сознательно *). А за думское министерство стоит *вся* Гос. Дума, значит, громадное большинство политических деятелей, — *значит*, «зесь народ». *Приходится выбирать* — между теперешним злом и самым маленьким исправлением его, ибо за «самое маленькое» исправление высказывается самое большое число тех, кто вообще недоволен существующим злом. А добившись малого, мы облегчим себе борьбу за большое.

Повторяем: это основное, типичное рассуждение всех оппортунистов во всем свете. К какому выводу неизбежно приводит это рассуждение? К тому выводу, что не нужно никакой революционной программы, революционной партии, революционной тактики. Нужны *реформы*, и только. Не нужна революционной социал-демократии. Нужна партия демократических и социалистических реформ. В самом деле: не ясно ли, что *всегда* будут на свете люди, сознающие неудовлетворительность существующего? Конечно, всегда. Не ясно ли также, что за *самое маленькое* исправление этого неудовлетворительного положения будет высказываться *всегда* самое большое число недо-

*) За это требование — меньшая часть Думы.

вольных? Конечно, всегда. Значит, наше дело, дело передовых и «сознательных» людей — *всегда* поддерживать *самые маленькие* требования об исправлении зла. Это самое надежное, самое практичное дело, а всякие там разговоры о каких-то «коренных» требованиях и т. п. — одни слова «утопистов», одни «революционные фразы». *Приходится выбирать*, — и всегда надо выбирать между существующим злом и самым маленьким из ходячих проектов его исправления.

Именно так рассуждали немецкие оппортунисты с.-д. Есть, дескать, течение социал-либеральное, которое требует отмены исключительных законов против социалистов, сокращения рабочего дня, страхования от болезней и т. п. За эти требования стоит немалая часть и буржуазии. Не отталкивайте ее от себя бестактными выходками, протяните ей руку, поддержите ее, — вы станете тогда деловыми политиками, вы принесете хоть маленькую, но реальную пользу рабочему классу, и пострадают от вашей тактики только пустые слова о «революции». Революции все равно сейчас не сделаете. *Приходится выбирать* между реакцией и реформой, между политикой Бисмарка и политикой «социальной империи».

Подобно бернштейнщикам рассуждали французские министерские социалисты. *Приходится выбирать* между реакцией и буржуазными радикалами, которые обещают ряд практически осуществимых реформ. Приходится поддерживать этих радикалов, поддерживать их министерства, а фразы о социальной революции — одна болтовня «бланкистов», «анархистов», «утопистов» и т. п.

В чем основная ошибка всех этих оппортунистических рассуждений? В том, что в этих рассуждениях *фактически* заменяется социалистическая теория классовой борьбы, как единственного *реального* двигателя истории, буржуазной теорией «солидарного», «общественного» прогресса. По учению социализма, т.-е. марксизма (о не-марксистском социализме нельзя теперь и говорить серьезно), действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение — материалистично, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии.

Из второго учения вытекает тактика дюжинных буржуазных прогрессистов: поддерживай везде и всегда, «что лучше», выбирай

между реакцией и крайней правой из оппозиционных этой реакции сил. Из первого учения вытекает самостоятельная революционная тактика передового класса. Ни в каком случае не сводим мы своей задачи к поддержке самых распространенных лозунгов реформистской буржуазии. Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая *лишь* лозунги таких реформ, которые *безусловно* выгодны интересам революционной борьбы, которые *безусловно* повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата. Только такой тактикой мы *обезвреживаем* всегда половинчатые, всегда лицемерные, всегда снабженные буржуазными или полицейскими ловушками реформы сверху.

Мало того. Только такой тактикой мы действительно двигаем вперед дело серьезных реформ. Это кажется парадоксом, но этот парадокс подтверждает вся история международной социал-демократии: тактика реформистов *хуже* всего обеспечивает проведение реформ и их реальность. Тактика революционной классовой борьбы всего лучше обеспечивает и то и другое. *На деле* реформы вынуждаются именно революционной классовой борьбой, ее самостоятельностью, ее массовой силой, ее упорством. Только в той мере, в какой сильна эта борьба, — реальны и реформы, которые *всегда* лживы, двулики, пропитаны зубатовским духом. Сливая свои лозунги с лозунгами реформистской буржуазии, мы *ослабляем* дело революции, а, *след., и дело реформ*, ибо мы ослабляем этим самостоятельность, выдержанность и силу революционных классов.

Иной читатель скажет, пожалуй: к чему повторять эту азбуку международной революционной социал-демократии? К тому, что ее забывают «Голос Труда» и многие товарищи-меньшевики.

Думское или кадетское министерство есть именно такая лживая, двулика, зубатовская реформа. Забывать ее реальное значение, как опыта сделки кадетов с самодержавием, значит заменять марксизм либерально-буржуазной философией прогресса. Поддерживая *такую* реформу, внося ее в число *своих* лозунгов, мы *ослабляем* этим и ясность революционного сознания пролетариата, и его самостоятельность, и его боевую способность. Поддерживая *целиком* свои старые революционные лозунги, мы *усиливаем* этим действительную борьбу, усиливаем, *след., и* вероятность реформы и *возможность обратить ее* на пользу революции, а не реакции. Все лживое и лицемерное в этой реформе мы сбрасываем на кадетов, — все возможное положительное ее содержание *используем* сами. Только при такой тактике взаимные подножки г.г. Треповых и Набоковых будут использованы нами для того, чтобы обоих почтенных акробатов свалить в яму. Только при

такой тактике про нас скажет история, как Бисмарк сказал о немецких с.-д.: «Не будь с.-д., не было бы социальной реформы». Не будь *революционного* пролетариата, не было бы 17 октября. Не будь декабря — не были бы отрезаны все попытки отказаться от созыва Думы. Будет еще и иной декабрь, который определит дальнейшие судьбы революции...

Послесловие. Статья эта была уже написана, когда мы прочли передовую в № 6 «Голоса Труда». Товарищи поправляются. Они хотят, чтобы думское министерство *раньше*, чем взять в свои руки портфели, потребовало и добилось — и повсеместного уничтожения военного положения и всяких охран, и полной амнистии, и восстановления всех свобод. Очень хорошо, товарищи! Попросите Ц.К. вставить эти условия в его резолюцию о думском министерстве. Попробуйте сделать это сами, — у вас выйдет тогда: *раньше*, чем поддерживать думское или кадетское министерство, надо потребовать и добиться, чтобы Дума или кадеты стали на революционный путь. *Раньше*, чем поддерживать кадетов, надо потребовать и добиться, чтобы кадеты перестали быть кадетами.

«Эхо» № 6

от 28 июня 1906 г.

Толки об измене.

За спиной народа и против народа наша правительствующая камарилья входит в сделки с иностранными державами, чтобы потопить в крови дальнейшее развитие революции, чтобы отнять у народа незначительные добытые ими права, ту куцую свободу, которой он пользуется... Все средства хороши, чтобы добиться своей цели... И наши доморощенные «патриоты», наши «истинно-русские люди» у власти, окончательно восстановив против себя все слои нации, все более и более торжествуя надежду на отечественные штыки, нагайки и пулеметы, все упорнее и настойчивее обращают свои взоры к иностранцам и уже готовы перейти Рубикон, по ту сторону которого — измена.

Чтобы купить пулеметы и понастроить тюрьмы, наше правительство заняло денег у французской буржуазии; но свои тюрьмы и пулеметы становятся недостаточными... Денег все же нет для того широкого контр-революционного размаха, которым собираются наши Треповы и под-Треновы удивить мир; и, чтобы добиться еще и еще денег, потеряв всякое чувство достоинства, они пресмыкаются перед Англией, готовой уделить России часть своего золота в обмен за

услуги, которые должно оказать наше правительство Великобритании в ее империалистской, то бишь завоевательной, колониальной политике...

Но денег недостаточно... и все чаще и упорнее носятся слухи о предстоящем вооруженном вмешательстве Германии в борьбу всей нации с кучкой ее угнетателей... Говорят, что в Биорках составлено было тайное соглашение, в силу которого Вильгельм II обязуется в момент восстания двинуть свои войска в самые недра России против русского народа... Говорят, что Вильгельм II обратился с прямой, нескрытой угрозой к нашей и без того робкой Думе, угрозой реванша русской буржуазии, интересы которой представляют в Думе кадеты, закрыть германский рынок русским бумагам, если осуществлено будет у нас принудительное отчуждение частно-владельческих земель. Говорят... много говорят об иностранном вмешательстве в наши дела, много говорят о том, как приглашает наше правительство все европейские державы притти спасать тот строй, который всегда был «позвоночным столбом» всемирной реакции, защитником капиталистических эксплуататорских интересов западной буржуазии, защитником всех консервативных, националистических, реакционных, клерикальных и т. п., и т. п. принципов...

Много говорят, и все эти толки, и все эти угрозы, все эти напугиванья призраком иностранных пушек усердно распространяются лакейскими органами нашей правящей клики...

И в конце XVIII века, когда дела Людовика XVI совсем пошли плохо, когда придворная камарилья увидела перед собой и против себя всю нацию, всю национальную армию, она обратилась за помощью к иностранным державам, герцог Брауншвейгский, предводитель союзных иностранных войск, обратился к революционной Франции с воззванием, в котором угрожал смести с лица земли весь французский народ, если он осмелится прсягнуть на святая-святых реакции — на принцип абсолютной монархии, если он осмелится...

Как ответил на это воззвание французский народ? Ответ был дан «с быстротой, натиском и глазомером». В ночь 10 августа 1792 г. восстали парижане и мощным, победным восстанием положили конец монархии и положили начало республике. Так ответила нация на измену нации. А как поступила нация с изменниками, — об этом рассказывает любая история французской революции...

Измена готовится, и если измены не будет, то, конечно, не по вине наших правителей... Времена изменились, и если в конце XVIII столетия лозунг французской революции: «Все народы — наши братья, все тираны — нам враги» встретил лишь отдаленное глухое эхо, зато

лозунг авангарда русской революции, рабочего класса: «Пролетарии всех стран, соединитесь!» носится бодрящим и боевым раскатом по всему капиталистически развитому миру...

Пролетарии, соединяйтесь против всякого рода тирании, против всякого рода эксплуатации, всякого рода унижения!..

И, может быть, европейская буржуазия рада была бы протянуть руку помощи своему восточному рыцарю-защитнику, да «грехи» не пускают.

А эти грехи — организованный, сознательный пролетариат, пролетариат Германии, Франции, Англии, Австрии и других стран, это та «революционная бацилла», которая во всех странах начинает проникать в самое «сердце» буржуазного строя, в армию...

Буржуазия предполагает, по пролетариат, пожалуй, распорядится иначе... и на всякую решительную попытку какой-нибудь державы заключить активный священный союз с нашим правительством рабочий класс ответит своими пролетарскими, революционными средствами.

И должна будет наша камарилья поблагодарить международный пролетариат за то, что помешали ей совершить измену... Ведь за измены так дорого платятся!

«Ухо» № 9

от 1 июля 1900 г.

Неверные рассуждения „беспартийных“ бойкотистов.

Газета «Мысль»²⁴²) пыталась доказать на-днях в передовице, что трудовая группа в Г. Д. не должна быть «раскалываема» образованием партийных фракций. Бойкот Думы предпринимал, дескать, что крайние партии не будут иметь в Думе своих фракций. А трудовая группа, именно как непартийная организация, принесет всего больше пользы в связи с непартийными же «группами содействия» ей на местах.

Рассуждения эти в корне неправильны. Беспартийная революционность есть необходимое и неизбежное явление в эпоху буржуазно-демократической революции. С.-д. большевики не раз уже отмечали это. Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей. Неразвитость их как раз и составляет характерное свойство буржуазной революции. Беспартийно-революционная демократия растет и ширится в эпоху такой революции неизбежно.

С.-д., как представители сознательного пролетариата, не могут зарекаться от участия в различных беспартийных революционных союзах. Таковы были, напр., Советы Рабочих Депутатов, крестьянский союз, частью учительский, железнодорожный и т. п. Участие в них мы должны рассматривать, как временные боевые союзы с.-д. с революционной буржуазной демократией. Только при такой постановке дела могут не пострадать насущные и коренные интересы пролетариата, отстаивание безусловно самостоятельной социалистической точки зрения марксистов и образование при малейшей к тому возможности самостоятельных партийных организаций с.-д.

Смотреть на образование таких самостоятельных организаций с.-д., как на «раскалывание» беспартийно-революционных организаций, значит обнаруживать, во-первых, чисто буржуазную точку зрения, а, во-вторых, неискренность или непродуманность своего отстаивания беспартийности. Только идеологи буржуазии могут осуждать, как «раскол», выделение социалистов в особую партию. Только неискренние, т.-е. боящиеся втайне за свою *скрытую* партийность, или не вдумавшиеся в вопрос люди могут видеть «раскалывание» беспартийных организаций в образовании организаций *партийных*. Не круглю ведь это выходит, господа. Ведь беспартийность есть нейтральность по отношению к различным (в пределах общих, революционно-демократических целей) партиям. А осуждение партийности, выражаемое словом: «раскалывание», есть уже отступление от нейтральности и беспартийности, есть уже явная партийность. Вы либо лицемерите, господа, либо плохо думаете: но существу дела, ваши крики против раскалывания и за беспартийность прикрывают вашу боязнь за *вашу* партийность. Действительно беспартийный сторонник, скажем Учредительного Собрания не увидал бы раскола в том, что часть его единомышленников образует, вполне принимая это требование, самостоятельную партию.

Итак, пусть беспартийные революционеры развивают беспартийно-революционные организации. В добрый час! Но пусть они поменьше кричат против «раскалывающих» беспартийную революционность партийных революционеров.

Теперь о бойкоте. Мы убеждены, что бойкот не был ошибкой. В конкретной исторической ситуации начала 1906 года он был необходим и правилен. После срыва Булыгинской Думы и после декабря с.-д. обязаны были поднять так же высоко знамя борьбы за Учредительное Собрание и приложить *все* усилия для такого же срыва Виттевской Думы. Мы исполнили свой революционный долг. И бойкот, вопреки всяким наветам и запоздалым покаяниям, дал очень много

для поддержания революционного духа и с.- д. сознания среди рабочих. Лучшая оценка этого: 1) поддержка бойкота рабочими низами, 2) блестящее проведение его в особенно угнетенных окраинах, 3) издание правительством специального закона против бойкота.

Неверно и близоруко мнение, что бойкот был ошибкой и бесполезным делом. Он принес не только морально-политическую пользу, но и самую реальную, непосредственную. Он отвлек все внимание и все силы правительства именно на борьбу с бойкотистами. Он поставил правительство в смешное, глупое и выгодное для нас положение: положение борющегося за созыв Думы. Он ослабил этим в гигантской степени внимание правительства к составу Думы. Он был, если позволено употребить военное сравнение, фронтальной атакой или демонстрацией фронтальной атаки, без которой неприятель *не мог бы* быть обойден с тыла. А вышло именно так, что мы, революционеры, демонстрировали фронтальную атаку, которой смертельно боялось издавшее невероятно-идиотский закон правительство. Либеральные же буржуа и беспартийные революционеры воспользовались этой фронтальной атакой и сосредоточением сил неприятеля в центре для обходного движения. Они с тыла обошли врага, крадучись пролезли в Думу, переодевшись проникли во вражеский лагерь.

Каждому свое. Пролетариат борется, буржуазия крадется.

И теперь политическую ответственность за созванную камарильей, за подчиненную камарилье, за торгующуюся с камарильей Думу мы целиком свалили на кадетов. Это мы непременно должны были сделать, потому что в составе Думы и во всем характере ее деятельности есть двойственность: есть нечто такое, что мы должны поддержать, и нечто такое, с чем мы должны решительно бороться. Только буржуазные политики забывают эту двойственность или не хотят ее видеть. Только буржуазные политики упорно игнорируют роль Думы, как органа контр-революционной сделки самодержавия с либерально-монархической буржуазией против пролетариата и крестьянства. Удастся ли такая сделка хотя на время, и каковы будут ее последствия, это еще неизвестно. Это зависит, в конечном счете, от силы, организованности и сознательности вне-думского народного движения. Но что в Думе преобладают представители класса, *способного* на такую сделку, что в настоящее время идут переговоры о ней и делаются подготовительные, пробные шаги, — это *факт*. Никакие «опровержения» кадетов, никакие замалчивания меньшевиков не скроют этого факта.

Раз это так — а это несомненно так, — то ясно, что интересы классовой борьбы пролетариата безусловно требовали сохранения

им полной политической самостоятельности. Он должен был не подражать либеральной буржуазии, с радостью готовой ухватиться за всякую подачку. Он должен был со всей энергией предостеречь народ от ловушки, устраиваемой ему камарильей. Он должен был все сделать, чтобы не допустить созыва поддельного, кадетского «народного представительства». Все это именно и достигалось бойкотом.

Поэтому крайне легкомысленны и поразительно не историчны рассуждения тех с.-д. правого крыла, которые к потехе буржуазии отрекаются теперь от бойкота и ругают вчерашнее *свое* поведение. Ибо ведь и меньшевики *были бойкотистами*: они хотели бойкотировать Думу на иной только стадии. Стоит вспомнить только два исторических факта, которые непростительно было бы забывать социал-демократам, сколько-нибудь ценящим свое прошлое. *Первый* факт: в листке Объед. Центр. Ком. нашей Партии, составленного поровну из большевиков и меньшевиков, прямо заявлено было, что обе стороны согласны в идее бойкота и расходятся только в том, на какой стадии целесообразнее бойкот. *Второй* факт: ни в едином печатном произведении меньшевиков никто из них не призывал участвовать в самой Думе, и даже «решительный» тов. Плеханов не решился сделать этого. Отрекаться от бойкота для с.-д. значит неверно представлять вчерашнюю историю Партии.

Но вытекает ли из бойкота *обязательный* отказ от образования в Думе своей партийной фракции? Вовсе нет. Те бойкотисты, которые, подобно «Мысли», думают так, ошибаются. Мы должны были сделать и мы сделали все, чтобы помешать созыву подставного представительства. Это так. Но если, вопреки всем нашим усилиям, оно созвано, мы не можем отказываться от задачи использовать его. Видеть в этом нелогичность могут только буржуазные политики, не ценящие революционной борьбы и борьбы за полный успех революции. Напомним пример Либкнехта, который в 1869 году клеймил, бичевал и отвергал немецкий рейхстаг, а после 1870 года участвовал в нем. Либкнехт умел ценить значение революционной борьбы за революционное, а не буржуазно-предательское народное представительство. Либкнехт не отрекался малодушно от своего прошлого. Он говорил с полным правом: я сделал все для борьбы против такого рейхстага, для борьбы за наилучший возможный исход. Исход оказался худшим. Я сумел использовать и его, не порывая своей революционной традиции.

Итак, из бойкота выводить отказ использовать Думу и отказ образовать в ней партийную фракцию нельзя. Вопрос ставится иначе: нужна сугубая осторожность (именно *так* и ставили этот вопрос на Объединительном съезде большевики, как убедится всякий из чтения

их проекта резолюции). Нужно посмотреть, можно ли *теперь* использовать Думу посредством работы внутри ее, есть ли для того подходящие с.-д. и подходящие внешние условия.

Мы думаем, что есть. В поведении наших думских депутатов мы указывали частные ошибки, но в общем и целом они заняли верную позицию. Внутри Думы *создалась* группировка, *соответствующая* действительно революционной ситуации: октябристы и кадеты направо, с.-д. и трудовики (или, вернее, лучшие из трудовиков) — налево. Такой группировкой мы можем и должны пользоваться именно для предостережения народа от опасной стороны кадетской Думы, именно для развития революционного движения, не ограниченного рамками Думы, Думской тактики, Думских целей и т. д. При такой группировке мы — при правильном ведении дела — используем и беспартийных революционных демократов и в то же время с полной определенностью и решительностью выступим, как социал-демократическая, пролетарская партия.

«Эхо» № 9

от 1 июля 1906 г.

Армия и народ.

Сведения о движении в войсках продолжают пестрить все газеты. Трудно подсчитать уже теперь, в скольких полках или частях войска были волнения и вспышки восстания за два месяца Думской «работы». Пресловутая мирная парламентская деятельность, которую выдумали наивные (не всегда, впрочем, наивные) буржуазные политики, и в области военного дела оказалась приводящей к приемам борьбы, к формам движения, совсем не мирным и совсем не парламентским.

Приводя факты и сведения о движении в войсках, наша либерально-буржуазная печать пользуется этим материалом обыкновенно только для того, чтобы припугнуть правительство. Пожар разгорается—так рассуждают обыкновенно кадетские газеты,—смотрите же, берегитесь, господа министры, уступите нам, пока не поздно. А министры отвечают тем, что (через посредство «Нового Времени» и других лакейских газет) пугают кадетов: смотрите, господа, пожар разгорается, идите же на соглашение с нами, пока не поздно. И кадеты и правительство смотрят на движение в войсках, как на дело в пользу необходимости немедленных мер к затушению революции. Близорукость их взглядов, тесно связанная с корыстностью их интересов, мешает им посмотреть на это движение, как на один из круп-

нейших показателей *действительного* характера нашей революции, *действительных* стремлений ее. И кадеты и правительство своекорыстны в вопросе об армии. Погромщикам армия нужна, как орудие погрома. Либеральным буржуа она нужна, как охрана буржуазной монархии от «чрезмерных» посягательств и требований крестьян и в особенности рабочих. Пошлая, лицемерная, лживая доктрина: «армия должна быть вне политики» особенно удобна для прикрытия истинных стремлений буржуазии по этой части.

Но посмотрите на характер военных волнений, на требования солдат. Попробуйте взглянуть на солдат, идущих под расстрел за «неповиновение»,—как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества. Вы увидите, что солдаты, которые всего ближе к наименее развитому политически крестьянству, которые подвергаются сплошному забиванию, отуплению, муштровке со стороны начальства,—что солдаты, эта «святая скотинка», *идут неизмеримо дальше* кадетских программ в своих требованиях!

Кадеты и кадетская Дума любят выставять себя выразителями общенародных требований. Многие простачки верят в это. А посмотрите на факты, на действительные требования, на действительную борьбу широких народных масс,—и вы увидите, что кадеты и кадетская Дума *урезывают* общественные требования, извращают их.

Посмотрите на факты. Солдаты Преображенского полка выставили требование—поддержка трудовой группы в борьбе за землю и волю. Заметьте: не поддержка Думы, а поддержка трудовой группы,—той самой, которую обвиняли кадеты в «грубом оскорблении» Гос. Думы за аграрный проект 33-х об уничтожении частной собственности на землю ²⁴³)! Солдаты, видимое дело, идут дальше кадетов: «серая скотинка» хочет *большего*, чем просвещенная буржуазия...

Требования одного из пехотных полков Петербурга: «...В Г. Думу должны быть избраны депутаты от нас, солдат, которые бы стояли за наши солдатские нужды». Солдаты не хотят оставаться вне политики. Солдаты не согласны с кадетами. Солдаты выдвигают такое требование, которое ясно сводится к уничтожению армии кастовой, армии, оторванной от народа, и к замене ее армией полноправных граждан. А ведь это и есть уничтожение постоянной армии и вооружение народа.

Солдаты Варшавского округа требуют Учредительного Собрания. Они требуют свободы собраний и союзов *для солдат* «без всякого разрешения и присутствия офицеров». Они требуют «отбывания

воинской повинности на родине» солдата, права носить штатское платье вне службы, права иметь *солдатских выборных* для заведывания довольствием солдат, для составления судов, разбирающих проступки солдат.

Что это? похоже на кадетские представления о военной реформе? Или это подходит совсем вплотную к учреждению всенародной и вполне демократической милиции?

Солдаты лучше господ просвещенных буржуа выражают действительно народные, разделяемые громадным большинством народа, требования. Характер и основные свойства движения в войсках выражают вернее, чем тактика кадетов, сущность главных и основных при данных условиях форм освободительной борьбы. Движение рабочее и крестьянское подтверждает это с еще большей силой. И наша задача—не суживать этого движения узкими рамками убогой кадетской политики, не принижать его приспособлением к убогим кадетским лозунгам, а поддерживать, расширять, развивать в духе действительно последовательного, решительного и боевого демократизма.

«Эхо» № 10

от 2 июля 1906 г.

Об организации масс и о выборе момента борьбы.

Мы помещаем сегодня статью товарища Хрусталева ²⁴⁴⁾ по вопросу о своевременности образования Советов Рабочих Депутатов. Нам нет надобности говорить о том, что имя автора статьи служит гарантией его ближайшего знакомства с вопросом. Все петербургские рабочие знают это. Знают они также, что именно в данный момент вопрос об образовании Совета Рабочих Депутатов интересует многочисленный пролетариат живейшим образом.

Полемика тов. Хрусталева против решения Петербургского Комитета нашей Партии *) приобретает при таких условиях выдающееся значение.

Мы не можем согласиться с тов. Хрусталевым. Напрасно он как бы против П. К. защищает идею Советов Рабочих Депутатов вообще и их историческую роль в конце 1905 г. Напрасно он отказывается поставить декабрь в счет Совета. Мы бы, не обинуясь, сделали это, — но, конечно, не по отделу «дебета» записали бы мы декабрь, а по отделу «кредита». Величайшей и далеко еще не оцененной

*) См. Приложение II к этому тому. *Ред.*

заслугой Советов Рабочих Депутатов считаем мы именно их боевую роль.

Но С. Р. Д. был *своеобразной* боевой организацией, и общими местами о пользе организации нисколько не двигается вперед вопрос о пользе в *данный* момент этой *своеобразной* организации. «Совет был революционным парламентом революционного пролетариата», — пишет тов. Хрусталев. Справедливо. Именно эта, отнюдь не технически боевая, роль характерна для Совета. Роль Совета, как организатора профессиональных союзов, как инициатора анкет, как примирительной камеры и т. п., была совершенно побочная, второстепенная. Вполне можно представить себе выполнение этих ролей и без Совета. Но всеобщая стачка едва ли мыслима без массового беспартийного стачечного комитета. Совет вырос из потребностей *непосредственной* массовой борьбы, как орган ее. Это факт. Только этот факт объясняет нам *своеобразную* роль и действительное значение Совета. Именно на этот факт указывает слово «боевой» в резолюции П. К.

Создавать С. Р. Д. для анкет, для развития профессиональных союзов и проч. никто и не вздумал бы. *Создавать Совет, значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата.* Такие органы нельзя создавать в любой момент, тогда как профессиональные союзы и политические партии необходимы *всегда и безусловно*, могут и должны быть создаваемы при всяких условиях. Поэтому возражать П. К.-ту ссылкой на значение организаций вообще — глубокая ошибка. Поэтому ошибочна также ссылка и на защиту всеми с.-д. идеи крестьянских землеустроительных комитетов: эти комитеты проектируются как раз *в связи* с всеобщим обсуждением аграрной реформы, *в связи* с растущим уже аграрным движением.

Но эти комитеты тоже могут привести к «преждевременному» выступлению! — иронизирует тов. Хрусталев. Вот в том-то и дело, что между крестьянским и рабочим выступлениями есть существенная разница именно в данное время. Широкое крестьянское выступление в данное время *не может* оказаться «преждевременным», а широкое рабочее — очень может. Причина понятна: рабочий класс в своем политическом развитии *опередил* крестьянство, а крестьянство по своей готовности к всероссийскому революционному выступлению *еще не догнало* рабочего класса. Оно догоняет его все время после декабря и в значительной степени благодаря декабрю (что бы ни говорили малодушные педанты, склонные недооценивать декабрь или даже отрекаться от декабря). Оно будет догонять его *еще скорее* при помощи местных земельных комитетов. Подгонять аррьергард, который в последнем сражении не поспел на помощь к авангарду,

безусловно полезно и ни в каком отношении не рискованно. Подгонять авангард, к которому в последнем сражении не поспел на помощь аррьергард, безусловно рискованно, и надо семь раз примерить, прежде чем делать это.

Вот этой-то своеобразной политической ситуации не учел, но нашему мнению, тов. Хрусталеv. Он тысячу раз прав в оценке заслуг и значения Советов вообще. Он не прав в оценке данного момента и соотношения выступлений крестьянского и рабочего. Он забывает, повидимому, другое предложение П. К. в другой резолюции: поддерживать идею образования исполнительного комитета из левых групп Думы для объединения деятельности самочинных организаций народа. В таком комитете можно бы было установить более точно степень готовности и решимости крестьянства в целом, а в зависимости от этого поставить на практическую почву и образование Советов Рабочих Депутатов. Другими словами: П. К. добивается теперь большего, не одного только учреждения боевых организаций пролетариата, а координирования, *согласования* их с боевыми организациями крестьянства и т. д. П. К. *оттягивает* в данный момент образование С. Р. Д. не потому, чтобы он не ценил их громадного значения, а потому, что он хочет учесть еще одно новое, особенно наглядно выступающее теперь, *условие успеха*, именно, совместное действие революционных крестьян и рабочих. П. К. несколько не связывает себе, следовательно, рук и не предпрещает нимало тактики завтрашнего дня. П. К. советует *сило минуту* авангарду: не двигайся в бой, пошли сначала делегатов к аррьергарду, завтра аррьергард подойдет ближе, натиск будет дружнее, завтра мы успеем дать более своевременный лозунг к действию.

Заканчиваем. Товарищ Хрусталеv выдвинул, вообще говоря, самые убедительные доводы в защиту образования Советов. Общее значение их он оценил превосходно. Его борьба направлена главным образом против умаления роли Совета, против умаления значения революционных выступлений вообще, и в этой борьбе тов. Хрусталеv вполне прав. Таких «умалителей» не мало у нас среди не одних только кадетов. Но тов. Хрусталеv, оторванный по вине палачей и погромщиков от постоянного и тесного общения с пролетариатом, не мог вполне оценить *данный момент, данную* «диспозицию» революционных сил. *Сегодня* авангард должен направить главное внимание не на непосредственное выступление, а на укрепление и расширение теснейшей связи с аррьергардом и со всеми прочими отрядами.

Среди газет и журналов.

Наши замечания в № 9 «Эхо» об оценке исторической роли бойкота и о значении беспартийных революционных организаций *) вызвали характерные ответы крайнего правого и крайнего левого крыла буржуазной демократии.

Газета «Мысль», как и следовало ожидать, обиделась за слово: «буржуазная демократия» и сердито обходит существо вопроса. Она пишет:

Даже в Советах Рабочих Депутатов, чисто пролетарской, классовой организации, «Эхо» находит буржуазную демократию... Дальше, кажется, итти пекуда.

Вспомните, господа радикалы, что «чисто пролетарскими» не оставались большей частью Советы Рабочих Депутатов. Они принимали в свой состав нередко делегатов от солдат, матросов, служащих, крестьян. Не лучше ли *прямо* сказать, за что вы не любите понятия: «буржуазная демократия», чем обходить разногласие придирками?

Газета «Речь» совсем выходит из себя. В начале направленной против нас заметки кадет выступает в белых перчатках, «не желая сказать ничего обидного». Какие джентльмены! Но в конце заметки кадет ругается, как... как околоточный. Наша оценка бойкота именуется «шутовством или непроходимой тупостью». О, кадетское джентльменство!

«Речь» пишет:

Во всяком случае запишем, что тактика большевиков *ставила своей целью* бороться за созыв Думы. И все биения в перси о необходимости бойкота *имели задачей* своей ввести в заблуждение правительство.

Полноте, господа джентльмены! Вы прекрасно поняли, что наша мысль была совсем иная. Цель бойкота была сорвать Виттевскую Думу так же, как сорвали Булыгинскую. Не достигнув *своей*, т.-е. прямой и непосредственной цели, бойкот припес *косвенную* пользу, между прочим, тем, что отвлек внимание правительства. Революционная тактика и здесь, как и всегда, всего лучше развивала сознание и боевую способность пролетариата, косвенно обеспечивая половинчатые реформы в случае недостижения полной победы.

«Эхо» № 11
от 4 июля 1900 г.

*) См. стр. 325—329 этого тома. *Ред.*

Смелый натиск и робкая защита.

Давно известно, что реакционеры смелые люди, а либералы— трусы.

Новое подтверждение этой старой истины дает кадетский проект обращения Г. Думы к народу по вопросу о земле ²⁴⁵). К сожалению, и проект трудовиков не лучше кадетского: трудовики на этот раз идут совсем беспомощно в хвосте либеральной буржуазии. Разве вот с.-д. в Думе, не выручат ли они?

Припомните, как возник весь вопрос об этом обращении Г. Думы к народу. В ответном адресе Г. Дума высказалась за принудительное отчуждение частно-владельческих земель в пользу крестьянства. Министерство Горемыкина ответило коротко, ясно, с великолепной твердостью и решительностью: *«недопустимо»*.

Министерство не ограничилося, однако, этим грубо-полицейским отказом. Нет, министров научила кое-чему революция. Министры не хотят исчерпывать своих обязанностей формальным ответом на формальные вопросы Думы. Реакционеры не формалисты, а люди дела. Они знают, что настоящая сила не в Думе, а в народе. Они хотят агитировать *в народе*. Они составили, не медля нисколько, не теряя дорогого времени, *обращение к народу*. Это правительственное сообщение (20 июня) ²⁴⁶) и породило мысль о думском обращении к народу. Правительство показало дорогу. Дума потащилась за правительством,—не сумев раньше встать на путь, достойный настоящего народного представительства.

Как же составлено было правительственное сообщение? Как настоящий боевой манифест реакционной монархической партии. О, реакционеры не стесняются! Они умеют писать боевым языком. Они прямо говорят в своем «сообщении» от имени *правительства*. Чего тут церемониться, в самом деле? Эти либеральные профессора уверяют, что мы живем в конституционном строе, что Дума тоже часть правительства? Пускай болтают профессора! Пускай усыпляют народ конституционными забавами! Мы, реакционеры, люди дела. Мы знаем, что *на деле* правительство, это—мы. Мы так и говорим, а на крючоктворство и формализм этих либеральных педантов мы плюем. Мы говорим прямо и открыто: крестьяне, вы не понимаете своих выгод. Принудительное отчуждение вам не выгодно, и мы, правительство, его *не допустим*. Все крестьянские толки о земле—ложь, обман. Лучше всего заботится о крестьянстве правительство. Оно и теперь хочет дать подачки. А крестьяне пусть знают, что «не от смут и насилия» должны они ждать улучшения, а от «мирного труда» (труда

на помещиков, следовало бы добавить) и от постоянных забот о крестьянстве нашего самодержавного правительства.

Таково было правительственное сообщение. Это—настоящее объявление войны революции. Это—настоящий манифест реакционного самодержавия к народу: не потерплю! сокрушу!

Теперь кадеты и всецело полоненные ими на этот раз трудовики собрались отвечать на вызов правительства. Сегодня опубликованы проект кадетский и проект трудовиков. Какое несчастное, поистине жалкое впечатление производят оба эти проекта!

Реакционная камарилья не стесняется рвать закон и объявлять формальную *частичку* правительства за реальное *целое* правительства. Кадеты и трудовики, как щедринские премудрые пискари, прячутся под лопухи закона: нас бьют беззаконием, хныкают эти, извините за выражение, «народные» представители, а мы защищаемся законом! Дума по закону действует и высказывается за принудительное отчуждение. По закону, без согласия Думы «никакое постановление правительства не может воспринять силу». У нас комиссия есть, по закону, большая, 99 человек *)... Она вырабатывает «тщательно обдуманый и правильно составленный закон»... Население же пусть «спокойно и мирно ожидает окончания работ по изданию такого закона» (трудовики выкинули этот, совершенно непристойно-холуйский конец! Совесть зазрела. Но зато они вставили ссылку на организацию «местных земельных учреждений», *умолчав предательски* о том, что Дума, сиречь, ее кадетское большинство, заведомо хочет *помещичьи-чиновничьей* организации этих учреждений).

Стыд и позор, господа народные представители! Стыдно прикидываться непонимающими того, что понимает теперь даже захолустный русский мужик, именно: что закон бумажный и правда жизненная коренным образом разошлись между собой на Руси, что мирным путем якобы-конституционной, строго-подзаконной работы *невозможно* добиться на деле перехода всей земли к крестьянам и полной свободы для всего народа. Не надо было браться за ответ министерству, если у вас не было и пет решимости писать так же твердо, говорить так же открыто свою, революционную, правду в ответ на реакционную *правду* камарильи. Обращение к народу не предусмотрено законами о Думе: сидите же, великомудрые законники, при своих «запросах» и не суйтесь в такую область, где у вас нет ни смелости, ни прямоты, ни умения состязаться с реакционерами, людьми дела, людьми борьбы!

*) Речь идет об аграрной комиссии Гос. Думы. *Ред.*

А если писать обращение к народу, так надо писать правду, всю правду, самую горькую и ничем не прикрашенную правду. Надо сказать народу:

Крестьяне! Министерство издало свое обращение к вам. Министры не хотят давать вам ни земли, ни воли. Министры говорят, не стесняясь, от имени всего правительства, говорят против Думы, хотя на бумаге Дума считается частью правительства.

Крестьяне! Министры на самом деле являются именно самодержавным правительством России. Ваших народных представителей в Думе они ни во что не ставят, они издеваются над ними, оттягивая дело полицейско-законным крючкотворством. Они глумятся над требованиями народа, продолжая, как ни в чем не бывало, старую политику убийств, насилия, грабежей и погромов.

Крестьяне! Знайте, что Дума бессильна дать вам землю и волю. Дума связана по рукам и по ногам законами полицейского правительства. Надо добиться того, чтобы народные представители имели полную власть, всю государственную власть в своих руках. Хотите вы земли и воли? Добейтесь Всенародного Учредит. Собрания, добейтесь полного смещения повсюду старой власти, полной свободы выборов!

Крестьяне! Знайте, что вас никто не освободит, если вы не освободите себя сами. Рабочие поняли это и они своей борьбой вырвали уступки 17 октября. Поймите же это и вы. Только тогда вы станете революционным народом, т.-е. народом, знающим, за что надо бороться, народом, умеющим бороться, народом, умеющим побеждать угнетателей. Воспользуйтесь же вашими депутатами в Думе, вашими ходоками в Думу, соединитесь теснее и дружнее по всей России и приготовьтесь к великой борьбе. Без борьбы не будет ни земли, ни воли. Без борьбы вам навязжут силой разорительный выкуп, вам навязжут земельные комитеты помещиков и чиновников, которые так же оплутут и ограбят вас, как в 1861 году.

Крестьяне! Мы делаем все, что можем для вас в Думе. Доделывайте же сами свое дело, если вы в самом деле хотите, чтобы на Руси не такие были порядки, какие остаются и теперь, после Думы.

* * *

Но такое обращение смешно и предлагать в Думе.

В самом деле? А не смешно ли, наоборот, писать «обращения к народу» тем деревянным языком заскорузлого российскогостряпчего, которым пишут кадеты и (к стыду их будь сказано) трудовики? Народ для Думы, или Дума для народа? Свобода для Думы, или Дума для свободы?

Пусть прочтут на любой крестьянской сходке обращение кадетов, обращение трудовиков и обращение наше! Посмотрим, что скажут крестьяне на вопрос, где правда?

«Эхо» № 12

от 5 июля 1906 г.

Думские партии и народ.

Вчерашние прения в Думе по вопросу об обращении к народу дали замечательно ценный материал для политического воспитания широких масс.

Вопрос об обращении к народу оказался таким близким к жизни, что истинная сущность различных политических партий вскрылась с ясностью, не оставляющей желать ничего лучшего. По этому вопросу Дума оказалась в тисках между реакционным самодержавием («правительственное сообщение») и революционным народом, вне-думская борьба которого врывалась, можно сказать, во все отверстия и во все щели Таврического дворца. Как только начались прения,—вопрос стал неудержимо передвигаться с формальностей и частных дел на самую суть дела.

Для чего нужно обращение к народу? Этот вопрос властно встал перед Думой. Он окрасил собой все прения. Он свел все прения именно на ту плоскость, на которую мы поставили этот вопрос во вчерашней передовой статье: отвечать ли на боевое заявление министерства боевым же заявлением Думы? или не отвечать вовсе? или попытаться сгладить разногласия и смягчить резкость, данную жизнью, резкость постановки вопроса?

Застрельщиком оказалась думская правая. Правый кадет Петражицкий ²⁴⁷⁾ попытался отложить обсуждение вопроса. Правого кадета, разумеется, поддержали октябристы. Стало ясно, что контр-революция боится обращения Думы к народу.

Своим определенным выступлением реакция помогла сплотиться всей левой стороне Думы. Предложение отерочить обсуждение провалено. Из самых прений с полной отчетливостью выступают три основных направления в Думе. «Правое» (октябристы и часть кадетов)—за «успокоение» крестьянского движения и потому *против* всякого обращения. «Центр» (кадеты и, вероятно, большинство беспартийных)—за «успокоение» крестьянского движения и потому *за* издание *успокоительного* обращения. «Левое» направление (трудовики, видимо, только часть их, и с.-д.)—за разъяснение народу того, что он *не может* «спокойно и неподвижно ждать», а потому *за революционное*, а не «успокоительное» обращение.

Трудовик Жилкин, поляк Ледницкий ²⁴⁸), с.-д. Рамишвили всего рельефнее выразили взгляды этого последнего направления: «Население хватается за последние, почти младенческие «надежды»,— говорил Жилкин.—Я не говорю о мире, тишине и спокойствии, я говорю об организованной борьбе со старой властью... Разве Гос. Дума явилась благодаря миру и спокойствию?» И, напомнив октябрьскую борьбу, оратор, при аплодисментах левой, воскликнул: «А этому «беспорядку» мы обязаны тем, что здесь находимся». «В этом общем смысле,—справедливо сказал оратор,—очень неудовлетворительно составлено обращение к народу, предложенное нам комиссией» (надо бы прибавить только: не удовлетворителен и проект трудовиков, не содержащий в себе тех мыслей и положений, которые вошли в речь Жилкина). «Нужно подчеркнуть и в конце высказать ту мысль, что не мир и спокойствие, а беспокойство в хорошем и великом смысле этого слова может организовать массы»...

Ледницкий употребил даже одно из самых резких, употребленных нами вчера слов, назвав «*жалким*» предложенное обращение. И Рамишвили, возразив «против приглашения к мирному и спокойному ожиданию решения вопроса», заявил: «*только революционный путь—истинный*» (цитируем по отчету «Нашей Жизни»). Он заявил также о необходимости сказать о переходе земель *без выкупа*.

Большинство кадетов и «беспартийных» высказывалось именно за «успокоительное» обращение, осуждало революционные шаги (Котляревский против Ледницкого), доказывало пользу обращения «с точки зрения землевладельцев» (кадет Якушкин ²⁴⁹).

Черносотенец Волконский ²⁵⁰) вкупе с Скирмунтом ²⁵¹) и правым кадетом Петражицким доказывают «опасность» обращения, способного разжечь революцию, и указывают на *закон*, по которому необходимо еще провести аграрный проект через Думу да внести в Гос. Совет и т. д., и т. д., и т. д.

Направления обрисовались великолепно. Еще и еще раз выяснилось, что кадеты колеблются между реакцией и революцией, между старой властью и народом. Еще и еще раз события показали, как близорука и нелепа тактика «поддержки кадетов», тактика, лишь ослабляющая революционную позицию с.-д. и революционной демократии в Думе. Еще и еще раз события показали, что с.-д., выступая самостоятельно, могут привлекать на свою сторону и часть трудовиков и даже раскалывать до известной степени кадетов.

Политическая ситуация сама с неизбежной силой определяет тактику с.-д. партии. Вопреки потугам с.-д. правого крыла, *не выходило* до сих пор никакой поддержки кадетов, а выходило к с.-д. относи-

самостоятельная политика пролетариата, поддерживаемого частью крестьянских депутатов. Не выходило сочиненного, выдуманного оппортунистами деления: правые против кадетов, трудовиков и с.-д. вместе. Выходило деление *революционное*: с.-д. и трудовики против правых, при полной шаткости кадетов.

К сожалению, наши с.-д. депутаты не вполне использовали чрезвычайно благоприятную ситуацию. Они должны были непременно во время общих дебатов внести *свой*, с.-д. проект обращения к народу. Только тогда их политика была бы до конца и вполне *самостоятельной* политикой представителей *классовой* партии и пролетариата, как *авангарда* революции. Только тогда правильные мысли Рамишвили, Жилкина и Ледницкого не затерялись бы в прениях, а были бы объединены, закреплены, оформлены решительной и ясной платформой революционной социал-демократии.

Остается выразить пожелание, чтобы наша думская с.-д. фракция учла уроки все чаще и чаще складывающихся думских группировок, чтобы она решительнее встала на путь вполне самостоятельной пролетарской политики, при обсуждении проекта обращения по статьям хотя отчасти исправила дело, т.-е. вносила самостоятельные, последовательно-революционные формулировки.

Социал-демократический проект обращения к народу, даже оставаясь одним только прочтенным в Думе проектом, оказал бы чрезвычайно полезное действие на сплочение и развитие революционной борьбы и привлек бы на сторону с.-д. лучшие элементы революционного крестьянства.

«Эхо» № 13

от 6 июля 1906 г.

Заговоры реакции и угрозы погромщиков.

Газета «Россия» ²⁵²⁾ получает субсидию от правительства погромщиков за проведение взглядов этого правительства.

По поводу проекта обращения Думы к народу тон правительственной газетки становится самым угрожающим. Газетка запугивает Думу, доказывая и незаконность предположенного шага, и «неразумность» его, и «революционность», и т. д. Кадетская «Речь» сегодня совсем уже повернула фронт и высказывается против обращения, испугавшись, очевидно, угроз, исходящих от пресмыкающейся пред правительством печати.

Угрозы так и сыпятся. Сегодня «Россия» пишет по вопросу о кадетском министерстве: «Если бы Владимиру Красное Солнышко предложили управление Русью вверить Соловью Разбойнику, как

средство водворить порядок, он, вероятно, предложил бы средство более простое—покончить с Соловьем Разбойником с помощью Ильи Муромца. *Это, как известно, и помогло*.

Этот «Илья Муромец», который собирается «покончить» с революцией в России, оказывается, есть не что иное, как *международная контр-революционная армия*. В статье: «Иностранные державы и положение дел в России» (№ 170 «России») правительственная газетка не по наивности, а в тех же целях угрозы, *разъясняет* вопрос об активном вмешательстве иностранных держав во внутренние русские дела.

Разъяснение правительственной газетки чрезвычайно поучительно и высокополезно. Международная контр-революция внимательно следит за Россией, сплачивает и подготавливает против нее силы «на всякий случай». «Императорское германское правительство,—пишет «Россия»,—вполне отдает себе отчет в этом положении (именно: что нынешнее положение дел в России является прежде всего результатом воздействия зарубежных революционных элементов), а поэтому оно предприняло целый ряд соответственных мер, которые не преминут привести к желательным результатам».

Меры эти состоят в подготовке военных сил Германии совместно с Австрией для вторжения в Россию, если дело свободы победит или будет побеждать. Берлинское правительство сносилось уже по этому вопросу с австрийским. И то и другое признало, что «при известных условиях активное вмешательство во внутренние дела России с целью подавления или ограничения этого (т.-е. революционного) движения могло бы явиться желательным и полезным». Было установлено при этом, что для вмешательства требуется прямо и ясно высказанное желание русского правительства.

В Австрии, в Галиции, на русской границе, где боятся также возможности распространения аграрного движения по типу русского, сосредоточено три армейских корпуса. Галицкий наместник, являющийся к тому же русским помещиком, 26 июня издал даже воззвание к населению, предупреждая, что всякие волнения будут подавлены самым решительным образом.

Итак, заговор международной контр-революции не подлежит сомнению. Русское правительство против русского народа призывает на помощь иностранные войска. Переговоры об этом велись и ведутся и привели уже к достаточно определенному договору.

Пусть же знают рабочие и крестьяне, что правительство предает родину для того, чтобы обеспечить господство шайки погромщиков. Так всегда бывало и так всегда будет. История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: рели-

тисей, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов. Нет ни малейшего сомнения, что то же самое сделают и русские правители-погромщики, что они готовят уже такой шаг.

Но пусть не боятся рабочие и крестьяне такого шага. У правительства России есть международный резерв: реакционные правительства Германии, Австрии и других стран. Но у нас тоже есть могучий международный революционный резерв: социалистический пролетариат Европы, организованный в 3-миллионную партию в Германии, в сильные партии по всем европейским странам. Мы приветствуем обращение нашего правительства к международному резерву реакции: такое обращение, во-первых, раскроет глаза самым темным людям России и сослужит нам лучшую службу в деле разрушения веры в монархию; а, во-вторых, такое обращение всего лучше расширит базу и поле действия российской революции, превратив ее в революцию всемирную.

В добрый час, г.г. Треповы! Стреляйте-ка! Зовите-ка австрийские и немецкие полки против русских крестьян и рабочих! Мы—за расширение борьбы, мы—за международную революцию!

* * *

Но за оценкой *общего* значения международного заговора нельзя забывать мелких *частных* целей русских погромщиков. Мы уже отметили, что не наивность вызвала статьи «России». Ошибается «Мысль», думая так. Это—не «паивность», и не «цинизм», и не «болтливость». Это рассчитанная *угроза кадетам*. Правительство погромщиков боится обращения Думы к народу и *грозит кадетам*: «не смейте! а то я разгоню Думу и позову австрийские и немецкие полки! Я уже приготовилось».

Дурачки-кадеты уже трусили и подло повернули вспять, как доказала сегодняшняя «Речь». Кадетам стоит погрозить—кадеты вспять итти готовы...

Пролетариат не испугается жалких угроз правительства погромщиков. Пролетариат сохранит свою *самостоятельную* босую позицию, не давая испугать себя призраком испуганного кадета.

Еще раз: стреляйте-ка, господа Треповы! Расширяйте революционное поле борьбы! За международным пролетариатом дело не станет!

«Эхо» № 14

от 7 июля 1906 г.

8 июля царским указом Гос. Дума была распущена.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Часть I. От октября 1905 г. до роспуска Первой Гос. Думы	7—343
О реорганизации партии.	9
Пролетариат и крестьянство	17
Партийная организация и партийная литература	20
Неудавшаяся провокация	25
Войско и революция	27
Чашки весов колеблются	29
Учитесь у врагов	30
Революционная канцелярщина и революционное дело	31
Умирающее самодержавие и новые органы народной власти	34
Социализм и анархизм	38
Социалистическая партия и беспартийная революционность	41
Социализм и религия	47
Из резолюции Конференции «большинства» в Таммерфорсе	52
Рабочая партия и ее задачи при современном положении	53
Платформа «большинства»	55
Государственная Дума и социал-демократическая тактика	58
Современное положение России и тактика рабочей партии	65
Русская революция и задачи пролетариата	71
Победа кадетов и задачи рабочей партии	81
Предисловие к брошюре Каутского: «Нет больше социал-демократии»	146
Речи на Стокгольмском Объединительном Съезде	151
Обращение к партии делегатов Объединительного Съезда, принадлежавших к б. фракции «большеви́ков»	169
Доклад об Объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П.	177
Борьба за свободу и борьба за власть	227
Новый подъем	229
К итогам Съезда	233
Дума и народ	236
Резолюция тов. Карпова, принятая народным собранием 9 мая в доме Паниной	239
Рабочая группа в Государственной Думе	—
Крестьянская или «трудовая» группа и Р. С.-Д. Р. П.	242
Вопрос о земле в Думе	245

	<i>Стр.</i>
Ни земли, ни воли.	247
Правительство, Дума и народ	249
Кадеты мешают Думе обратиться к народу	251
Вопрос о земле и борьба за свободу	252
Горемычники, октябристы и кадеты	255
Плохие советы	256
Каутский о Госуд. Думе	260
Кадеты, трудовики и рабочая партия	262
Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии	266
О современном политическом положении	283
Пусть решают рабочие.	286
«Не кверху нужно глядеть, а книзу».	290
Реакция начинает вооруженную борьбу	292
Колебания сверху, решимость снизу	296
К единству!	298
Дума и народ	301
Борьба за власть и «борьба» за подачки	303
По поводу декларации нашей думской фракции	306
Кто за союзы с кадетами?	310
Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков	313
Кадетские подголоски	316
Еще о думском министерстве	320
Толки об измене	323
Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотистов	325
Армия и народ	329
Об организации масс и о выборе момента борьбы	331
Среди газет и журналов	334
Смелый натиск и робкая защита	335
Думские партии и народ	338
Заговоры реакции и угрозы погромщиков	340

1-я часть VII тома Собрания сочинений Н. Ленина подготовлена к печати В. Пановым под редакцией Л. Каменева.

